



"Подмена (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Галина Чередий

Подмена

Книга 1

Глава 1

— Уберите ЭТО! Уберите! Прочь!

Полноватая сестра детского отделения вылетела из одноместной палаты под истошные женские крики, держа в руках крошечный сверток из застиранных казенных пеленок неопределенного цвета.

В коридоре она столкнулась с пожилой санитаркой, которая оторвалась от мытья полов и несколько раз перекрестилась.

— Я не буду это кормить! — продолжали вопить в палате. — Не смейте приносить мне это! Оно даже не живое! Верните моего ребенка! Верните моего ребенка! Верните-е-е-е-е!

Теперь это уже больше напоминало вой смертельно раненой волчицы, от которого всех пробрало так, что волосы зашевелились.

— Вот же, прости, Господи, все не унимается! — сокрушенно покачала головой санитарка, сочувственно глядя на перепуганную медсестру.

— Да уж! Столько лет тут работаю. Ну, всяко бывало. Много чего повидала. И чужих воровать пытались и своих бросали, через окна ночами выбирались, чего только не вытворяли. Но чтобы так! Представляешь, орет, что ребенок не живой вовсе! Вроде как ее дочку украли какие-то существа, а на ее место подкинули чудище, которое только кажется живым.

— Страх господень! Совсем с ума посходила молодежь! Наркоманка она, что ли? — снова перекрестилась санитарка.

Обе женщины проследили, как в палату быстро вошли врач и дежурная медсестра. За этим вместе с ними испуганно наблюдали и случайные роженицы, по разным причинам оказавшиеся в такой час в коридоре. Они любопытно прислушивались к разговору двух работниц роддома.

— Да нет же! Анализы ей делали уже все. Не наркоманка, не алкоголичка. Благополучная семья. Первый долгожданный ребенок. Правда, у них естественным путем не получилось, так они через ЭКО добились наконец. И вот ты просмотри, что творится! Муж бедный, как услышал ее крики — плакал в приемной, как ребенок. Уговаривать пытался, умолял, чтобы приняла, кормила. Она ни в какую. Послеродовая депрессия, но очень тяжелый случай! — с важным видом поставила диагноз детская сестра.

В палате сначала был слышан низкий увещевающий голос врача, потом возня и снова крики, но постепенно они стали стихать.

— Опять ей успокоительное укололи, — сообщила она санитарке.

— Как же их выписывать-то будут? — покачала головой уборщица и заглянула в сморщенное личико младенца. — Вроде, дите как дите. Что ей не нравится?

— Проблема не в ребенке, а у мамы, вот тут! — сестра свободной рукой постучала себя по лбу. — Не знаю, как там дальше будет, но Всеволод Николаевич сказал, завтра выпишет. Физически и мамаша-психичка, и девочка здоровы. Так что нечего им тут оставаться и рожениц пугать криками и истериками. Пусть ее муж там дальше к специалистам определяет. Оно уже не наше дело!

— Не наше, конечно. Но как бы чего эта ненормальная над дитем не учудила. Жалко будет. Вроде, симпатичная девчушка и здоровенькая. Лучше бы отказались и оставили. На таких маленьких быстро усыновители находят.

— Не-е-ет! У нее муж ни в какую! Он же тоже этого ребенка столько лет ждал. Да разберутся, думаю. Они не бедные! Наймет одну няню для малышки, другую для жены сбрендившей. А там со временем, может, все и устаканится.

— Да дай Бог... дай Бог!

— Ну что, сиротинка, пойдём из рожка есть? — посмотрела сестра на тихо попискивающую девочку, лежащую на сгибе ее локтя. — Вот веришь, нет — не заорала даже как следует ни разу. Золото — не дите.

— Знает просто, что некого ей звать, — горестно отмахнулась пожилая женщина и вернулась к мытью полов.

Глава 2

Спустя несколько дней по улице практически бежала женщина с ярким цветастым детским конвертом в руках. Она была по самые глаза закутана в большой пуховый серебристо-серый платок, сильно сутулилась и постоянно воровато озиралась по сторонам. Найдя, очевидно, нужный дом, обнесенный высоким, глухим и весьма вычурным забором, она надавила пальцем на звонок рядом с калиткой и не отпустила до тех пор, пока ей не открыли.

Невысокий полноватый мужчина в цыганской яркой рубашке и жилетке внимательно осмотрел и саму женщину, и ее ношу, привычно отмечая, что хоть визитерка и старалась выглядеть неброско, но и детские вещи, и яркое одеяльце явно были куплены в валютной «Березке». Да и ее собственные туфли стоили полугодовой зарплаты обычного человека. Посетительница что-то быстро и сбивчиво зашептала ему и стала совать в руку смятую крупную купюру. Молча кивнув, мужчина впустил нервную женщину внутрь, сунув влажную от пота бумажку в карман традиционного жилета.

Пока странная дама шла за ним по двору к дому, она еще сильнее надвинула платок и буквально согнулась пополам, опуская голову в попытке спрятать лицо.

Но провожатый оставался невозмутим. За годы работы здесь чего только он не перевидал.

Женщину с ее живой ношей пригласили в темную, лишённую окон большую комнату, посреди которой стоял здоровенный круглый стол без всякой скатерти. На непокрытой столешнице, сделанной из темного и явно дорогого дерева, виднелись вырезанные предположительно магические знаки. Повсюду горели толстые темные свечи, но их неверный свет только делал мрачность общей обстановки более концентрированной. За противоположной стороной стола сидела в позе задремавшего божества женщина, возраст которой не представлялось возможным определить. На первый взгляд ей трудно было дать больше сорока. Но стоило цыганке открыть темно-карие глаза, и создавалось странное ощущение чего-то противоестественного, видимого совсем не в этой привычной шкале — времени-пространства.

Посетительница буквально швырнула закутанного в конверт ребенка на поверхность стола.

— Верните моего ребенка, — требование-мольба, произнесенное на одном дыхании.

— И тебе здравствуй, золотая моя, — невозмутимо проворковала хозяйка кабинета, при этом не меняя позы и лишь вскользь глянув на дитя.

— Заберите это... девайте куда хотите, а мне верните мою девочку, — голос женщины стал почти истерическим, и она сдернула с головы платок, совершенно игнорируя вежливость цыганки. — Мне сказали вы настоящая колдунья, а не эти ...из объявлений на столбах.

— Кто сказал? — тут же исчезли мягкость и заискивающие интонации.

— Не... не важно, — посетительница заметалась из угла в угол. — У меня есть деньги. Много. Если не хватит — достану еще! Только верните моего ребенка. Вы ведь все можете!

Губы хозяйки поджались, делая выражение ее лица жестким.

— Никто не может всего. А те, кто тебе наболтал всякой ерунды, идиоты! Забирай своего ребенка и уходи! — голос цыганки стал ледяным ветром.

Женщина рухнула на колени прямо там, где стояла, и поползла к столу, протягивая трясущиеся руки.

— Пожалуйста-пожалуйста! — взывала она, как раненое животное. — Верните мою девочку, я все для вас сделаю! Все, что только может понадобиться. Умоляю-у-у!!!

Цыганка смотрела некоторое время на заходящуюся в надрывном плаче женщину на полу с каменным лицом. Та от громких рыданий перешла уже к невнятным мольбам и причитаниям. Так и не поднимаясь с колен, она обхватила себя за плечи и стала монотонно покачиваться, утопая в своем горе.

— Покажи! — наконец властно приказала называвшая себя колдуньей, кивнув на ребенка.

Женщина вскочила и метнулась к конверту, доставая младенца трясущимися руками и стремительно укладывая, едва не бросая, на стол с магическими знаками.

— Я сказала показать ребенка, а не его одежду, — раздраженно рыкнула колдунья.

Визитерша замерла и тяжело сглотнула.

— Я не хочу прикасаться к этому, — с отвращением произнесла она.

— А говоришь, что сделаешь что угодно, — фыркнула цыганка и отвернулась, будто совершенно теряя интерес.

Женщина, громко сопя, принялась раздевать ребенка грубыми, дергаными движениями. Вскоре та уже лежала обнаженной, не издавая ни звука, и только моргала глазенками, словно изучая незнакомую обстановку и нового человека. Даже обычных хаотичных движений ручками и ножками она не совершала.

Цыганка порывисто встала и наклонилась над девочкой, тщательно изучая каждый сантиметр крошечного тельца. Девочка не возмущалась такому обращению, а только тихо покряхтывала.

Закончив осмотр, колдунья нахмурилась и надолго задумалась.

— Я не могу вернуть твоего настоящего ребенка оттуда, куда ее забрали, — наконец вынесла она приговор, и женщина мгновенно сникла и снова начала умолять.

— Замолчи! — жестко прервала ее цыганка. — Твои уговоры, слезы, деньги тут не помогут. Так же и любые силы, какими бы я ни обладала. Девочку забрали туда, откуда вернуть ее нельзя. Но у тебя есть другая возможность. Ты можешь вытянуть душу ребенка обратно в это тело. — Палец с угрожающей длины красным ногтем указал прямо в центр груди крохи на столе. — И тогда ты не только хотя бы частично вернешь себе дочь, но и порушишь все планы тем, кто ее забрал. Они не получат того, ради чего ее украла.

— Но если так, то она станет им не нужна, и, может, ее вернут? — с надеждой промямлила мать ребенка.

— Нет! — грозно рявкнула ведьма. — Ты совсем меня не слушаешь? Нельзя вернуть твою дочь назад! Если хочешь получить хоть что-то, отныне ЭТО будет твоим ребенком! Ты станешь любить ее и заботиться, как и собиралась, вынашивая свою дочь! Ты станешь делиться с ней своей энергией и этим привяжешь душу. А я помогу тебе научиться растить и усиливать связь и притяжение. Но это только в том случае, если ты готова с этого дня пренебречь собой и отдать всю себя, все силы и время на борьбу за душу своего дитя.

— Я готова, я сделаю все что угодно, я вас озолочу... — затараторила женщина.

— Да погоди ты обещать! Результата не будет ни завтра, ни через неделю, ни даже через месяц. Узнать, получилось или нет, мы сможем лишь тогда, когда твоя дочь начнет обращаться из ребенка в женщину. Только когда придет ее первая кровь, ты узнаешь, получилось ли. Если придет. Но трудиться над этим тебе все равно придется каждый день и час, и это, возможно, сожжет тебя, если с той стороны твой противник окажется слишком силен и заметит раньше времени, что мы делаем. Ты меня понимаешь?

Посетительница горячо закивала и бросилась к цыганке в попытке обнять и поцеловать руки.

— Не смей! — змеей зашипела та, и женщина отшатнулась. — Никогда не касайся меня, не называй своего имени и имени ребенка, не рассказывай ни о ком из близких и никаких подробностей из жизни. Даже вскользь или случайно! Поняла?

— Поняла, — женщина кивала безостановочно, как заведенная.

— Ты ни разу не кормила это дитя? — уточнила цыганка.

— Нет, — передернулась женщина.

— Ясно. Но после сегодняшнего ритуала будешь. И ухаживать станешь только сама. Никаких нянек, бабок, посторонних. Даже мужу не давай! — мать кивала на каждое указание и жадно ловила слова. — Ко мне станешь ездить раз в неделю. И учти, что длиться это будет годы и может ничего не дать.

— Мне все равно. Я хочу попробовать!

— Ты могла бы просто забыть и родить другого ребенка, — цыганка изучающе смотрела на несчастную мать, словно оценивая, действительно ли та готова ко всему. — Не старуха ведь! Думаешь, ты первая, с кем такое случилось? С начала времен они берут наших детей.

— Кто они и куда берут?

— Наши предки звали их феями, фейри, трилле, нечистью, ночным народом, да сотнями имен во всех странах и народах, которые все равно не их. Только это ни о чем не говорит. Они просто порождения совершенно другого мира, о которых мы мало что знаем, хоть и живем бок о бок всегда. Их мир и жизнь — это магия и совершенно другие законы природы, морали и жизни.

Женщина смотрела на цыганку, явно веря и не веря сказанному.

— Но зачем им мой ребенок? Ее убьют? Принесут в жертву?

— Можно и жертвой это назвать. От нашего мира их. Не убьют точно. Но тебе лучше отныне привыкнуть это дитя считать своей дочерью или ничего у нас не выйдет.

Женщина пристально смотрела на малышку, необычайно тихо для ребенка такого возраста лежащую на столе. Глубоко вздохнув, она осторожно, словно боясь обжечься, взяла ее на руки.

— Хорошо. Я согласна. Даже если моя дочь не вернется, то пусть и им она не достанется! — сказала она, прижимая к плечу крошечную головку.

Глава 3

Годы спустя.

— Тебе еще не надоело, Коломина? — я вздрагиваю, услышав громкий голос Регины за спиной, и мгновенно смущаюсь, почти до удушья.

Резко отворачиваюсь от окна и, пряча глаза, пытаюсь быстро обойти сослуживицу, но она решительно заступает мне дорогу. И с каких это пор она так осмелела?

— Сколько тебе лет, Коломина? Ведь уже тридцатник есть точно, — насмешливо спрашивает она. — Так сколько еще будешь вести себя, как ученица средних классов? Хотя, сейчас, наверное, и они знают, как подкатить к приглянувшемуся пацану. Но только не ты, да?

Моё смущение становится просто катастрофическим, быстро обращаясь в злость на столь хамское вторжение в личное, но я быстро привожу свои чувства в норму. Никому никогда не позволяла задевать себя и теперь не собираюсь. Выпрямляю спину и вскидываю голову.

— Что-то я не пойму, о чём ты? — вернув на лицо маску вечного равнодушия, смотрю блондинистой нахалке прямо в лицо. Обычно этого хватает, чтобы все отвалили с моего пути.

Она пару секунд выдерживает мой леденящий взгляд, но потом явно сдается и отводит глаза в сторону. Но все равно не отстает.

— Все ты понимаешь! Ты запала на кого-то из мужиков в этом новом агентстве напротив, и в офисе это уже все знают. И даже делают ставки на некоторых из них. Лично я ставлю на того рыжего здоровяка, а вот Маринка утверждает, что это блондинистый красавчик, что ездит на темно-синей бэхе. Не хочешь сказать, кто прав, и дать мне выиграть? Я ведь знаю, что это рыжий. Я бы и сама на него повелась, но, боюсь, мой муж не поймет, — и она рассмеялась так, словно, и правда, сказала что-то необыкновенно забавное.

Черт возьми, неужели им нечем заняться на работе, кроме того чтобы следить за другими и строить бредовые предположения относительно их жизней? Никогда этого не понимала, как,

впрочем, и не интересовалась, чем живут и дышат окружающие. Раньше мне было совершенно наплевать на эту бесцеремонную манеру большинства людей совать нос в чужие дела. Сейчас же это стало еще одним источником периодически накатывающего нового чувства — раздражения.

— Интересно узнать, почему вообще возникла подобная тема? — Нет, мне не было интересно. Это бесило и задевало. Но доставлять окружающим с Региной во главе такое роскошное развлечение, как демонстрация собственных эмоций, я уж точно не собиралась.

— Тоже мне, секретик! Ты торчишь у этого окна каждый день, в любую свободную минуту, последние три месяца. С того самого момента, как открылся этот «Темный страж» напротив, и тут начали крутиться все эти брутальные мужики, — лицо Регины исказила ехидная наигранная ухмылочка из разряда «да ладно, я же все понимаю!»

— Что же, в таком случае придется вас всех разочаровать, — ответила я ей четко выверенной за годы практики вымораживающей нутро улыбкой. — Я даже не представляю, о ком ты говоришь. Мой окулист прописал мне упражнения для глаз, и для этого нужно смотреть вдаль. Так что, боюсь, проиграли вы все!

Отстранив блондинку с дороги, пошла в сторону туалетов, стараясь не двигаться слишком быстро и не выдать своего желания как можно скорее избавиться от раздражающего общества.

— Думаю, ты врешь! — фыркнула мне вслед Регина. — Ты точно запала на одного из этих красавчиков и пялишься тут, пуская слюну! Только знаешь что? Никто из них на такую, как ты, не поведется. На тебя вообще ни один мужик нормальный и в своем уме не поведется! У тебя же на лбу написано, что ты фригидное бревно!

Что за чрезмерная реакция на мой игнор у этой Регины?

— Знаешь, как тебя парни из охраны зовут? Рыба помороженная!

Было секундное желание озвучить ей, как называют саму Регину и ее ближайшую подружку те же охранники, но, к сожалению, матом я не ругаюсь, а приличный аналог, выражающий смысл в полной степени, подбирать лень. Поэтому я просто забила, это не стоит нервов и мозговых усилий. Понятия не имею, почему моя личность каким-то образом столь раздражала эту даму, но и собственную досаду демонстрировать ей не намерена. Я медленно и аккуратно закрыла за собой дверь туалета, хотя хотелось шарахнуть ею так, чтобы стены задрожали. Что-то стало твориться со мной в последнее время. Мои эмоции и настроение совершают странные непредсказуемые скачки и все сложнее поддаются полному контролю. И это совершенно непохоже на меня. Насмешки и упреки в излишней холодности и высокомерности мне случалось слышать всегда. И они давно уже не задевали меня. Просто я не видела собственной вины в том, что люди вокруг не вызывают у меня чувства симпатии и желания стать ближе. Я не скрытная, просто никогда не имела желания триндеть о себе без умолку и в ответ выслушивать то же самое от других. Не понимаю, почему кому-то могут быть интересны значительные и не очень события чужой жизни. И не высокомерная, а элементарно не вижу причины впускать кого-то в свое размеренное, налаженное существование. Ведь это, наверное, нужно делать, когда ты чувствуешь необходимость быть с кем-то откровеннее, ближе, а ее у меня не было никогда.

В моей жизни и так есть все, что мне нужно. Ни убавить, ни прибавить. И так было очень давно... всегда. Но почему-то в последний год все стало меняться. Что-то происходило со мной или даже во мне. Объяснить что или ухватить суть происходящего, осмыслить, придать ему

привычную для моего разума четкую, понятную форму, мне никак не удавалось. Ночами появились сны... странные, иногда страшные, безумно яркие, но вспомнить ни единой подробности поутру я не могла. Оставалось лишь долгое тоскливое послевкусие, ощущение дряхлеющей утраты. Да и днем то и дело накрывало какое-то смутное беспокойство. Так, словно живой механизм, всю жизнь мерно и без сбоев отстукивавший мгновения моей жизни, вдруг то и дело стал сбиваться, замирать, а потом срываться, догоняя и компенсируя прежний темп или даже обгоняя его. Все вокруг то становилось будто призрачным и заторможенным, словно погруженным в густой полупрозрачный сироп, то вдруг ослепляло режущей глаза отчетливостью каждой мельчайшей детали, шокируя новыми гранями. Понять, почему так происходит и отчего некоторые вещи, которые совершенно не привлекали моего внимания раньше неожиданно стали приковывать моё внимание, я не могла. Мимолетные запахи, отголоски мелодий, обрывки фраз... и даже не сами слова в них, а те эмоции, с которыми их произносили люди, все это заставляло меня зависнуть и прислушаться к странному эху внутри.

А три месяца назад все вообще изменилось настолько, что сейчас я уже почти не могла вспомнить, как было раньше. Конечно, я солгала Регине об окулисте, но не в том, что ни один из тех мужчин, которых она перечислила, не привлек моего внимания. Я, действительно, едва могла вспомнить, кто они, если бы не случилось видеть их рядом с Ним. И сегодня, из-за наглого вторжения Регины, я даже мельком не увижу Его. Не зацеплюсь взглядом за разворот широченных плеч и мощную, можно даже сказать, грубовато сколоченную фигуру, на которой строгий пиджак смотрелся неуместно и почти нелепо. Не сожму кулаки, скользнув глазами по короткому ежику темных, жестких на вид волос. Глупый комок плоти в груди не заколотится при виде резких черт его обветренного темного лица и глубокого уродливого шрама, идущего из-под левого глаза через щеку до подбородка. Хотя, о чем я? Сердце и сейчас уже грохочет, при одном лишь воспоминании, как он всегда выходит из дверей конторы и, сдержанно кивая знакомым, быстро идет к своей машине, садится и уезжает. Совершенно не имея представления, что одна великовозрастная идиотка стоит, прижавшись пылающим лбом к прохладе стекла, и ловит его каждое движение и мимолетную гримасу вечно озабоченно нахмуренного лица. Его «ауди» исчезает, увозя, наверняка, к женщине, которая ждет в уютном доме со вкусным ужином. А может, и к детям, которые радостно бросаются Ему навстречу, обнимая. Ведь Он явно не мальчишка, так что у него, скорее всего, есть дети. И тогда с Его лица исчезает эта извечная хмурость, и он им улыбается...

Господи, как бы я хотела увидеть, как Он улыбается! От этого желания каждый раз где-то в груди появляется тянущая горькая боль. А я так и оставалась сначала стоять одна у окна, потом шла одна домой и закрывалась в своей квартире, чтобы поужинать, посмотреть телевизор и вовремя лечь спать. Одной. А потом еще долго вертеться с боку на бок, думая, как может ощущаться тепло такого сильного мужского тела в моей постели? Он ведь такой большой и наверняка занял бы большую часть моего раскладного дивана, и нам бы пришлось тесно прижиматься друг к другу всю ночь. Нет, я не наивная девственница, и у меня были любовники. Они появлялись в моей жизни, как и положено, постепенно, сначала встреча, всегда на работе, потому что, собственно, больше нигде. Потом совместные походы в кино, рестораны, выставки. Поцелуй, объятие, ужин в интимной обстановке. Секс. Никаких взрывов и потери контроля от дикой страсти. Это вообще казалось мне какой-то выдумкой чрезмерно экзальтированных авторов и сценаристов. Потом встречи — обычные, ровные, без постоянных взглядов на часы и ерзания от нетерпения. Да, я знала, как это — уснуть и проснуться в чьих-то объятиях. Но почему-то постоянно посещала дурацкая мысль, что Он бы рядом ощущался совершенно иначе, нежели любой из моих немногочисленных мужчин. Он просто не мог не быть совершенно другим. Я качала в темноте головой, мысленно упрекая себя в этих изводящих разум чувствах, и старалась уснуть, сказав себе, что все равно никогда не узнаю, каково это — быть с Ним.

А еще бывали дни особой удачи или же пытки, я никак не могла определиться. Выходя из офиса, я видела Его на улице. И меня как оторопь брала от того, что он был не там, за стеклом, внизу, а буквально через улицу в каком-то десятке метров от меня. Он, как обычно, шел к машине, погруженный в свои мысли, а я не могла отмереть и начать дышать, пока он не уезжал. Стояла, как прибитая к месту, и не могла отвести глаз. Потом приходила в себя и кляла последними словами. Я, взрослая женщина, стою посреди улицы и пялюсь, как влюбленная малолетняя фанатка на своего кумира, на мужчину, который знать не знает о моем существовании и никогда не узнает. И никогда не вспомнит, как мы практически столкнулись лицом к лицу в тот самый первый день. На самом деле от его грубых, агрессивных черт, глубоко посаженных серых глаз и этого кошмарного шрама, уродующего пол-лица, я в первый момент как заледенела. Сразу подумалось, где в наше время можно приобрести такой странный, глубоко въевшийся загар и подобное украшение на лице. Да уж, красавчиком этого огромного мужчину назвать было очень трудно. Скорее уж пугающим, каким-то диковатым, словно он был не из этого времени, что ли. И это, по меньшей мере. Он и тогда прошел, не замечая меня, хмурый и погруженный в свои мысли, а я осталась стоять и, моргая, смотреть ему вслед. С того дня и началось моё наваждение.

Глава 4

Вернувшись в свой кабинет, я еще несколько минут переключивала предметы на столе с места на место, унимая не желающую уходить досаду. Она была абсолютно иррациональной, совершенно не соответствующей ни моему характеру, ни самой ситуации. Так не может продолжаться и дальше. Я не могу себе позволить вот так терять самообладание только потому, что не смогла мельком увидеть совершенно незнакомого мужчину. К чему это приведет? Я стану однажды орать, как базарная торговка, и даже брошусь с кулаками на того, кто помешает мне еще раз увидеть его? А ведь Регина с ее стержневостью теперь наверняка будет следить за мной от нечего делать. А значит, провоцировать мой гнев снова и снова. Нет, не пойдет. Надо как-то это прекратить. Может, все дело в том, что у меня не было отношений уже больше полугода, и мои гормоны устраивают бардак в обычно стройных и организованных мыслях? Я не подросток, конечно, но воздержание никому на пользу не идет. Хотя не могу припомнить, чтобы в юности меня интересовало что-то, кроме учебы и чтения. Все школьные любовные страсти и трагедии проходили как-то мимо меня. Я была слишком невзрачной, серенькой, причем настолько, что меня не трогали, даже чтобы гнобить, как было с другими непопулярными ребятами. Просто никто не замечал меня, а я в ответ тоже никого. Ни тайных влюбленностей, о которых часто пишут и болтают, ни вздохов украдкой, ни грез о поцелуях перед сном. Зато посмотрите на меня теперь!

Мой последний парень, Олег, ушел без скандала, после одного из наших ужинов с претензией на романтику, который заканчивался совместной ночью.

— Я ведь не нужен тебе, — грустно улыбнувшись, сказал он мне, покручивая пузатый бокал с коньяком. — Скажи, ты хоть когда-то переживала, что я могу исчезнуть?

— А разве должна? Ты, вроде, не давал мне поводов, — ответила, не понимая, к чему этот разговор.

— Не давал. Но разве когда человек тебе дорог, не случаются приступы немотивированного волнения, не появляется страх потери? — Олег посмотрел мне в глаза, будто выискивая там что-то очень ему необходимое. Потом отвел взгляд и изогнул губы в грустной усмешке.

Я же смотрела в его привлекательное лицо с правильными, почти аристократичными чертами и впервые ощущала дискомфорт в его присутствии. Просто из-за чувства непонимания, что же

не так.

— Прости, очевидно, это мне не свойственно, — пожалала я плечами.

— Вот именно. А все потому, что тебе все равно, есть я в твоей жизни или нет, — тяжело вздохнув, сказал Олег.

— Не понимаю, что ты хочешь услышать? — нахмурилась я. Снова это прежде незнакомое чувство растерянности из-за гулкого эха незнакомых эмоций, но в этот раз нет отклика, и зародившееся волнение просто оседает горечью раздражения на губах.

— Не услышать. Почувствовать. Вот здесь, — он прижал руку к груди. — Тепло. Но его нет.

— Считаешь, это моя вина? — не понимая сути претензии, я наморщила лоб.

— В том, что у тебя нет ко мне чувств таких, как у меня к тебе? Нет, это не те вещи, которыми реально управлять и можно было бы поставить в вину, — покачал головой Олег и отпил из бокала. — Но я отдаю себе отчет, что влюбляюсь в тебя все больше. А еще и привыкаю к мысли, что ты есть у меня. А это неправда. Это я у тебя есть. Только не как любимый человек, а как... некое удобство, что ли.

— Тебе не кажется, что ты драматизируешь?

— Возможно, — вздыхает он, словно смиряясь с чем-то нелегким. — Но я чувствую, что пришло время мне уйти. Не потому, что я зол на тебя, и не потому, что есть кто-то лучше. Это скорее мое бегство с целью сохранить себя от еще большей боли, которую ты мне обязательно причинишь. Назовем это инстинктом самосохранения.

— Что же... значит, так нужно, — я прислушалась к себе в поисках хотя бы сожаления, но ничего не находилось.

Ни страха одиночества, ни боли потери. Только легкое неудовольствие и дискомфорт, что новые отношения опять требуют усилий и лишнего времени.

— Как же ты прекрасна и беспощадна в этом своем всеобъемлющем спокойствии, — пробормотал он у дверей моей квартиры, прощаясь навсегда. — Неужели на свете есть мужчина, который сможет добраться до твоих эмоций? Даже не знаю, завидовать ему или жалеть.

Олег провел пальцами по моей щеке и, развернувшись, быстро ушел вниз по лестнице. А я почувствовала лишь облегчение от того, что в этот раз расставание не потребовало моих нервов.

* * *

Я усилием воли остановила хаотичные движения собственных рук. Так что же мне делать? Мне что, нужен психолог, чтобы разобраться с собственной, как минимум странной, реакцией на совершенно незнакомого человека? Нет, эта мысль вызывала жуткое отторжение. Не настолько же я безнадёжна, чтобы не справиться со своими проблемами самой! Очевидно, мне просто нужен мужчина, чтобы прекратить этот беспорядок в голове и чувствах, и нужно получить его как можно скорее. Ждать, пока сам собой образуется новый роман, можно слишком долго. Мне не нужно ничего возвышенного или с долгосрочными обязательствами.

Достаточно удобства и удовлетворения простых потребностей тела. Назовем это экстренным решением возникшей проблемы. Ведь это нормально — решать возникающие трудности любимыми доступными средствами. А моральные аспекты этих вещей уже не столь важны.

Как сейчас знакомятся люди? Идут в клубы или бары и заводят случайные связи? Нет, это несколько шумно и хлопотно для меня. И к тому же, не слишком безопасно и имеет все шансы на провал, если партнер, выбранный по признаку сиюминутной симпатии, совершенно не оправдывает ожиданий. Нет, это точно не мой подход в каком бы то ни было вопросе. Тогда что? Сайты знакомств? Вбила запрос и пробежалась по отзывам. Пожалуй, скорее да, чем нет. Есть возможность соблюсти дистанцию и пообщаться, ничем не рискуя.

Я зашла на первый из выскочивших сайтов. Не думаю, что они принципиально различаются, и есть лучше или хуже. Принцип работы у всех схож.

Итак, анкета. Возраст-пол-регион. Тут все понятно. Уровень желаемого дохода у будущего партнера? Это что теперь — первейший критерий? Замечательно. Что нужно писать о себе?

Профессиональный статус?

Сфера деятельности?

Опять ежемесячный доход. Очевидно, очень важная информация.

Не понимаю, зачем это все, если большинство людей наверняка или лгут, или умалчивают о себе в данных вопросах? Неужели кто-то, и правда, начинает поиск партнера, выбирая изначально по сумме дохода? Хотя чему я удивляюсь? Это же я хочу подобрать подходящего мужчину в надежде решить свои физиологические и проистекающие из них психологические проблемы. Другие заинтересованы в стабильности, которая сейчас для многих эквивалентна достатку, и это я тоже понимаю. Остается вопрос, ищет ли кто-то в наше время любовь в чистом виде? Боже, с чего это вдруг меня такие вопросы занимать стали?

Язык. Тут прямо полное разнообразие и экзотика на выбор.

Семейное положение... мило. Выходит, состоишь ли ты на данный момент в браке, не идет в числе первых вопросов. Правильно, в наше время это не самая важна инфа. Деньги важнее. Как-то грустно, но что же поделаешь, если факт.

Дети, вероисповедание, рост, вес, телосложение, состояние здоровья, курение, алкоголь, наркотики... большинство из этого, и правда, кто-то о себе откровенно пишет?

Отношение к жизни. Цель регистрации на сайте: серьезные отношения, дружба, секс, общение. Ну, хоть что-то по делу.

Загрузить фото. А нужно ли? Хотя так, пожалуй, будет быстрее и меньше неопределенности. Все же цель у меня вполне прозаичная, так чего тень на плетень наводить?

Подумав, я заполнила анкету, умолчав обо всем, о чем возможно. Еще немного поразмыслив, добавила фото. Отправила.

Ну вот, поздравляю, Аня, и докатилась ты до поиска партнера на ночь по интернету! Наверное, если бы я была почувствительней, то стала бы рефлексировать по поводу того, что это глупо и даже унижительно. Но с другой стороны, страдать фантазиями и украдкой поглядывать на незнакомого мужика, разве не меньшая тупость и унижение? Подойти к Нему сама я не

смогу... вот потому что не смогу и все! Словно на всем его теле была вывеска: «Не смотреть, не приближаться, не говорить — смертельно опасно!» Какая-то глубинная иррациональная часть меня ощущала угрозу для меня, волнами исходящую от Него. Вот к кому угодно за это время решилась бы сама подойти и запросто, но не к Нему. Несмотря на просто патологическое притяжение, этот необъяснимый с разумной точки зрения интуитивный запрет воспринимался как аксиома, не требующая доказательств или проверки опытным путем. А значит, нужно себя просто переключить, или дальше так жить просто невозможно. Я не хочу больше стоять у того окна, вылавливая глазами мощную фигуру в ужасно сидящем пиджаке. Я хочу вернуть себя — спокойную, ту, у которой не скачет сердце бешеной белкой, а бьется всегда ровно, и не важно, кто рядом. Не позволю своим гормонам мешать собственному разуму.

Определившись с планами на будущее, я услышала звук входящего сообщения. У меня первый желающий познакомиться. Быстро, однако. Но это и к лучшему.

Глава 5

Спустя месяц и пять совершенно неудачных свиданий, я ловлю себя опять затормозившей у проклятого окна в офисе. Что же, поиск любовника в сети пока не принес никаких результатов, зато меня просто завалили сообщениями, очевидно, не слишком психически нормальные люди обоих полов. Предложения вирта, фото обнаженных тел, а часто исключительно определенных частей тела, видео с мастурбацией сыпались ежедневно как из рога изобилия. Я, скорее всего, уже безумно устарела, ибо для меня не кажется нормальным посылать вместо «здравствуйте» незнакомому человеку фото члена или то, как ты себя убажашь. Понимаю, что и я на этот сайт пришла не друга для томного чаепития найти, но, однако же. Или я просто ханжа? Но если мужчина шлет мне видео с ручной работой над собой, то зачем ему вообще женщина, он же и так неплохо справляется? Создалось впечатление, что две трети всех, кто пишет, нисколько не заинтересован в реальных встречах, и заэкранные развлечения на расстоянии им ближе к телу. Да, я точно чего-то не понимаю. Хотя и те, кого я сочла перспективными для встречи стали сплошным разочарованием. Причем, разочаровалась я именно в себе. Я и раньше-то никогда не обладала даром серьезно увлекаться, вспыхивать, терять способность реально смотреть на вещи, предпочитая ровные, стандартно развивающиеся отношения «по правилам». И как ни странно, двое из пятерых мужчин, с кем я встретилась, показались прежде вполне пригодными для именно такого развития сценария. Привлекательные, утонченные, ненавязчивые. Интересные собеседники и не распускающие руки раньше времени. Согласные продвигаться достаточно медленно, соблюдая все условности, не форсируя событий. Но никакого желания увидеться еще так и не возникло. Может, это потому, что мне сейчас требовалось как раз больше решительности от мужчины, чтобы избавиться от все жестче скручивающегося напряжения, но мои собственные, раз и навсегда установленные рамки не давали мне сделать хоть полшага навстречу. Черт, никогда мне не казалось, что я полна заморочек, вредящих себе же, но, однако же, факты и реальное положение вещей говорят о противоположном.

И вот я стою опять у проклятого окна, будто оно заколдовано, и пытаюсь убедить себя, что в порядке. Нет, нисколько не в порядке, если внутри все обмирает каждый раз, когда в офисе напротив открывается дверь. Сердце совершает самоубийственный кувырок — а вдруг Он? Какая же на самом деле ты, Аня, жалкая! Почему не могу просто перейти через улицу и найти повод познакомиться? Получу, к примеру, отказ, оскорблюсь до глубины души и остыну. Или у нас все будет, и я смогу, наконец, разочароваться, потому что Он окажется обычным, таким же, как все. Просто мужчина из плоти и крови, ничего сверхъестественного. Может, грубый, рыгает за столом, или у него пахнет изо рта, или двух слов связать не может, да и в постели полное ничтожество. Или почему бы ему не попасться мне на глаза с женщиной, довольным и

счастливым, и я выдохну, потому что получу окончательное подтверждение тому, что Он принадлежит другой, и моим не будет даже на краткое мгновение. Хотя, когда смотришь на Него, просто невозможно себе представить, что Он может кому-то принадлежать. Скорее, совершенно наоборот. Он может присвоить и владеть всем и всеми, чего только пожелает, оставаясь свободным, царящим где-то недостижимо высоко.

Боже, ну вот опять я позволяю происходить с собой этому кошмару! Не буду я тут стоять! Не буду ждать! Не буду искать взглядом! К черту!

Взглянув в последний раз, я развернулась и пошла к своим графикам и таблицам. Вот это реально, упорядочено и комфортно! А все остальное — натуральный бардак и издевательство над собой. А я терпеть не могу подобного!

Глава 6

— Что, думала остаться безнаказанной, мерзкая ведьма? — огромный рыжий детина не спеша вытер окровавленный клинок о пеструю рубашку недвижимо лежащего у его ног полного человека.

— Нет. Наоборот, ждала вас пораньше. Что, в пути заблудились? — на лице пожилой женщины не дрогнул ни единый мускул, и она так и осталась неподвижно сидеть, словно была не живым человеком, а вырезанной из камня языческой скульптурой.

— Встань и пади ниц перед самим архонтом Пограничья и деспотом Великих Вараанских болот! — угрожающе зарычал рыжий громила, когда в освещенную свечами комнату вошел мрачный громадный мужчина, одетый в ослепительно белую свободную рубаху и обыкновенные черные джинсы. Он окинул все вокруг презрительным взглядом, чуть задержавшись на каких-то знаках, тщательно нанесенных мерцающей краской на полу и буквально преграждающих путь к спокойно сидящей женщине.

— Смешно, — криво ухмыльнулся он. — Ты настолько наивна, колдунья, чтобы верить в то, что кельтская магия станет нам помехой, или это просто декорация для одурачивая доверчивых людишек? А может, ты надеялась, что нас, словно жалких москитов, отпугнет вонь от тех трав, которыми ты окуливаешь свой убогий сарай?

Голос этого пришельца был глубоким, низким и пугающе-завораживающим, наполненным самой темной властью, той, что даже не подразумевает чьего-либо желания противоречить. Каждый его звук будто вступал в странное резонирующее взаимодействие со всем вокруг, словно даже предметы прислушивались к нему, готовясь подчиниться.

Женщина не удостоила ни ответом, ни взглядом обоих вторгшихся в ее дом мужчин. Она глядела прямо перед собой, хотя из-за чуть прикрытых век казалось, что, скорее уж, внутрь себя.

— На колени и отвечай, вредоносная тварь! — оглушительно рявкнул рыжий и угрожающе шагнул к хозяйке дома, но замер, едва только второй пришелец мимолетом недовольно посмотрел на него.

— Прости, деспот! — пробормотал он, почтительно склоняясь.

— С какой стати мне держать ответ и падать на колени перед нечистью, какими бы титулами она себя не одаривала? — наконец отозвалась женщина, и в ее голосе было достаточно ледяного пренебрежения, чтобы утопить в нем всю округу.

— Да как смеешь, ведьма проклятая! — рыжий едва не подавился собственным шипением, но еле заметное движение руки того, кого он назвал архонтом, снова заставило его замолкнуть.

— Ведьма, наши законы, которым уже тысячи лет, однозначно повелевают мне и каждому честному подданному Закатного государства умерщвлять любую из вас, где, когда и в каком бы облики мы вас не встретили. И я, безусловно, так и поступлю, ибо каждая из вас оскорбляет мироздание самым фактом своего отвратительного существования. И ты в моих глазах заслуживаешь смерти даже более кого бы то ни было, так как от твоих подлых чар я пострадал лично.

Мужчина говорил медленно и вроде спокойно, но при этом каждое его слово ощущалось тяжелым камнем, которые он прицельно и без грамма жалости бросал в колдунью. Однако та держалась по-прежнему невозмутимо.

— Странно слышать об ущербе и страдании от существ, с начала времен причиняющих лишь вред и боль любому человеку, кто имеет несчастье с вами столкнуться или у кого окажется необходимое вам! Вы всегда приходите и берете, что вздумается, убиваете без жалости и раздумий, крадете самое дорогое и остаетесь глухи к слезам и мучениям тех, кого ограбили.

— Мы не грабим, а лишь берем то, что должен ваш мир нашему. Это хрупкое равновесие необходимо всем. Хотя никто из вас, людишек, не способен охватить это вашими жалкими ограниченными мозгами.

— Подлая ложь! Как и все то, что изливается из ваших ртов, нечестивые порождения сумерек! Вы и только вы нуждаетесь в том, что крадете из нашего мира! Иначе все вы просто выродитесь и передохните!

— Закрой рот, тварь! — Раздражение деспота было как ослепительная вспышка, мгновенная и ужасающая и при этом выдающая, что, может, слова ведьмы и не слишком далеки от истины. Но как с любой вспышкой след ее исчез так же быстро, как и проявился. — Мне совершенно наплевать, чем ты оправдываешь свои преступления, как и на то, что кто-то из вас оплакивает отобранное, никогда им на самом деле и не принадлежавшее. Ты умрешь, это факт. Но я могу даровать тебе легкую смерть или нет. Я знаю, что ты скажешь мне, где скрывается голем, в которого ты все эти годы перетягивала душу из нашего мира. Но только от тебя зависит, скажешь ты это сейчас и отправишься в бездну тьмы, где тебе и место, или же мы пойдем долгим и хлопотным путем пыток и убийств.

— Больше не голем, нечисть, нет! — опровергла колдунья, впрочем, без особых эмоций. — Не тешь себя иллюзией. Я вас переиграла, и теперь она — человек!

— Она — то, чем я ее сочту нужным считать! — отрезал мужчина. — Ты готова сказать мне, где?

— Даже не мечтай! — цыганка снова прикрыла глаза, словно была смертельно утомлена бессмысленной беседой.

— Ну что же. Твой выбор. Для начала я велю своим стражам на твоих глазах пытаться и насиловать всех твоих близких, а потом будут резать тебя кусочек за кусочком. Поверь, у них в этих делах огромный опыт, — почти так же безэмоционально, как хозяйка дома, отозвался пришелец.

— Даже не сомневаюсь, что в деле пыток, насилия и жестоких убийств вам не найдется равных, — женщина усмехнулась, и это была первая гримаса, которую она себе позволила. —

Да только вот беда. Алексей, которого зарезал твой прихвостень, и был моей единственной семьей и близким человеком. Я ведьма и прекрасно знала, с каким риском связано мое ремесло. Поэтому у меня нет детей, друзей и даже родня уже вся отошла в мир иной. Так что все свое мастерство твоим извергам придется на мне показывать. Но какими бы непревзойденными душегубами и извергами они ни были, ничего от меня ты не узнаешь!

— Не будь так уверена, ведьма! Может, смерти ты и не боишься, но вот страданий, которые могут длиться днями и неделями, точно не выдержишь.

— Конечно, не выдержу! Да толку-то? Я знала, на что иду, вступая в противостояние с вашей омерзительной магией. Поэтому все предусмотрела. Я никогда не касалась ребенка или его матери. Я не знаю ни единой буквы из их имен или имен их близких. Я ни разу не видела ни их машин, ни домов, не знаю ни единой подробности из жизни. Все ритуалы проводила сама мать под моим руководством, поэтому магией я тоже никак с девчонкой не связана.

— Ты просто лжешь!

— О не-е-е-т! — покачала головой женщина и посмотрела в глаза своему обвинителю открыто и без тени страха. — Ложь это целиком и полностью ваша вотчина, нечисть! Скажи своим псам приступать. Чего уж затягивать. Хочу побыстрее перед смертью взглянуть в твою разочарованную рожу, когда ты поймешь, что остался ни с чем.

Мужчина пересек линию начертанных на полу знаков, и они моментально вспыхнули и с шипением потухли. Он навис над ведьмой и долго всматривался в ее глаза, горящие насмешливым торжеством. Затем он сгорбился и ударил огромными кулачищами по столу с магически вырезанными символами, и толстенная столешница пошла трещинами, разваливаясь. Запрокинув голову, он взревел так страшно и громоподобно, что, казалось, дому просто не устоять. Жуткий вибрирующий звук медленно угасал, и вскоре все, что слышалось в комнате — это дыхание троих присутствующих.

— Уничтожить тут все, — сказал мужчина рыжему детине, и тот с готовностью поклонился. — Сжечь ведьму. Я хочу, чтобы горела она медленно и до последнего была в сознании. Проследи!

Бросив это, он покинул дом, даже не оглянувшись на приговоренную им к мучительной смерти пожилую женщину.

Глава 7

Кофеварка издала странный трещащий звук и умерла. Черт, похоже, день начинался не слишком удачно. Вздохнув, я попробовала сварить нужную дозу бодрящего напитка в давно не используемой маминной турке, но, задумавшись, прозевала нужный момент, и мой кофе оказался где угодно, но не в моей чашке. Обидно. Ну, ладно, в конце концов, кофейный автомат есть на первом этаже офисного здания, так что еще не все потеряно. Пока спешно оттирала плиту, обожгла руку. Заклеив ожог, взглянула на часы и поняла, что почти опаздываю. Ну, еще этого не хватало! Никогда за мной подобного не водилось. Дальше день решил, очевидно, по полной подтвердить мое первое о нем впечатление. Машина завелась только с третьей попытки, пробки были просто катастрофическими, и почти у самого офисного здания меня так подрезал какой-то мажор на дороге, почти лежащей брюхом на асфальте тачке, что я остановилась, с полминуты справляясь с испугом, пока сзади не начали нетерпеливо сигналить. Выбираясь из машины, я почувствовала неприятное давление в пояснице, медленно стекающее вниз живота, предвестник этих самых дней. Как всегда при мысли о месячных пришло воспоминание о маминих похоронах, том самом кошмарном для меня дне, апофеозом

которого и стал приход первого цикла, сопровождавшийся ужасной болью. С тех пор мало что изменилось, и эти три дня для меня — настоящее испытание на прочность терпения и заодно время печальных воспоминаний.

Проходя мимо охранников, я зачем-то оглянулась и наткнулась на сальные взгляды, от которых передернуло. Да, я всегда знала, что эти озабоченные пялятся и обсуждают всех сколько-нибудь привлекательных женщин, просто потому что им безумно скучно торчать на одном месте день-деньской. Раньше было безразлично, но сегодня похотливое выражение их глаз, приклеившихся к моим груди и заднице неожиданно заставило вскипеть. Я сжала кулаки, только чтобы не закричать им прекратить лапать меня своими зенками. Войдя в лифт, отругала себя. Да что, черт возьми, со мной такое?

Едва успев вбежать последней в кабинет Владимира, застала весь наш отдел в полном составе.

— Всем добрый день! — засиял улыбкой наш исполнительный директор, разваливаясь в своем дорожном кресле. — Сегодня у меня для вас новость, хотя, думаю, не слишком неожиданная. Как вы все в курсе, руководитель вашего отдела Ольга Петровна на этой неделе выходит на пенсию. А значит, стал вопрос о том, что кто-то должен занять ее место.

Я выпрямилась в кресле, ожидая услышать свое имя. Нет, я не самонадеянна, просто знаю, что заслуживаю этого повышения, потому что, собственно, в одиночку практически тащу на себе этот отдел, пока наши остальные дамы больше занимаются обсуждениями чужой личной жизни, флиртом и изредка документацией.

— Впрочем, особых сомнений в том, кто заслуживает этого повышения, у меня не возникло, — Владимир стряхнул несуществующую пылинку со своего стильного костюма от известного дизайнера, а я взглядом случайно наткнулась на отчего-то злорадно лыбящуюся Регину, которая сверлила во мне дыры глазами. Что не так с этой женщиной и ее неадекватной реакцией на меня?

— Итак, позвольте вам представить в новом качестве вашу сослуживицу, которую вы и так все прекрасно знаете. Светлана Васильевна Верей — ваш новый руководитель!

Я медленно повернулась к поднявшейся роскошной блондинке просто, не веря своим ушам и игнорируя засиявшую злобным торжеством Регину. Как такое возможно? Эта бестолочь ни единого дня не проработала, чтобы не прийти ко мне раз сто, канюча помочь и практически сделать за нее всю работу! Я шокировано уставилась на Владимира. Он же старательно избегал моего взгляда, наблюдая за вялыми и даже недоуменными поздравлениями коллег в адрес раздувшейся от довольства Светочки. Некоторые растерянно поглядывали на меня, а я изо всех сил старалась сдержаться и никак не выдать нарастающий внутри удушающий ком гнева.

— На данный момент все свободны. Работаем в обычном режиме, — царским жестом отпустил всех Владимир. — Анна Викторовна, задержитесь! — окликнул он меня у двери.

Когда я остановилась, шагающая модельной походкой Светочка тоже затормозила, а ее извечная подружка Регина застряла в дверях, прислушиваясь, как гончая.

— Светлана Васильевна, я вас не задерживаю, — напомнил ей Владимир и глянул на Регину. — А остальных тем более!

— Но, Владимир Валентинович... — недовольным голосом проямлила моя новая руководительница.

— Идите, дорогуша, — почти небрежно отмахнулся Владимир. — Нам с Анной Викторовной нужно обсудить рабочие моменты.

Я внутренне усмехнулась. Ну, конечно, как повышение — так для пустоголовой Светочки, а как реальная работа — тут сразу ко мне.

Светочка полоснула по мне злобным взглядом и, вздернув подбородок, снова зашагала к дверям.

Я стояла у длинного стола и смотрела на его идеально гладкую поверхность, справляясь с обидой и злостью, что никак не хотели оседать.

— Ань, присядь, — голос Владимира изменился, став из начальственного обычным и даже слегка усталым.

— У тебя что-то срочное ко мне, Вова? — прочистив горло, ответила я. — Если нет, я пойду. Некоторым ведь нужно еще и работать.

Глава 8

Я тут же отвесила себе мысленный подзатыльник. С какой стати я позволяю прорваться своему недовольству наружу? Да, мы работаем с Владимиром бок о бок уже почти шесть лет, и я та, с кем он советуется чаще всего, и до этого дня мне казалось, что между нами если не дружеские, то чуть больше чем прекрасные профессиональные взаимоотношения. Но, очевидно, я слегка попутала и забылась, что он директор и основной учредитель, и мой работодатель, а я всего лишь наемный работник.

— Присядь. Кофе будешь? — Владимир проигнорировал мою колкость, и я заставила себя опуститься на стул в дальнем от него конце стола. — Я не идиот и понимаю, что задолжал тебе объяснения.

Дорогая кофе машина стояла непосредственно в кабинете Владимира, это была его блажь. Он почему-то всегда сам предпочитал варить всем кофе, пусть даже для этого и нужно было всего лишь нажать пару кнопок на блестящем нержавеющей корпусе.

— Ань, я знаю, о чем ты сейчас думаешь, — сказал он, ставя передо мной чашку ароматного напитка.

— И о чем же? — я смотрела на еще не остановившееся вращение темной жидкости.

— Что я козел и поступил несправедливо по отношению к тебе.

— Нет, так я не думаю. Ты владелец нашей конторы, и тебе решать, кого назначать на руководящие должности, как, впрочем, и расхлебывать последствия этих назначений, — как я ни старалась, но мой голос прозвучал с изрядной долей стервозной обиды. Стыдно, Ань!

— Я совладелец, — с нажимом поправил меня Владимир. — И, между прочим, сегодняшнее смехотворное назначение Светочки прямое следствие твоей недалёковидности.

— Что? О чем ты вообще?

— О том, что когда на корпоративе к тебе подкатывает совладелец фирмы, в которой ты работаешь, нужно не носом крутить, а соглашаться на все, что предлагают! — раздраженно

взмахнул рукой Владимир, задевая костяшками мою чашку, отчего часть кофе оказалось на блюде, расплзаясь некрасивой лужицей. — Черт!

— Вова, ты о чем вообще? Владиславу Андреевичу уже под пятьдесят! — нахмурилась я, вспомнив пьяные приставашки совладельца фирмы, который, собственно, появлялся только на корпоративах и при подписании договоров.

— И что? — хмуро уставился Владимир.

— В принципе, может, и ничего, но он, между прочим, женат! — привела я аргумент, являвшийся для меня в принципе железобетонным.

Для меня, но очевидно не для моего директора.

— И? — мужчина наморщил лоб еще больше, уставившись на меня, как на действительно тормозящее создание. — Он тебя не замуж звал, а предлагал приятное совместное времяпрепровождение! В чем, на хрен, проблема?

— Прости, но я в такие игры не играю! — я сжала челюсти. Вот не знаю почему, сама не профи в создании отношений, хоть и лет мне, вроде, немало, и повидала всего, но факт супружеской измены вызывал у меня не просто отторжение и гнев... Это воспринималось как абсолютно неестественная вещь в мире, самое отвратительное из возможных проявлений человеческой натуры. Каждый раз, сталкиваясь с этим, я словно испытывала острую аллергическую реакцию, и побороть ее, судя по всему, мне уже не судьба.

— Ну и дура! А другие вот ничего, играют, не брезгуют ни возрастом, ни семейным положением! И поэтому эта пустоголовая курица Светочка теперь твой начальник, а ты будешь пахать и за нее, и за себя, и за этих ее стервозин подружек! Довольна? — Владимир горячился все больше. Явно его такое положение вещей тоже изрядно бесило. — И я тоже буду вынужден терпеть на совещаниях вяканье идиотки, все таланты которой только в том и состоят, что она сосет по первому требованию и белья не носит, вместо того чтобы общаться с тобой в нормальном деловом режиме. Гордость того стоила?

— Да при чем тут гордость? — тоже уже не сдержалась я. — Просто не могу я так! Это же... мерзко и непорядочно! И вообще, разве сама Света не замужем?

— Конечно, замужем! — презрительно усмехнулся Владимир. — Но это не мешало ей раньше частенько стоять на коленках в моем кабинете, а когда не сработало — нашла другой путь для повышения!

Картинка в голове была слишком отчетливой, и к горлу подступила тошнота.

— Блин, я не хочу всего этого знать, Вов! — я потеряла виски, пытаюсь отогнать нарастающую головную боль и дурноту. — Ты ведь тоже женат... как это вообще..?

— Добро пожаловать в мир мужчин, дорогая. Вот такие мы в большинстве своем засранцы и похотливые скоты! — огрызнулся Владимир, пряча глаза. — А ты если и дальше будешь столь же принципиальной, то так и будешь вечно проигрывать таким сукам!

— Ладно, — смиряясь, вздохнул мужчина. — Прости, это не то, что я должен на тебя вываливать. Хорошо, давай будем работать, как и работали, и, надеюсь, я найду способ избавиться от этой шалавы пронирующей.

— Как скажешь, — я поднялась, так и не прикоснувшись к кофе.

— Ань, я, между прочим, серьезно. Проще надо быть. Может, тогда и замуж выскочишь. А то твой вечно непрístupный вид всех мужиков отпугивает нормальных. Вон, только одни только озабоченные засранцы и рискуют, но и тех ты отшиваешь!

— Вов, в какой момент мы стали настолько близки, чтобы обсуждать мою личную жизнь? — в замешательстве спросила я.

Знал бы ты на самом деле, какую жалкую картину на данный момент представляет эта самая моя личная жизнь. Тайная глупая влюбленность в незнакомого мужика, из-за которой я чуть не стала чертовым сталкером, и идиотские бесплодные поиски партнера, в которых ищу волшебное исцеляющее снадобье от нездоровой зависимости и навязчивых мыслей и фантазий.

— Может, в тот самый момент, как она напрямую стала касаться предстоящей совместной нормальной работы? Или, может, я, после того как сообщил тебе о том, как твоя новая начальница делала мне минет прямо в кабинете, считаю себя вправе давать советы, — Владимир изогнул одну бровь, цинично ухмыляясь.

— А я сказала, что не хочу всего этого знать! — отмахнулась я.

— Ань, я серьезно. Я не дурак и понимаю, что Светка теперь постарается тебя третировать, и не хочу из-за нее потерять такого работника. Так что позволь себе маленькую гадкую радость. Каждый раз, когда она будет доставать тебя, представляй ее отсасывающей мне. Может, она сейчас и взобралась повыше, но не позволяй себе забыть, каким способом, и усомниться в том, что ты гораздо лучше.

— Что же, спасибо за совет, но вряд ли мой вариант избавления от стресса на работе будет заключаться в грязных фантазиях с твоим участием. Нет уж, спасибо! — покачала я головой.

Естественно, Владимир оказался прав, и едва я вернулась на место, появилась Света с ехидной ухмылкой на губах и завалила меня работой по самую макушку. При этом она говорила со мной так, словно одолжение мне делает тем, что вообще снисходит до общения. И куда только делась недавняя подобострастная и заискивающая улыбочка и просительный тон, когда она кланчила моей помощи? Ну что же, Аня, эта твоя новая рабочая реальность.

Глава 9

Выползла я из кабинета, когда на улице уже начало смеркаться. Выйдя наружу, увидела, что то, что мне из окна казалось небольшим дождиком, на самом деле было настоящим ливнем. Прыгая через огромные лужи и целые реки, с которыми, как всегда, не справлялись ливневки, я, изрядно вымокнув, добралась до машины. Но только для того, чтобы понять после десятка неудачных попыток, что сдвинуть ее с места мне не светит. Головная боль, скопившиеся за день злость и досада сжали горло и подступили жгучей влагой к глазам. Да что же, к такой-то матери, за день у меня сегодня!

Вернувшись в офис, похожая уже на мокрую курицу, я, помявшись с минуту, все же озвучила свою проблему парням из охраны. Как ни странно, но они были почти рады заняться хоть чем-то, кроме бесконечного слежения за мониторами, в которых ничего и не думало происходить. Попросив у меня ключи, двое из них практически помчались в темноту парковки с фонариками наперевес.

— Вы присаживайтесь, согрейтесь! — сделал широкий приглашающий жест третий, чуть

постарше остальных, не прекращая при этом откровенно пялиться на мою грудь. — Кофе хотите?

— Нет, спасибо! — я уселась в кресло в холле, самое удаленное от его рабочего места, и с чрезмерным вниманием уставилась на висящий на стене большой плоский экран.

Похоже, что в офисе уже вообще никого не осталось, и мысль о том, что я нахожусь в этом здоровенном здании наедине с тремя охранниками, казалась почему-то пугающей. Очень странно, потому как разве не обязанность охраны внушать окружающим чувство безопасности? Не знаю уж почему, но я защищенности точно не чувствовала. Наоборот, короткие взгляды, которые кидал в мою сторону оставшийся секьюрити, жутко напрягали меня, до такой степени, что на теле волоски вставали дыбом, и так и хотелось передернуться.

По телевизору шел какой-то новостной выпуск, и я рассеянно пропускала сквозь себя видеоряд, пока что-то не царапнуло странным образом, заставляя сосредоточиться на картинке и звуке.

— ...Следователи пока не дают комментариев и никак не классифицируют случившееся в коттедже Аляны Винеску, хорошо известной в определенных кругах. Женщина позиционировала себя как потомственную ворожею и гадалку, а также бралась за целительство и заявляла о способностях ясновидящей, — корреспондентка стояла у высокого, глухого кирпичного забора, на котором в качестве дополнительных совершенно излишних и даже нелепых украшений виднелись вмурованные, видимо, еще при строительстве причудливые кованые знаки. Из-за забора поднимался столб дыма, а мимо сновали люди в полицейской и пожарной форме. Я, нахмурившись, уставилась на экран и терла висок, выживая из памяти, где я видела такой дурацкий забор. Ну! Ну же! Ах, вот оно! Сколько помню, каждую неделю мы с мамой ездили к какой-то ее знакомой. Не знаю, правда, зачем, и саму знакомую не помню, потому что забор был обычно последним, что я видела. По дороге меня вечно начинало клонить в сон, и просыпалась я всегда, уже когда ехали назад. Воспоминание было размытым и почему-то дискомфортным. После этих поездок я была разбита, и у меня болело все внутри. Такая противная распирающая боль, как будто твоим легким, сердцу и прочим органам тесно, и они норовят разорвать сдерживающую их оболочку из плоти. В общем, приятного в том, что я вспомнила, было мало. Усугублялось все еще и тем, что после последней поездки мама стала вести себя со мной холодно и даже агрессивно. Едва мы вошли в квартиру, я поняла, что она очень зла. Когда я попыталась поговорить, она впервые в жизни заорала на меня, сжигая на месте уничтожающим взглядом.

— Ненавижу тебя! — кричала она, и я, не понимая, что происходит, просто пятилась от нее. — Ты разочарование! Бездушное чудовище! Сколько бы я ни билась — ничего с этим не поделать! Я столько сил потратила, всю себя вложила, но, видно, это твоя вина, что ничего не вышло! Не смей ко мне никогда больше подходить! Не смей заговаривать со мной!

Я смотрела на нее в шоке, не узнавая самого близкого и родного человека на свете в этой разъяренной фурии. Мне было страшно, больно и при этом безумно жаль маму, потому что она в этот момент выглядела не столько взбешенной, сколько изможденной и отчаянно разочарованной. Глубокие темные тени залегли под глазами, лицо осунулось, кожа потеряла свое здоровое сияние, а руки дрожали. Она, оттолкнув меня, ушла в свою комнату и заперла дверь. Я, испуганная и растерянная, позвонила отцу, и он велел вызвать доктора. Когда пришел врач, мама не открыла дверь и кричала, чтобы мы все убирались. Больше живой я ее не видела.

— Думаете, мы — простые охранники вам — таким фифам не ровня? — я охнула и едва не подскочила от голоса почти над самым ухом. Как я могла так задуматься и пропустить, что третий охранник подошел ко мне почти вплотную?

Попыталась развернуться, но тут сильная потная рука обхватила шею, вжимая меня обратно в мягкое кресло. Мужчина наклонился надо мной, перегибаясь через спинку, и гадко ухмыльнулся.

— Какого черта! — возмутилась я и рванулась, но рука на горле сжалась сильнее. Следов не будет, но дискомфорт уже ощутим.

Сердце сорвалось в безумную скачку, а каждая мышца тела напряглась в протесте.

— Что, думаешь, ты слишком хороша для того, чтобы даже глянуть в мою сторону, заносчивая сучка? — прошипел он, пахнув несвежим дыханием.

Я выдохнула, стараясь привести свои мысли в порядок, и посмотрела в его наглые желтовато-зеленые глаза. В конце концов, мы в офисе, здесь камера, за дверями двое его коллег. Ничего ублюдоков мне не сделает.

— Руки убери, урод! Завтра же ты не только на улицу вылетишь, но и под суд пойдешь за домогательства! — старалась говорить так уверенно, как только могла.

— Да что ты! — глумливо фыркнул он и вдруг сильно сжал второй рукой мою левую грудь сквозь ткань блузки. — А в чем будет состоять суть твоих претензий? Камеры сюда не направлены, тут слепая зона, звука на них нет вовсе. Поэтому я могу не только лапать тебя, сколько вздумается, но и перегнуть, и оттрахать. И можешь бежать в полицию и жаловаться, но у тебя не будет никаких доказательств. Замаешься бегать и унижаться. В полиции тоже, знаешь ли, мужики работают, и они знают, что таких заносчивых сук надо трахать во все щели, чтобы помнили, что мужики в этой жизни главные, и знали ваше бабское место.

Ублюдоков сжал сосок так сильно, что я не смогла сдержать болезненного вскрика, и на глаза навернулись слезы. Но первый шок уже прошел, и поэтому я вцепилась в его руку своими, стараясь вогнать ногти поглубже.

— Пошел на хер, скотина! Ты жалкий придурок и неудачник, а не мужик! Нормальному мужику никого не надо унижать и принуждать. И уж точно пугать не нужно, чтобы внимание привлечь. А на такого огрызка, как ты, я бы и под страхом смерти сама бы не повелась!

Он, вместо того чтобы отпустить, еще сильнее сжал мою плоть. Настолько, что вскрика я уже не смогла сдержать.

— Дура, думаешь, мне вообще согласие требуется? Все вы шлюхи, только корчащие из себя недотрог. А засади пожестче и поглубже, уже извиваетесь и стонете, готовые на все!

— Убери свои лапы от меня и кончай смотреть порно круглые сутки, дебил! От него у тебя вместо мозгов каша! — я махнула рукой, пытаюсь ударить его в лицо или хоть располосовать его ногтями, одновременно рванулась, уже не щадя себя.

Отпустил он меня так же неожиданно, как и схватил, и я просто рухнула вперед на колени, и в следующую секунду с улицы вошли остальные охранники.

— Еще поболтаем, будь уверена, — тихо процедил мерзавец через плечо, спокойно направляясь

к своему месту за мониторами.

Парни замерли, с удивлением взирая, как я поднимаюсь на дрожащие ноги.

— Анна Викторовна, похоже, у вас стартер навернулся, и сегодня машина точно не заведется. — Я едва понимала слова из-за грохота крови в ушах. — Давайте мы такси вызовем, там дождь закончился, но лужи по колёно!

— Не... — горло не слушалось, и мне пришлось несколько раз сглотнуть, при этом я столкнулась с насмешливым взглядом домогавшегося мерзавца. — Не надо. Я пройду до проспекта и поймаю его сразу там!

Я буквально задыхалась и просто пронеслась мимо этих двух парней, даже и не вспомнив о ключах от машины.

Глава 10

Не шла — почти бежала, не обращая внимания, куда наступаю.

— Анна Викторовна! — тот самый охранник, что предложил вызвать такси, спешил ко мне с моей сумкой в руках.

Выхватив ее у парня, я только кивнула, потому что выдать ни единого слова не смогла бы.

— Все нормально? — с тревогой заглянул он мне в лицо. — Давайте провожу.

Я замотала головой и просто опять понеслась по залитому тротуару. Звук мощного двигателя, как и свет фар, оказался неожиданностью, и из-за угла на меня буквально вылетел автомобиль, окатывая грязной дождевой водой с головы до ног. Мерзкая холодная струйка потекла под одеждой по спине, заставляя враз продрогнуть все тело. Во мне будто что-то лопнуло, и я закричала от досады и тут же самым позорным образом разрыдалась. Привалившись к ближайшей стене, стояла, всхлипывала и тряслась, размазывая косметику по лицу. И в этот момент мне было совсем наплевать, что окатившая меня машина затормозила в конце улицы и стала сдавать назад, почти так же быстро, как неслась до этого.

— Я не заметил вас!

Голос... как описать его? Это как будто никогда раньше не знать речи и жить в тишине, среди существ, общающихся лишь знаками, и вдруг в этом безмолвии по-настоящему услышать. И первая безусловная реакция — это испуг. Как будто ты точно уверена, что находишься в пустой квартире, и неожиданно кто-то заговаривает с тобой. В этот момент разве возможно разобрать интонацию или даже слова за диким грохотом пульса в собственных ушах? Да ни одного шанса! Поэтому я просто стою и смотрю на темный силуэт низкого авто, подсвеченный только габаритами, и ничего не могу поделать с тем, что боюсь. Просто боюсь.

Дверца с моей стороны открывается. Освещение в салоне мягкое, я бы сказала даже, скудное, но его достаточно для того, чтобы мои ноги затряслись. За рулем Он. ОН! Исчезла улица, мокрая одежда, бесследно испарилась моя истерика, потому как по сравнению с эмоциями от Его присутствия этот взрыв был просто смешотворным.

— Мы можем стоять тут всю ночь, конечно. Но, думаю, лучше будет, если вы сядете в машину, и я отвезу вас куда надо. — Это нисколько не похоже на извинение или вежливое предложение. Ни в коей мере. Это приказ, высказанный мягко, но, однако же... — Садитесь!

Я делаю шаг от стены, и тут внутри бешено взывает тревожная сирена, от которой у меня ледяная изморозь вдоль позвоночника, и ноги будто вязнут в ставшем неожиданно болотом асфальте. Замираю на месте, тогда как интуиция вопит, что нужно бежать. Сейчас же!

— Ну же! — в глубоком, чуть рокочущем голосе нет нетерпения, зато есть нечто другое. Не знаю, как это назвать, кроме как принуждение. Мягкое, вкрадчивое, но абсолютно непреодолимое для меня. Словно на мою талию набросили аркан и медленно волочат. Это не причиняет боли, но все равно ощущается насилием, и мое сознание вдруг расслаивается. Я делаю еще один шаг к машине на трясущихся ногах, тогда как моя испуганная половина уже просто начинает заходиться в истерике на грани панической атаки. Но в этот момент вдруг неизвестно откуда проявляется другая, до этих пор незнакомая часть меня. Она — чистая, неразбавленная похоть. Низменный примитивный голод, который будто спал всю жизнь, а вот именно сейчас решил пробудиться. Подобное ни с чем не перепутаешь, даже если испытываешь впервые, и никакие вбитые моральные нормы и собственные внутренние запреты тут не властны. Мое тело укутано как в плотное шелковое покрывало, которое прирастает к коже, заменяет собой плоть, делая ее подвластной себе, а не моему разуму. Это настолько ошеломляет меня, что я становлюсь глуха к воплям инстинкта самосохранения и уже опускаюсь на кожаное сидение, не отрываясь глядя на мое наваждение. Он не смотрит на меня, только перед собой, демонстрируя мне ту сторону лица, на которой нет шрама. А я просто не могу оторваться, элементарно взять и повернуть шею, чтобы хотя бы сделать нормальный вдох. Потому что Он просто ошеломляющий и ужасающий. Его так много, что не передать словами. Как будто все люди, виденные мною раньше, были двумерными, плоскими, а Он настолько объемный, многогранный, что мои глаза и мозг не могут охватить Его образ полностью.

— А я уж думал, не обратил ли случайно тебя в камень. — Теперь, когда двери машины закрыты, Его голос заполняет все внутреннее пространство салона, и от этого мой страх снова умудряется прорваться на поверхность, отшвырнув вождеделение, и вопит, что я в ловушке! Меня начинает трясти, и зубы лязгают так, что я не могу это скрыть.

— Адрес, — Он хмурится и нажимает какие-то кнопки на панели.

Поток теплого воздуха мягко окутывает меня, но это совершенно не помогает.

Способность говорить все еще не вернулась ко мне, и поэтому я просто сижу и пялюсь на него.

— Если ты не скажешь куда ехать, нам придется простоять тут всю ночь. А у меня точно есть занятия интереснее и полезней.

Равнодушный, почти пренебрежительный тон неожиданно срабатывает как отрезвляющая хлесткая пощечина. Все напряжение дня, каждая раздражающая ситуация, обиды и месяцы моих молчаливых страданий по Нему переплавились в злость от этого безразличия. И страх, и похоть были резко сдвинуты.

— Я не навязывалась! — огрызнулась я и попыталась открыть дверцу.

Щелчок блокировки резанул по моим нервам.

— Адрес! — в голосе мужчины завибрировало столько силы, что я не могла понять, от чего меня вдавило в сидение — от нее или от того, что Он резко тронулся.

Я пробормотала требуемое и уставилась перед собой. Мужчина даже не кивнул, а просто

свернул на нужную улицу. Ехать сейчас, когда пробки почти рассосались, предстояло минут 20. Но уже через пять я поняла, что находиться так близко к Нему — настоящее испытание. Стоило мне снова скосить глаза на жесткий профиль Его лица, и моя злость бесследно испарилась, и вернулись прежние эмоции. И если, как немного совладать со страхом, я еще имела представление, то что делать с этим жаром, который болезненно расплзался по телу и туманил мозг, я не знала. Сидела неподвижно, сцепив на коленях руки, в то время как ощущала себя истязаемой и раздираемой ледяной паникой и удушающим пламенем возбуждения одновременно. Такое ощущение, что все внутри меня стало хаотичным сплетением этих двух стихий. И самое противное, что ни одна из них не боролась на моей стороне, за мое здравомыслие, а только обе против.

Одна истерично хрипела: «Посмотри, он просто ужасен! Эти огромные руки с грубыми пальцами с легкостью сломают каждую кость в твоём теле и разорвут сердце! Беги! Спасайся!»

«Ох, да, эти руки! Сильные, властные, точно знающие, что делать с тобой! — липко мурлыкала вторая. — Разве у тебя было хоть когда-нибудь что-то подобное?»

«Нельзя! Стоп! Разве не видишь, кто перед тобой? — впивались в мозг морозные колючки. — Хищник! Убийца! Такие никогда ничего никому не дают! Только берут для себя!»

«А разве тебе не хочется, чтобы он взял тебя, присвоил? — распевало в ответ жидкое пламя. — Хотя бы раз, чтобы просто знать, каково это? Будет ли у тебя еще хоть один шанс испытать подобное?»

«Разве твой день и так не был достаточно плох, а дальнейшие перспективы паршивы, чтобы усугублять это, добровольно подвергая опасности?»

«Вот именно! Позволь себе глоток удовольствия! Один. Сладкий. Пьянящий. Ты же этого хочешь. Его хочешь. Так давно! Так сильно!»

Обычная разумная часть моей натуры, которая всегда и была мной, взирала со стороны за этой борьбой, нисколько не помогая мне, будто пребывая в параличе.

— Мы приехали, — сердце подпрыгнуло, и я испуганно заозиралась. Да, действительно, иномарка замерла напротив моего подъезда.

«Решайся!» — вопила похоть.

«Беги, пока можешь!» — затыкал ее страх.

— Я... то есть, спасибо, что подвезли, — пробормотала я, дергая ручку двери.

— Не та ситуация, когда ты должна благодарить, — безразлично ответил Он, и громко щелкнула блокировка.

— Просто я хотела... — Боже, это кошмар какой-то, зачем я делаю это? Зачем мямлю? — Может, чаю?

Он повернул голову в мою сторону так резко, что мне захотелось отшатнуться. Прищурился свои глубоко посаженные глаза, вперился в меня тяжелым взглядом, который, кажется, гнул мой позвоночник, проверяя на прочность. Мужчина резко выдохнул и немного наклонился ко мне, а потом глубоко вдохнул, до предела наполняя легкие. Больше всего это было похоже на то, что он принюхивается. И от этого дикого предположения мое и так выходящее из-под контроля

возбуждение стало таким острым, что низ живота стянуло в тяжелой болезненной судороге.

— Чай — нет! — отрезал мужчина, с размаху швыряя меня из огня в обжигающий холод.

Ну, вот и все. Чего ты вообще хотела, Аня? Надеялась, что он ухватится за возможность узнать меня поближе? Размечталась, идиотка!

— Хм... ладно. Тогда до свидания! — стремительно открыв дверь, я вылетела из салона, ощутило приложившись плечом.

Понеслась к подъезду, растирая ушиб и одновременно радуясь ему, потому что можно списать слезы, застилающие глаза, на эту боль. Взлетев по лестнице, достала трясущейся рукой ключи. Уронила. Снова подняла и стала слепо тыкать в замочную скважину. Неожиданно сильная рука как железным обручем обхватила мою талию, вызывая крик, который был оборван второй ладонью, зажавшей мой рот.

— Чай не пью, — повторил голос, от которого я одновременно сгорала заживо и замерзала насмерть. — Но тебе ведь совсем не это от меня и нужно.

Он не спрашивал. Зачем?

Я застыла, а Он освободил мой рот и, отобрав ключи, открыл замок. Без всяких церемоний практически втолкнул меня в мою же прихожую и захлопнул дверь.

Глава 11

Темнота обрушивается на меня, отрезая от внешнего мира и любой возможности позвать на помощь. Хотя мне почему-то кажется, что ее не было и до этого, с того самого момента, когда я решила сесть в машину. Но именно сейчас я до конца осознала всю окончательность и неотвратимость ситуации. Было ли мне страшно? Безумно, до такой степени, что уже нельзя было сказать: стало этой эмоции больше или меньше, потому как любые критерии размера отказали ввиду чрезмерности. Ведомая чужой волей, делаю один шаг, второй, и снова рука властно сжимает талию, безмолвно приказывая остановиться, и меня начинает потряхивать от сдерживаемой силы этого простого движения. Откуда-то я знаю, что Ему ничего не стоит просто сломать меня пополам, сжав чуть настойчивее. И я абсолютно ничего не смогу сделать, пожелай Он осуществить это. Ни оказать сопротивление, ни вымолить пощаду. Я поймана в ловушку, бессильна, уязвима и нет никого и ничего, что могло бы спасти меня. Эта мысль потрясает своей обреченностью и одновременно освобождает.

Даже если бы я сейчас могла думать об этом и очень сильно захотела, ни за что не смогла бы хоть как-то скрыть звук своего рваного дыхания в полнейшей тишине темной прихожей. Привычные уютные ароматы собственного дома нахлынули на меня, но тут же, словно испугавшись, мгновенно отпрянули, отдавая место лишаящему меня способности мыслить запаху прижавшегося ко мне сзади мужчины. Они трусливо отступили перед Ним, безоговорочно признавая Его силу и собственную неспособность оказать мне хоть малейшую помощь в попытках вернуть адекватность. Широкая ладонь легла на мое горло, вынуждая откинуть голову на твердую грудь позади, и жесткая щетина царапнула кожу, когда Он провел носом по шее, снова глубоко принюхиваясь, захватывая мое внимание полностью. Его большой палец с нажимом прошелся по нижней губе и переместился, замирая над тем местом, где колошматил мой пульс, будто желая установить контроль и над ним. И в этот момент мой страх, достигший своих крайних пределов, поразительным образом переродился, становясь новой гранью моей неожиданно проснувшейся зверской похоти. Он влился в ее и без того дикий поток, придавая в разы больший объем, глубину и лишая меня последней надежды

удержаться в рамках разумности. Ощущение не постепенное, нарастающее, напоминающее стремительное путешествие сознания из холода в тепло. Нет! И близко не так! Скорее уж быть нигде и не чувствовать ничего и в следующее мгновение оказаться в кипятке. Невыносимо остро, но это как будто первое, что я вообще по-настоящему чувствую, и я еще понятия не имею, боль это или же безграничное удовольствие, и меня просто гнет в Его захвате, оглушая собственным протяжным стоном.

— Мужчина... тот, кто касался сегодня твоей кожи, он настолько плох, чтобы оставить женщину до такой степени нуждающейся?

Слова... доходили до моего сознания очень медленно, потому что я слышала только сам голос.

Одна его низкая, чуть насмешливая вибрация была многократно больше, чем страстные ласки моих прежних любовников. Липла, катилась по телу так, словно я уже была совершенно обнаженной, и Он касался меня сразу и повсюду, выжимая из моего тела всю влагу, которую оно было способно отдать. Я распахнула глаза, как будто зрение было способно дать мне хоть какую-то мизерную опору в этом диком водовороте, утягивавшем меня вниз, на такой уровень глубины, где не останется уже ничего, кроме самой низменной, исконно плотской нужды. Но все, что я могла смутно разглядеть в темноте — это белое пятно собственного лица в большом зеркале с потеками косметики и распахнутым ртом, ловящим воздух, которого так сильно не хватало, и огромную ладонь на моем горле. А мужчина, стоящий позади — сама тьма, захватившая и окутавшая меня, отнявшая все мое пространство и волю. Я не могу Его разглядеть, как бы ни старалась, но никогда никого и ничего я не ощущала так отчетливо и неоспоримо — каждым нервным окончанием.

— Я не хотела этого... его, — я ни за что не узнала бы в этом задыхающемся скрипе собственный голос.

Новое ласкающе-ранящее скольжение теперь уже Его рта по моей шее, и я хриплю, почти балансируя на грани оргазма. Боже, неужели мне так мало нужно?

— Не хотела...

Мне плевать, что Он, кажется, звучит совершенно равнодушно, потому что Его голос уже награда для моего дрожащего тела.

Его рука соскальзывает с талии вниз и бесцеремонно задирает юбку. Без поглаживаний и прелюдий Его пальцы с грубой кожей проскальзывают под белье и проходятся по моим складкам. И я ничего не могу сделать с тем, что кричу, и мои бедра дергаются в попытке получить больше этих наглых прикосновений. Зажмуриваю глаза до ярких разноцветных искр и отчаянно гонюсь за нарастающим внутри шквалом. Но срывающее все мои тормоза давление исчезает, и я готова зарыдать от этой невыносимой потери. Как же все было близко и до какой же степени недостаточно! Приподнять веки — целый подвиг сейчас для меня. Я вижу смуглую руку прямо перед моим лицом, ту самую, что только что пообещала, а потом жестоко лишила меня столь необходимого оргазма, и снова слышу, как Он вдыхает глубоко и протяжно, раз, еще и еще, в конце издавая странный рокошующий звук. И я непонятно почему вторю ему, ловя собственный запах, и откуда-то знаю, что пахну просто как сплошное концентрированное желание.

— Но сейчас-то ты точно хочешь, — Он не спрашивает, утверждает. И все, что я могу — это просто слабо кивнуть.

Идут секунды тишины и неподвижности, разбавленные только моим оглушающим дыханием и грохотом крови в ушах, и каждая из них как ступень вверх по лестнице моего беспощадного возбуждения, готовая вот-вот закончиться обрывом, на краю которого мне ни за что не удержаться. И когда мне кажется, что эта пауза просто невыносима, и я безумно хочу, чтобы это закончилось уже все равно как, лишь бы наступил предел. Рука, лежащая на моем горле, смещается на подбородок, разворачивая лицо к Нему.

— Тебе очень повезло, что наши желания сегодня совпадают, — бормочет Он прямо у моих губ и целует.

Нет, просто поцелуем этот варварский захват моего рта назвать недостаточно. Он вламывается, как беспардонный захватчик, требует всю меня без остатка не как любовник, стремящийся дать обоим наслаждение, а как сильнейший, отбирающий все для себя, просто потому что хочет этого. Но в моем состоянии это абсолютно неважно. Я уже за гранью, где существуют сами понятия о гордости или унижении, собственном оскорбленном достоинстве, взаимности или даже чувстве самосохранения. Я — один сплошной инстинкт, и каждая моя клетка вопит о том, как безумно жаждет его полного обладания. Я перестаю отдавать отчет отдельным движениям, остаются лишь картинки — ослепляющие, бесстыдные, сжигающие заживо. Звуки — пошлые, влажные, ритмичные, тесно сплетенные с ощущениями дерзкого вторжения.

Он разрывает поцелуй и просто толкает вперед, разворачивая, вынуждая опереться на тумбу передо мной и практически уткнуться лицом в зеркало. Прохлада на моих обнаженных бедрах, резкий ожог от исчезнувшего в мгновение белья, давление на поясницу, бесцеремонное натяжение волос и первое жесткое проникновение. И все! Я кончаю сразу, мгновенно, как никогда в жизни. Скорее всего, я кричу, истошно и надрывно, потому что мои легкие горят от пустоты. Руки не держат меня и подламываются, и от удара лицом о зеркальную поверхность спасает лишь захват моих растрепавшихся прядей. Ноги тоже мне не подчиняются, и жесткое ребро тумбы вжимается в живот, когда Он мощно и безостановочно вколачивается в меня — бессильно распростертую под ним. Но Его, похоже, это не устраивает.

— Этого мало! — грохочет Его голос у моего уха, едва мои спазмы начинают идти на убыль.

Рывок назад, я снова стою прямо, вжатая в Его грудь намертво, пока Его бедра продолжают резкие, размашистые движения. Рука, державшая мою талию, перемещается к лобку, а вторая, отпустив волосы, властно сжимает грудь. Сильные, грубые пальцы трут мой клитор, то нажимая почти до боли, то едва постукивая по нервным окончаниям. И я, захлебнувшись хрипом, вцепляюсь в Его кисть, умоляя прекратить. Ни за что на свете я не смогу кончить так быстро снова, да еще после испытанного только что. Но ему плевать на мою уверенность, Его рука — как из живого подвижного камня, и все мои попытки оторвать ее от себя или хотя бы замедлить, абсолютно тщетны. Но эта борьба за остатки себя что-то делает со мной. И я в считанные секунды опять оказываюсь балансирующей почти на самой грани невыносимого наслаждения и сдаюсь.

— Ну, вот и все! — звучит неприкрытым торжеством шепот, кажется, прямо у меня в голове, а вслед за ним следуют несколько сокрушительных толчков, мгновенно превращающих мое «почти» в безнадежное падение в бездну чистейшего экстаза и Его долгий протяжный стон.

Этот звук наполнен таким первобытным, практически животным удовлетворением, что, пропуская его через себя, я ощущаю новую волну всепроникающего удовольствия, совершенно иную, чем до этого, но от этого нисколько не меньшую. Какое-то время я глуха и нахожусь нигде, не осознавая своего положения в пространстве. А потом в это блаженное, окутывающее

меня со всех сторон ничто пробивается противный навязчивый звук. И спустя мгновение я вздрагиваю, потому что одновременно лишаюсь всего — тепла, Его присутствия в моем теле, запаха, звуков, даже этого мерзкого, все разрушившего писка. Краткая вспышка тусклого света, порыв холодного воздуха на моей еще разгоряченной и влажной коже, щелчок замка... и я остаюсь одна. Ноги окончательно предают меня и, пошатнувшись, сползаю по стене, пытаюсь хоть как-то уместить в голове то, что случилось сейчас. Нет, не само случилось. Я это спровоцировала и позволила случиться. И вот сижу теперь на полу собственной прихожей с голой задницей, трясущаяся, истощенная до предела, удовлетворенная, как никогда в жизни, откровенно использованная и отброшенная, как вещь. Безумный итог чокнутого дня.

Глава 12

У меня уходит какое-то время, чтобы вернуть себе способность мыслить сколько-то адекватно и владеть своим телом. Я осознаю, что сижу во влажной одежде, пол далеко не теплый, а внутренняя сторона бедер липкая и скользкая. А еще отсюда только что вышел мужчина, который мог не просто поиметь меня, как ему вздумается, но и оказаться натуральным психом и разделать, как тупую овцу, коей я, судя по поведению, и являюсь. Поэтому первое, что делаю — быстро поднимаюсь и запираю дверь. Ну да, очень своевременное действие! Как будто он вернется или не сделал уже все, что хотел! Так что запертый замок — это скорее некое ритуальное действие, подчеркивающее для меня, что на сегодня сумасшествие окончено. Но то, как Он ломанулся, услышав писк сигналки своего брелока, все же задевает что-то внутри, вызывая легкую грусть. Ну, а с другой стороны, чего я ждала? Продолжения банкета в виде чаепития с чинной застольной беседой? Не представляю его мирно попивающего горячую жидкость, хотя, наверное, вообще совершающего какие-то обыденные вещи, нормальные для большинства людей. Даже не знаю почему. Зачем-то бреду на кухню и, включив свет, заглядываю в ящики. И начинаю истерично смеяться. У меня даже чая нет, вообще! Я его не пью, а с уходом Олега держать его стало не для кого. Качаю головой и плетусь в ванную. Нашла главную проблему, чая нет! А то, что только что занималась незащищенным сексом с незнакомцем, это, типа, ерунда незначительная! Благо беременность мне не грозит, потому как по ощущениям в ближайшие часы начнутся те самые дни, но вот болезней никто не отменял! На мужчину, не следящего за своим здоровьем, Он точно не был похож, но, однако же, не потрудился у меня осведомиться — нужна ли защита. Ладно, об этом я подумаю завтра. Набираю ванну и погружаюсь туда, зашипев от легкого жжения в интересном месте. Лежу так, позволяя времени и отзвукам ощущений проходить сквозь тело и растворяться в теплой воде, согревающей и расслабляющей мышцы и разум. Никаких угрызений совести или паники не наступает. Я вообще отказываюсь ощущать себя виноватой или даже пострадавшей. Да, контакт вышел, так сказать, через одно место, но я его хотела, по-настоящему сильно, неделями изводила себя фантазиями и мучилась вопросами, так что никакого раскаяния или сожалений. Я получила именно то, что хотела — знание, каким Он будет, как пахнет, как чувствуется, когда ближе некуда, даже внутри. Буду ли я сожалеть позже об этих знаниях? Возможно, но сейчас это не представляется важным. Я была слишком эмоционально перегружена и физически истощена, чтобы вообще задаваться такими вопросами и заглядывать наперед. Хотя легкое беспокойство при мысли столкнуться с Ним лицом к лицу снова я испытываю. С другой стороны, глупость, конечно. Он меня мог и в лицо то не запомнить! Подобрал на улице в сумерках растрепанное, зареванное, мокрое чудовище с расплывшимся макияжем. Всю дорогу в полутьме, быстрый секс вообще в полной темноте... Очень похоже, что я единственная, для кого это было событием с возможными последствиями. Он то, едва кончив, вылетел и умчался по своим тем самым «более важным и интересным делам». А может, позволив себе небольшое пикантное приключение, поехал домой, к жене и детям, в свою обычную жизнь, чтобы никогда даже не вспоминать обо мне. Так, стоп! Вот это уже сильно смахивает на жалость к себе или желание раскопать грязь там, где ее, возможно,

нет и в помине, а этого мне совсем не надо! Пришел, случился, ушел. Ну и черт с Ним! Да, это не то, к чему я привыкла, и несоразмерное меньше того, о чем мечталось в идеале, но и не повод чувствовать себя униженной и жалкой! Если и был факт использования, то, безусловно, обоюдный, уж мое тело с этим точно согласно. А для беспокойства и дискомфорта у меня достаточно поводов, никак с Ним не связанных. Например, тот факт, что на работе теперь жизнь малиной не будет. А еще моя трусость и слабость в ситуации с этим уродом — охранником. По-хорошему, мне сейчас следует сидеть в отделении и писать на него заявление, а не в ванной откисать... Я резко села, вспоминая Его слова! «Тот мужчина, что к тебе сегодня прикасался...» Но как, черт возьми, узнал? Я выбралась из ванны и, подобрав с пола свою влажную одежду, стала нюхать ее, даже не понимая в первый момент, как глупо должно быть выгляжу. Все, что смогла уловить — собственный запах и сырость. Противным парфюмом ублюдка, лапавшего меня, не фонило, что меня порадовало, но и собственного терпкого и странно-экзотичного запаха моего случайного стремительного любовника не осталось, как будто Он мне только привиделся. И это немного огорчало.

Снова продрогнув, я отказалась думать и анализировать странности и решать, как поступить сию же минуту. В конце концов, я могу завтра просто не пойти на работу, сославшись на болезнь, заодно разберусь в себе и предоставлю новой начальнице и ее группе поддержки прекрасную возможность проявить себя во всей красе, особенно учитывая тот греющий мою душу факт, что необходимость сводить квартальный отчет никто не отменял. Мелко и гадко с моей стороны? Да плевать!

Потянувшись и с наслаждением зевнув, я забралась в постель и заснула почти моментально. Пробуждение утром было похоже на выныривание с огромной глубины. Такое чувство, что я всю ночь пребывала в некоем пространстве, наполненном густым, плотным коктейлем поразительных, вибрирующих обнаженной чувственностью звуков; сочных, одурманивающих насыщенностью запахов; ярких, чистых цветов, насквозь принизанных солнечным светом, и первобытных ощущений, дающих иллюзию бесконечной свободы. А проснувшись, оказалась в месте, где даже сам воздух разбавлен серостью, не говоря уже даже обо всем остальном. Хлопая глазами, я некоторое время обводила глазами свою комнату, избавляясь от чувства, что из оригинального и концентрированного, переполненного жизнью и энергией пространства меня выкинуло в жалкое размытое подобие действительности. Мозг делал судорожные попытки удержать подробности, детали, но они стремительно стирались, как могли бы раствориться краски под мощным потоком воды. Меня и раньше посещали краткие моменты, не то чтобы видений, а измененного восприятия, что ли. Но они были совсем недолгими и неотчетливыми и больше походили на головокружение, сбивающее на пару секунд сам угол зрения на окружающее. А сейчас было отчетливое ощущение, что я провела часы где-то в другом месте. Вот только где и что там было — вспомнить совершенно невозможно.

Но, однако же, даже исчезнув, мое ночное наваждение оставило меня поразительно полной сил и непривычной уверенности в себе, причем прямо-таки на грани азартной агрессии, так что желание выбирать тактику уклонения от рабочих проблем исчезло начисто. Будильник я не переставила и поэтому однозначно опаздывала, учитывая, что добираться надо было на общественном транспорте. Но я не стала метаться, а позвонила и оставила на рабочем телефоне сообщение, что первую половину дня буду заниматься личными делами. Спокойно сварила кофе, без спешки позавтракала и оделась, выбирая сегодня одежду особенно тщательно. Когда уже выходила из квартиры, мне позвонила госпожа начальница.

— Коломина, что значит, ты будешь заниматься личными делами? — сразу без прелюдий перешла она в наступление.

— Это значит именно то, что я сказала. Неожиданно возникшие обстоятельства сугубо личного характера. Первую половину дня меня не будет. С этим какие-то проблемы? Не припомню, чтобы они были у других, — спокойно ответила я, неторопливо спускаясь по лестнице.

— Нам завтра квартальный отчет сдавать! А в документах черт ногу сломит! — почти завизжала на меня госпожа Верей.

Я усмехнулась. Черт, может, и не сломит, а вот ты то точно даже понятия не имеешь, как к ним подступиться.

— Ну, так вы же начальник, Светлана Васильевна, вот и организуйте грамотную и эффективную работу, у вас, в конце концов, целый отдел в подчинении! — я старалась звучать равнодушно, а не насмешливо.

— Ты сейчас издеваешься надо мной? Мстишь за вчерашнее? — зашипела Светочка, заметно сбавляя тон.

— Не имею такой привычки, но если даже и так, то что, собственно, будете с этим делать?

— Думаешь, незаменимая? Да если я захочу, ты с фирмы в три секунды вылетишь и с такими рекомендациями, что тебя и улицы мести не возьмут!

Мне неожиданно стало совершенно наплевать. В одну секунду все реалии моей жизни выстроились в стройную цепочку. Уволят? Такая уж это трагедия? Кредит за машину выплачен, квартира у меня своя, сбережения есть, даже если поиски достойного места затянутся. Чего мне, собственно, боятся? Жаль тех лет, что я потратила на работу в этой фирме? Есть немного, но если подумать и отбросить ложную скромность, то это будет больше их потеря, а не моя. Не люблю резких изменений в своей жизни? Ну, не люблю, а что поделать? Не трагедия ведь. Конечно, можно загрузить себя мрачными мыслями о том, что новое место может оказаться не лучше прежнего, а все начинать заново. Но вот не пугает это меня, уж не знаю почему. Так что пошла ты, Светочка!

— Желаю удачи в осуществлении всех ваших хотений, Светлана Васильевна! — на кончике языка так и крутилось, что ей известен прекрасный прямой и действенный способ добиться желаемого, но я сдержалась. — Увидимся после обеда!

Я пешком дошла до частной клиники в двух кварталах от дома, где оказалось на удивление пустынно в такой час. Наплевав на смущение, объяснила в общих чертах суть моего вчерашнего приключения. Совсем отключила телефон, пока проходила процедуры и сдавала анализы. Поколебавшись, решила все же сначала поговорить с Владимиром, прежде чем обращаться в органы. Созвонилась с сервисным центром и договорилась ждать их на парковке, когда они пришлют эвакуатор, чтобы забрать машину в ремонт. Основной поток народа, рвущегося к своим рабочим местам, схлынул, и я села в автобусе у окна и с удивлением поняла, что сто лет не занималась простым рассматриванием проплывающих мимо улиц и спешащих или праздно шатающихся пешеходов, деревьев, покрывших себя всеми оттенками красного и желтого, приветствуя уверенно наступающую осень. Такое впечатление, что все это выпадало из моего восприятия, как неважное и несущественное, а сейчас будто кто-то протер запыленное стекло, и я обнаружила массу оттенков и деталей там, где раньше все было как-то смазано.

Стоя на парковке в ожидании сотрудников автосервиса, я не стала отворачиваться и отводить взгляд от входа в здание напротив. Сердце привычно замирало, когда двери открывались, и в тоже время нечто похожее на спокойный фатализм заполняло сознание. Если Он сейчас

выйдет и не узнает или просто не подойдет, я сама не побегу, это уж точно. Но если все будет наоборот, то и отталкивать или играть в недотрогу тоже не стану. Не смогу потому что.

— Как ночь прошла, сучка? — раздался за спиной мерзкий голос, от которого я в первый момент опять впала в ступор.

Глава 13

Спина взмокла моментально, и первой почти животной реакцией было — бежать. Но я не оборачивалась и не отрывала взгляда от заветной двери, и это будто по капле возвращало мне равновесие и теснило панику. Черт возьми, мы днем, посреди открытой парковки, где уж точно ведется видеонаблюдение! Ничего это козел мне не сделает! Скванные мгновенным параличом легкие попустило, и я снова задышала ровно.

— Игнорируешь, стерва? — сволочной тип обошел меня и встал впереди, сверкая своими желтыми зубами в широкой улыбке, останавливаясь не слишком близко, но, однако, на мой взгляд, все же нарушая личное пространство. Впрочем, его нахождение со мной в одном городе уже ощущалось его нарушением. Хотя издали мы, наверное, выглядели как пара мирно беседующих, случайно пересекшихся знакомых.

Придурок сегодня был уже в обычной одежде, а не в строгой форме с бейджем, и она не могла скрыть его оплывшие бока и пивной живот. При ярком дневном свете и вынужденная против своей воли рассматривать его пристально, я невольно содрогнулась от того, насколько же омерзителен он был. Паршивая, нездорового землистого оттенка кожа, с пигментными пятнами и огромными порами, синюшные мешки под блеклыми, будто выцветшими глазами слегка на выкате, неопределенного цвета редкие жирные волосы. Тонкие бледные губы, масса морщин, явно не по возрасту, и фигура, откровенно говорящая, что свободное время он проводит не в зале или на прогулках, а сидя с банкой пива перед телевизором. Как вообще кого-то выглядящего настолько непрезентабельно и отстойно взяли в охрану, учитывая, что при всей моей нелюбви ко всем их братии, остальные парни то были вполне молодыми и спортивными. А этот словно потасканный пьянчуга далеко не первой свежести, каким-то чудом затесавшийся в их ряды. Он так всегда выглядел? Не замечала, но справедливости ради, я вообще не особо рассматривала никого из секьюрити.

— Понятия не имею, к кому вы, мужчина, обращаетесь! — стараясь быть предельно равнодушной, процедила я.

— А тут никого кроме меня и тебя, вроде, не наблюдается, — нахально фыркнул он и подался чуть вперед, обдавая меня несвежим дыханием. Мне действительно дорогого стоило не дрогнуть и не шархануться от него, а просто спокойно шагнуть назад и опереться бедром на капот моей машины.

— В таком случае вы, очевидно, склонны разговаривать с собой. В вашем возрасте тревожный симптом. К врачу бы сходили, — собрав смелость, усмехнулась в его оплывшую физиономию.

— Ты, я посмотрю, сегодня осмелела, голосочек окреп, взгляд такой борзый. Чувствуешь себя в безопасности? Напрасно, ой, как напрасно! — его рот отвратительно искривился, а блеклые глазки злобно прищурились, и он демонстративно прошелся по моему телу сверху донизу похотливым взглядом. Я стиснула руки в кулаки, стараясь выглядеть невозмутимой, хотя от откровенного ощупывания глазами к горлу подкатила тошнота. И это словно сорвало пломбу с моего терпения.

— Напрасно ты, поганка убогая, со мной связался, — злость победила страх и омерзение и смысла их окончательно. — Я тебе очень советую идти и освобождать свой шкафчик в раздевалке, и это в лучшем случае. А если не исчезнешь с моего горизонта сию же секунду, то можешь начитать сухари сушить, сволочь!

— Ох, как страшно! — презрительно рассмеялся он, но, однако, отступил. — Такая вся из себя самоуверенная! Я тебе каждое твое наглое словечко членом вобью прямиков в глотку!

— Если ты, не дай Бог, решишь сдуру свой жалкий отросток из штанов при мне вытащить, то клянусь, сразу его и лишишься, — в ярости прошептала я, теперь уже сама подаваясь вперед и желая вцепиться в его рожу.

— Посмотрим, будешь ли ты считать его жалким, когда будешь визжать и выпрашивать еще, как и все до тебя! — шипел он ядовитой гадюкой.

— Да я скорее сдохну, чем буду настолько отчаянной, чтобы подпустить такое ничтожество! Убирайся с глаз!

Он резко снова шагнул ко мне и неожиданно схватил за руку. Возможно, это выглядело как рукопожатие, но моя ладонь оказалась стиснута так сильно, что у меня едва ноги не подломились.

— Уйду. Сейчас. Но только посмей сказать кому-то хоть слово, и я тебя так пожалеть заставлю, что тебе небо с овчинку покажется!

— Пошел на хер! Прощайся с работой! — я сильно рванула руку на себя, и только наличие за спиной машины не позволило мне упасть, когда он отпустил.

— Время покажет, — огрызнулся он и попятился, а я услышала шуршание шин позади и, обернувшись, увидела эвакуатор.

Разобравшись с авто, я пошла в офис. Разговор с парнем из сервиса отвлек меня от неприятной встречи, но все равно ноги ощущались как ватные, и рука тряслась и ныла, когда я протянула ее к дверной ручке. Решив больше не спускаться на тормозах, отправилась сразу к Владимиру. Когда, постучав, получила разрешение войти, он заканчивал телефонный разговор. И судя по лицу, не слишком приятный. Когда я села, он сосредоточенно и недовольно уставился на меня, продолжая угукать в трубку.

— Ань, ну вот что за народ вы, бабы! — без всякого приветствия начал он, едва его собеседник отключился. — Вот поговорили вчера как люди, мне казалось, ты все поняла и прониклась, в каком положении оказалась по своей же глупости и упрямству, и сегодня прямо с утра — на тебе, жри не обляпайся!

— Вов, что-то не пойму, о чем ты? — безразлично пожала я плечами.

— Да все ты понимаешь! Зачем ты эту заразу блондинистую дразнишь? Она уже с утра пораньше мне истерику припадочную устроила, потом любовнику своему позвонила и на тебя пожаловалась, а он мне мозг вынес, чтобы я нашел способ на тебя воздействовать и поставить на место!

— А ты ему не сказал, что это самое мое место его Светуля бесполезно занимает? — не выдержав, огрызнулась я.

— Коломина, ты не забывайся-то! — уже натурально заорал на меня. — Я понимаю, что ты работник ценный! Но незаменимых-то нет!

— Ну, так заменяй! — не сдерживаясь больше, повысила голос в ответ.

Владимир подошел к окну и, открыв его, пару минут стоял, высунувшись, и дышал, тихо матерясь себе под нос.

— Как же меня задрали ваши бабские манипуляции и дразги! — пробубнел он, разворачиваясь опять ко мне.

— Насколько мне помнится, я в участии в чем-либо подобном раньше замечена не была, — ответила уже сухо, без эмоций. — Я на работу ходила и хожу работать, а не интригами и сплетнями промышлять! На это не имею ни желания, ни времени.

— Ну, тогда скажи ты мне, зачем эту дуру оскорбила? — воздел начальник руки к потолку.

— Я? — Нет, все понимаю, но это прямо перебор! — Вов, с какого момента взять полдня на решение проблем личного характера является оскорблением? С того как Светлана Васильевна стала у нас начальником?

— Ань, другого времени ты выбрать для этого не могла?

— Ну, извини, так уж вышло, что не могла! Но в любом случае я впредь намерена заниматься только тем, что входит в мои непосредственные обязанности, ни шагу ни вправо, ни влево! Никаких сверхурочных, читай почти круглосуточных и подтираний задниц криворуким непрофессиональным бездельникам, — больше не хотела кричать, но постаралась донести всю серьезность моего настроения. Хватит с меня!

— Ты ведь понимаешь, что это равносильно остановке работы?

— Даже если и так, то разве это моя вина?

— Да не твоя! Не твоя, но мне-то от этого ни черта не легче! — Владимир махнул рукой, сбивая с подоконника кактус, и снова цветасто выругался под нос.

— Прости, я всегда шла тебе навстречу, но что-то подустала тащить на себе все, — смотрела на осколки и обнажившиеся корни и отказывалась чувствовать себя виноватой. — Считаю, подорвалась!

Владимир горестно и протяжно вздохнул и, подтащив стул, уселся напротив меня так, что наши колени соприкасались. Он наклонился вперед и устало закрыл лицо руками, теряя на минуту весь свой стильный лоск и гордую начальственную осанку.

— Аа-а-ань, ну помоги ты им в этот раз! — пробурчал он и посмотрел на меня снизу вверх несчастно.

— Помоги — это, типа, сделай опять все сама? — на самом деле мне его было ужасно жаль, да и вечный дискомфорт от понимания, что работа не будет сделана, никто не отменял. Вот что я за создание такое несуразное в этом смысле?

— Ну, А-а-ань... Я что-то придумаю потом, обещаю! Но сейчас на это времени уже нет!

— Ладно, — со вздохом согласилась, внутренне ругая себя последними словами за

мягкотелость и четко осознавая, что сто раз пожалею. — Но я к тебе не просто так пришла, между прочим!

— Ань, солнышко, все что хочешь! Хочешь, на руках носить буду? — вскочил разом повеселевший начальник и метнулся к своей навороченной кофемашине.

— Да сдались мне твои руки, тем более теперь, когда я знаю, кого и как ты ими трогал! — отмахнулась я. — Я пришла требовать увольнения одного охранника.

— О-па! И, собственно, что стряслось? — кофе был тут же забыт.

— Он... приставал ко мне вчера и сегодня на парковке угрожал! — я скривилась, ощущая себя так, словно раздеваюсь перед ним. Хотя с чего это я должна чувствовать стыд и неловкость в подобной ситуации, но вот поди ж ты, аж вспотела опять.

— То есть приставал... вот прямо приставал или... — Владимир склонил голову набок, изучая меня пристально.

— Вов, вот не думала, что у тебя при таких вопросах приморозит, — раздраженно взмахнула я руками, пытаясь стряхнуть смущение. — Приставал это значит приставал, а не просто отпустил пару сальных шуточек или пялился нахально! Не флиртовал, не пытался подкатить, не был слегка навязчив! Он, черт возьми, лапал меня! Я вообще не понимаю, как такое недоразумение, как он, в службе безопасности держат!

— Ла-а-адно-о-о, я, похоже, даже понимаю, о ком ты. Лет под сорок, вид непрезентабельный, залысины... — Я кивнула. — Комаров. Блин.

— Только не вздумай мне сказать сейчас, что он тоже чей-то протеже и поэтому тут штаны протирает, и уволить его нельзя! — тут же начала я заводиться, видя у Владимира рассеянный взгляд, говорящий о раздумье.

— Да не то чтобы протеже, но он у нас, типа, многодетный, две семьи, дважды в разводе, правда, так что алиментами обвешан от и до... — Владимир явно замаялся, тщательно подбирая слова. — Ань, а что правда все совсем серьезно... ну, то есть ты его не простишь, если он извинится и все такое?

Он смотрел на носки своих дорогих туфель, крутя в руках пустую чашку. Это что сейчас передо мной? Проявление пресловутой мужской солидарности?

— Вов, я что, не в своем уме? Ладно, если бы это было один раз и по пьяни, мне было бы противно, но понять можно. Но он приставал ко мне вчера и прямо угрожал и оскорблял только что, и я уверена, что это будет повторяться, сколько бы раз он там при тебе не извинялся. Он сволочь, мерзкая сволочь и... короче, просто выбирай! Или у тебя на столе приказ о его увольнении или мое заявление об уходе!

— Все, я понял, Ань, вот долбанных попыток бабского шантажа мне на сегодня выше крыши! Ты в полицию ходила? — я помотала головой. — Ну и правильно, не ходи. По-тихому утрясем, не фиг шум поднимать!

Я была не согласна, мне очень хотелось, чтобы мерзавца хоть как-то наказали, но, собственно, черт с ним! Нервы дороже! Поэтому и пошла на рабочее место, давая себе слово, что это последний раз, когда я соглашаюсь на что-то, когда вся моя натура восстает против. И это

касается и работы, и ситуации с этим охранником, вообще всего! Если бы я знала тогда, насколько ошибаюсь, то ужаснулась бы!

Глава 14

Естественно, несмотря на все мои усилия избавиться от принудительно-добровольной работы быстрее, к тому моменту, когда я закончила отчет, за окном было уже совсем темно. Даже то, что я, забив на полные яростного недовольства взгляды, скинула часть всего объема на Светочку, не заботясь, кому она передаст эстафету в силу своей полной бездарности, все не слишком ускорило, но хотя бы душу грело, что в этот раз я не одна сижу тут до такого времени. Решив не повторять своих же ошибок, я вызвала такси прямо из кабинета, попросила подать его к самому крыльцу и не вышла, пока водитель не отзвонился мне, что уже на месте. Так же я не постеснялась попросить его поставить машину перед моим домом так, чтобы фары ярко освещали подъездную дверь, над которой малолетние придурки вечно разбивали лампочки, и подождать, пока я не наберу код и не нырну внутрь. Мои предосторожности оказались излишними. Никто не подждал меня ни снаружи, ни внутри, и поэтому мои сожаления по поводу того, что я повелась на просьбу начальника не подавать заявление, вроде немного рассеялись. С одной стороны, это малодушно, и урод, не добравшись до меня, наверняка возьмется за кого-то еще, но с другой... мне что, больше всех надо, и я чертов черный плащ и борец со злом? Все, чего я хочу, это спокойствия и отсутствия всяких потрясений в моей размеренной жизни, а зная даже издали наше правосудие в действии, понимала, что, обратись я в органы, и начнется бесконечная череда нервотрепок и хождений по казенным домам. Ну, по крайней мере, именно так мне это и виделось.

Ждала ли я, что в дверь позвонят, и я увижу там Его? Нет, конечно. Хотела этого? Да, естественно. Вот только произойди такое, и я не представляла, как себя вести. Но, в конце концов, я слишком устала сегодня, да и, как обычно, первый день месячных, несмотря на горсть обезболивающих, был настоящим мучением, так что я, выбросив все из головы, свернулась калачиком в постели, пригрелась и уснула.

Проснулась от ощущения чужого тяжелого взгляда. Именно взгляда, а не присутствия. Ощущение было таким мощным и обездвиживающим, что я даже потеряла на какое-то время способность дышать. Так, будто на лицо и все тело положили подушку, причем наполнена она была не легкими перьями, а тяжеленным песком или даже дробью. Грудь была так сдавлена, что просто невозможно было вдохнуть. Единственное, что все еще подчинялось мне — это глаза, и я панически осматривала комнату в поисках возможного источника творящегося со мной. Но я была совершенно одна, что, впрочем, никак не помогало справиться с ослепляющей паникой.

Сложно сказать, сколько продолжалось это состояние, но достаточно для того, чтобы в голове помутилось, и перед глазами замельтешили ослепительные разноцветные пятна. А потом давление, чем оно ни было, просто исчезло, оставляя меня трясущейся в собственной постели, жадно и со свистом заглатывающей порции столь необходимого воздуха. Сердце колошматило так, что это вызывало пронзительные уколы боли через каждые несколько ударов. Я села и, опершись о стену, подтянула к себе колени, задаваясь вопросом, а не стоит ли вызвать скорую. Но, однако же, несколько минут спустя стало легче. Кажется, ужасные ощущения были напрямую связаны с накрывшей меня в первый момент паникой и потихоньку шли на убыль вместе с нею.

Ядовито-зеленые цифры сообщили мне, что сейчас четыре утра, но, само собой, о дальнейшем сне не шло и речи. Как только совсем попустило, я почувствовала, что все тело покрыто как пленкой тонким слоем пота, и волосы противно липнут к шее и лицу. Душ я принимала так

долго, что кожа на пальцах побелела и сморщилась, но это помогло ощутить себя почти нормально. Ноги не тряслись, и руки, когда готовила кофе и вынужденный ранний завтрак, почти не дрожали. Правда и идеи — что же это такое было, тоже отсутствовали. Скорее всего, нужно просто пойти и полностью обследоваться. Может у меня и правда проблемы с сердцем или дыхательной системой, которые не давали о себе знать раньше, что совсем не удивительно после того, насколько болезненной я была в детстве. Так уж вышло, что после маминой смерти я не болела ни разу, даже легкой простудой, и регулярные женские недомогания были моей единственной проблемой, но это не значит, что прежняя слабость здоровья не могла вернуться неожиданно и без предупреждения.

В офисе сегодня я была намного раньше остальных, поэтому и позволила себе пойти на поводу у ставшей привычной слабости — постоять у того самого окна, хотя и знала, что слишком рано для Его появления. Рабочий день промчался достаточно быстро, и я бы сказала даже замечательно, учитывая, что Светочка и Ко старательно игнорировали меня, делая вид, будто я вообще не существую, надеясь, видимо, задеть этим своим детским бойкотом, а на деле создавая столь непривычную и благодатную тишину. Никто не прибежал поканючить с вопросами или даже требованиями помочь, а точнее, сделать все за них, и это было просто сказочно. Я могла совершенно спокойно заниматься не только текущими делами и звонками, но и даже без всякой спешки сходить на обед в кои-то веки и во второй половине дня пройтись по вакансиям в сети в фирмах одного с нами профиля. В конце концов, я же не настолько наивна, чтобы поверить, что это спокойствие не зловещее затишье перед тем, как эти стервозины не придумают новый способ отравлять мне жизнь. В то, что Владимир способен или вообще имеет желание хоть как-то на это влиять, я уже просто не верила. Так что да, буду подыскивать что-то. Не слишком срочно, но все же. Около пяти позвонили из сервиса и сообщили, что машину можно забрать, и это окончательно сделало мой день хорошим, и даже ночное происшествие и недостаток сна уже утратили свое тягостное влияние. К тому же я нашла в сети один магазинчик неподалеку, который торговал разными средствами самообороны, и решила, что самое время обзавестись чем-нибудь способным доставить пару минут дискомфорта козлам вроде этого охранника, случись мне снова с подобным столкнуться.

К дому я подъезжала уже на своей машине, и карман приятно грел маленький, но по заверениям продавца мощный электрошокер. Конечно, штуквина производила пугающий треск при демонстрации, от которого у меня самой все обмирало, и газовый баллончик был бы менее радикальным решением, но что поделать, если моя долго дремавшая кровожадность требовала настоящих мучений любому, кто рискнет посягнуть на мое личное пространство снова. И плевать, насколько это негуманно или мстительно с моей стороны. Я отказываюсь снова бояться, вот и все!

Взяв пакеты из продуктового в одну руку, а мое новое орудие самообороны в другую, я почти гордо прошествовала через парковку перед домом и уже почти расслабленно набрала код. Бегло оглядев подъезд, облегченно вздохнула и стала подниматься. Уже преодолевая последние ступеньки, сунула в карман шокер и стала нашаривать ключи. И в этот момент меня, словно не имеющую веса, с огромной силой швырнуло вперед. Причем так, что, пролетев несколько метров, я врезалась в стену и осела — оглушенная и шокированная. В носу что-то хрустнуло, потекли теплые струйки, а в челюсти взорвалась обжигающая боль. В глазах было темно, но мне не нужно было зрение, чтобы понимать, что происходит.

— Ну что, сучка, допрыгалась? А я ведь тебя предупреждал! — Господи, как же я ненавижу этот голос! А от мерзкого запаха дыхания у самого моего лица и ощущения чужого тела, прижимающегося сзади, к горлу стремительно подступает тошнота.

— Ну, вот и пришло время наказания для тебя, дрянь, и веселья для меня! — сипит он и тянет к моей двери.

Горло свело, и попытка ответить или закричать закончилась ничем.

Но ублюдок все равно пытается зажать мне рот и резко выдергивает ключи у меня из рук, раздирая пальцы. Действия, настолько похожие на происходившие в этом же месте совсем недавно, но черта с два это для меня одно и то же, черта с два я смирюсь! Что есть силы, не обращая внимания на треснувшие губы, кусаю сволочь за руку. Он шипит и снова швыряет меня о стену. Я опять оглушена и на грязном полу. Но, несмотря на сильную боль, быстро разворачиваюсь, глядя сквозь черные плавающие перед глазами пятна на агрессора, и одновременно нашаривая в кармане электрошокер. А дальше сразу несколько вещей случаются одновременно: он бьет меня с размаху ногой в солнечное сплетение, мгновенно лишая возможности не то что закричать, но и дышать; я каким-то чудом умудряюсь в этом момент ударить его током прямо в еще не опустившуюся ногу; и он, и я падаем...

Я — задыхаясь и скручиваясь в тугой клубок, он — истошно вопя и катаясь по полу... И тут открываются сразу две двери на моей лестничной клетке. Высовываются соседи, привлеченные в кои-то веки шумом. Охранник взвизгивает на ноги и с непостижимой для такого дряблого и оплывшего создания скоростью уносится вниз, исчезая. Я сквозь накрывающую сознание мутную дымку облегчения вяло размышляю, что у меня точно будут вопросы к продавцу шокера. Я надеялась, что эта скотина похотливая будет валяться в отключке как минимум до приезда полиции. Закрываю глаза, стараюсь справиться с режущей болью под грудью. Все начинают суетиться, звонить, пытаются оказывать мне помощь и собирать расшвырянные повсюду уцелевшие продукты. Только спустя два часа квартиру покидают полицейские с моими и соседскими показаниями, протоколом осмотра места и заключением врачей о нанесенных травмах. Переносной рентген-аппарат такая замечательная штука. Дай Бог сто лет здоровья тому, кто его придумал.

Представить сейчас, что пришлось бы ехать в больницу, чтобы выяснить, нет ли у меня переломов — уже мучение для меня. К счастью, все обошлось ушибами, даже нос не сломан. Есть подозрения на сотрясение, и врачи перед уходом настоятельно рекомендовали вызвать кого-то из родственников, чтобы присмотрели за мной хотя бы сутки. Но единственным родственником был отец, уже 15 лет живущий в другом конце страны, поэтому я только кивала им, не представляя, к кому бы обратиться. Сосед напротив, оказывается, довольно милый парень, даже и не замечала этого раньше. Он заверил их, что зайдет ко мне обязательно, и с тем я их всех и проводила.

Больше всего на свете мне сейчас были нужны тишина и одиночество. В конце концов, мне хотелось просто сесть на дно душевой кабины и прорыдаться, выпуская все напряжение. Что я и сделала. Плакала, хрипя и подвывая от боли физической и душевной. От глупости своей и мягкотелости, за которую и поплатилась. И от того, что мамы нет так давно рядом и меня некому просто по голове в эту минуту погладить. От того, что я такое недоразумение, не желающая никого в своей жизни и при этом прямо сейчас ощущающая, насколько пусто рядом. От разочарования, что Он, столько недель являясь тем, вокруг кого вращались мои мысли и желания, мелькнув на мгновение в моей жизни, исчез без следа. Выплеснув наружу все, что в диком напряжении скручивало нутро, я почувствовала облегчение. Обезболивающие тоже уже работали вовсю, так что хватит разводить нюни, надо спать, потому что, когда закончится действие обезболивающих, уснуть будет уже проблематично. Проверив еще раз дверь, я доплелась до дивана и отключилась почти мгновенно.

Глава 15

Звук, сверлящий мозг. Бум-бум-бум. Снова зудение, вытягивающее сознание из блаженного покоя, до краев наполненного умиротворяющими красками и запахами, тихим шепотом чего-то, в чем жизнь так насыщена и неоспорима. Через силу разлепляю глаза, чтобы тут же скривиться. Шторы не закрыты, а за окном, оказывается, давно один из ярких осенних дней, и комната полна ослепительного солнечного света, который в нынешнем состоянии причиняет не меньший дискомфорт, чем перемежающиеся звуки дверного звонка и стука. Припомнив в подробностях все вчерашние события, я предполагаю, что причина всей суеты — сосед, пообещавший врачам со «Скорой» присмотреть за мной. Глазка у меня нет, но есть цепочка, и я накидываю ее перед тем как открыть замок. К черту, береженую Бог бережет!

За дверью милого, но навязчивого соседа не обнаруживается, но зато есть пара незнакомых мужиков, один из них в полицейской форме. Я моргаю, уставившись в удостоверение, которое одетый в штатское сунул к самой щели в двери, и медленно начинаю улавливать смысл слов, что они произносят.

— Коломина? Анна Коломина? — слишком громко говорит он.

— Да, — сиплю я, поморщившись, и разглядываю этого шумного типа с явно кавказскими корнями, пока он прячет документ в нагрудный карман.

— Следователь Амиранов. Вам придется проехать с нами! — еще громче и с нажимом произносит он с легким акцентом.

— Послушайте, я дала вчера уже все пояснения и прямо сейчас не в форме для общения с полицией, — пытаюсь избавиться от них я. Вот так и знала, что ничего кроме головной боли не дождусь. — Давайте вы вручите мне повестку, или как у вас там, а я приду в себя и явлюсь.

— Гражданка Коломина, а может, вы не будете учить меня, как следует производить следственные действия! — в тоне молодого мужчины нет и грамма тепла. Мне обидно. Разве не я тут жертва?

— Послушайте, вы что, слепой? Посмотрите на меня! — раздражаюсь я. — Похоже на то, что я сейчас в состоянии сейчас куда-то с кем-то проезжать? У меня постельный режим вообще-то!

— Вот уж простите, но не вижу с первого взгляда внешних признаков, способных этому помешать! — язвительно отвечает Амиранов, пройдясь глазами по мне сверху до низу. — Но если вы хотите препятствовать работе следствия, то я могу вызвать ОМОН, и они вынесут вашу дверь и закуют вас в наручники, но вы все равно окажетесь на допросе уже сегодня.

Нет, ну это уже ни в какие ворота не лезет! Он ненормальный, что ли?

— Какого хрена вы несете! — возмущаюсь я и открываю дверь полностью. — Вы, простите, идиот или правда проблемы со зрением? Я здесь пострадавшая! С каких таких пор с жертвами общаются при помощи ОМОНа?

— Оскорбление лица при исполнении выйдет вам боком. И если уж вам интересно, то я вижу, что вы вполне в порядке, гражданка Коломина, а вот про господина Комарова, чей обезображенный труп был найден сегодня ранним утром, того же не скажешь!

— Что-о-о? — совершенно опешила я, теряя голос. — Что значит труп?

— У этого слова только одно значение, насколько мне помнится, — съехидничал полицейский.

— Вы думаете, что я... Да вы в своем уме? Это я жертва нападения, я! И что бы там с этим козлом после не случилось, я сожалеть не собираюсь, уж точно я тут ни при чем!

— На вашем месте я тщательней выбирал бы слова, гражданка Коломина. Каждое из них может быть истолковано отнюдь не в вашу пользу.

— Да к черту тщательность! Эта сволочь домогалась меня, оскорблял, угрожал и даже напал вчера! И после этого я должна быть той, кто должен слова выбирать? — Следователь, на секунду замешкавшись, осматривает меня еще раз, но потом почему-то хмурится.

— Не собираюсь с вами препираться, гражданка Коломина! Вы едете к нам в управление прямо сейчас. Вопрос лишь в том, желаете ли это сделать в пижаме или все же предпочтете приличнее одеться? — в его голосе уже откровенная угроза и нет и намека на сочувствие ко мне.

Я зависаю от обиды и негодования, но четко по его взгляду понимаю, что если стану спорить и скандалить, то сделаю хуже только себе.

— Оставайтесь снаружи! — тыкаю пальцем в следователя и направляюсь в комнату.

— Да ради Бога! — равнодушно соглашается полицейский. — Ровно до тех пор пока не получу ордера на обыск!

Я в совершенном раздразе и жутко зла. Влетаю в комнату, хлопнув дверью и тут же зависаю, увидев свое отражение в здоровенном зеркале шкафа-купе. Разбитые губы, синяки на челюсти и, наверное, под глазами, распухший нос... вот что я по идее должна там обнаружить. Но ничего подобного нет! Просто моя бледная со сна неумытая физиономия с распахнутыми в изумлении глазами. Провожу рукой по лицу и даже жму на переносицу и подбородок. Но ничего! Ни гематом, ни боли, ни счесанной кожи. Отдираю пластырь и смотрю на пальцы, на которых вчера ключи оставили глубокие царапины, и вижу только ровную чистую кожу.

— Что за черт? — бормочу испуганно и шокировано и резкими движениями сдергиваю пижаму. Верчусь перед зеркалом, выворачивая шею и выискивая хоть один темный след или ссадину, но безуспешно.

— Гражданка Коломина, прошу поторопиться! — кричит мне следователь, напоминая, что отсутствие травм сейчас не главная моя проблема.

Трясущимися руками я натягиваю первое, что попало под руки, и выхожу к полицейским, все еще ошарашенная своим необычным исцелением.

— Послушайте, я не знаю, как это объяснить... но у меня вчера точно были травмы... а сейчас их нет. Совсем. Может, мне сначала к доктору надо, а потом к вам? — рассеянно бормочу я, снова глядя на себя в то самое зеркало в прихожей.

— Если вам нужен доктор, то у нас есть свои! — жестко отвечает Амиранов. — В том числе и те, кто может отличить мнимое заболевание или повреждение от реального, поэтому не стоит сейчас на мне пробовать эти штучки с неадекватностью. Наши психиатры вас на раз раскусят так и знайте.

— Психиатры? — я поражена до такой степени, что в какой-то момент думаю, что, может, он не так уж и не прав. Какое логическое объяснение для исчезновения всех следов нападения?

Я настолько озадачена, что мне совсем плевать, что мои соседи опять стоят на лестничной клетке и смотрят на меня теперь не столько сочувственно, сколько настороженно. Еще больше холодно-любопытных взглядов снаружи, когда меня сажают на заднее сидение полицейской машины, как самую настоящую преступницу. Как после вчерашнего это может происходить со мной?

— У вас есть адвокат? — через плечо спрашивает следователь.

— А? Есть на фирме, в которой работаю, — бормочу я, пытаюсь вспомнить, занимается ли штатный юрист уголовными делами.

— Тогда вам лучше связаться с ним. Думаю, он вам очень понадобится, — он слегка усмехается, и от этого у меня как глыба льда бухается с размаху в желудок, да там и остается.

Я набираю номер и слушаю гудки.

— Радин слушает, — наконец отвечают мне.

— Петр Андреевич, это Коломина, мне нужна ваша профессиональная помощь. Прямо сейчас, — приглушенно бормочу я.

— Э-э-эм, в чем она, собственно, должна выражаться? — оживает мужчина.

— Меня задержала полиция, и наверняка нужно ваше присутствие, чтобы как-то выяснить это недоразумение, — при последнем слове следователь насмешливо фыркает.

— Вот как! А в чем вас обвиняют, Анна?

— Кажется, в убийстве, — едва могу выговорить я.

— Не кажется, а в убийстве с особой жестокостью и цинизмом! — говорит Амиранов нарочито громко, так чтобы на том конце слышали.

— Та-а-ак! — тянет Радин. — Ни с кем не говорите, пока я не приеду! Вы меня поняли, Анна?

— Да, я поняла, — отвечаю ему, пытаюсь себе представить, кто и что настолько ужасного мог сотворить с пресловутым Комаровым, чтобы мне предъявляли подобные обвинения. Мое воображение отказывается работать в этом направлении. Но вскоре это становится и не нужно. Потому что как только мы оказывается в кабинете следователя, он выкладывает на стол несколько больших цветных фотографий с места происшествия. И я, лишь взглянув на них, буквально падаю на четвереньки — настолько мощный рвотный спазм сводит не только мой желудок, но и все тело.

Глава 16

Двое громил, одетых лишь в свободные штаны из грубой сероватой ткани, подтащили визжащего и огрызающегося немолодого мужчину к облезлой, покрытой непристойными граффити стене заброшенного дома, предназначенного под снос. От вещей несчастного остались практически одни пыльные лохмотья, сваливающиеся с него, и повсюду в прорехах были видны раны и ссадины. Несмотря на отчаянные попытки вырваться и удары ногами, здоровяки с бесстрастными лицами подняли его, чесанув спиной по шербоатой поверхности и зафиксировав так, чтобы их жертва едва касалась пола, и замерли, удерживая каждый свою руку. Грязное, заваленное разным хламом помещение освещалось только двумя странными

круглыми светильниками, непонятно как парящими чуть выше голов прямо в воздухе. Внутри каждого как будто переливалось всеми оттенками от красно-оранжевого до золотисто-желтого пойманное в замкнутую сферу пламя. От этого все происходящее было покрыто пугающими отблесками, а дальняя часть комнаты и углы тонули в густых тенях. Еще двое не менее громадных мужчин наблюдали бесстрастно за их действиями. Как и нападавшие, они были раздеты по пояс и босы. Захваченный продолжал ожесточенное сопротивление, и, несмотря на его отнюдь не хилое сложение, тем, кто его удерживал, явно приходилось нелегко. Их внушительные мускулы бугрились и подрагивали в отчетливом напряжении, а на покрытой причудливой вязью татуировок коже выступил обильный пот. Но и они, и остальные молча терпели вопли, оскорбления и даже удары, которыми их щедро осыпала жертва, и только пристально смотрели в совершенно темный угол комнаты, будто чего-то ожидая. Но вот из мрака стремительно появился еще один человек. Мужчина еще более впечатляющего сложения, чем остальные и, в отличие от первых, он был полностью одет. Строгий костюм хоть и сидел на нем идеально, что выдавало сшитую на заказ вещь, смотрелся на этом пришельце совершенно неуместно. Как, впрочем, и его ослепительно белая рубашка в таком месте и этой ситуации. Без всяких остановок он выудил непонятно откуда два кинжала с серебряными, инкрустированными черным агатом рукоятками и воткнул каждый в центр ладоней удерживаемого. Лезвия с пугающим скрежетом вошли в старый кирпич, будто он был мягким маслом, буквально пригвозждая цель к стене. Последовала серия еще более истошных воплей и проклятий, но, не обращая на это внимания, вновь прибывший дал знак полуобнаженным подручным отойти. Сам же он, словно забыв о вопящем, практически распятом человеке, стал спокойно прохаживаться по комнате, брезгливо отпихивая носками дорогих туфель разнообразный хлам со своего пути. Через время вопли стихли и превратились в невнятное грубое бормотание и стало очевидно, что, несмотря на возможную жуткую боль и естественную в подобной ситуации панику, пострадавший неотрывно и цепко следит за движениями пригвоздившего его мужчины, и глубоко посаженные, прищуренные глаза хоть и полны ненависти, но абсолютно ясны, не подернуты пеленой страдания. Еще какое-то время ситуация в комнате никак не менялась. Четверо раздетых по пояс громил неподвижно стояли у противоположной стены, устрашающий пришелец расхаживал туда-сюда не торопясь, а обездвиженный таким жутким образом мужчина продолжал жалобно всхлипывать и бормотать, неотрывно при этом следя за обстановкой.

— Не понимаю, что вам нужно, — скулил он, но теперь в голосе ощущалась фальшь. — Кто вы такие-е-е? Что я вам сделал? Что я сделал?

— Хочешь продолжать всю ночь, орjak? — наконец равнодушно произнес мрачный пришелец, не прекращая монотонные передвижения по комнате.

Мужчина у стены дернулся, глухо ударяясь головой, обмер и замолк. Потом выпрямился, становясь как будто выше ростом, подтягиваясь на пронзенных ладонях, словно и не ощущал в них боли. При этом все тело и лицо неуловимо потекло, меняясь на глазах. И если и раньше пострадавший не выглядел привлекательным человеком, то теперь и подавно. Фигура оплыла, становясь совсем бесформенной, а кожа на лице посерела и буквально обвисла, покрываясь сотнями морщин.

— Не орjak! — каркнул он заносчиво и совсем другим тембром голоса. — Мяцкай!

— Думаешь мне не наплевать, червяк? — Мужчина продолжил свои хождения и даже не смотрел на собеседника. — Все, что сейчас важно, это как ты посмел посягнуть на то, что я обозначил как принадлежащее мне? И не пытайся солгать, что не почувствовал на человеке моей метки!

— Почувствовал, асраи, еще как почувствовал! Да только ты, видно, позабыл, что здесь, за завесой, другие законы! Тебе не принадлежит и метра земли, по которой она ходила, а значит, не твоя по умолчанию или потому, что на нее упал твой взгляд! Мир Младших — зона свободной охоты, и тут действует только право первенства! А я первым пометил ту аппетитную сучку как свою добычу! Так что посягнул как раз тут ты, асраи! — Наглая усмешка, больше похожая на отвратительный оскал, окончательно наложила маску уродства на лицо недавнего страдальца. Он дернулся, пытаясь вырвать ножи из стен, но потерпел неудачу, и лишь кровь потоком полилась вниз по рукам.

— Даже если бы я и правда был асраи, как мои воины, то и тогда такой жалкий паразит, как ты, не имел бы никакого права по обе стороны завесы притязать на то, что я пожелаю присвоить! Там по праву владетеля, здесь — по праву сильнейшего! Тебе следовало бежать что есть сил, когда ты почуял мою метку. Но я всегда подозревал, что низшие недодемоны вроде вас, оряков, даже тупее животных. Только и способны, что бездумно жрать да спариваться, и слишком безмозглы даже для того, чтобы иметь инстинкт самосохранения.

— Я мяцкай! Я настоящий демон, а не его жалкое подобие, как оряки! — задергался и заплевался словами в ответ прикованный. — И такой же охотник, как и вы! Я выбрал идеальную жертву, она моя по праву первенства! Моя, а не твоя! Я не откажусь от своего, и мне плевать, что и кто ты за завесой!

— Ты смеешь сравнивать себя с нами и называть себя охотником? Ты паразит, у которого нет даже своего тела, хотя бы смертного, живущий, подсасываясь к слабовольным, никчемным, изгадившим свое существование людишкам, и превращающий их в кучку гнили! — голос мужчины зазвучал гневно и мощно, заполняя все вокруг исходящей от него дикой силой, и, кажется, даже стены от этого застонали, вибрируя.

— Зато, в отличие от тебя, я могу с легкостью менять тела, а не вынужден вечность носить на себе уродливые шрамы своих поражений и ошибок! — не испугался его ярости называющий себя демоном. — Наверняка другие асраи с тобой и трапезу не разделят. Побрезгуют твоей кривой рожей, да и в твою постель очереди нет, а то не бросился бы на мое, как голодная собака на сахарную кость! Что, в мире Младших так мало других женщин? Отвали от той, которую хочу я!

— Ничтожество, ты хоть знаешь, с кем говоришь! — не выдержал один из молчаливо до этого стоящих у стены, но собеседник демона остановил его резким жестом, и тот согнулся, бормоча: — Прости, деспот!

— Деспот? Что это за титул такой?! — презрительно выкрикнул прикованный.

— Зачем это говорить тому, кто никогда и не был за завесой? — равнодушно отозвался деспот. — У такого никогда не достало бы сил или смелости пересечь ее и попробовать жить в Закатном королевстве или хоть на его дальних границах. Вот он и питается тут всякими отбросами и дерьмом. И жил бы дальше, ползая в человеческом мусоре, червь, если бы не посмел поднять голову и возжелать того, что родилось не для такого ничтожества!

— Да кому сдалось ваше проклятое Закатное королевство! Я здесь сыт и доволен, и мне не нужно бороться за пищу и территорию с каждой безумной тварью, которыми там все кишит! А от этой суки не отступлюсь! Я был первым! А ты сходи к местным шлюхам, асраи, они, когда увидят деньги, перестанут замечать твои уродливые шрамы.

— Мои шрамы, ничтожный оряк, не порок или недостаток, а свидетельства моих прежних

побед и предупреждение каждому, рискующему бросить новый вызов, что я, в отличие от большинства моих соплеменников, воин, готовый побеждать любой ценой и драться так жестоко и кроваво, как только потребуется. Да, я дикарь, оскорбляющий их чувство прекрасного, но тот дикарь, с которым не могут не считаться! Хотя тебе этого знать не обязательно. Ты недостойн потраченного дыхания на разговор с тобой. Я пришел просто казнить тебя за нанесенное мне оскорбление и не буду тратить время понапрасну.

— Я мяцкай! — в бешенстве взревел пригвожденный и рванулся вперед, скалясь и плюясь. — Да что ты можешь мне сделать? Пытай сколько угодно и калечь эту никчемную оболочку, можешь убить, я просто сменю ее на более новую и приду за моей выбранной жертвой снова! А еще я стану охотиться на тебя, асраи, потому что с этой стороны завесы как раз ты жалкий червяк со смертным телом, и я постараюсь сделать многое, чтобы ты это сполна прочувствовал!

— Ты не слушал меня, паразит, — усмехнувшись, ответил мрачный пришелец. — Я всегда добиваюсь победы во всем, за что бы не взялся, и чего бы это не стоило. И я не асраи, я дини ши!

— И о чем мне это должно сказать? — мгновенно насторожился мяцкай.

— О том, что я, всегда иду до конца!

Деспот сделал знак остальным, и они поднесли нечто, укрытое поблескивающим покрывалом, которое при ближайшем рассмотрении было круглым латным полотном, скорее всего, серебряным. Огромный мужчина сделал такой долгий глубокий вдох, что рубашка затрещала на его грудной клетке, и сунул внутрь этого странного свертка правую руку. Что-то громко лязгнуло, и он содрогнулся всем телом. Послышалось неприятное потрескивание, и ему вторило болезненное шипение мужчины. Он мотнул головой, и остальные почти шарахнулись от него, сдергивая с руки металлическое плетение и обнажая взглядам некое подобие массивного кастета или железной перчатки без пальцев, накрывающего теперь почти всю тыльную часть руки деспота. Станный предмет был сплошь покрыт выпуклыми знаками и медленно менял цвет с черного на красный, одновременно распространяя вокруг жар и запах паленого мяса.

— Что это такое? — голос мяцкай тут же опять сорвался на истерический визг, и он забился еще сильнее, чем раньше, но, похоже, ему больше никто ничего объяснить не собирался.

— Ты ведь знаешь, что у моего народа нет способности прощать обиды и миловать врагов. А еще мы физически не выносим, когда кто-то посягает на то, что считаем своим. Отобрать у нас что-то можно, только убив. Никто из тех, кто нанес мне оскорбление, не выжил, жалкое подобие демона. Никто из тех, кто посягнул на мое, словом или возложением рук, не выжил. И никто из них не смог бы сказать, что смерть спустилась к ним на мягких крыльях.

Станный кастет совершенно раскалился, и комнату наполнил шипящий звук и тошнотворный запах горящей заживо плоти.

— Приговариваю тебя к истинной смерти! — прорычал деспот сквозь сплошной истошный вопль демона и впечатал пылающий металл прямо ему в лоб. — Ты навеки прикован к этому телу, впаян в его кости. Приговариваю чувствовать все, что мог бы чувствовать тот, кто был в нем рожден. Твои последние часы будут очень насыщенными!

Крик мяцкай стал почти ультразвуком, и стоящие позади полуобнаженные мужчины согнулись, зажимая уши и почти падая на колени. Не мешкая, деспот поставил вторую печать

прямо в район диафрагмы демона. И тут же наступила тишина, и он перестал биться. Деспот же с грубым стоном стряхнул артефакт, который уже успел сжечь его кисть до костей. Метал звонко запрыгал по полу, постепенно остывая и угасая. Помощники ринулись к своему хозяину, но он снова остановил их рваным движением здоровой руки. Сунув больную кисть в карман, он отвернулся и пошел к двери.

— Замыкающую печать верните на место! Вытащите из него воспоминания о каждой жертве и заставьте пережить их мучения, верните каждую каплю этому паразиту. А потом пусть он сдохнет. Не слишком торопитесь с последним!

Глава 17

Больше часа просидела в кабинете следователя, упорно глядя на свои руки, сложенные на коленях, и стараясь не поднимать глаза выше, чтобы случайно не наткнуться опять на ужас, изображенный на фото. Амиранов и не подумал их убрать и совершенно безразлично взирал на то, как меня скручивает в сухих спазмах после увиденного. Как только я смогла дышать, то заявила, что говорить не стану, пока не придет адвокат, и он, равнодушно пожав плечами, уселся напротив.

— Зато я буду, гражданка Коломина, — «обрадовал» он меня.

Мужчина взял со стола какие-то документы и стал монотонно, без всяких эмоций, зачитывать список травм и увечий, зафиксированных на трупе. И все, что я могла делать, это запрещать ужасным картинам, порожденным его словами, обретать плотность и краски в моем разуме. Я сфокусировала взгляд в районе его переносицы и густых, широких бровей с первой проседью и контролировала свое дыхание, отгораживаясь и повторяя, что это все ко мне не имеет никакого отношения. Но вскоре поняла, что моя смехотворная защита не работает.

— Послушайте, вы всерьез считаете, что я могла бы сотворить с человеком такое? — не выдержала, нарушая свое же намерение молчать, как рыба, до приезда Радина. — Даже не говоря о том, что чисто физически, как мне справиться со здоровым мужиком, какой больной на голову нужно быть, чтобы вот так искромсать кого-то? И что он просто по доброте душевной позволил мне все это с собой делать?

Следователь откинулся на стуле и заулыбался так хищно и недобро, будто, просто открыв сейчас рот, я уже полностью признала свою вину.

— Я достаточно работаю в отделе убийств и знаю, что решает все степень испытываемой ненависти и достаточное желание причинить вред, — в манере всезнающего учителя произнес он, и я не смогла скрыть гримасы от этого его покровительственного тона. — Все остальное частности, гражданка Коломина, которые люди легко преодолевают, добиваясь цели. И большая ошибка считать женщин неспособными на зверства или отвратительные поступки. Тут уж как раз наоборот. Женщины хитрее, изворотливее и гораздо изобретательней и начисто лишены сочувствия или жалости к тем, кого ненавидят по настоящему, — продолжил он вещать мне как туповатой. — Сила мужчины ничего не значит, когда его завлекут обманом, опоят или вырубят. Тем более, что в этом конкретном случае характер повреждений явно указывает на сильную личную неприязнь, причем с явным сексуальным подтекстом, учитывая, что жертва зверски оскоплена. К тому же, я совсем не утверждаю, что вы действовали в одиночку.

— Знаете, что? — разозлилась я. — А лично мне характер вашего поведения говорит, что вы либо терпеть не можете женщин в принципе, либо почему-то вам именно я не угодила!

— Зря вы все, гражданка Коломина, сводите к личностям, — ухмыльнулся он. — Это только подтверждает мое общее впечатление о вас.

— Да плевать мне! Какое у вас может быть обо мне впечатление, если вы меня знать не знаете! — почти выкрикнула, но тут же одернула себя. Стоп, Аня! У него же на роже самодовольной написано, что он получает прямо-таки удовольствие, доводя меня до трясучки! Это что, методы работы следствия, или мужик просто кайфует, наматывая чьи-то нервы на кулак?

— Ну почему же, — невозмутимо возразил Амиранов. — Некий ваш портрет составил. Мы ведь тут не зря, как говорится, хлеб едим.

— С маслом? — не смогла я вовремя прикусить язык. Портретист недоделанный!

— Не переживайте за мой рацион, гражданка Коломина, он у меня сбалансированный! — недобро прищурил он на меня карие глаза.

Ну, еще бы не сбалансированный! Людские нервы жрешь, скотина!

— Я сегодня ночью в сводке читал рапорт как раз о нападении на вас. Еще подумал, бедная женщина, натерпелась, — в своей раздражающе-нудной манере продолжил следователь. — Когда нашли труп Комарова, однако, задумался. А пока мы искали вас и успели на работе побывать, и я послушал, как коллеги отзываются и о погибшем, и о вас, то составил полную картину.

— Искали? — недоуменно заморгала я. — Зачем меня искать, я все время в квартире у себя была!

— Да неужели? Вы на время смотрели? — Я глянула на экран телефона, который сжимала в потной руке. Ничего себе, 17:32! Почти весь день прошел. Если я здесь около часа, плюс минут сорок на сборы и дорогу... Куда девалось столько часов моей жизни?

— Что, такой крепкий сон, что не слышали, как к вам несколько раз звонил и стучался сосед, дважды заходил участковый, и проснулись только к моему приезду? Такая честь для меня! — ехидно прокомментировал мое выражение лица Амиранов.

— Хватит издеваться! Я действительно никого и ничего не слышала!

— Ладно, даже если в это поверить, то расскажите, как вчерашняя жертва жесточайшего нападения может сегодня выглядеть как вы. То есть абсолютно здоровой! Если честно, когда вы открыли дверь и я разглядел вас, то понял все окончательно.

Вот сейчас он выглядел почти торжествующим. Боже, какой же придурок!

— Не поделитесь посетившим откровением? — язвительно спросила я.

— С удовольствием, гражданка Коломина. Вы накануне добивались увольнения Комарова с вашего общего места работы. Причины, вами двигавшие, я пока опущу. Узнав же, что мужчина, к которому вы по некоей причине испытывали столь сильную личную неприязнь, не уволен, а просто переведен в другой офис и даже не получил никаких взысканий, вы, госпожа Коломина, что называется, закусили. — Мысль о том, какая же все-таки лживая скотина мой директор, мелькнула, но исчезла. Не в нем сейчас моя проблема. — Я твердо уверен, что вы нашли сообщника и, дабы обеспечить себе алиби, вчера инсценировали попытку собственного

изнасилования и даже искусно симитировали нападение на себя.

— Я ничего не имитировала! Она едва не убил меня! — снова сорвалась я, но тут же приказала себе успокоиться. — У меня есть свидетели, и врачи со скорой зафиксировали мои травмы.

— Те самые, которых теперь почему-то нет? — скривился Амиранов, всем видом говоря: «кого ты дуришь?».

— Я не знаю, почему так!

— А я знаю. Врачи прибыли на место намного раньше полиции, и вы просто вступили с ними в сговор. Думаете, вы первая такая умная? У нас на «Скорой» не настолько богатые ребята пашут, чтобы отказываться от лишней копейки. Но я заставлю их правду сказать, уж поверьте, — зловеще заверил меня он.

— Да ни с кем я не сговаривалась! Зачем? Мои соседи видели Комарова! — Что же за дурдом такой-то!

— Мы опросили соседей. На самом деле они слышали шум, видели вас на полу, в крови и беспорядок на лестничной клетке, но самого гипотетического агрессора никто не успел увидеть. А знаете почему? Потому что его не было! — Физиономия у Амиранова была такая, будто он прямо ожидал аплодисментов своей потрясающей дедукции сей же момент.

— По-вашему, я сама себя избила? — Чертов ты великий сыщик!

— Не избили, госпожа Коломина, а просто привели в беспорядок одежду, испачкались заранее приготовленной кровью, разбросали все и шумели, чтобы привлечь внимание соседей.

— Чуть какая-то! Знаете, что? Вам детективные романы писать, господин Амиранов! У вас такое богатое воображение!

— Я себя неплохо и на своем месте чувствую.

— Ну и прекрасно! И вообще, разве вы имеете право меня допрашивать без адвоката?

— А никто тут допрос и не ведет, гражданка Коломина! — ухмыльнулся мужчина. — Мы беседуем, просто ведем диалог, а это законом не запрещено.

— То есть допрашивать вы меня сейчас не можете, но мозг выносить — пожалуйста?

— Можно и так сказать.

— Тогда, я отказываюсь с вами и дальше вести, как вы выразились, диалог, — заявила я, демонстративно садясь боком на неудобном стуле, чтобы больше даже не смотреть на Амиранова.

Ну и пусть это похоже на детскую выходку, нежели хоть на крошечную победу с моей стороны, мне сейчас на это плевать!

— Ваше право!

Больше ко мне лично Амиранов не обращался, а только вел с кем-то оживленный разговор по телефону, в смысл которого я не вслушивалась, потому как сам его голос уже слышать не хотелось. Но, несмотря на то, что меня вроде оставили в покое, я ощущала растущее в

помещении напряжение, и от него у меня даже мышцы спины сводило от боли. Я едва могла скрыть вздох облегчения, когда Радин наконец вошел в кабинет моего мучителя. Готова была вцепиться в полы его серого пиджака и умолять увести поскорее. Быстро поздоровавшись, адвокат вежливо, но настойчиво попросил Амиранова дать нам пять минут наедине.

— Я никого не убивала, — выпалила я, как только за следователем закрылась дверь.

— Анна, я здесь в качестве вашего адвоката, а значит, априори придерживаюсь версии вашей невинности, — сухо кивнул адвокат. — Мне, во-первых, нужно, чтобы вы подписали некоторые документы, дабы узаконить то, что я представляю ваши права. А во-вторых, просто чтобы я знал, укажите сразу, с какой стороны мы можем ждать неприятностей?

То есть вопрос, убила ли я Комарова на самом деле, Радина вообще не занимает. Да и черт с ним! Я просто хочу, чтобы все это безумие прекратилось. Хочу уйти отсюда, никогда не видеть больше мерзкое лицо Амиранова. И вообще, я голодная как собака, устала, хочу в душ и опять в свою кровать. Просто лежать и слушать уютную привычную тишину собственной квартиры и знать, что никому ничего от меня не нужно.

— Если под неприятностями вы подразумеваете, может ли следствие раскопать что-то, то повторюсь еще раз: я не убивала Комарова, я никого не нанимала сделать это, я никому никогда не говорила, что хочу его смерти, и я даже, черт возьми, никогда не желала ему сдохнуть! Хотя он, безусловно, не был хорошим человеком, и здравствовать я ему тоже не желала!

— Хорошо, я вас понял, Анна! — деловито кивнул мужчина. — Подпишите и предоставьте дальше действовать мне.

— Вы ведь не позволите этому Амиранову посадить меня за то, что я не делала? — посмотрела на него с надеждой, скрывать которую даже не хотела.

— Анна, успокойтесь. Я сейчас еще изучу материалы, но не думаю, что у следствия есть даже основания для вашего временного задержания, — его уверенный и спокойный тон даже ошарашил меня.

— Как же! Амиранов мне угрожал, что если я не поеду с ними, то он вызовет ОМОН, и они меня силой потащат.

— Вот как? — в светло-голубых глазах адвоката мелькнуло почти хищное оживление. — А вот это уже интересно. Постановление он вам предъявлял?

— Он мне только удостоверение показал, — нахмурилась я, припоминая.

— Сукин сын, — усмехнулся Радин. — Ну, он у меня попляшет. Он просто надеялся на то, что ему удастся морально задавить вас, Анна, и вы, испугавшись, выдадите себя. А он раз — и молодец, раскрыл громкое убийство в течении нескольких часов.

— Я не могу выдать себя, если ни в чем не виновата! — посчитала я нужным ему напомнить.

— Вы не представляете, как легко сбить с толку, запутать и вынудить себя оговорить испуганного или выбитого из психологического равновесия человека. А потом разгрести это весьма трудно.

— Надеюсь, я ничего такого не сказала, — виновато пробормотала я.

— Я же просил вообще с ними не общаться, — немного укоризненно покачал мужчина головой.

— Простите. Я не выдержала...

— Ладно, не думаю, что все так плохо. Давайте приступим и сделаем так, чтобы вы как можно скорее могли попасть домой.

Дальше, после возвращения Амиранова, все происходило на удивление быстро. Радин произнес короткую, но, видимо, весьма весомую речь о каких-то процессуальных нарушениях, допущенных в отношении меня, и господин следователь, как ни странно, выслушал его с видом смиренной овцы. Надо же, какая метаморфоза! Последовавший далее допрос был откровенно формальным и заключался в том, что я назвала свои имя, фамилию и прочие данные и ответила максимум на десяток вопросов о том, где была и чем занималась с такого-то по такое время, уверена ли я, есть ли этому свидетели и, собственно, все. Все это Амиранов явно с нарочитой медлительностью вносил в протокол, а в кабинете тянулись минуты тишины, разбавленные только тихим стуком клавиш и тиканьем настенных часов.

— Думаю, моя клиентка и так уже дала достаточно пояснений и чрезвычайно устала, — сухо объявил Радин сразу после этого, и, о чудо! Амиранов даже не посмел ему возразить. — Если вам нечего ей предъявить, или нет материалов, с которыми она должна ознакомиться, мы бы хотели вас покинуть.

Радин пробежался взглядом по протоколу, который отпечатал Амиранов, потребовал вычеркнуть пару фраз, передал его мне. Я тоже его прочитала и подписала там, где сказали.

— Ну, что же, теперь нам точно пора, — засобиравшись адвокат, жестом предлагая мне подняться.

Ответом опять же было что-то невнятное об экспертизах, моем обязательном медицинском освидетельствовании, а потом Амиранов сунул мне бумагу с подпиской о невыезде и повестку на следующий понедельник. После одобряющего кивка Радина я расписалась, получила обратно свой паспорт, и мы покинули проклятый кабинет к моей огромной радости.

Глянув на телефон, я поняла, что, хоть мне казалось, будто все происходило довольно быстро, на самом деле было уже половина девятого. Радин предложил заехать перекусить, что мы и сделали, и во время этого ужина он все продолжал мне объяснять, как и что будет происходить дальше, что мне можно делать и говорить, а чего не стоит. Но я слишком устала, и, как ни старалась отложить все у себя в голове, единственное, что царило в моем разуме — это чувство облегчения и некоторое онемение. Думать ни о завтрашнем дне, ни о дальнейшем будущем, ни о самом факте зверского убийства Комарова, ни о чем вообще не хотелось.

Когда меня любезно подкинули к дому, был уже поздний вечер. К счастью, ни с кем из соседей я не столкнулась. Не то чтобы для меня имело значение, что они теперь обо мне думают, просто не хотелось бы говорить сейчас ни с кем.

Откупорив бутылку красного вина, которая стояла в холодильнике с прошлого Нового года, взяла ее и бокал в ванную. Забравшись по самую шею в ароматную пену, цедила терпкую жидкость по глотку, желая ощутить, как отпускает напряжение по мере того, как алкоголь распространяется по крови. Поэтому, когда требовательный долгий звонок снова привел мои нервы в натянутое до звона состояние, я, смачно выругавшись, натянула халат и понеслась к двери. Резко распахнув ее, уже была готова обрушить целый поток площадной брани на голову

неудачника, явившегося столь не вовремя. И тут же поперхнулась словами, сталкиваясь с Его гневным взглядом.

— Где ты была?

Глава 18

Не знаю, что было причиной: мое общее до предела вымотанное сознание, алкоголь, разочарование от его стремительного безмолвного исчезновения или все вместе, но я ляпнула: «А кто, черт возьми, спрашивает?!», даже не потрудившись прикрутить уровень злости в тоне.

Он прищурился совсем уж недобро и чуть наклонился, чтобы Его нос оказался почти на одном уровне с моей щекой, и снова сделал эту странную вещь. Протяжным вдохом втянул воздух, словно приняв себя, и потом резко выдохнул, и от этого по всей моей влажной коже пронеслась волна электричества, оставляя повсюду тысячи крошечных болезненно сладких укусов. Я судорожно всхлипнула, справляясь с реакцией тела, но от этого только стало хуже, потому что теперь эффект от Его вторжения в мое личное пространство оказался в сто раз усилен облаком экзотично-тревожного запаха, который я так хорошо запомнила с прошлого раза.

— Тебе напомнить? — Не голос — грубый рокот, от которого тут же, как по щелчку проснулась та самая дикая смесь похоти и страха, что так подставила меня в прошлый раз. Я оцепенела и не то что не смогла ответить, кажется, вообще забыла о существовании осмысленной речи.

Но черта с два Ему требовался мой ответ. Он просто шагнул внутрь, обхватывая меня за талию, передвигая, словно невесомую куклу, и мы оказались стоящими у зеркала в прихожей совсем как в первый раз. Я — бледная, с распахнутыми ополоумевшими глазами, и Он — мрачная тень за моей спиной, отсекая от окружающей реальности. Его широкая смуглая ладонь легла на мое горло, вынуждая откинуться на его грудь, а большой палец заскользил туда-сюда по скуле, немного царапая грубой кожей. От этого простого, совершенно незамысловатого касания я буквально поплыла, теряя весь контроль над телом. Оно дурманило меня, как, наверное, мог бы дурманить самый сильный наркотик, и так же, как он, невообразимо стремительно отнимал волю и власть над мыслями и желаниями. Веки отяжелели, дыхание стало рваным, ускоряясь, и от этого я все больше тонула, захлебывалась в его аромате. Он пах моей неодолимой похотью, моим сносящим крышу страхом, убийственной слабостью, с которой не было сил бороться, и самой реальной угрозой, какую мне случалось встречать за мою жизнь.

— Ну как, вспомнила? — едва уловимая нотка насмешки в общем холоде Его голоса стала для меня неожиданной отрезвляющей и спасительной пощечиной.

Я рванулась вперед из его рук, и Он, видимо, не ожидая такого непослушания, позволил мне это. Налетела на тумбу и, саданувшись об нее же мизинцем на ноге, зашипела от боли и развернулась к Нему.

— Я не разрешала тебе войти! — почти выкрикнула, борясь с дыханием.

— А я спрашивал разрешения? — уголок Его рта изогнулся в едва заметной усмешке.

Наверное, в жизни я не видела столь искреннего и не наигранного недоумения и пренебрежения в одной крошечной гримасе.

И это уже по-настоящему вывело меня из себя. Уперлась задницей в предмет мебели, от

которого пострадала, для того чтобы создать хоть иллюзию уверенности.

— А стоило бы спросить! Хотя бы из вежливости. И представиться тоже не помешало бы! — ответила и, сжав зубы, встретилась с Его серыми глазами, которые в искусственном свете моей прихожей казались серебристыми, словно ртуть. Живой, подвижный, жидкий металл, притягательный и, похоже, смертельно ядовитый для меня.

— Так что, ты сегодня так неприветлива, потому что имени моего не знаешь? — Любопытство, не явное, но все же.

— Нет, не только, — покачала я головой и нахмурилась, твердо намеренная донести нечто важное до него. — То, что между нами случилось тогда... Секс. Я так не делаю. Обычно.

О, прекрасно! Теперь это прозвучало так, будто я Его сразу же возвела на некий пьедестал особенности и присвоила статус исключительного события. А то Он в этом нуждается!

— Не делаешь как? Не кричишь так отчаянно от наслаждения в руках своего любовника, убажывая его самолюбие? — Его взгляд опустился к моему рту, чуть задержался, и Он усмехнулся, в этот раз уже так откровенно похотливо, что у меня в голове зашумело от мгновенного осознания. Прямо сейчас Он смотрел на меня и вспоминал, как это было. Контакт наших глаз вернулся, и я на мгновение будто увидела тот наш первый взрывной секс Его глазами. Ощутила Его кожей, распробовала вкус собственного пота, вдохнула пьянящий запах возбуждения. И это было настолько оглушающе мощно, что я хрипло охнула, получив ожог одновременно всех органов чувств. Ошеломляющее наваждение схлынуло так же быстро, как и накрыло меня, но я успела засечь краткую вспышку удивления в ртутных омутках напротив. Хотя, конечно, это могло мне просто показаться.

— Я не привожу к себе незнакомых мужиков и не занимаюсь с ними незащищенным сексом, даже не спросив имени, — пробормотала я, повернув голову, чтобы больше не смотреть на Него. Ну да, как будто это помогло хоть как-то мне игнорировать тот факт, что Он стоит в паре десятков сантиметров от меня и заполнил своей энергетикой все пространство вокруг.

— Можешь звать меня Грегори или Григорий. Это все? — Он, повернувшись спиной, спокойно направился в мою комнату.

— Нет, не все! Я по-прежнему не приглашаю тебя войти! — я метнулась за Ним, мучительно вспоминая, что творится у меня в комнате. Да какого же черта! Я не ждала гостей, и вообще — нечего Ему тут делать!

— И не надо. Я же уже внутри! — пожал Он широченными плечами, а потом остановился и развернулся так резко, что я просто влетела в него. — Или хочешь прогнать меня?

— На самом деле хочу, — ответила и сглотнула, словно эти слова поцарапали мне горло.

— Хо-о-о-чешь? — вкрадчиво протянул Он и резко прижал к себе, откровенно давая почувствовать все и сразу: и жар Его тела, от которого сама тут же вспыхнула, как спичка, и Его запах, что моментально опять одурманил до невменяемости, и упершуюся мне в живот твердость, от чего внутри все скрутило болезненным узлом отчаянной нужды. — А можешь ли?

Он склонился, прошептал вопрос прямо мне в ухо, провел приоткрытым ртом по шее вниз, царапая зубами, и прикусил ключицу. Я вздрогнула от острейшего удовольствия и сдалась.

— Нет, не могу, — осознала и признала я. Его победа была неоспорима, но сейчас и только

сейчас. И дело было совершенно не в том, что, упрись Он, мне эту гору мускулов и на сантиметр было бы не сдвинуть, сколь бы я не пыжилась. Ведь я капитулировала не перед его физической силой, совсем нет. Я не в состоянии была ничего Ему противопоставить на совершенно ином уровне. Но ведь это не навсегда.

— Ну, так стоит ли и пытаться? — насмешливо хмыкнул Он у моей кожи, заставив содрогнуться и прочувствовать свою незащищенность от нового дразнящего прикосновения его зубов и языка.

— Пытаться стоит всегда, — я упрямылась, пусть даже и выходил только какой-то мямлящий шепот. — Я совершенно ничего о тебе не знаю.

Он сгреб мои волосы в кулак и потянул, вынуждая откинуть голову и выгнуться, еще плотнее прижимаясь к его телу. И снова поцелуй-вторжение, сметающее любую оборону так, словно Он и не заметил ее существования. Не ласка любовника — требование стихии, для которой мои жалкие попытки цепляться за контроль над телом и разумом были даже не смешотворны. Их просто не существовало. Вторая рука, как и в первый раз, без всяких поглаживаний и подкрадываний проскользнула между нами и, раздвинув полы моего халата, оказалась у меня между ног. И, конечно же, Он нашел меня настолько влажной, что Его пальцы без проблем вторглись в меня. Мне стало одновременно и стыдно за такое безоговорочное наплевательство моего тела на мои моральные принципы, и я разозлилась из-за Его наглости и беспардонности, но все эти эмоции оказались слишком слабы и незначительны по сравнению с возбуждением, перехватывавшим горло, и невыносимой жаждой повторения того, что Он уже однажды заставил меня испытать. И Он щедро утолил ее, доводя меня до края всего несколькими резкими толчками и самым идеальным давлением на клитор из всех возможных в мире. Слишком мало времени, чтобы опомниться, чересчур много ощущений, чтобы найти силы для борьбы не с Ним — с собой. И я цеплялась за Него отчаянно, сама терлась и насаживалась на Его пальцы, боясь в этот момент до истерики, что Он опять остановится в одном шаге от моего взрыва. Но этого не произошло и спустя несколько бесконечных и болезненно-сладких секунд балансирования на самом острие, я сорвалась. Забилась, разорвав поцелуй и зайдясь в крике, которого сама не услышала — слепая и глухая от наслаждения.

— Ты знаешь, как меня называть, — Его хриплый, просевший от вожделения голос и бешеное дыхание — единственное утешение для моей побежденной гордости. — Ты знаешь, что могу заставить тебя умирать от наслаждения меньше чем за минуту, и ты знаешь, что я хочу это делать, причем часто, раз уж я снова здесь. Что еще тебе нужно знать?

Миллион разных вещей когда-то после и лишь одну прямо сейчас. Неужели я и правда сдалась окончательно? А, впрочем, такая ли уж это трагедия?

Собственно, что за дурацкий конфликт интересов я выдумала на пустом месте? Кто здесь кому противостоял? Я Ему? Да нет уж, скорее самой же себе! Моя адекватность и привычка все контролировать в своей жизни боролась за главенство с моей же неожиданно открывшейся неуправляемой чувственностью, которая в Его присутствии уже дважды одержала верх и творила, что ей вздумается. А я с какого-то перепугу настроила себя на борьбу с ней. Но, как ни крути, она такая же часть меня, как и холодно-рассудительная. Так какой смысл рвать себя же, выискивая проблему там, где ее нет? Я хотела найти любовника, который бы удовлетворил все потребности моего тела? Ну, так ведь получила чего хотела сполна, да еще сверху отсыпали. Не была готова, что это будет Он? Нет. Но ведь и в своих многонедельных фантазиях о Нем никогда я не заходила до картинок уютных семейных вечеров, лет эдак 50 спустя, в окружении детей и внуков. Ни разу мне так и не удалось представить Его своим. Ну, так в чем загвоздка? Я получила кусок больше, чем могу проглотить, и боюсь подавиться? Пусть так! Но это не причина отказываться слопать столько, сколько влезет, и еще немного, не переживая

заранее о последствиях. Я никогда и ничего не пускала на самотек, так, может, судьба намекает, что самое время попробовать? Чем я рискую, если отбросить в сторону не имеющие под собой основания смутные, почти подсознательные страхи? Разбитым сердцем? Нет уж, эти глупости точно не про меня. А с этими: «Где ты была?» всегда можно будет справиться, установив границы. Что же, похоже, сама с собой я обо всем договорилась. Вот только почему глубоко внутри что-то по-прежнему истошно завывало, что это фатальная ошибка?

Опустила голову, вытащив волосы из его захвата, и уперлась в грудь, безмолвно требуя отпустить меня, и не смогла проигнорировать удовольствие, ощутив, как быстро и мощно молотится его сердце под моей ладонью. Как же Он далек от спокойствия, отражавшегося на лице. Освободившись, уже сама побрела первой на ватных ногах в комнату, предлагая или следовать за мной, или убираться.

— У меня был сегодня самый отвратительный день из возможных, так что многого не жди, — неожиданно мне стало как-то неестественно весело, и я продолжила: — И кстати, имей в виду, что ты собираешься переспать с женщиной, обвиняемой в жутчайшем убийстве с расчлененкой. Может, передумаешь и сбежишь, пока не поздно?

На какое-то время за спиной воцарилась тишина, а потом раздался такой громогласный хохот, что я аж присела от неожиданности.

— Ты — убийца? — Развернувшись в дверях комнаты, увидела, что Его накрыло новой волной веселья, вот только почему мне в Его смехе слышались откровенно жестокие и циничные нотки?

— Не веришь? — На секунду стало даже немного иррационально обидно, неужели я произвожу настолько безобидное впечатление?

— Я знаю, что это не так, — беспечно пожал Григорий плечами и приблизился, начав теснить меня к дивану. И я Ему это позволила, отметив, как непривычно то, что у Него появилось имя. Которое, кстати, никак в моей голове к нему не клеилось.

— А вот следователь, ведущий дело, так не считает, — пробормотала, наблюдая, как Он снимает и отбрасывает на стул пиджак.

— Просто выкинь это из головы, — ответил Он, расстегивая рубашку, но я перехватила Его кисть и оттолкнула. Если уж я решила, что могу сделать себе такой подарок, то хочу развернуть его самостоятельно. — Я все решу, Аня.

— Угу, — сглотнула, медленно открыв для себя все больше Его кожи, покрытой темной порослью жестких волос, и тут до меня дошло. — Имя. Я тебе его не говорила.

— Как будто это мне было необходимо, — фыркает Он.

Ладно, черт с ним, потом разберусь. Отмахнулась от очередного сигнала тревоги на границе сознания и потерлась щекой о Его грудь, вдыхая жадно и уже нисколько не скрываясь и не сдерживаясь.

Глава 19

Какое же все-таки это непередаваемое облегчение — перестать думать и ковыряться в себе, а просто начать наслаждаться самим моментом. Это как волшебная трансформация, когда

отпускаешь себя, позволяя абсолютно все, прямо сейчас. И в этот момент даже усилия разума вдруг переключаются с предостережений и просчета возможных последствий на пристальное изучение моего столь желанного приза. Моя жажда по нему была такой долгой, что я отчаянно хочу хоть глазами захватить все и сразу, причем сию же минуту. Но не позволяю себе поспешности, дразню себя еще больше, заставляя подрагивающие руки двигаться медленно. Одна пуговица — скольжение пальцев, поцелуй, еще, мой глубокий вдох. Еще одна и все снова. Смакую, растягиваю, катаю на языке и в сознании каждую каплю постепенного обладания вожделенным. Запоминаю все оттенки своих ощущений, поглощаю его реакцию.

— Похоже, ты так всю ночь продолжать можешь, — в грубом голосе Григория поровну возбуждения и раздражения, он хватает мою руку и опускает на свою ширинку. Прижимает мою раскрытую ладонь к стоящему члену и толкается в нее, сжимая зубы и резко выдыхая.

Его потребность — жгучая и неистовая — прокатывается по мне, вызывая не менее острый отклик на всех уровнях. Сознание упивается силой его влечения, и наплевать, насколько это грешно, примитивно и ничуть не романтично. Тело отзывается влагой и готовностью.

— Считаешь, нужны еще промедления и поддразнивания, женщина? — хрипло бормочет Григорий и пытается окончательно оттеснить к дивану, но я упрямо упираюсь ему в грудь. Ясное дело, не пожелай он подчиниться, мне этот локомотив не остановить, но, однако же, он замирает, хоть и смотрит на меня с голодным недовольством.

— Может, это я себя дразню, а не тебя, — возражаю я и снова прижавшись, провожу губами и зубами по его шее, так, как недавно делал он. Мой халат давно распахнулся, и я сама всхлипываю от того, как жесткая поросль на его груди щекочет мои почти болезненные соски.

В ответ мужчина вздрагивает и откидывает голову назад, будто вымогающий больше ласки огромный кот. И я даю нам обоим это, потому что даже просто вот так тереться об него, облизывая его горло, царапая лицо об его щетину, вдыхая полной грудью — это совершенно непередаваемые ощущения. Я раньше и понятия не имела, что они могут достигать такой степени интенсивности. Скольжение моих раскрытых ладоней по его груди и торсу, терпкая солоноватость его кожи, одуряющий экзотичный запах, то, как он сдавленно постанывает и вздрагивает, даже уплотнения его шрамов, на которые я натыкалась пальцами повсюду — все это новые, сводящие меня все больше с ума, грани и нюансы удовольствия. И я вдруг открываю для себя, что безумно жадная и хочу его еще больше, настолько больше, что не уверена, что у этого есть пределы. Когда Григорий управлял процессом, я себя откровенно теряла, утопала в похоти и желании получить разрядку. Сейчас же все было по-другому. Для меня уж точно. Может, конечно, дело в том, что оргазм я уже получила, но возбуждение растет медленнее, при этом оно многократно объемнее, словно неторопливо вызревает и заполняет каждую клетку тела, неуклонно достигая взрывоопасной концентрации. И то, что в этот раз я управляю движением, опьяняет меня ничуть не меньше, чем подчинение власти Григория раньше. Но, похоже, у него другое мнение, а его терпение практически иссякло.

— Хватит жилы из меня тянуть! — срывающимся голосом приказывает он.

Одна его рука оказывается на моей ягодице и, накрыв ее полностью, сжимает до сладкой боли, а вторая требовательно собирает волосы на затылке и тянет, заставляя посмотреть ему в лицо. Он приподнимает меня, вынуждая раздвинуть ноги, одновременно толкаясь бедрами, и его стояк вжимается прямо в мой лобок и клитор. Меня тут же выгибает как от разряда, и я кричу, вцепляясь в его плечи. Но, уступив во всем, я не желаю отступать в мелочах. Черт его знает почему!

— Моя территория, мои игры! — упрямо возражаю, задыхаясь.

— Вот, значит, как, Аня? — Я бы сочла его тон угрожающим, но сейчас не в том состоянии, когда могла бы бояться. — Я ведь могу и заставить. И тебе это понравится!

Он снова, удерживая меня за шею и задницу, приподнимает и опускает на себя, создавая давление и трение, вызывающие мой новый вскрик. Глаза почти закатываются, позвоночник гнет, а внизу живота нарастают одуряюще сладкие спазмы. Если он так сделает еще пару раз, я кончу. Разлечусь в пыль, и ничего с этим не поделаеть.

— Знаю, что понравится, — не спорю я и, натянув волосы, подаюсь вперед, чтобы облизнуть и цапануть зубами его сосок. — Но если заставишь — больше не приходи!

Григорий вздрагивает всем телом и неожиданно отпускает меня. Я оказываюсь на ногах, но вынуждена схватиться за его руку, потому что не особо они меня держат.

— Ты словно ребенок, — ухмыляется он. — Хочешь поиграть и смехотворно угрожаешь! Но знаешь, что? Я тебе уступлю. Сегодня! Не потому, что боюсь, что больше непустишь. — Его губы снова насмешливо изгибаются, давая мне понять, насколько смехотворным он это находит. — А потому как я тебе вроде как должен.

Он снимает уже полностью расстегнутую рубашку, отбрасывает и расставляет руки, давая увидеть себя почти во всей красе.

— Давай, делай, что хочешь, женщина!

Вот же сукин сын, ну теперь я просто одержима желанием стереть это самодовольное выражение с его лица. Знать бы только как!

— Делай, что хочешь? — прищуриваюсь я, даже не пытаюсь анализировать, чего во мне сейчас больше — злости от его самоуверенного нахальства или вожделения, которому совершенно плевать на терзания самолюбия. — Уверен?

— В пределах разумного, — делает Григорий оговорку, и я нарочно плотоядно улыбаюсь, отступая и проходясь по нему нахальным взглядом. Как же, черт возьми, можно быть таким... охрененным. Ни одного более литературного определения сейчас не рождается в моей голове.

— Думаешь, разумная женщина впустила бы в дом незнакомого мужика, который выглядит так, да еще занялась бы с ним сексом?

Он оказывается напротив меня молниеносно. Вот только был в двух шагах и уже стоит впрытк, обжигая меня жидким металлом глаз и резким яростным дыханием. Наклоняется ко мне так, что мы оказываемся нос к носу, как два готовых сцепиться зверя.

— И как же я выгляжу, Аня, — вот теперь он звучит, несомненно, угрожающе, да только моя способность пугаться все еще вне зоны доступа.

— Огромным, опасным... — бормочу я и приподнимаюсь, откидывая голову, чтобы прихватить своими губами его нижнюю.

Григорий чуть отстраняется, ускользая от моего прикосновения. Его шея напряжена, глаза все так же гневно сужены, а мышцы на руках и груди вздуты от того, как он сжимает свои

здоровенные кулачищи. Я кладу руки ему на плечи и, лаская, веду вниз, не собираясь скрывать, насколько мне сильно нравится его мощное тело. Глажу, обвожу очертания каждого твердого мускула, каждой толстой вздувшейся вены, в которой, пульсируя, течет энергия его жизни.

— Угрожающим... — продолжаю я и совершенно легко признаюсь. — Таким, что у меня дух от тебя перехватывает... таким, что в голове плывет просто от того, что смотрю.

Кулаки Григория разжимаются, и он больше не отстраняется, когда я тянусь его поцеловать, а наоборот подается навстречу. Его руки дергаются в попытке схватить меня, но я сильнее сжимаю его запястья и теперь отстраняюсь сама.

— Я же еще играю, помнишь? — говорю, притормаживая его, хотя и самой хочется уже послать к черту все эти выкрутасы и просто ощутить его на себе и в себе.

Григорий даже не возражает и только фыркает, оставляя свои руки висющими вдоль тела. Его взгляд снова меняется. Злость исчезает, и остается только коктейль похоти, насмешливого веселья и вызова. Он выпрямляется и кивает, будто говоря: «Ну, давай, дерзай, детка».

И я решаю, что хватит уже честных игр выше пояса. Оглядываюсь и тяну его за руку к стулу. С ответным вызовом смотрю в глаза, расстегиваю его брюки. Не делая пауз, зацепляю пальцами штаны вместе с бельем и тяну вниз по ногам, опускаясь на пятки. Его член выпрыгивает прямо перед моим лицом и шлепает об живот с таким «вкусным» звуком, что я невольно сглатываю. Не трогаю, только смотрю, поражаясь тому, насколько приятно просто ласкать глазами тяжелую мошонку и неоспоримую твердость, таранившую меня совсем недавно, упакованную в мягкую, шелковистую кожу.

Набираю в легкие воздуха, щедро, через край наполненного его чисто мужскими флюидами, дую прямо на влажно поблескивающую темную головку и натурально кайфую, наблюдая, словно в замедленной съемке, как сначала дергается достоинство Григория перед моим лицом, прижимаясь к его животу. Вслед за этим сокращаются сами рельефные мускулы торса, одновременно с резким вздохом-стоном, от которого мои собственные внутренние мышцы сворачивает сладким узлом. И как последний аккорд, добивающий меня — вязкая, прозрачная капля, взгромоздившаяся на такой желанной вершине, срывается, ползет вниз, оставляя буквально гипнотизирующий меня извилистый мокрый след.

Я настолько сильно хочу узнать его вкус, что тянусь вперед и слизываю ее, получая в ответ невнятное ворчание мужчины. От острой терпкости пощипывает язык, а от сексуального жаркого аромата его тела туманится в голове, меняя само восприятие момента. Я хочу уже не просто испробовать, подразнить, добиться отклика. Я хочу все по полной, без оглядок на красоту или цивилизованность. Причем именно для себя.

— Садись! — сиплю я, упираясь в его живот, и Григорий плюхается на стул, будто тоже не слишком уверен в своих ногах.

Толкаю в стороны его ноги и усаживаюсь между ними, широко раздвинув собственные. Обхватываю толстый ствол одной рукой и трусь лицом о его основание. Целую и облизываю нежную кожу мошонки, добиваясь того, что она поджимается, очень медленно при этом двигая кистью вверх-вниз. И по-настоящему млею, наблюдая краем глаза, как дрожат от напряжения мощные бедра, как белеют пальцы Григория от того, как он впивается в край стула, как его кожа покрывается поблескивающей пленкой пота. Следую приоткрытыми губами вверх, прихватываю и щекочу уздечку, получая в награду сдавленный стон сквозь зубы. Вбираю член

внутри рта сколько могу, резко отпускаю и слышу рваный вскрик. Еще, мне нужно еще этого. Полностью отдаюсь процессу, двигаюсь по становящейся все жестче длине настолько быстро, насколько хватает дыхания и сил, упиваясь уже грубыми безостановочными стонами. Но как только улавливаю в этой примитивной музыке жаждущей разрядки плоти приближение к высочайшей ноте и еще больше одуряющего вкуса на языке, резко отстраняюсь и поднимаю глаза. Нет, я вроде никогда не была мстительной, но прямо сейчас захотелось ему напомнить, как я ощущала себя тогда, в первый раз, когда он остановился в миллиметре от моего оргазма.

Григорий дергается в мою сторону, протягивая руки, но потом они падают, и он, запрокинув голову, рычит в потолок, дрожа всем телом. Бедные мои соседи и несчастный мой стул, который имеет все шансы не пережить наших игрищ. Поднимаюсь и, опершись на его плечо, седлаю колени моего любовника и второй рукой направляю его в себя. Сажусь резко, до шлепка тел, и позвоночник тут же простреливает концентрированным удовольствием от копчика до затылка. Наши взгляды сталкиваются, и я вижу темно-серую свинцовую тяжесть беспредельной похоти на месте еще недавней насмешки и вызова в ртутном серебре. Купаюсь в ней, алчно поглощаю огромными глотками, насаживаясь на него все резче, не прерывая этого нашего контакта глаз, до того момента, пока не лишаюсь контроля над заходящимся в эйфории телом. Григорий дает мне какое-то время опять начать видеть и слышать, а потом берет за подбородок, заставляя снова смотреть ему в лицо.

— Наигралась? — задыхаясь, глухо рокочет он у самого моего рта.

— Да, — шепчу я и вскрикиваю, чувствуя, как мощно дергается его член внутри, когда Григорий вскидывает бедра подо мной и усмехается.

— Ну, тогда теперь моя очередь!

Стремительно обхватив меня, он поднимается и шагает к дивану. Все дальнейшее я при всем желании не могу вспомнить четко. Краткие вспышки, больше ощущения иссушенных, казалось, бесконечным требованием его плоти тела и сознания, чем четкие образы. Я распростертая под ним, сотрясающаяся от немилосердных толчков, на коленях, с головой, прижатой к постели его лапичей, пока он яростно врезается сзади. Скрип дивана, глухие удары в стену, мои стоны, уже мольбы, которым никто не внял. Хриплые приказы оставаться с ним, кончить еще, да, вот так и, наконец, финальные рывки, настолько глубокие и сокрушающие, что мой разум отказался принять эту дикую смесь наслаждения и боли и трусливо увлек меня в темноту.

Глава 20

Звук будильника раздался, кажется, лишь спустя мгновенье после того, как я закрыла глаза. Прислушалась и пощупала рукой рядом. Ну, в принципе, не особо-то я сомневалась, что проснусь в одиночестве. Хотя и не сказать, что меня это огорчило. То, что бывает таким замечательным и увлекательным ночью, утром часто превращается в неуместное и неловкое. А в нашей с Григорием ситуации таких моментов более чем достаточно. Я глубоко вдохнула, еще не открывая глаз, ожидая болезненных вспышек повсюду. Все же вчерашняя постельная эквилибристика не совсем то, чем я привыкла заниматься обычно. И это не говоря уже о полугодовой засухе. Но ни одна мышца не заныла. Нигде ничего не ломило и не тянуло, как раз наоборот — внутри словно появился новый источник мощной энергии. Едва проснувшись, я чувствовала себя бодрой как никогда. И еще безумно голодной. А быстро прогнав в голове вчерашние события после прихода Григория, к тому же и беспросветно глупой. Я опять повела себя, как залитая по уши гормонами малолетка. Хотя в юности мне не случалось вытворять нечто подобное. Тогда я всегда стремилась поступать правильно и делать, как вроде бы

положено. А вчера? О чем мы, собственно, поговорили до того, как опять крышу снесло, и способность размышлять и анализировать оказалась временно недоступной? Да ни о чем. Мое упоминание о незащищенном сексе, а значит, и возможных последствиях Григорий проигнорировал. Да я и сама хороша. Не стала развивать тему и позволила переключить внимание. В итоге вопрос с его здоровьем остается открытым, как и с тем, женат ли он. Но из всех моих стараний вызвать у себя чувство тревоги или вины за беспечность на грани слабоумия ничего не выходило. Моя совесть и чувство самосохранения, не особо склонные обычно к компромиссам, сейчас с легкостью соглашались с доводами оперативно подыскивающего оправдания сознания. Не знаю, занят или нет — прекрасно, значит, намеренно ничьих прав не нарушаю. Не настаивает на защите — замечательно, значит, здоров, и я не произвожу в его глазах впечатление нечистоплотной, несмотря на наше нетривиальное знакомство. Угроза беременности... хм, такая уж это угроза? Я давно не юная, создавать семью и терпеть кого-то в своей жизни на постоянной основе только ради того, чтобы родить... Эта мысль вызывала неприятие на самом глубинном уровне. А если рассматривать мужчину просто как донора спермы, то, честно говоря, разве можно желать кого-то лучше, чем этот загадочный Григорий. Не знаю, как для кого, но по мне, если и называть человеческую особь мужчиной, то именно его. Огромного, грубо сколоченного, излучающего в окружающее пространство энергию секса и агрессии... Так, стоп!

Я резко села на постели. Аня, это что еще за мысли? Какой, к черту, ребенок? Зачем? Откуда это вообще? Вот что значит позволить себе отключить разум и примитивно потрахаться, как как ведомая инстинктом течная сучка. Вот тебе и все остальные примитивные инстинкты вылезают следом, вроде стремления размножиться. Дурость какая!

В комнате не осталось никаких следов пребывания моего внезапного любовника, кроме бардака на главном поле боевых действий, то бишь диване. Наклонившись, хотела понюхать постельное белье, но шарахнулась, ощутив, как обнаженной груди коснулось что-то холодное. Поднявшись, увидела в складках простыни увесистое ожерелье, на довольно массивной цепочке с крупными, гладкими розоватыми камнями. Едва взяв в руки, поняла, что оно не может быть ни бижутерией, ни драгоценным новоделом, пусть и очень искусным. Одного прикосновения к витиеватой золотой вязи на странного дизайнера подвеске хватило для осознания — этот предмет создан давно. Скорее всего, очень давно. Не нужно быть экспертом, чтобы понять, как от некоторых предметов буквально фонит временем и заоблачной дороговизной. И это был как раз тот случай. Я смотрела, как преломляются первые утренние лучи, проходя сквозь камни, и испытывала двойное ощущение. Любуясь потрясающей работой неизвестного ювелира, хотела иметь только для себя эту красоту, почувствовать, как прохладный благородный металл ляжет на мою кожу, как согреется ее теплом, становясь будто частью меня. Но в то же время и хотела отбросить, не дотрагиваться больше, потому что украшение излучало странную отталкивающую энергетику, будящую во мне нечто сродни алчности, жажды обладать им ради самого обладания. И от этого где-то под сердцем разливалась ледяная лужица дискомфорта. Посмотрев еще раз, я обвела взглядом комнату и вдруг разозлилась. Эта дурацкая побрякушка с, наверняка, астрономической стоимостью как будто самим фактом присутствия в моем доме делала все окружающее каким-то убогим, что ли. Я жила вполне себе в достатке, у меня было все необходимое, удобное, практичное, но проклятая вещь родом из мира роскоши будто насмехалась и обесценивала все вокруг. Как по волшебству обращала минимализм и привычную гармонию моего дома в почти унижительную убогость. Вскочив, я бросила ожерелье на туалетный столик. И какого, собственно, черта! Написать записку перед уходом или сказать пару слов он не мог, зато одарил от щедрот своих.

— Еще бы баксы веером на подушке оставил, — пробормотала, шагая в ванную.

Отдаю себе отчет, что накручиваю на пустом месте, но справиться с эмоциями так сразу не выходит. Любые подарки, тем более столь дорогостоящие, это уже своего рода обязательства. Они, на мой взгляд, допустимы, когда люди состоят в серьезных отношениях, эти самые обязательства подразумевающие по умолчанию. А так это больше отдает платой за хорошо проведенную ночь. А я, может, и повела себя легкомысленно и произвела неправильное впечатление, но продавать себя точно не собираюсь. Мне нужен любовник, да. Пусть даже такой, который будет приходить на несколько часов и исчезать в неизвестном направлении, как только мы закончим. А вот спонсор и папик мне совсем ни к чему. Особенно такой, что будет появляться на моем пороге внезапно, когда ему вздумается, не считаясь с моими планами, причем с неуместными вопросами и претензиями и оставлять после своего ухода презенты, компенсирующие, на его взгляд, доставленные неудобства.

Приняв душ, я немного успокоилась, но все равно теперь была твердо намерена вернуть подарок Григорию и поговорить нормально, расставив все по местам между нами в его следующий приход. Если он случится, конечно. Само собой, нет ничего проще, чем прийти в их офис и вернуть раздражающую вещь. Но выглядеть женщиной, которая, пару раз переспав с мужчиной, начинает появляться везде и всюду и мозолить ему глаза, всячески заявляя об имеющейся между ними связи, я не хотела. И понятно, один визит ничего такого не значит, но... нет. Я не стану этого делать. К черту! Если и правда больше не появится, то отправлю с курьером это дурацкое ожерелье — и дело с концом. И хватит об этом думать! Оно всего лишь вещь, металл и камни, а я на них уже мысленно вырастила целый сад из эмоциональных хитросплетений. Не делала так раньше, так и не стоит начинать!

— У тебя есть проблемы гораздо серьезнее, Ань, — укоризненно сказала себе в зеркало, торопливо одеваясь перед ним.

Выбравшись из машины на парковке перед офисом, я почти бегом помчалась внутрь. Терпеть не могу опаздывать. Но едва шагнула внутрь, мне в лицо буквально ткнули микрофоном и окружили гомонящие незнакомые люди.

— Госпожа Коломина, это правда, что вы главная подозреваемая в деле о жутком убийстве Комарова? — практически заорал какой-то лощеный придурок с еще одним микрофоном в руке, на котором был виден логотип какого-то канала, пытаюсь оттолкнуть остальных таких же нахалов.

Я опешила и, оступившись, упала бы, если бы кто-то решительно не схватил меня за локоть, вытаскивая из толпы. Обалдело оглянувшись, я увидела одного из наших молодых секьюрити, который практически волок меня куда-то, грубо отпихивая бесцеремонно лезущих репортеров. Второй, широко расставив руки, пятился, прикрывая нас со спины и не давая снова налететь, как стае воронья. Но это не мешало им орать какую-то безумную чушь.

— Коломина, вы были любовниками с Комаровым и не смогли простить того, что он вас бросил? — Что? — Может, он вас преследовал, и вы наняли кого-то убить его? Он насильно вас как других? Как долго вы состояли с ним в связи? Вы знали о коллекции его порно фильмов с реальными изнасилованиями? Это из-за вас он бросил вторую семью? Вы есть на видео? Коломина, как это — собственноручно кого-то кастрировать? — И я думала, что Амиранов беспардонная скотина?

Они все толкались и орали, перебивая друг друга и осыпая меня все более хаотичными и взаимопротиворечащими вопросами. Наконец, охранник дотащил меня до пожарной лестницы, вместо лифта, а второй заблокировал и запер за нами вход.

— Кто, черт возьми, все эти люди и что они делают в фойе нашего офиса? — еще не отойдя от шока, пробормотала я, увидев там мрачного Владимира, явно поджидающего нашего появления.

— А ты считаешь, что было бы лучше, если бы вся эта толпа суетилась снаружи и привлекала еще больше внимания? — сухо ответил он, переложив какую-то папку из одной руки в другую.

— Нет, конечно. Но что они вообще тут делают?

— Выполняют свою работу, как я понимаю. А вот от кого они все узнали, в том числе и где тебя можно легко найти, вот это вопрос действительно меня сильно занимающий.

— Может от следователя, — предположила я.

— Вряд ли, — нахмурился он еще больше. — Я почти уверен, что это с подачи нашего серпентария, но боюсь, что ни доказать, ни наказать за это не могу. Подлые сучки!

Кстати, о подлости. Сейчас, когда немного отошла, тут же вспомнила о том, как поступил сам Владимир.

— Ты, правда, перевел Комарова, а не уволил? — понизив голос, спросила я, оглядываясь на секьюрити за спиной.

— Считаешь, сейчас самое время об этом поговорить? — тут же окрысился мой начальник, но глаза отвел.

Я сжала зубы, стараясь осадить закипающую снова злость. Вот ведь скотина!

— Да чего уж теперь об этом разговаривать!

— Аня, слушай, ну я же не думал, что все так закрутится! Наоборот, хотел, чтобы все, так сказать, были довольны. Тебе Комаров больше глаза не мозолил бы, и он вроде как не на улице и зла на тебя не держит.

Я вспыхнула от негодования и, сжав кулаки, шагнула к своему директору.

— А с чего бы ему на меня зло держать? Это я к нему приставала? Я его лапала? Я его едва не убила в подъезде собственного дома? — не сдержавшись, почти заорала я.

Он откровенно шарханул от меня, и я заметила кратко мелькнувшую тень настоящего страха на его лице. И не знаю уж почему, но такая реакция доставила мне хоть и злобное, но удовольствие.

— Ну, теперь-то мы не узнаем, чего там между вами на самом деле было. Его не спросишь! — справившись с собой, Владимир скривился, как от кислоты, все так же глядя куда-то в стену сбоку. — Ясно дело, что он был гребаным извращенцем, но ведь почему-то именно тебя он выбрал, если сам выбирал. У других к нему претензий не было. И теперь, когда все концы в воду, кто знает, что вас связывало!

Я поперхнулась готовыми сорваться гневными словами, ошарашенно глядя на человека, которого считала если уж не другом, то коллегой, прекрасно знающим меня. Того самого, кто сейчас практически бросил мне в лицо обвинение в каком-то жутком непотребстве. О чем вообще можно тогда говорить?

— Ну и мудака же ты, Вова, — пробормотала я, качая головой.

— Аня, ты сейчас не в том положении, чтобы обижаться, — огрызнулся он. — Я вообще-то сейчас тут для того, чтобы помочь и тебе, и нашей конторе преодолеть все это без особых потерь. Вот, тут я набросал от твоего имени заявление на отпуск за свой счет на две недели. Подпиши и езжай домой. Отдохни, походи по магазинам, салонам красоты, на природу смотайся... ну, не знаю, что там бабы делают, чтобы нервы успокоить! А потом, как все утрясется... — он запнулся, и моя злость вдруг схлопнулась, оставляя на своем месте только противный осадок отвращения. — Ну, тогда вернешься... может быть. Мы ведь все тебя очень ценим.

Он бормотал еще что-то, но я не стала его слушать и повернулась к охраннику, так и мявшемуся у дверей.

— Вы можете проводить меня через служебный выход к моей машине? — спросила, натягивая улыбку как защитную маску.

Парень покраснел, кивнул и указал направление.

— Ань! — повысив голос, позвал Владимир, когда мы пошли к выходу.

— Я заявление на увольнение на мыло тебе пришлю! — не оборачиваясь, бросила я.

— Если уволишься, Радин не будет больше представлять твои интересы! Будешь сама себе защитника искать! — и хрен на него. Радин мужик хороший и профи, но терпеть из-за этого больше причастность к этому гадюшнику не собираюсь.

— Плевать!

— Ну и хрен с тобой! — сорвался уже почти бывший начальник. — Стерва! Все вы одинаковые!

Разворачиваясь на парковке, я успела заметить краем глаза расфуфыренную Регину, которая как звезда экрана, стояла в плотном кольце журналистов и вещала им о чем-то. Да, похоже, выпуски местных новостей мне пока смотреть не стоит, если, конечно, хочу сберечь свои нервы. Мельком взглянув на вход в «Темный страж», я горько-насмешливо фыркнула себе под нос.

— Я все решу, Аня! Ну да, конечно, Гриша!

Глава 21

Мне не было плохо от принятого в одно мгновение решения подвести черту под таким значительным куском своей жизни. Просто, сидя в парке на лавке, с купленной при входе коробкой любимых шоколадных конфет, утром, в будний день, я себя ощущала до изумления непривычно. Если подумать, за все эти годы я ни разу не брала отгулов или дополнительных выходных. Ни разу. Да что там, мне и на больничном быть не случилось. Так что мой организм, похоже, был весьма удивлен вынужденным бездельем в неурочный момент, и «свербеж» от того, что я должна вроде быть где-то в другом месте и заниматься чем-то кроме беспечного поглощения сладостей, никак не покидал. Запрокинув голову, прищурившись, смотрела в небо, провожая взглядом ворон и голубей, пролетающих куда-то по своим птичьим делам. Которые у них, к слову были, в отличие от меня. Заниматься поиском новой работы желания у меня сегодня не было, а больше пока ничего не придумывалось, кроме как собрать чемодан и поехать куда-то в сторону юга, где сейчас еще тепло, и можно валяться на утратившем летнюю

беспощадность солнце и купаться в не остывшем пока море. Но, учитывая подписку о невыезде, такой релакс мне пока не светил. И, кстати, это возвращало к невеселым размышлениям о том, что мне и правда теперь необходим грамотный защитник. А я понятия не имею, по какому принципу их выбирают, и в какую сумму это, в итоге, мне может обойтись. Но с другой стороны, все проблемы решаемы, интернет мне в помощь. Да и тому же Радину я могу позвонить и попросить порекомендовать кого-то. Даже если я и не его забота теперь, то дать дельный совет он ведь не откажется? Потому как произвел на меня впечатление вполне нормального человека, даром что у адвокатов такая репутация. Хотя вот Вовочку я тоже считала, может, и слабовольным, но порядочным и почти другом. Не хочу о нем думать больше. И отказываюсь психовать и грузиться или метаться по городу так, словно нуждаюсь в каких-то оправданиях, а значит, признаю хоть часть вины.

Поэтому из парка я неспешно отправилась в парикмахерскую, где, благодаря столь раннему часу, попала к хорошему мастеру. Пока сидела с какой-то приятно пахнущей маской на волосах, достала телефон и обнаружила, что, как выключила его вчера в кабинете Амиранова, так и не вспомнила включить. Едва запустила, сразу посыпались сообщения о звонках. Их даже не стала просматривать. К черту! Так же висело 99 оповещений с того самого уже забытого мною сайта знакомств. Среди множества «пошалим красавица?», «хочешь вирт?», «полижу твою сладкую киску», «ищу госпожу», «оцени мой член по фото» была парочка вполне адекватных сообщений. Но сейчас даже они меня не интересовали. Я уже собралась было удалить свою страницу, ведь, в принципе, появится Григорий или нет, она уже не актуальна, но тут пришло время смывать маску.

Чувствуя себя разморенной после возни с волосами, я отправилась в торговый центр с кинотеатром, посмотрела только вышедшую фантастику. Потом побродила и, накупив кучу вредных и не очень вкусностей, поехала домой. Вечер я провела в привычном мне раньше стиле. Перед телевизором, за событиями на экране которого почти не следила, уютно свернувшись на диване. Одна.

Прислушивалась ли я в ожидании позднего звонка в дверь? Естественно. Но так и не дождалась. Огорчена я этим не была. На сегодня острых впечатлений мне хватило, а Григорий мне не друг, просто поболтать и излить душу, ища сочувствия, с ним не вариант. И не возлюбленный, прижавшись к плечу которого, я могла бы расслабиться, отпуская все тревоги. А значит, его появление сейчас было бы скорее уж еще одним испытанием, а не удовольствием. Уснула я под мерное разглагольствование ведущего какой-то поздней передачи.

Будильник зазвонил как обычно. Полежав в постели, я немного подождала — вдруг запоздавшее чувство поражения или испуг от потери привычного накроют меня. Но ничего подобного не случилось. Настроение оставалось таким же прекрасным, как и пронизанный солнцем осенний день, зарождающийся за окном. Да, очень скоро его сменят хмарь и дожди сутки напролет, но сейчас такого пока нет, и это замечательно. Я не позволила себе слоняться по квартире бесцельно, нашла кучу дел, которые раньше откладывались на потом. Кухня и окна, чистые на первый взгляд, при ближайшем рассмотрении требовали моего пристального внимания. В шкафах оказалась куча барахла, выбросить которое руки не доходили годами. А может, просто все как-то жаль было это делать, но время хранить прошло. Потратив первую половину дня на уборку, вторую я посвятила тому, чтобы перебрать, рассортировать все стоящее. Я сложила вещи в мешки и перетаскала в машину. Найдя в сети адрес ближайшего волонтерского пункта помощи бездомным, отвезла и с легкой душой отдала.

Возвращалась, никуда не торопясь и ловя себя на том, что всегда так тяготившие пробки на дорогах сейчас безразличны. На звонки я по-прежнему и не думала отвечать, поставив

телефон на беззвучный режим. Но реальность все равно упрямо вторглась ко мне в виде следователя Амиранова, оживленно о чем-то беседующего с одной из моих пожилых соседок на лавочке перед подъездом.

— А вот и она! — мужчина поднялся мне навстречу с таким радостным лицом, будто мы старинные друзья-приятели, которые сто лет не виделись. — Здравствуйте, Анна!

Я настороженно прищурилась, глядя на него, и Амиранов, хоть и продолжал фальшиво-оптимистично улыбаться, глаза все же отвел.

— Что вам нужно? — пренебрегая его вежливостью, прямо спросила я.

— Может, мы внутри поговорим? — указал он на подъезд.

— У вас есть какой-то документ, обязывающий меня впустить вас? — не повелась я на его предложение. — Ордер или как там?

— Нет, Анна.

— Гражданка Коломина, пожалуйста, — не сдержавшись, поправила его. — И если нет, то почему я должна с вами говорить? У меня вроде как повестка на понедельник?

Амиранов сверкнул на меня глазами, выдавая свое раздражение.

— Я здесь, чтобы принести извинения и сообщить вам, что обвинения сняты с вас полностью. Прошлой ночью были обнаружены еще два тела, имеющие повреждения, идентичные травмам Комарова. Всех подробностей я озвучить не могу, это тайна следствия, но скажу только, что найден ряд улик, указывающих, что деяние совершено группой лиц. Скорее всего, дело в секте или экстремистской организации. Так что вы теперь больше не подследственная, Анна. Просто не хотел озвучивать это при свидетелях, — покосился он на развесившую уши соседку.

Он снова изобразил доброжелательную улыбку, нечто в стиле: «Ну, давайте, любите меня, я принес добрые вести!». Только черта с два мое отношение к нему хоть на грамм изменилось!

— А мне нечего опасаться свидетелей, — и не подумала оттаять я в ответ. — Я ничего такого не сделала и делать не собираюсь. И разве все эти извинения и все такое не должно происходить как-то официально?

— Это само собой, — нахмурившись, подтвердил Амиранов. — В понедельник вам официально вручат постановление о прекращении в отношении вас следственных действий. Но я думал, что и лично не помешает, и к тому же было желание увидеть вас при других обстоятельствах. Не таких, в которых мы с вами оказались первоначально.

Вот урод! Он не запнулся и в лице не изменился, и без тени смущения по-дурацки пошевелил густыми бровями, ухмыльнулся, ясно давая мне понять, в чем причина этого внезапного визита.

— Что, простите? — обалдев, я уставилась на него. Глазам своим не верю просто. После того как еще вчера он со мной обращался, как с дерьмом и преступницей, сегодня у него хватает наглости явиться и пытаться флиртовать. Причем с таким видом, будто он уверен в своей неотразимости на все сто. Вот ведь гадость!

— Анна...

— Госпожа Коломина! — почти выкрикнув, поправила его я.

— Хорошо, госпожа Коломина, — до противного охотно согласился он, продолжая при этом мерзко ухмыляться. — Из всего я понял, что вы живете одна.

— Ну и? — напряглась еще больше.

— Вы достаточно привлекательная женщина. — Ох, ну надо же, какая лестная оценка! — И я подумал, что раз одинокая...

— Вы неправильно подумали, Амиранов! — оборвала его, не желая больше говорить с этим человеком ни одной секунды, и, развернувшись, пошла к подъезду, огрызаясь через плечо. — Я не одинокая! Но даже если бы и была, у вас ни одного шанса!

Сильные пальцы сжались на локте, немного пугая меня.

— Вы уверены, что принимаете верное решение? — зло пробормотал Амиранов у самого моего уха.

— Она уверена! — голос, от которого сердце резко подпрыгивает и пускается вскачь, как обдолбанный кузнечик. — А ты отойди от нее, коротышка!

Глава 22

Молодой человек вошел в большое, тускло освещенное помещение в сопровождении двух здоровяков, одетых в классические темные костюмы. Сопровождающие расположились с двух сторон от входа и, кажется, потеряли интерес к визитеру, сосредоточив свое внимание на крупном мужчине, который обманчиво-вальяжно расположился на единственном здесь предмете мебели — мягком офисном кресле. Черты лица сидящего казались нечеткими из-за скудного света, но и его было достаточно, чтобы разглядеть их резкость и агрессивность. Мрачная аура окружала его, словно плотным облаком, и явно нервировала посетителя, хоть тот и старался никак не выдать этого и держаться не просто уверенно, но и с легким намеком заносчивости. В противоположность, будто окутанному тьмой хозяину комнаты, юноша весь словно светился, притягивая взгляд к своим буквально завораживающе красивым чертам и сияющим голубым глазам. Одет молодой человек был в идеально облегающий его ладную фигуру ярко-красный камзол, богато расшитый множеством сверкающих камней в тон ткани, и мягкие узкие брюки того же цвета. И, присмотревшись, можно было увидеть, как периодически крошечные серебристые искорки вспыхивали на его теле и странном одеянии повсюду, быстро соскальзывали вниз, как водные капли, и гасли, упав на холодный бетонный пол помещения.

— Приветствую тебя, деспот Грегордиан, отважнейший из архонтов, опора и достояние Закатного государства! — склонился пришелец в низком грациозном поклоне. — Пусть мать наша Дану вечно благоволит тебе и твоему роду!

Хозяин ничего не ответил, лишь слегка кивнул и посмотрел через плечо парня на своих безмолвных подручных. По лицу посетителя пробежала мгновенная гримаса недовольства, но она была тут же стерта новой псевдо-радостной улыбкой.

— И вам привет, дорогие соплеменники! — оборачиваясь, через плечо сказал он так, будто делал им великое одолжение, вообще замечая их и причисляя к числу себе подобных. —

Доволен ли вашей службой ваш архонт?

— Рядом со мной не выживают те, кем я недоволен! — резко ответил за своих людей деспот, а оба подручных молча ухмыльнулись, отчего молодой человек поежился и растерял часть своей самоуверенности.

— Мой учитель, великий гоег Франганн прислал меня по твоему зову вместе с заверениями в своих глубочайших симпатиях и истинной преданности, — продолжил, стараясь вернуть себе контроль над собой. — Лишь только прибыл гонец от тебя, он приказал мне тут же оставить все свои важнейшие дела и...

— Напомни мне свое имя, юный асраи, — бесцеремонно перебил говорившего хозяин.

— Каоидхин, деспот, — в ответе парня уже явно ощущалась настороженность.

— Надо же, пятый ребенок. В моих пределах женщины редко когда дают жизнь троим, да и то из них до твоих лет частенько доживает лишь один. — Мужчина говорил совершенно ровным тоном, но гость напрягся еще больше.

— В долинах, прилегающих к Летней столице, щедрая природа, благодатный климат, и никогда не случается вторжений орд озверелых, отвергнутых творений богини, деспот, — он уже почти мямлил, говоря как можно тише и мягче.

— А скажи мне, Каоидхин, пятый ребенок, почему этих самых вторжений в ваших краях не бывает? — в голос деспота влилась едва заметная нотка гнева, почти неуловимая, но достаточная для того, чтобы юноша, громко сглотнув, чуть попятился, а охранники у входа напряглись, как псы, готовые к атаке.

Взгляд его сияющих голубых глаз заметался вокруг, будто в поисках путей для бегства, но повсюду наткнулся лишь на глухие стены. В помещении не было даже окон.

— Что же ты медлишь с ответом, Каоидхин? — уже откровенно насмешливо спросил деспот. — Ответь мне, благодаря чему вы живете в покое и без страхов?

— Потому что ты, деспот Грегордиан, и другие три архонта пограничья берегут пределы Закатного государства, — медленно проговорил парень, пристально глядя в лицо хозяина и явно стараясь уловить, все ли в сказанном на его взгляд верно.

— Выходит, я все же заслуживаю уважения за то, что делаю для всех вас? — мужчина теперь подался вперед, вынуждая гостя практически шарахнуться.

— Конечно, все мы в столице почитаем вас и ваши деяния, — уже откровенно испугано затараторил парень и оглянулся на стоящих у входа — уже явно в поисках защиты, а не заносчиво.

— Почитаете настолько, что гоег Франганн не только лжет мне на каждом шагу, обещая результаты от своих чар, которых все нет, но и когда я приказываю ему явиться, он шлет вместо себя какого-то никчемного мальчишку-подмастерья?

— Я не никчемный! Я его любимейший и самый талантливый ученик! — огрызнулся молодой человек, и прежняя гордыня вылезла на поверхность, но быстро сник, натолкнувшись на цепкий, тяжелый взгляд напротив.

— Очевидно, у самого гоеа другое мнение, Каоидхин, раз он с легкостью отправил тебя ко мне, хотя в своем послании я совершенно однозначно потребовал именно его присутствия, — мужчина сцепил перед собой руки и чуть склонил голову набок, и в этих простых действиях сквозила сплошная угроза.

— Нет, учитель знает, что я справлюсь, и решил дать мне шанс проявить себя!

— Странно, а с моего места все видится абсолютно по-другому, ученик чародела. — Юноша скривился от такого названия, но возразить не посмел. — Я не давал твоему учителю права выбирать — прийти самому или прислать кого-то взамен, так что, он либо совершенно не ценит тебя и с легкостью готов скормить моему гневу или возомнил себя очень значимой фигурой, желания или нежелания коей приоритетней моих.

Поняв, что все оборачивается хуже некуда, молодой человек озлился.

— Мой учитель — придворный гоеа, личный маг королевы и официальный главный маг Закатного государства! — красивое лицо исказилось, и вспышки единичных искорок участились, постепенно превращаясь в постоянное свечение.

— Надо же, как он возвысился, пока я отсутствовал! — насмешливо произнес деспот, снова вальяжно откидываясь, явно не впечатленный световым шоу. — А скажи-ка мне, пятый ребенок, кто из придворных встанет на его защиту, когда я явлюсь покарать его за пренебрежение к моим приказам? Или, возможно, за него вступится даже сама королева?

Юноша уже тяжело дышал, совершенно перепуганный, и, не найдясь с ответом, опустил глаза.

— Ну, так что, ты все еще уверен, что являешься любимым учеником гоеа Франганна? — деспот задал этот вопрос уже с иной интонацией, так, словно давал парню шанс избежать худшего, ответив правильно.

Но тот был не готов ни расслышать, ни понять.

— Да! — снова горделиво вскинул он голову. — Я лучший из лучших! Я самый доверенный! Я уже почти равен ему по силе...

— Ну да, я понял, — раздраженно оборвал его похвальбу мужчина и пробормотал уже совсем тихо: — Равнинные асраи и их беспредельное самомнение.

Он едва заметно кивнул стоящим у дверей подручным, и те двинулись к нему, обходя парня с двух сторон. Тот окаменел от страха, но они, пройдя мимо, встали за спиной у деспота.

— Раз ты утверждаешь, что имеешь значение для своего учителя, то из тебя выйдет прекрасное ему послание. Как думаешь, за сколько времени он сумеет вырастить своему любимому ученику и помощнику новые руки?

— Что? — юноша начал пятиться к двери, путь к которой теперь никто не преграждал.

— Или, скорее всего, лечить себя тебе придется самому, потому как твоему учителю придется нестись ко мне, если он не захочет, чтобы я сам пришел за ним. Как раз и мастерство свое проверишь, — продолжил мужчина, будто беседуя сам с собой и нисколько не замечая действий намеченной жертвы. — Я бы, конечно, лучше отрезал твой хвастливый язык вместе с головой, чтобы ты больше не мог смотреть на моих преданных слуг свысока, но тогда ты точно

будешь не в состоянии донести смысл сообщения до своего учителя. А жаль!

Издав какой-то сдавленный вскрик, парень рванул прочь, и эхо его торопливых шагов в течение нескольких секунд было единственным звуком в комнате.

Сам деспот и один из охранников — флегматично выглядящий высоченный блондин — не сделали ни единого движения, чтобы догнать его. Зато огромный огненно-рыжий детина дернулся вперед, как хищник, который просто не может сдержаться при виде бегущей жертвы, но тут же остановился и виновато покосился на деспота.

— Иди, поохоться, Сандалф. Погоняй мальчишку хорошенько, — махнул тот рукой почти устало. — Когда навеселишься, сделай все, как я сказал. Ни у кого не должно быть и тени сомнения в том, что мои слова — не пустой звук, а игнорировать приказы — смерти подобно.

Рыжий возбужденно взрыкнул и исчез почти мгновенно. Блондин же, глубоко и протяжно вздохнув, позволил своей спине утратить деревянную прямолинейность и оперся на спинку кресла деспота. Та жалобно скрипнула, принимая на себя немалый вес.

— Говори, если есть, что сказать, друг мой Алево, — повторив его вздох, предложил сидящий мужчина.

— Я могу сказать действительно, что думаю, или только то, что тебе приятно будет слышать? — с легкой иронией спросил блондин.

— Тебе я много лет уже позволяю говорить прямо, без опасения пострадать от моего гнева.

— Ну, я не равнинный асраи, что бежал отсюда, как заяц, недавно. Напугать меня лишением конечностей, которые все равно отрастут, не так легко, — усмехнулся Алево, отпуская спинку и начиная медленно вышагивать вокруг деспота.

— О нем хочешь поговорить? — прищурился мужчина в кресле. — Начнешь предупреждать меня о возможных последствиях агрессии в отношении этого ничтожного гоега, гордо именуемого теперь главным магом государства?

— Нет! — безразлично пожал плечами блондин. — Пока твои амбиции не возросли до того, чтобы угрожать самой правящей чете или их отпрыскам, я тебе и слова не скажу. А этих заносчивых и изнеженных прихлебателей ставить на место можно и нужно. Чтобы не забывали, что живущие и сражающиеся на пограничных территориях, не их холопы, на которых они могут взирать свысока, а те, благодаря кому они ведут свою безоблачную жизнь в увеселениях.

Деспот стремительно выпрямился, и его лицо стало не просто мрачным, но и отразило крайнюю решимость и целую бурю эмоций.

— Я бы никогда не нарушил своей клятвы, Алево! — произнес он почти торжественно и с сильным чувством. — Не посмел бы даже задумать плохое для семейства осененного благодатью матери нашей Дану, не говоря уже о том, чтобы произнести вслух или сделать! А если когда-то мысль навредить им посетит мою голову, я склонюсь и добровольно позволю ее отсечь.

Блондин остановился чуть позади своего повелителя и посмотрел на него не просто пристально, а позволив тени печали мимолетно скользнуть по своему лицу, но быстро отвернулся, пряча истинные чувства.

— Я знаю, архонт. И говорить хотел не о том. Человеческая женщина. Какие насчет нее у вас планы? — блондин снова стал неспешно рассказывать по комнате.

— С чего они вообще у меня должны быть? — нахмурившись, деспот откинулся в кресле, нарочито расслабленно.

— Хм-м-м... Вы посещали ее уже дважды, и, если я правильно понимаю, сегодня намерены сделать это снова. К тому же вы покарали посягнувшего на нее мяцкая, назвав своей. Так что мой вопрос хоть и дерзкий, но логичный.

— Я не принял еще окончательного решения и не тороплюсь сделать это. Но скорее всего, отправившись за Завесу, заберу ее с собой, — мужчина поднялся и пошел к дверям.

— Деспот, но вам следует помнить, что, будучи человеком, она не сможет вернуться, когда... утратит вашу благосклонность, — в спину повелителю торопливо произнес Алево.

Чуть обернувшись, деспот посмотрел на него через плечо, слегка приподняв бровь и как бы говоря «и что с того?».

— Без вашего покровительства она будет обречена с нашей стороны Завесы, — блондин не давил, но очевидно решил высказаться до конца.

— Переходи сразу к тому, что ты хочешь мне сказать, — с легкой ноткой раздражения сказал архонт.

— Я бы на вашем месте наслаждался обществом этой человеческой женщины здесь и после покинул ее, оставляя ей право жить, как раньше.

По тому, как сжались в кулаки руки деспота и напряглись мощные плечи, стало понятно, насколько сильно ему не нравится эта мысль.

— Ну, я-то на своем месте, Алево. И к тому же тебе ли не знать, что после нас Младшие не могут больше получать удовольствие с себе подобными, — деспот скривил губы в циничной улыбке. — Для человеческих мужчин она все равно уже разрушена.

— Может, и разрушена для наслаждения, но, однако, жива, — Алево возразил очень тихо, понимая, что уже испытывает терпение повелителя.

— Да ладно тебе, друг мой. Нам еще не светит в ближайшее время вернуться насовсем, а значит, вопрос не актуален. К тому же вдруг эта женщина сумеет завладеть моим вниманием на весьма долгий срок? — не став дожидаться ответа, мужчина ушел, оставляя своего подданного смотреть себе вслед.

— Человеческая женщина в качестве постоянной фаворитки? — огорченно покачал блондин головой, говоря уже сам с собой. — Нет, ей и месяца не прожить, если станет понятно, что она важна для тебя, друг мой Грегордиан.

Глава 23

Амиранов, не отпуская мою руку, развернулся с заносчивым видом человека, привыкшего, что его принадлежность к органам позволяет ему больше, чем простым смертным, да так и застыл. Григорий стоял в паре метров от нас, держа в обеих руках пакеты из плотной бумаги, пригвождая следователя к месту гневным взглядом. Амиранов, видимо, еще не прочувствовав

свое безусловное поражение, а может, слишком злой от моей резкости, уставился в ответ. Но буквально через несколько секунд сдулся, отпуская меня. Следователь в прямом смысле поник, втянув шею, весь его недавний уверенный молодецкий разворот плеч исчез, карие глаза заматались, то ли избегая столкнуться снова со взглядом Григория, то ли уже разыскивая пути для экстренного отступления.

— Ваш друг? — скривившись, спросил он. Очевидно, остатки уязвленной гордости не позволяли ему просто молча уйти.

— Не! Друг! — оба слова Григорий буквально швырнул в Амиранова, едва я открыла рот, чтобы ответить.

Сказал так, что разночтений в характере наших отношений, отнюдь не дружеских, просто не могло возникнуть даже у полного идиота. И плюс к этому ливанул настолько щедро концентрированной угрозой, что даже мне остро захотелось сию же секунду просочиться прямо сквозь дверь и бежать по лестнице как можно быстрее, пока не окажусь в безопасном пространстве своей квартиры. Хотя сильно сомневаюсь, что я смогу спрятаться там от Григория.

— Ну что же, не смею мешать вашим планам на вечер, — желчь в голосе следователя, скорее всего, должна была скрыть нотки откровенного страха, но это не сработало.

Не сводя глаз с Григория, Амиранов отходил от меня так медленно, будто только и ждал, что тот кинется на него.

— Увидимся в понедельник, — напоследок пробормотал он.

— Этого не будет, — снова влез Григорий вместо меня, и я уже нахмурилась, изрядно на это раздражаясь. Не могу отрицать, что нервозность Амиранова под давящим, как бетонная плита, взглядом Григория была мне сродни бальзама на душу. Есть какое-то нездоровое и злорадное удовольствие в том, чтобы увидеть, как человек, попивший твоей кровушки, трусливо пятится, готовый выпрыгнуть из своей кожи, только бы побыстрее оказаться где-то в другом месте. Но как-то я дожила до этих лет, отвечая сама за себя, а тут на тебе!

Амиранов практически проскользнул мимо стоящего неподвижно моего любовника и пошел прочь, все ускоряясь, продолжая беспрерывно на него оглядываться и от этого все время спотыкаясь. Григорий же, напротив, больше даже не взглянул в его сторону. Чуть наклонив набок голову, он уставился прямо на меня, будто подчеркивая, что спасающийся бегством его больше нисколько не интересуется. Взглядом — пристальным, нагло собственническим и откровенно похотливым — он неторопливо, почти лениво, пропутешествовал по мне с головы до ног и обратно. И как всегда, я ничего не могла поделать с тем, что мое тело ответило на него безоговорочным возбуждением. Тем самым, что за три секунды от нуля до сотни. Но сейчас, кроме него, было и раздражение, достигшее той степени, когда уже сдержаться и промолчать не вариант.

— Возможно, ты не обратил внимания, но я умею разговаривать, — сказала дрогнувшим от гнева голосом. — И вполне успешно это делала до сего дня!

Ответом мне была только нахальная ухмылка и вопросительно поднятая бровь. Григорий шагнул ближе и наклонился к моему лицу, словно дразня близостью своего рта, и я сжала кулаки, стараясь игнорировать этот факт и его запах, который был для моего либидо как команда прийти в полную готовность. Так легко сейчас было бы податься немного вперед и

снова погрузиться в состояние непрерывного кайфа, в которое я проваливаюсь от первого же касания к нему, не говоря о поцелуе. Но моя еще не ушедшая в отключку гордость или просто природное упрямство требовали продолжить совсем в другом ключе.

— И в моих сегодняшних планах на вечер нет твоего визита! — Я, как мне кажется, дерзко вздернула подбородок, одновременно плотнее вжимаясь в подъездную дверь, в тщетной попытке получить еще хоть пару сантиметров расстояния, способного сохранить мое здравомыслие.

— Вот, значит, как? — Он не выглядел нисколько разочарованным, когда отстранился и повернулся, будто намереваясь просто уйти. — Ну тогда, может, ты найдешь в своих планах время, чтобы нанести этот самый визит мне?

Я не ослышалась? Григорий предлагает мне поехать к нему? Или это просто насмешка в отместку за мое упрямство?

— А если не найду? — чисто машинально спросила в ответ.

— Тогда мне все же придется настоять на том, чтобы мы пошли к тебе. Хотя можем сделать это первый раз прямо тут, у двери. — Он снова приблизился, нависая надо мной. — Выбирай сама!

Господи, какой же он огромный, особенно когда так близко. Как так выходит, что за одно мгновение этот мужчина создает своей агрессивной энергией некое пространство, в котором царит единолично. Краски, звуки, запахи, желания, ощущения, все это реально и ошеломляюще объемно только тут. Весь остальной мир становится картонным, двухмерным и практически призрачным, просто оттого что его губы почти касаются моего виска.

— Между ночью с тобой у меня и тем же самым у тебя? Прямо неразрешимая дилемма, — хмыкнула я, прикрывая глаза и уже и не стараясь скрыть рваное дыхание. Какой смысл, если я и в самом деле и не подумала бы его остановить, пожелай он прижать меня к этой двери, и поймет на глазах у всех соседей? Сейчас они для меня не более чем смутные тени, бесцельно передвигающиеся где-то там, в невысказанной дали, за пределами моего одурманенного похотью сознания. Мои фантазии о том, как Григорий вколачивается в меня, заставляя надсаживать горло, выстанывая для него песню моего дикого наслаждения, были в миллион раз отчетливее и живее, чем люди вокруг.

— Любой выбор не более чем иллюзия, Аня, — это должно меня успокоить и хоть как-то оправдать то, что становлюсь безвольной тряпкой, стоит ему лишь подразнить меня возможностью близости?

А с другой стороны, за каким чертом во мне каждый раз поднимает голову некая часть моего сознания, которая в его присутствии то истерит, заходясь в панике, то пытается выволочь на поверхность разума чувство вины, не пойми за что. Я желаю этого мужчине, он хочет заниматься сексом со мной. Мы можем это сделать. Не прямо здесь, но можем, и это главное. Все! Нафиг в этом примитивнейшем уравнении всех времен и народов все эти излишние, все усложняющие составляющие? Я ведь на все согласна. И к нему ехать, и ко мне его не то что впустить, затащить и взобраться, даже не раздеваясь.

— Раз так, то едем к тебе, — ответила, принимая решение и затыкая сомнения и страхи.

— Со временем ты научишься делать это быстрее, — Григорий быстро отстранился, отбирая у меня так много себя и сразу.

Получив расстояние от него и с ним способность мыслить относительно адекватно, я, оглянувшись, вспомнила, наконец, про соседку, так и сидящую на лавке, которая не сводила с нас пристального ястребиного взгляда и ловила каждое слово. Не сомневаюсь, что мы с Григорием станем местной новостью дня или даже недели. Неожиданно появилось озорное, абсолютно мне ранее не свойственное, желание добавить ей еще поводов для перетирания с подружками.

— Нина Ивановна! — громко позвала я, обеспечивая себе максимум внимания, хотя его и так было в достатке. — Видите этого мужчину?

Григорий повернулся, недоуменно взглянул на меня, а соседка охотно закивала.

— Так вот, если я исчезну, можете смело говорить полицейским, что это его вина, — сообщила я доверительным тоном и только после этого спокойно зашагала в сторону стоянки.

— Ты это серьезно? — Григорий догнал меня за пару шагов. — Считаешь, если я решу и правда украсть тебя, полиция сможет мне помешать?

— Нет, я не думаю, что тебе вообще придет в голову меня воровать. Собственно, зачем? Просто это показалось мне забавным. — Мне и в самом деле было до странности весело.

— Забавным? — обогнав меня Григорий, подошел к своей машине.

— Ага. И если я все же пропаду сегодня, то тебе до конца жизни будет икаться, когда Нина Ивановна будет вспоминать об этом на ежевечерних посиделках. Так что в твоих интересах привезти меня обратно в целостности и сохранности.

— Икаться? — Григорий моментально помрачнел и глянул в сторону лавочки так недобро, что мне даже нехорошо стало. — Она ведьма?

Так, это у меня чувство юмора неуместное, или кто-то шуток не понимает совершенно?

— Что? — уставилась я недоуменно, тогда как мой любовник выглядел с каждой секундой все более угрожающим. Так, словно готов прямо сейчас вернуться обратно и сделать что-то, способное напугать по-настоящему.

— Ты сказала, что...

— Да я знаю, что сказала! — перебила я его. — Но это просто выражение такое. Когда тебя кто-то вспоминает недобрым словом или перемывает кости тебе, типа, будет икаться. Ты что, его не слышал никогда?

Григорий покачал головой, но не выглядел слишком убежденным моими словами.

— То есть ты точно знаешь, что она не ведьма? — настойчиво уточнил он.

— Для того чтобы говорить на эту тему всерьез, Гриша, мне надо допустить, что я вообще верю в существование этих самых ведьм или какой-либо другой мистики. А это не так!

Мы какое-то время прямо смотрели в глаза друг другу, а потом Григорий кивнул, заметно расслабляясь.

Он отвернулся, молча открыл машину и дождался, пока я усядусь.

— Если ты во что-то не веришь, Аня, это не значит, что этого не существует, — сказал он, прежде чем закрыть дверь.

Снова обернувшись, он еще с полминуты смотрел на Нину Ивановну, будто стараясь что-то разглядеть, и только потом занял водительское место. Что же даже если мужчина выглядит как твоя мечта и лучший в мире подарок в идеальной обертке, неутомим в постели и сводит тебя с ума, просто стоя рядом, это вовсе не значит, что у него нет хоть одного таракана в голове.

Глава 24

Когда выезжали со двора, я покосилась на пакеты, которые он почти швырнул на заднее сидение, прежде чем усесться.

— Что там?

— Теперь тебе любопытно? Там пища и вино. Настолько приличные, насколько здесь вообще можно раздобыть.

Вино и пища. Хм-м-м. Это что, тонкий намек на то, что мужика стоило бы кормить после секса или попытка придать чуть романтичности перед ним? Но для первого надо не затрачивать женщину до полного изнеможения, а что касается второго... Я покосилась на Григория. Нет, как-то не складывается у меня в голове образ того, что этот мужчина может быть романтичным. Впрочем, может, я его для этого недостаточно хорошо знаю? Поправочка, Аня. Ты вообще его не знаешь. Тут я вспомнила, что в прошлый раз после его ухода обнаружила мою початую бутылку вина, которую я распивала в ванной, в мусорном ведре.

— А чем было плохо мое вино?

— Не называй вином ту гадость. Ее не стоило и в дом приносить, не то что пить! — презрительно фыркнул мужчина, не отвлекаясь от дороги.

— А ты, выходит, такой знаток и ценитель? — не сдержалась от укола я. Потому как вино, между прочим, было жутко дорогим и от известного производителя, а не какая-то бурда из супермаркета за углом.

— Ценитель? Нет. Но способен отличить отвратительное пойло от сносного напитка, — проигнорировав мою язвительность, ответил мужчина.

— Интересно, а как же насчет хорошего вина?

— В вашем... в ваших краях хорошего не делают. Не умеют в принципе.

Я никогда не страдала любопытством, но сейчас прямо язык чесался спросить, что же это за края, из которых он родом, но в этот момент мы вырулили на проспект, и мне стало немного не до того. Потому как водил Григорий именно так, как и выглядел — агрессивно, на грани откровенного хамства, так, словно все остальные участники движения должны по умолчанию уступать ему дорогу. Он подрезал, прижимал, совершал такие резкие и наглые маневры, абсолютно игнорируя возмущенные сигналы других водителей. Я так и ждала, что на очередном перекрестке выскочит какой-то особо обиженный с битой наперевес и бросится в его роскошной АУДИ стекла бить. И не то чтобы я особо переживала за Григория, скорее наоборот, да и своих нервов жаль. Хотя опять же, не знаю уж почему, но меня возбуждала эта его беспардонность и дерзость. Да к черту! Меня, похоже, все в нем возбуждает! Если так

пойдет, ему будет достаточно моргнуть или, прости Господи, высморкаться, а я уже буду готова. Надо признать, что это какая-то не очень здоровая тенденция, но, когда он близко, мне на это наплевать.

Вскоре мы пробились через центр и выехали на престижную окраину, где все было застроено особняками тех состоятельных граждан, что могли позволить себе чуть больше пространства, зелени и свежего воздуха, не покидая при этом городскую черту.

Проехав насквозь этот городок, где каждое строение и деталь, включая даже забор и газон, должны были прозрачно намекнуть на благосостояние владельцев, мы остановились около глухого и весьма своеобразного забора. Высотой он был все добрых метра четыре, судя по протяженности, охватывал несколько стандартных участков, и самое интересное — сложен был из камней. Самых обычных камней, продолговатых, округлых, разных оттенков от светло-серого до ржаво-рыжего, не обтесанных, таких, какие обычно устилают дно всех горных рек. Огромные ворота, которые Григорий открыл с пульта, были чисто деревянными и выглядели массивными, под стать забору. Подъездная дорожка вела прямо к дому, построенному из такого же камня. Я присмотрелась повнимательнее, надеясь разглядеть, что это только внешняя облицовка. Ну кто сейчас строит из камня, будто в средневековье? И если уж на то пошло, то откуда его в нашей местности наберешься на такие хоромы?

— Ну что, насмотрелась снаружи? — усмехнулся Григорий, перехватывая мой изумленный взгляд. — Идем тогда внутрь.

На самом деле я бы еще с удовольствием поглазела, но, ясное дело, мы сюда не архитектурой любоваться приехали. Хотя, чтобы любоваться этим, нужен весьма специфичный вкус. Никакого изящества и изысканности линий в упор не наблюдалось. Дом был похож, скорее, на крепость или форт, а не на модные сейчас строения из металла и стекла, прозрачные почти насквозь, полные света и воздушные.

— Этот дом на тебя чем-то похож, — пробормотала я, выбираясь из авто. — Такой же мощный, тяжеловесный и пугающе-загадочный.

— Я тебя пугаю, Аня? — И почему мне кажется, что он звучит не расстроено, а скорее, самодовольно?

— Естественно, — признала я и добавила тише и скорее уж для себя: — Но сама себя я пугаю гораздо больше, когда ты рядом.

— Себя бояться время прошло, Аня, а меня еще не настало, — ухмыльнулся Григорий.

— Знаешь, по-хорошему такая фразочка должна заставить женщину в своем уме развернуться и бежать отсюда от греха подальше, — ответила, не торопясь подниматься по лестнице.

— Тебя не заставит, — Григорий положил свою широкую ладонь мне на поясницу и подтолкнул, не сильно, но настойчиво и провел носом по моему виску и краю уха, выдавая дыханием собственное нетерпение, а я непроизвольно судорожно вдохнула от стремительно разлившегося по телу тепла. — Ты ведь тут как раз для того, чтобы хорошенько погрешить.

Он открыл передо мной монументальную на вид толстенную дверь, которая выглядела сделанной из одного цельного куска древесины. И на внешней, и на внутренней стороне была причудливая резьба, но рассматривать я ее не стала, потому что во все глаза пялилась вокруг.

Похоже, весь первый этаж был одним, ничем не разграниченным помещением, выполненным в

том же самом антураже средневековья. Никакой штукатурки или обоев, просто относительно гладкий камень на полу и стенах, который внутри помещения смотрелся хоть и экзотично, но еще более мрачно, чем снаружи. Широкий стол, окруженный неподъемными на вид стульями, впечатляющих размеров камин, который, судя по виду, без дела не простаивал, гобелены по стенам, шкуры на мебели и на полу. В моем представлении только оружия развешанного не хватает для полноты картины. Нигде нет и признака хрома или пластика, ни малейшей детали или присутствия более близких к современности материалов.

— Интересный дизайн, — только и смогла сказать я.

— Идем вперед, — Григорий меня почти поволок к двери в дальнем конце этого зала. Пройдя по темному коридору и миновав еще пару дверей, мы вдруг очутились в совершенно потрясающем месте. На первый взгляд это могло показаться буйно цветущей оранжереей, округлой формы, если бы в середине не обнаружилась парующая ванна размером с приличный бассейн. В противоположность мрачному полу и стенам дома здесь дорожки были устланы плитами ослепительно белого камня, в толще которого поблескивали искры, похожие на слюду. Ни единого стыка или крепления, чтобы удерживать стеклянный колпак над этим великолепием, увидеть мне не удалось, а мягкое, идущее как будто отовсюду освещение было устроено так, что позволяло прекрасно рассмотреть все внутри и при этом совсем не мешало видеть все снаружи, хоть и подступали сумерки.

Мне оставалось только стоять и пялиться с открытым ртом и представлять, каково это может быть — лежать в этой роскошной ванне, вдыхая головокружительные запахи потрясающих цветов, и смотреть сквозь этот практически невидимый купол. Впрочем, я это сейчас, очевидно, узнаю. И даже весьма скоро. Григорий, предоставив мне и дальше заниматься изучением обстановки, неторопливо пошел по дорожке к ванной, раздеваясь по пути. И да, как только он снял рубашку, по сторонам я смотреть перестала.

Григорий не оборачивался. Зачем? Он ведь и так знал наверняка — я не просто не отвожу глаз, а буквально облизываю взглядом линию каждой объемной мышцы его рук, плеч, спины, что сейчас медленно перекачивались, то вздуваясь, то расслабляясь под испещренной беспорядочными шрамами кожей, когда он вытаскивал и отбрасывал свой ремень и расстегивал ширинку. Почему-то в мою голову пришло красочное, хоть и вроде неуместное сравнение с неким подводным монстром, чудовищем, которое вальяжно ворочается у самой поверхности, позволяя иногда выглянуть наружу гладкому мускулистому боку, а потом так же неторопливо погружается назад, исчезая без следа. Но даже после этого глядя на совершенно спокойную водную гладь, ты уже никогда не забудешь, что под ней скрывается.

Снимая брюки вместе с боксерами, Григорий наклонился, стягивая их по ногам и совершенно бесстыдно демонстрируя мне свою задницу. У меня как-то не было возможности рассмотреть ее раньше, но вот теперь-то я видела, что она была такой же, как и все его тело. Жесткой, будто кем-то нарочно и тщательно вырезанной из дерева в стремлении создать некое мужское совершенство, а не состоящей всего лишь из плоти. Рациональная часть меня закатила глаза где-то в сознании, говоря, Аня, ради Бога, это всего лишь крепкий мужской зад и ничего более, но недавно пробудившаяся бесконечно порочная я послала ее лесом. От вида этого проклятого мужчины у меня реально зубы сводило, и руки непроизвольно сжимались от желания не просто прикасаться, а самым нахальным образом хватать, сжимать и целовать до боли в губах, до непроходящих отметин моего обладания. И плевать, что временного. Это какой-то сумасшедший вирус дикости, ненасытности и сексуальной требовательности Григория, и, заражаясь им, я становлюсь совершенно иной версией самой себя. И этой женщине в принципе не было известно, что такое смущение, колебания или внутренние запреты и стыд.

Никакой оглядки на потом и завтра, только неодолимая нужда дразнить и соблазняться самой, подчиняться властным велениям его свирепого влечения, принимать, чтобы потом потребовать полной отдачи в ответ.

Григорий подошел к ванной, очень широкий бортик которой лишь сантиметров на пять возвышался над полом, и просто соскользнул в воду, исчезая из поля моего зрения, и я, ощутив себя несправедливо обделенной, подошла ближе. Погрузившись с головой, мужчина дал мне еще с минуту насладиться видом сзади, просто неподвижно лежа в абсолютно прозрачной воде, а потом перевернулся, выныривая, и провел ладонью по лицу. И теперь у меня была возможность наглядно убедиться, что я тут не единственная, кого мучает плотский голод. Стоило мне пройтись глазами по его члену, тут же накрыло волной дурманящих разум воспоминаний. Солоновато-кусачий опьяняющий вкус на моем языке. Скользящая гладкость головки и пульсация мощного ствола во рту. Доводящее до острого экстаза онемение губ и легкая боль в горле от собственных попыток взять еще больше. Григорий громко хмыкнул, выводя меня из транса, и я поняла, что не просто жру глазами его пах, но и, оказывается, плавно двигаюсь вокруг ванной, как голодная кошка у миски со сметаной. Может, мне и стоило смутиться, но сейчас я точно не была на это способна и поэтому просто продолжила брести по кругу и наслаждаться, пожалуй, самым возбуждающим зрелищем за всю мою жизнь.

— Насмотрелась на желанное? — Григорий расположился полусидя у дальнего края ванны, где дно было пологим, и откинул мокрую голову на бортик. — А я вот еще не вижу все, что хочу, во всей красе. Одежду прочь, Аня!

Он закинул руки, смыкая пальцы на затылке, и пристально уставился, и можно было подумать, что собрался терпеливо ждать шоу. Вот только его цепкий взгляд оголодавшего хищника, готового к охоте, выдавал его с потрохами. И когда я стала медленно расстегивать блузку, он спалился совсем, коротко рыкнув: «Быстрее!». На секунду меня посетила мысль, а то ли на мне белье, чтобы смело раздеваться, ведь никаких свиданий я не планировала. Но то, как мрачнели и агрессивно заострялись черты лица Григория с каждым новым открытым сантиметром моей плоти, однозначно убедило, что вопрос соответствия моего белья волнует его в самую последнюю очередь. Он хотел меня всю и прямо сию секунду. Раздевшись, я наклонилась попробовать воду, собираясь повторить его трюк с погружением.

— Нет! — практически рывкнул Григорий, и я удивленно уставилась на него.

— Иди сюда! — последовал новый приказ, и мужчина сделал движение рукой, четко поясняющее, чего он хотел от меня, и от понимания мне стало по-настоящему жарко. — Прямо сюда!

Обходила ванну, ощущая при каждом шаге тянущие нарастающие спазмы мышц внутри, выжимающие из меня всю влагу по максимуму. Григорий пристально следил за мной, как кот за крадущейся мышью, и когда я стала позади него, снова откинул голову на бортик.

— Ближе! Развернись! Встань на колени! — эти властные команды в другой ситуации оскорбили и взбесили бы меня, но не сейчас, когда, опуская глаза, я видела его голову между моих ног и встречала абсолютно бесстыдный взгляд, исследующий самую мою интимную часть. Кровь грохотала в голове, когда я медленно опустилась, располагая колени по обе стороны его головы, как Григорий и велел, и замерла, отчаянно желая услышать следующий отрывистый приказ, который исполню без всяких раздумий. Но жестокий засранец пытал молчанием и явно наслаждался моими муками. Истекающей влагой промежности касалось лишь его дыхание, когда он глубоко и шумно вдыхал, как уже делал раньше, и от этого мне самой катастрофически не хватало влажного, наполненного головокружительными ароматами,

воздуха, а сладкие одиночные судороги превратились в непрерывную дрожь острейшего предвкушения. При этом сам мужчина был неподвижен, но и простого его прямого разглядывания хватило для того, чтобы меня почти накрыло. Видимо, сегодня день такой, не одна я хочу просто поглазеть. Бортик, на котором припарковались мои колени, был мокрым и скользким, и я едва удерживала равновесие. Григорий действительно рисковал, лежа вот так, когда в любой момент могла рухнуть на него, и для его шеи это однозначно добром бы не кончилось. Наверное, понимание этого — единственное, что еще удерживало меня на краю. А ведь Григорий даже не коснулся меня.

Без всякого предупреждения его ладони оказались на моих ягодицах, сжимая так, что я не смогла сдержать вскрик, и приподняли, с легкостью удерживая весь мой вес, когда сам он подался вперед. Он так и не попросил меня опуститься на него, нет. Скорее уж это было похоже на то, как подносят ко рту лакомство. Именно так. Потому что каждое его жадное и требовательное облизывающее или посасывающее движение однозначно говорило — это снова поглощение для его удовольствия, а моя реакция лишь острая к нему приправа. Лишив меня любой опоры, Григорий вынуждал полностью отдать контроль и лишь надеяться, что он просто не позволит мне упасть. Но то, что собственные руки отчаянно металась в поисках хоть чего-то, за что можно ухватиться, и страх просто завалиться и к черту просто вывихнуть шею моему любовнику какое-то время мешали мне отпустить все и просто отдаться ощущениям. И в какой-то момент это стало причинять настоящие мучения. Григорий, ощутив это, сжал мои бедные ягодицы еще сильнее и, повернув голову, укусил меня за внутреннюю сторону бедра. Боль была пронзительной и совершенно ошеломляющей, полностью дезориентирующей и срывающей остатки моей разумности. Это был ультиматум, жесткое требования полного подчинения. И когда он вернул свой рот на мое лоно, я сдалась, взрываясь с такой отчаянной силой, что, кажется, едва не сломала позвоночник от силы гнувших меня финальных судорог.

Глава 25

Я оказалась в ванне почти сразу, когда еще вся тряслась и всхлипывала, и вода в первый момент показалась почти обжигающей для моей еще гиперчувствительной кожи. Григорий обхватил мое лицо ладонями и глядел так пугающе-пристально, что даже сквозь сплошную пелену наслаждения вдруг пробился тот самый животный страх. Его цепко прищуренные глаза, хищно раздувающиеся ноздри, агрессивный изгиб рта — все сейчас было некоей маской чувственной алчности. Он будто не просто смотрел на то, как я переживаю отзвуки почти навязанного им оргазма, а выжимал, выцеживал из меня всю возможную реакцию до последней капли. На крошечную долю секунды мне даже показалось, что это для него гораздо больше и важнее, чем просто убедиться в интенсивности моих ощущений, а где-то далеко за гранью секса в чистом виде. Но еще через пару секунд я поняла, что это мне привиделось. Потому что едва я смогла сделать первый полноценный глубокий вдох, Григорий решил, что пора продолжить. Отстранил и развернул меня, прижимаясь сзади, и положил мои руки на край бортика.

— Держись! — это было единственным предупреждением перед стремительным вторжением на грани откровенной грубости.

Резкие, пронзающие движения, пальцы, сминающие плоть бедер до синяков, зубы, то и дело сжимающие кожу на плечах и шее, все это на самой грани боли и иногда за ней. Никогда до Григория мой секс не был таким. Разрушающе-интенсивным, одуряюще-сладостным и при этом беспощадно мучительным. Вычерпывающим меня до дна, выжимающим ощущения досуха, испепеляющим. И я с готовностью снова запылала, подчиняясь властному «Сейчас!», которое он рыкнул мне в затылок.

Григорий натянул мои волосы, запрокидывая голову, царапая шею зубами и издавая низкий протяжный стон. Его свирепые финальные толчки растягивали мой оргазм, казалось бы, до бесконечности, никак не давая ему оборваться. И только когда он содрогнулся последний раз, этот убийственный прилив наконец-то схлынул, оставляя на своем месте истощение и невероятное облегчение одновременно. Я судорожно несколько раз вдохнула полной грудью и распахнула снова способные видеть глаза. И тут же закричала, наткнувшись взглядом на огромного мужчину, находившегося в нескольких метрах от ванны и, не отрываясь, смотревшего на нас. Он просто стоял там, сложив здоровенные ручки на груди, и пялился так, будто это самая обычная в жизни вещь — наблюдать, как кто-то занимается сексом. Я дернулась в захвате Григория, пытаюсь обернуться к нему желая увидеть его реакцию, но он просто отпустил меня и расслабленно улегся, располагая голову на бортике и даже прикрывая глаза. Никаких признаков гнева или хотя бы удивления.

— Какого черта? — разгневано прошипела я, прикрывая грудь руками, хоть и понимала, что это как минимум глупо после того, что незнакомец уже, наверное, увидел.

— Друг мой, что тебе? — спросил Григорий, совершенно игнорируя мой вопрос.

— Я пришел сказать, что мы вернулись и не одни. Возможно, вы захотите присоединиться к нам, — говоря это, неожиданный пришелец смотрел только на Григория, так, словно меня тут и не было. — Или наоборот.

Теперь он уставился снова на меня, и от этого захотелось съежиться и исчезнуть, потому что под этим взглядом ощутила себя куском мяса. Его губы изогнулись в похотливо-пренебрежительной ухмылке, и у меня к горлу подступила мерзкая горечь. Вода вокруг вдруг показалась ледяной.

— Я подумаю, — холодно ответил Григорий, как мне показалось, нарочно забывая на мой дискомфорт, и я себя ощутила еще дерьмовей.

Похоже, ему вообще нет дела до того, что этот мерзавец так глазеет на меня. Ну, а с другой стороны, чего я ожидала, учитывая, какой характер изначально носили наши отношения. Что, он бросится прикрывать меня от нескромных взглядов и беречь мою девичью честь? Может, по здравому размышлению глупо от него этого ждать, но, когда стоишь вот так обнаженной и беззащитной, логическое мышление почти недоступно. Сейчас я просто хотела, чтобы он велел убираться этому уроду, и это как минимум. Но мы так редко получаем то, что хотим, и это так бесит!

— Знаешь, лучше бы ты подумал предупредить меня, что мы в доме не одни! — я повысила голос, не в силах сдержаться, и стала прикидывать, как мне побыстрее добраться до одежды.

— Зачем? — безразлично хмыкнул мой любовник. — Алево любит посмотреть.

— За тем, что я против! — возмущенно посмотрела я на него. — Мне зрители ни к чему! Такое точно не для меня! Следует заранее оговаривать такие мелочи, как друг, любящий поглазеть на то, как ты трахаешься!

— Я могу не только смотреть! — нагло ухмыльнулся блондин и шагнул ближе, и тут я испугалась по-настоящему. — Если будет позволено.

И опять фраза, адресованная только Григорию, как будто на мое мнение в этом вопросе им было плевать. Стало до такой степени противно, что это даже перебило страх. Я голая, одна, в чужом доме с мужиком, о котором не знаю ничего, кроме имени, и то, возможно, оно не

настоящее, и вторым полным незнакомцем и еще черт знает с кем. Каким непостижимым образом кто-то вроде меня мог оказаться в такой ужасной ситуации?

— Алево! — поза Григория не изменилась, но в голосе четко обозначились стальные нотки. — Не в этот раз!

Не в этот раз? Что, мать твою, это должно значить? Что обычно они делятся и не видят в этом особой проблемы? Господи, да наплевать! Все, чего я хочу сейчас, это быть как можно дальше от них.

— Как будет угодно! — тут же согласился громила и, слегка поклонившись, направился к выходу. — Мы в главном зале.

Едва он исчез, я вылетела из ванны и заозиралась.

— Полотенца вон там! — махнул рукой Григорий.

Я быстро схватила мягкий хлопок со стойки у пышно цветущего куста и стала немилосердно растирать кожу, безумно злясь на себя в первую очередь. Ведь силой меня сюда никто не тащил, и это я не подумала поинтересоваться, кто еще в доме, и оговорить хоть какие-то правила. Вот что бывает, когда мозги стекают в промежность! А еще говорят, что подобное только мужикам свойственно. Любые остатки возбуждения выветрились из головы, оставляя только унижение и желание бежать из этого дома и от этого мужчины. Я не хотела знать, кто был этот загадочный охамевший Алево, и какие отношения связывают его и Григория. Вообще никаких разговоров. Я одна в своей квартире, переваривающая пережитое унижение, вот что мне нужно.

Закончив с вытиранием, я подхватила одежду и, хмурясь, стала натягивать на распаренную кожу.

— Разве я сказал, что мы закончили? — от едва заметного оттенка угрозы в голосе Григория у меня спина покрылась мурашками, но я приказала себе это игнорировать.

— Мы закончили. Я ухожу!

— Я не отпускаю тебя.

Руки затряслись еще сильнее, когда десятки картин того, что со мной тут могут сделать, замелькали в голове. Идиотка, какая же тупица я безмозглая! Взрослая женщина называется, а повела себя, как...

— А я и не спрашиваю разрешения. Какой адрес мне назвать таксисту?

Плеск воды и звук влажных шагов позади.

— Алево не дотронулся бы до тебя без моего позволения. — Григорий стоял уже прямо у меня за спиной, но я отказывалась смотреть на него.

— Без твоего, черт возьми? — Злость опять обжигающе стегнула, заглушая разум, диктующий: «Наплюй и просто молча уйди!» — А как насчет моего? Его тебе не нужно?

— Нет! Это мой дом, моя земля. Я здесь распоряжаюсь и больше никто.

— Ну, в таком случае, думаю, тебя не должно удивлять, что я хочу убраться отсюда как можно

быстрее. Понятия не имею, как обстоит там, откуда ты родом, но там, где живу я, то, что человек переступает порог твоего дома, не делает его твоей собственностью по умолчанию! И мне плевать, чья и где там земля! Можно ли на меня голую пялиться или прикасаться — решать только мне!

— Это больше не так, Аня, — отрывисто рыкнул Григорий у моей щеки и отстранился.

Он просто обернул полотенце вокруг бедер и зашагал вперед.

— Идем, отвезу тебя и дам время осознать.

На ходу заканчивая застегиваться, я шла за ним по коридору и вскоре услышала музыку, голоса и женский смех и уловила в воздухе еле заметный запах дыма. Едва мы вошли в тот самый средневековый зал, все стало понятно. Теперь здесь ярко горел камин, на широком столе была расставлена посуда, еда, вино в высоких графинах, и повсюду были люди. Несколько мужчин, включая уже знакомого мне Алево, таких же пугающе огромных, и около десятка визжащих, хохочущих и стонущих женщин разной степени обнажения. Они располагались повсюду: за столом, на нем, на шкурах у камина и то, чем они занимались, было более чем очевидно. Одна из девиц стояла на коленях между ног Алево, склонившись над его пахом, пока он целовал и облизывал соски другой. Еще одна сидела на свободном краю стола, поставив на него пятки и широко расставив ноги, ласкала себя под взглядом рыжего детины, пока об того терлась всем телом брюнетка с роскошной грудью. У камина на шкурах уже просто был клубок потных переплетенных тел из двух мужчин и пяти их партнерш. Что же, Аня, поздравляю! Ты совершенно очевидно имеешь сомнительное удовольствие наблюдать начало самой настоящей оргии. Алево и рыжий, заметив наше появление, отвлеклись и склонили головы, а парочка девиц тут же, хихикая, собрались направиться к нам. Но Григорий лишь чуть качнул головой, и Алево что-то негромко сказал им, отчего они скривились и одарили меня презрительными взглядами, но остались на месте. Я же до боли прикусила губу, отказываясь позволять себе чувствовать хоть что-то по отношению ко всему увиденному. Я разберусь в себе потом. И с острым разочарованием, и с гневом от бесстыдно-приглашающих взглядов девиц на Григория, и с вообще иррациональным возбуждением.

— Все еще хочешь уйти? — насмешливо спросил Григорий, наклоняясь ко мне.

Сказать, что недавно пробужденный похотливый голосок внутри меня не стал нашептывать «Давай останемся, мы же можем просто посмотреть» было бы неправдой. Но отрезвевшая настоящая я не хотела здесь оставаться.

— Хочу! Тут и без меня народу хватает. Скучать тебе не придется. — Ай-яй, а вот последнее было лишним. Нельзя не только позволять ему увидеть, как меня задевает мысль, как он будет проводить время после моего ухода, но и даже себе разрешать думать в эту сторону.

— Как скажешь. Я сегодня собирался не скучать в твоей компании, но раз ты не в настроении... — А вот тебе и оплеуха за несговорчивость, Аня.

Григорий так и уселся в машину — прямо босой и в полотенце. Ну, еще бы, это же одеваться, а потом опять раздеваться, зачем такие хлопоты. На обратной дороге я уже не замечала ни его агрессивной езды, ни возмущенных жестов других водителей, которые становились недоуменными, когда они рассматривали его лучше. Едва доехали, схватилась за ручку двери, ругая себя при этом последними словами за то, что разочарование и глупая обида сейчас, наверное, светятся открытым текстом на моем лице.

— Спасибо за приятный вечер! — бросила, не глядя на почти голого мужчину рядом. Того самого, о котором мечтала столько времени и кого теперь не хочу больше видеть никогда.

— Вечер только начинается! — последовал нахальный ответ, сработавший, как ускоряющий удар током, и я выскочила из машины.

Глава 26

Я шла по двору, буквально ощущая жжение между лопаток от пристального взгляда Григория. Поднималась по лестнице не оглядываясь, но ничего не могла сделать с тем, что прислушиваюсь, не идет ли кто-то сзади. Нет, не кто-то, конечно. Войдя в квартиру, резкими движениями содрала с себя одежду, закинула ее в стиралку и забралась под душ. И вот тут меня накрыло. Всхлип за всхлипом, слезы потекли, обжигая щеки как кислота. Меня затрясло, и ноги стали ватными. Опустившись на дно ванны, я сидела там, рыдая и раскачиваясь, совершенно не в силах дать логического объяснения природе той боли, что нещадно пекла где-то в центре груди. Сколько времени прошло до того момента, когда это удушающее жжение притупилось и наступило онемение, приносящее облегчение, я не знаю. Просто в какой-то момент я перестала плакать, как отрезало, и, несмотря на физическую усталость и полное моральное истощение, наступила поразительная ясность в мыслях. Так, будто бурная вода, вымывавшая из меня реакцию на события последних часов, начиная с обращения в бегство Амиранова, вдруг замерзла, становясь кристально прозрачным льдом, сквозь который все уже виделось по-другому. Уже не остро, без чрезмерных красок, как с большого расстояния, отстраненно.

Вот и какого, собственно, черта я тут оплакиваю? Свое мнимое унижение и глупость? Но в чем они состоят? Разве я обманутая наивная девица, чей рыцарь в сияющих доспехах вдруг оказался развратным ублюдком? Нет. Мы с Григорием строили планы на будущее, которые он порушил? Нет. Мы договаривались о моногамии, или у нас были отношения, подразумевающие ее по умолчанию? Ничего подобного! Мы занимались сексом, очень хорошим сексом, с таким уровнем наслаждения, о существовании какого я и не подозревала раньше. Причем, впервые его инициировала именно я, как ни крути. Не выдвигая никаких условий, не оговаривая границ, не озвучивая своих ожиданий, которых, к слову, и не было. Значит, ни в чем и не была обманута со стороны Григория и сама, честно говоря, не обманулась. Изначально я четко осознавала, что между нами нет и намека на романтику, а только физиология в самом чистом виде. Так что могу списать эти мои рыдания на запоздавшую эмоциональную реакцию на взрывной секс и испуг от появления в такой момент этого проклятого Алево, а совсем не на то, что допустила ошибку, позволив Григорию забраться не только внутрь моего тела, но и в душу. Нет, это абсолютно исключено! А что касается той милой групповушки в его доме... Ну, для Гриши это, очевидно, в порядке вещей, судя по его поведению, для меня же — нет, но ведь это опять же мои проблемы. Как и то, что меня бесит мысль о Григории и других женщинах, с которыми он сейчас наверняка делает то же, что и со мной. Надо смотреть на это как рационально мыслящий человек. Никакой эксклюзивности мне никто не обещал. Остается утешаться тем, что в таком любовнике, как Григорий, в достатке не только количество, но и качество, которое я успела по достоинству оценить. И не только я... Так! Стоп! Только не снова! Он взрослый мужчина, очевидно, не связанный никакими обязательствами, живущий как ему угодно, а то, что мне его образ жизни кажется неправильным, так это результат моего воспитания и восприятия, или, может, я от природы зажатая ханжа, а не он кобель и похотливое всеядное животное, которое... Аня! Остановись!

Улегшись и завернувшись в одеяло, я, как будто успокоившись, все равно никак не могла уснуть. Перед глазами снова и снова всплывали картинки из того зала, и проявлялись детали, не замеченные тогда из-за эмоций. Женщины там... они совсем не выглядели обычными

шлюхами, пусть даже элитными. Естественно, в моем представлении об этом, по крайней мере, а я, прямо скажем, тот еще эксперт в подобных вопросах, и это касается тех дам, на ком еще была одежда, и их было меньшинство. Конечно, о вкусах не спорят, но особых красавиц я там не заметила, как, впрочем, и вызывающих нарядов и откровенного белья. Та блондинка, что с упоением делала минет Алево, была в строгом костюме и туфлях на плоской подошве, больше соответствующих ежедневной одежде офисной служащей, нежели наряду для подобного сексуального приключения. Женщина, что сидела на столе перед рыжим, была в роскошном вечернем платье и драгоценностях, подходящих, скорее, для похода в театр на премьеру, чем для бурного траха на обеденном столе, пусть и в столь экзотичном общем антураже. Но, опять же, возможно, я ни черта в этом не понимаю или мыслю слишком закостенело. И самое главное, это не мое дело, и ни черта меня не касается. Главное, что всем, находящимся там, явно нравилось происходящее, все выглядели совершеннолетними, никто никого не принуждал, и я там была единственной идиоткой, кого это шокировало и вызвало неприятие, что, опять же, мои тараканы, а не косяки взрослых людей, чье право заниматься чем им угодно по взаимному согласию. Одним для удовольствия в сексе нужна интимность, другим по вкусу публичность. Я отношусь к первому типу, Григорий, судя по всему, ко второму, ну, аминь, в добрый путь и все в таком роде!

На том я и отключилась, просто не в силах больше гонять по кругу свои впечатления и переживания и оценивать ситуацию в целом, не говоря уже о принятии каких-то решений.

Вполне естественно, что после стольких напряженных раздумий и сон мне снился соответствующий. Я видела себя будто чужими глазами, со стороны, лежащей совершенно голой на том самом широком столе посреди зала. Единственным источником света в этот раз был полыхающий камин, пламя в котором почему-то не мирно облизывало дрова, создавая ощущение уюта, а прямо-таки гудело, словно так и норовило вырваться из каменных оков. Мои глаза были широко распахнуты, спина выгибалась в экстазе, ногти бессильно скребли деревянную поверхность в поисках хоть какой-то опоры, обнаженная грудь подпрыгивала от грубых толчков Григория. Да, я точно знала, что это он, и даже не просто знала, а как будто была им. Впитывала мучительные гримасы собственной приближающейся кульминации его глазами. Упивалась моими же хриплыми стонами и отчаянными вскриками, наслаждаясь тем, как каждый из них толкает все ближе к сокрушительному оргазму. Шумно, жадно вдыхала одурманивающий запах истинного желания, чистейшего, без всякой примеси... чего? Неважно-о-о! Вокруг стола стояли люди, множество людей, но я могла разглядеть лишь силуэты, ни лиц, ни одежды, хотя была уверена на все сто, что все они смотрят на нас неотрывно. И от этого возбуждение меня, находящейся словно в чужом сознании и теле, достигало состояния сексуального безумия. Потому что я точно знала, что этим безымянным свидетелям доступно лишь смотреть и вожделеть то, чем мне доступно обладать.

Очнувшись ото сна, я тут же осознала, что тело выгнуло дугой до такой степени, что мышцы дрожат от предельного напряжения. Мой сон закончился в одной секунде от моего или не совсем моего оргазма, и спазмы внутри заставляли вздрагивать от своей болезненной силы. Но когда я окончательно проснулась, то слабости или разочарованной неудовлетворенности совершенно не почувствовала. Наоборот, в моем теле было столько энергии, что казалось, можно было услышать, как она с гудением бежит по моим венам, словно ток высокого напряжения по проводам.

Приняв душ и растерев кожу, я встала голышом перед зеркалом в спальне и осмотрела себя на предмет следов, которые вполне могли остаться после того, как Григорий вчера без грамма нежности впивался в мою плоть пальцами и ртом. Но ни на бедрах, ни на шее не было ни пятнышка. Что мне тут же напомнило, как исчезли все следы нападения Комарова. Может, со

мною что-то не так? Ага, я на самом деле мутант из фантастического ужастика, и поэтому на мне все заживает моментально, а еще у меня есть вторая альтернативная личность, о которой я понятия не имею, и даже, может, не одна. Да, Ань, с такими размышлениями и до психиатра недолго допрыгаться. Просто есть какая-то причина, почему все так быстро зажило, сейчас я ее не знаю, но однажды узнаю, и нечего себе мозг еще и этим сейчас высушивать.

На глаза попался подарок Григория, и я нахмурилась. Надо вернуть ему эту цацку. Вот только как? Отыскав в интернете телефоны нескольких курьерских фирм, я оказалась в тупике. Для того чтобы они взялись доставить столь дорогостоящий предмет, мне нужно было дать точный адрес и ФИО получателя, а с этим у меня, само собой, были непреодолимые затруднения. Попыталась схитрить и найти данные на «Темный страж» в сети, в надежде путем научного тыка выяснить фамилию Григория, но и тут неудача. На них не было абсолютно ничего. Или они еще не успели создать свой сайт и как-то заявить о себе, или их деятельность вообще не требовала никакой огласки или рекламы. Прекрасно, теперь, если я хочу вернуть проклятую вещицу, я должна как минимум явиться в их офис. Ну, или остается подождать, пока владелец сам заявится за ней. От этой мысли все внутри сжалось, почти трусливо, ибо я еще не была уверена в своей реакции на возможный визит этого мужчины. Хотя... не станет он приходить. Зачем ему это, когда мой стремительный уход дал четко понять, что я не принимаю и не одобряю то, что увидела в его доме. И конечно, в гробу он видел мое одобрение или осуждение, но то, что мы в этом плане не подходим друг другу для дальнейшего общения, совершенно очевидно.

— Ладно, я потом придумаю, как с тобой разобраться! — сказала я ожерелью, глядя на игру света в ярких камнях, и запихнула его в ящик туалетного столика.

Решив, что я уже достаточно наотдыхалась, за завтраком пробежалась по списку подходящих вакансий, обзвонила пять мест и договорилась о собеседованиях. Когда сидела перед приемной руководителя во второй конторе, пришло оповещение с опять подзабытого мною сайта знакомств. Поколебавшись пару минут, я подумала, что не стану удалять свой профиль. Зачем теперь? Вот только подправила данные. Указала, что ищу вариант для постоянных встреч и абсолютно моногамных отношений. Что ж, все познается в сравнении. Теперь я точно знаю, что секс без обязательств — это не мое, и если уж и стану терпеть в своей жизни мужчину, не хочу чтобы он был общедоступной шлюхой. А-а-аня-я-я! Тормози!

Итак, все. Глава моей жизни под названием Григорий закрыта. Вот только бы еще донести эту директиву до моего либидо, которое делало стойку, едва я вспоминала об этом мужчине. Ну ничего, в жизни все имеет свойство проходить, пройдет и это.

Возвращалась я домой, имея уже два почти окончательных будущих места работы, между которыми нужно было выбрать. И, кроме того, на завтрашний вечер у меня было назначено не то чтобы свидание, но встреча с одним очень милым мужчиной. Конечно, при виде его фото нигде у меня не екало, и дыхание не останавливалось, но ведь это и к лучшему. Такая невозмутимая и рассудительная я нравилась себе гораздо больше и была знакомой ипостасью, в отличие от той, у которой вместо мозгов жидкая концентрированная похоть. Вечер я провела, сначала расчертив таблицу, в которой взвесила достоинства и недостатки каждого места работы, приготовив и съев свой привычно одинокий ужин, а потом ведя неспешную переписку с разнообразными персонажами, строчившими сообщения с сайта, и глядя одним глазом в телевизор. Никаких ожиданий дверного звонка или стука. И только перед сном почему-то подумалось, что всегда комфортная тишина и уединение моей квартиры сейчас ощущаются немного тягостными. Может, мне кошку завести? Или две.

— Вы не представляете, какое это великолепное ощущение, Аннушка! — восторженно вещал мой собеседник. — Чувствуешь себя королем мира, восседая на спине такой огромной скотины, которая, повинувшись малейшему движению погонщика, идет туда, куда ты хочешь! В этот момент понимаешь в полной мере, что есть торжество разума над тупой горой силы.

Это было уже второе наше свидание с Никитой, успешным менеджером какой-то транспортной компании, и мне едва удавалось сосредоточиться на его болтовне настолько, чтобы кивать время от времени.

Миновала первая моя рабочая неделя на новом месте и восемь дней с того момента, как я последний раз видела Григория. Но я ведь здесь совсем не для того, чтобы вспоминать о нем, верно?

Никита не скучный, совсем нет. Много путешествовал и весьма увлекательно об этом рассказывал. Он даже милый, хотя немного заносчивый. Самую малость, но когда он снисходительно-презрительно смотрит на того же официанта или говорит о ком-то, кого я даже не знаю, у меня зарождается неприятное чувство внутри. Это не раздражение, а нечто вроде брезгливости. Опять же, едва заметно, но, однако же... У него нет ранней лысины, не видно волос из носа и ровные ухоженные кожа и руки. Костюм сидит на нем безупречно, словно он в нем родился. Кажется, я ему по-настоящему нравлюсь. Вот только мне нужно прилагать усилия, чтобы удерживать взгляд на его лице, и я никак не могу запомнить какого же цвета у него глаза. У меня не склероз, просто, едва он исчезает из поля зрения, я тут же забываю, и как он выглядит, и о чем говорил, и сам звук его голоса.

Манеры Никиты почти безупречны, не считая одной мелочи. У него очень часто звонит телефон, который он никогда не отключает, ссылаясь на рабочую необходимость. Вот и сейчас его рассказ о сафари и поездке с друзьями на слонах прерван пронзительной мелодией гаджета.

— Вы простите меня, Аннушка? — взглянув на экран, он подорвался с места. — Доверяю вашему вкусу сделать наш заказ, если официант подойдет в мое отсутствие.

Я молча кивнула, размышляя, а не уйти ли мне вообще по-английски. Но тут же одернула себя. Никита прямо образец тех парней, с которыми я раньше встречалась. Так что я однозначно решила дать себе и ему время в надежде на то, что притяжение хоть какое-то, но возникнет.

Прошло уже больше пяти минут, и симпатичный юноша в униформе подошел к нашему столику, чтобы принять заказ. Я огляделась в поисках своего спутника и едва не подпрыгнула, увидев Григория, шагающего по залу ресторана ко мне с таким видом, что попавшиеся ему на дороге незадачливые посетители буквально шарахнулись в разные стороны с его пути, хотя он даже не взглянул на них. Мое сердце будто кто-то безжалостно стиснул в грубом кулаке, вызывая этим удушье и головокружение, а потом резко отпустил, и вся кровь одновременно хлынула в мозг. В ушах зародился странный звук, похожий на низкое гудение, которое становилось все выше и пронзительней с каждым шагом приближающегося ко мне мужчины, пока не стал противным свистом. Остановившись у стола, Григорий что-то сказал, но я словно оглохла и наблюдала лишь безмолвное движение его губ.

— Что? — тряхнула головой, желая сбросить накрывшую меня оглушающую пелену.

— Я спросил, как поживаешь, Аня? — Вот ведь зараза! Лучше бы оставалась оглушенной. Этот голос как сокрушительный таран, с первого слова разносящий в пыль иллюзорную стену моего спокойствия.

Взглянув на стул, на котором сидел Никита, Григорий выдвинул другой и уселся рядом. Я едва не закусил губу до крови. Не нужно ему быть так близко ко мне. Ощущая неожиданно возникший недостаток кислорода и дрожь в руках, я положила раскрытые ладони на стол, чтобы скрыть трясучку, и снова огляделась по сторонам в поисках Никиты. Провалились пропадом его телефон и срочные звонки тогда, когда мне сейчас остро нужно хоть какое-то препятствие между мной и этим мужчиной, плящимся на меня в своей нахально-похотливой манере. Ну да, полного зала народа и официанта, терпеливо стоящего рядом, само собой, не достаточно.

— Он ушел, — чуть хмыкнув, сообщил Григорий и вальяжно откинулся на стуле, вытягивая под столом длинные ноги. Ткань его брюк коснулась моей лодыжки, и мне будто кипятка в кровь плеснули. Стало дико жарко, и я, хоть и старалась не выдать себя, заметила мелькнувшую на губах Григория усмешку.

— Почему ушел? — я быстро достала телефон из клатча и набрала номер Никиты. Механический голос сообщил, что он вне зоны.

— Он просил передать, что возникли сверхсрочные дела, — равнодушно пожал плечами Григорий, но от огонька мрачной насмешки в серых глазах тут же появилось столь знакомое в его присутствии ощущение угрозы.

Конечно, мне стоило бы спросить, не имеет ли Григорий отношение к неожиданному появлению этих самых дел. Но с другой стороны, если это так, и Никита просто ушел, даже не объяснившись, то ни черта я не хочу о нем больше знать.

— Зачем ты здесь? — Боже, ну не дура ли? Ему что, в ресторан прийти нельзя? Давай, отрывай свою задницу от стула и просто уходи, Аня!

— А где же мне быть, если ты здесь?

— И что это, по-твоему, значит? — вырвалось у меня, прежде чем прикусила язык.

— Когда знаешь, где находится то, что ты хочешь прямо сейчас, как-то глупо быть в другом месте, Аня.

Григорий потянулся накрыть мою руку своей, но я успела отдернуть ее и спрятала под стол, заработав новый ехидный взгляд, как бы говорящий: «Ну, и чего ты дергаешься, я ведь тебя насквозь вижу».

Разум забуксовал в поисках достойного ответа. Но остроумие и ясное мышление явно предали меня и устроили экстренную эвакуацию, едва услышав в сознании вопящий сигнал тревоги при появлении Григория. И самой мне уже стоило топать на выход, а не сидеть, подбирая нужные слова. Какая разница, что сказать, если чувство самосохранения визжит, что вообще нельзя позволять втягивать себя ни в какой диалог. Это та проклятая территория, где я опять увязну по самые «здрассте» в этом мужчине раньше, чем пойму, что сама сделала первый шаг. Проходили мы уже это.

— Так и будешь молчать? — самодовольно хмыкнув, поддел меня Григорий. Что за новые дразнящие искры в его глазах?

— Вообще-то мне уже пора, — пробормотала и взяла сумку, но осталась на месте.

— Неужели так и уйдешь абсолютно голодной? — подтекст и подкрепляющий его взгляд были

не просто двусмысленными, а такими очевидно пошлыми, что несчастный официант закашлялся и покраснел.

При этом я засекала на лице у этого почти мальчишки нечто вроде восхищения Григорием. Он буквально впитывал каждое его движение и интонацию соблазняющего хищника, делая в голове заметки, как следует себя вести матерому сердцееду. И это безоговорочное одобрение бесстыдной провокации вывело меня из состояния растерянности, как пинком пробудив мою злость.

— Утолить голод для меня не проблема и в другом месте, — ответила, нацепив ледяную улыбку, в которой была профи.

Мгновенный угрожающий прищур серых глаз, который тут же трансформируется обратно в подначивающее насмешливое мерцание.

— А чем плохо это? — Григорий демонстративно обвел взглядом зал ресторана, наполненный людьми.

— Чрезмерной компанией. Предпочитаю насыщаться без свидетелей и лишних сотрапезников.

— Странное дело, а всего несколько минут назад ты была совсем не против поесть на людях вместе со своим спутником! — Григорий сделал максимально невинное лицо и глянул нарочито непонимающе на мнущегося официанта, вовлекая его в этот идиотский обмен колкостями, и поцокал языком, будто сокрушаясь. — Неужели это я так влияю на тебя, что ты совсем теряешь аппетит, Аня?

— Тут ты прав, Гриша. Дело в том, что с Никитой у нас и выбор блюд, и манеры за столом совпадают. Мы с ним оба поклонники всего традиционного, общепринятого...

— Скучного, — встрял мужчина.

— Верно, абсолютно лишено спонтанности...

— А я припоминаю одно потрясающе спонтанное приглашение на чай. — Вот же скотина!

Я проигнорировала его фразу и те обжигающие картины нашего первого раза в моей темной прихожей, которые она заставила вспыхнуть в голове, и продолжила, наотрез отказываясь сбиться с мысли.

— Я такая скучная и консервативная в том, что касается утоления голода. И ни я, ни мой исчезнувший спутник не имеем склонности приглашать к нам присоединиться всех присутствующих, — произнося это я до обидного ощутила себя гундящей о высокой морали черствой занудой, но отмахнулась от противного чувства. — А ты у нас поклонник экзотических блюд и массового их употребления. Так что, сам понимаешь, мы совершенно неподходящая друг другу компания за поздним ужином.

Григорий показушно внимательно выслушал мою тираду, поймал взгляд своего неожиданного союзника и, горестно подняв брови, сказал:

— Женщины такие загадочные создания. Вместо того чтобы просто прямо сказать нам о своих желаниях, они заставляют ломать голову, угадывая, а потом злятся и отказываются вообще говорить с нами, если мы ошибаемся. Разве это справедливо?

Несправедливо, что ты ведешь себя как засранец и сейчас откровенно потешаешься и надо мной, и над этим мальчишкой, а я все равно не могу разозлиться достаточно, чтобы перестать думать о тебе — голом, потном и отдающем мне хриплые властные приказы, пока твой член таранит меня.

— Да, женщины способны заставить нас себе голову сломать, — поддакнул наконец официант, окончательно принимая сторону Григория.

— Ну да, с нами сложно, поэтому в наше время все больше мужчин предпочитают друг друга, а не таких замороченных и непонятных женщин, — я как могла держалась, но капля едкого ехидства просочилась в мой тон. — Мужик-то мужика по любому лучше поймет. Вы, как я посмотрю, тоже моментально нашли общий язык. Так что я вас оставляю, чтобы не спугнуть зарождающуюся гармонию.

Мысленно отвесив себе максимально мотивирующий пинок, я встала и быстро пошла на выход. И хотя спасительные двери стремительно приближались, я в этот момент в полной мере прочувствовала, что значит выражение «ноги не хотят идти». К моим лодыжкам словно привязали ленты из широкой резины, и каждый следующий шаг был сложнее предыдущего.

Оказавшись на улице, я заколебалась. Стоит рискнуть и поймать такси прямо на улице или потратить больше времени и вызвать его по телефону? С противоположной стороны улицы, видно, заметив меня, тронулся довольно потрепанного вида автомобиль. Небось из разряда «бомбил», что всегда дежурят под разными заведениями в надежде подхватить пассажира. Но тут как из ниоткуда выскочила до зубовного скрежета знакомая серебристая иномарка и с противным визгом замерла около меня. Григорий наклонился и толчком распахнул дверцу. Прямо дежа вю, только сейчас я не в слезах и не мокрая насквозь. И что я сделаю на этот раз? Подойду и сяду? Нет, черта с два. Развернувшись, я зашагала по тротуару, досадуя, что элементарно свернуть мне некуда.

— Мне кажется, или ты от меня убегаешь? — голос Григория над самым ухом, и я едва не шарахнулась, потому что не слышала и намека на звук его шагов.

— Убегаю. Но не от тебя, — от мгновенного испуганного кульбита сердца у меня окончательно развязался язык.

— Тогда от кого? — игра «давай посмеемся над глупой и зажатой Аней» продолжается, или это я сама себя накручиваю?

— От себя! — уже огрызалась и не скрывала. — Гриша, давай я пойду, а ты поедешь, куда там тебе надо, и проведешь время в той компании, к которой привык. Я не хочу и не буду с тобой говорить.

А уж тем более спать. И мне абсолютно наплевать, насколько по-детски выглядит это мое дурацкое бегство, и до какой степени восстает против мое либидо. Близость к этому мужчине разрушает меня, меняет мою личность, так что я буду бежать так быстро, как могу.

— Аня, где мне находиться — решаю только я. А я решил, что сегодня мне нужна именно твоя компания. И не пытайся снова выдать мне всякую чушь о других планах. — Он схватил меня за руку и развернул к себе, вынудив ощутимо врезаться в его жесткое тело по инерции. — Иначе я тебе очень быстро докажу, как легко поменять любые твои планы.

Обхватив на уровне локтей одной рукой, Григорий тесно прижал к себе так, что я не могла

особо дернуться, вторую ладонь он протиснул между нами и расположил в самом низу моего живота. Он не делал больше ни единого движения, просто обозначивал для меня же самой, как я реагирую даже на такое простейшее воздействие с его стороны. Сволочь, какая же он сволочь, и почему однозначного понимания этого не может быть достаточно для того, чтобы убить любой проблеск желания к нему? Все, на что у меня хватало сил — это не обмякнуть в этом захвате, уткнувшись в него носом, пьянея от его запаха, и не начать толкаться бедрами к прожигающей одежду ладони, покорно выпрашивая еще одну наркотическую дозу наслаждения. Обида на собственную неспособность обуздать влечение к этому конкретному мужчине была такой жгучей, что я, сама не отдавая себе отчет, откинула голову и сильно укусила его в подбородок, желая причинить хоть крохотную толику боли в отместку за то, что он творит со мной.

Григорий вздрогнул, и его дыхание ускорилося, неумолимо распаяя меня еще больше. Мужская ладонь внизу прижалась плотнее, а пальцы согнулись, чуть потирая в идеально уязвимом месте, и моя поясница тут же конвульсивно прогнулась, а голова откинулась.

— Прекрати! — взмолилась я, хотя и сама слышала, каким скулежом и откровенным признанием капитуляции была моя просьба.

— Ну вот, теперь я, кажется, полностью завладел твоим вниманием, Аня. — Голос Григория тоже был той еще трелью осипшего от вождления соловья. — Готова остановиться и поговорить?

— А у меня сейчас есть выбор? — дернулась, демонстрируя, насколько крепко зажата им.

— Абсолютно никакого. И пора тебе научиться получать от этого удовольствие.

Глава 28

Я повернула голову и постаралась сосредоточиться на чем угодно: косящихся на нас редких прохожих, проезжающий машинах, разноцветном мелькании вывески дальше по улице, только бы отключиться от ощущения близости Григория и собственного растущего возбуждения. Впрочем, оно было не единственной эмоцией, над которой я потеряла власть. Злость на идиотскую иррациональную надежду непонятно на что, упрямо поднимающую голову, и отчаяние от моих тщетных усилий если уж не осознать ее природу, то хоть избавиться, задавить и обуздать вообще все чувства, вызываемые этим мужчиной, все это тоже втягивало сознание в мутный водоворот, отнимая почву под ногами и лишая дыхания. Но все попытки вернуть себе контроль были тщетны. И совсем не потому, что Григорий в сто раз сильнее, может удержать меня и сломить физически. Совсем не силой своих мышц он каждый раз отнимал у меня способность хоть немного владеть собой.

— Я так понимаю, навязывать удовольствие женщине, которая этого не хочет, тоже входит в число твоих экзотических предпочтений. — Жалкая попытка! Мне только и остается, что смехотворно огрызаться, ведь раньше я была убеждена, что всегда лучше промолчать, не опускаясь до никчемных препирательств.

— Нет на свете людей, не желающих наслаждения. Есть те, кто в этом не признаются, или те, кому его никто не предлагает, а еще те, кто боятся показаться порочными. — Григорий опустил голову и потерялся, как кот, лицом о мои щеку и висок, оцарапав щетиной, и в голове снова поплыло от желания повернуться и истребовать самой и поцелуй, и все, что обязательно случится за ним. — А по поводу экзотичности моих предпочтений ты сделала слишком скоропалительные и неверные выводы. Хотя могла бы уж заметить, что я скорее уж поклонник

простоты, чем изощренности.

Откинула голову, уходя от его прикосновения, и в наказание тут же получила краткое, но убийственно точное нажатие пальцев вниз. Всклипнув, дернулась и в бессильной ярости ударила кулаками его куда попало настолько сильно, насколько позволили скованные захватом руки, и даже попыталась пнуть.

— Прекрати! Не смей так делать! — практически прорычала ему в лицо. — Еще бы не заметила. Ты совершенно просто отнесся к тому, что твой друг наблюдал за нами во время секса, потом за малым не разделил меня с ним, а на закуску предложил поучаствовать в простенькой такой оргии, которая, как я понимаю, обычное ежевечернее мероприятие в твоём доме.

— Не утрируй, Аня. От того, что Алево смотрел на тебя, не было никакого ущерба. И я уже говорил, что не позволил бы коснуться тебя ни ему и никому другому, если бы сама не захотела.

Григорий произнес это как-то не то чтобы раздраженно, а наставительно-осуждающе, будто я была взбалмошным, капризным ребенком, который в самом деле пытается устроить истерику на пустом месте просто в силу испорченности характера. Я уставилась, не в силах прочесть по его лицу то ли на полном серьезе не усматривал в случившемся никакой проблемы, то ли вот так откровенно глумился над моей реакцией на ситуацию.

— Что-то я упустила, видимо, тот момент, когда ты интересовался моим мнением в этом вопросе. Зато прекрасно запомнила про «я тут хозяин и что хочу, то и ворочу».

— Не было необходимости. Я бы и так все увидел. — Да обалдеть просто! Снова это безразлично-снисходительное пожатие плеч и взгляд, говорящий, что я говорю чушь и делаю из мухи слона.

— Увидел, значит? А просто спросить: «Аня, не хочешь ли ты развлечений с участием более чем одного партнера» тебе в голову не приходило? Знаешь, большинство нормальных людей поступило бы именно так, и в таком случае у нас сейчас вообще не было бы необходимости обсуждать все это.

— Я и так ее не вижу. Я дал тебе достаточно времени успокоиться.

— Господи, ты просто феноменальный наглец! Отпусти меня! Это чертов тупик какой-то! Ты однозначно не слышишь меня!

— Аня, ты единственная, кто не понимает! Но тебя оправдывает то, что не знаешь всего.

— Да ни черта мне не нужны никакие оправдания! И понимать я уже ничего не хочу! Даже пытаться! — я снова стала вырываться, но Григорий и не заметил это, как проигнорировал и мои слова, продолжил невозмутимо гнуть свое.

— Дело не в количестве партнеров, а в самом факте твоего выбора. Ты не захотела ни Алево, ни одного другого мужчину в том зале. Ни единого проблеска желая. Только страх, — сказано было так, словно моя реакция принесла ему удовольствие, и он ею прямо-таки гордится.

— А обычно женщины, которых ты приводишь, как только увидят твоих дружков, так и бросаются в ноги и умоляют поиметь себя всем вместе и по очереди? — От тщетной борьбы я выдохлась, и все, что могла, это снова язвить.

Ответом мне была усмешка одновременно и циничная, и бесконечно грустная. Боже, что-то не так со мной, если подобное и правда происходит в порядке вещей, или это весь мир чокнулся незаметно?

— Вот не пойму: это у всей вашей мужской компании самомнение с фантазией зашкаливает, вам везет на определенный тип женщин, которые себя так ведут, или это я такая тупая и зажатая консерва?

— Не имеет значения, насколько это понятно и как выглядит для тебя, — отмахнулся Григорий. — Важно то, что твой выбор делает тебя совершенно особенной для меня, — от этих слов острый укол страха, словно ледяная игла, проткнул насквозь сердце.

— И почему мне кажется, что быть особенной для тебя может не слишком понравиться мне?

— А вот тут ты ошибаешься, Аня, — Григорий отпустил меня так неожиданно, что я едва не упала на задницу и моментально замерзла, лишившись контакта с его огромным горячим телом. — Я намерен делать так, чтобы это нравилось тебе очень сильно и как можно чаще.

Мое тело (продажная похотливая сволочь!) тут же отозвалось на чувственное обещание, произнесенное низким рокочущим голосом.

— И если следовать твоей логике, то мне стоит расслабиться и получать удовольствие, ибо вариантов не предоставляется, — поймав равновесие, я попятилась, вздохнув одновременно и облегченно, и разочаровано.

— А зачем они тебе? — Григорий шагнул ближе, снова отбирая только что подаренное расстояние. — Ни один мужчина не доставит тебе такого наслаждения, какое даю я, и не будет в этом настолько щедр и неутомим. Ни один не защитит тебя лучше меня. Ни один не станет одаривать большей роскошью. Просто пользуйся всем этим, пока я готов давать.

Григорий расставил руки так, будто и правда собирался дать мне чуть ли не весь мир, а потом шагнул еще ближе так стремительно, что, шараясь, я буквально врезалась в стену здания позади себя. Не больно, но все же ощутимо, и тут же его руки оказались по обе стороны от меня, лоя в западню. И сразу же подумалось, что если такой мужчина и подарит тебе весь мир, то владеть этим подарком придется из своей уютной клетки, размеры которой он будет определять под настроение.

— Потрясающий, неутомимый, щедрый и надежный любовник! О чем еще мечтать женщине! Только один вопрос. Все это в обмен на что?

Мой сарказм был проигнорирован, мужчина наклонил голову и уперся своим лбом в мой, так чтобы мои глаза оказались напротив его, недобро прищуренных.

— Ты последуешь за мной повсюду, куда бы я ни поехал, и не подарить ни единой капли своего наслаждения ни одному другому мужчине. — Мне вдруг стало страшно так же сильно, как в наш первый раз. А все потому, что произнесено было не как условие, которое я имею шанс отвергнуть, а как ультиматум — окончательный и не подлежащий обсуждению. В ушах прямо прозвучал металлический лязг сработавшей ловушки. Так, будто я попала уже и, причем, даже не сейчас, а намного раньше, и любой мой ответ не имеет никакого веса и обратного хода.

— Господи, прямо жена декабриста, версия 21-го века! — фыркнула я, пряча дрожь в голосе за

попыткой пошутить, и уперлась руками в грудь Григория, потому что он, нависая так, просто расплющивал своей энергетикой мои легкие, не давая вдохнуть.

— Нет. Женой ты никогда не будешь, — догадка была похожа на брошенный прямо в живот камень.

Я резко выдохнула и в единое мгновение просто перестала заморачиваться, считает ли мужчина в моих глазах, что его слова причинили мне боль. Если он этого добивался, то пусть получает и уже отваливает к чертовой матери!

— Должно ли это означать, что ты уже женат?

— Еще нет, но скоро буду. Как только найду то, что должен. Но даже если бы не был связан обязательством, не женился бы. — Ну что же, как говорится, зато честно, успела подумать я, пока прямо в голову не прилетел новый камень-откровение: — С такими, как ты, никто никогда не заключит союз там, откуда я родом. Это не принято.

Вот в этот момент я впервые жизни поняла, что значит «накрыло». Ярость была совершенно ослепительна, как вспышка чудовищной молнии прямо перед моим лицом. Невесть откуда взялись силы отпихнуть от себя, наконец, нависающего и цепко наблюдающего за моей реакцией Григория, чтобы получить достаточно освобождающего от его давления пространства.

— Вот, значит, как? С какими же это? — Я судорожно сжимала кулаки, осознавая, что практически скалюсь на мужчину, как взбешенный пит-буль, но справиться с собой не могла. — С теми, кого можно посадить на классный секс, купить подарками и таскать с собой повсюду, используя по мере необходимости?

— Ты напрасно злишься, — Григорий же напротив оставался не просто спокоен, а почти равнодушен и этим словно гипнотизировал меня, вынуждая волну злости медленно отхлынуть. — Дело не в том, какая ты, а в том, кем рождена.

— Я была рождена мамой и папой, чтобы вырасти, выучиться, работать, встретить хорошего человека, создать семью, родить детей и самое главное — стать в процессе счастливой и свободной. Так что ты не находишь, что странно разменять все это на роль сексуальной игрушки для заносчивого мудака, который не считает тебя равней, плевал на твои чувства и не предлагает никакого нормального будущего? Ради чего?

— Ты получишь меня, — вот как можно сказать что-то так, будто преподносишь кому-то самый дорогой дар в жизни и в тоже время абсолютно обыденно.

И снова едва пробившийся сквозь все штормящие эмоции голосок благоразумия стал настойчиво нашептывать мне: «Остановись сейчас же, Аня! Закончи этот разговор и уходи, беги отсюда!». «Как будто у нее есть еще шанс!» злорадно огрызнулась на него другая агрессивно-дикая часть моего сознания. Та, что, пробудившись так недавно, раз за разом продолжала втягивать меня в неприятности.

— Да неужели? — продолжила этот никчемный спор я. — «Получишь меня» для меня означает моногамию. Так что, если я вся такая особенная соглашусь, ты не станешь жениться и попросишь всю эту толпу женщин, что я видела в твоём доме, не приходить больше?

— Нет. В этом смысле все останется неизменно, — отрезал Григорий.

— Не то чтобы я вообще собиралась согласиться, но давай-ка все же объясню, как все это выглядит с моей стороны, и, может, до тебя Гриша дойдет хоть немного. Ты предлагаешь мне стать твоей любовницей, содержанкой, почти вещью, отказаться от работы, от своей жизни, от шанса однажды создать нормальную семью, завести ребенка и существовать, улаживая тебя, и ежедневно надеяться, что не наскучу тебе уже завтра? И при этом сам ты ничем не будешь поступаться, женишься, когда придет подходящий момент, будешь трахать все, что движется, и жить прежней жизнью?

— Не забывай о том, что сама ты будешь удовлетворена всегда и более чем сполна. Моей будущей жене не нужно мое внимание, оно будет принадлежать тебе. Я буду с ней лишь ради рождения наследника и в моменты, которые потребуют наших совместных выходов. Женщины же останутся, они нужны моим людям. Но пока ты будешь сытно и безотказно кормить мою похоть, я даже не буду замечать их.

— А если я буду чем-то недовольна, больна, не в настроении, ты просто развернешься и пойдешь налево?

— Обещаю, болеть ты не будешь, настроение твое я всегда смогу склонить в свою сторону, так что если и пойду куда-то, то только потому, что ты сделаешь глупость, отказав мне. У меня есть потребности, и я привык их удовлетворять.

От неприкрытого цинизма нашего разговора у меня к горлу подступила тошнота. Прикрыв глаза, я потеряла переносицу, ощущая себя уже дико усталой от всей этой абсурдной ситуации. Неужели это я стою тут и обсуждаю все эти совершенно безумные для меня вещи с мужчиной, о котором бредила ночами и не могла выбросить из головы днями напролет?

— Спасибо за честность, Гриша, — пробормотала уже без всяких эмоций. — Несомненно, она делает мой выбор намного проще. Но я полностью уверена, что мне это не подходит. Мой жизненный принцип — не встречаться с женатыми и занятыми любым образом мужчинами. Но даже если бы не было его... Понимаю, что наши отношения изначально пошли по какому-то неверному сценарию, и ты мог сделать некоторые неверные выводы о моем образе жизни и морали. Отдаю так же себе отчет, что, скорее всего, лучше тебя в постели никого в моей жизни не случится, но секс — это не причина позволить уничтожить себя как личность. И может, я и не рвусь пока создавать семью и заводить детей, но и отказывать себе в возможности однажды иметь это я не собираюсь. Пожалуйста, не нужно нам пересекаться больше.

Осторожно, двигаясь чуть ли не боком, я обошла неподвижно стоящего Григория и, встав на краю дороги, стала голосовать, даже не обращая внимания, что до ближайшей машины еще слишком далеко.

— Ты ведь неверно поняла меня. — Опять голос прямо за спиной, и я отскакиваю, в этот раз уже действительно готовая с криком ринуться прочь, если он попытается схватить меня снова. — У тебя нет выбора между мной и каким-то там мужчиной в будущем. У тебя есть выбор стать моей добровольно или же быть принужденной.

— Ты что же теперь угрожать мне будешь? — оцетинилась я, отходя еще на пару шагов.

— Что за ничтожество и глупец станет угрожать женщине? Я прямо говорю тебе о том, что будет. Ты ценна для меня, и не в моей натуре и характере отпустить или отдавать что-то ценное. Так что твое будущее для меня ясно. Ты мне безумно нравишься именно такой, какая ты сейчас, я дам тебе еще трое суток на принятие единственно верного решения. Скоро

увидимся, Аня.

В этот момент передо мной затормозила машина с шашечками, и я рванула вперед, желая как можно быстрее исчезнуть отсюда.

— Иди ты к черту, Гриша! — огрызнулась через плечо.

— Боюсь, он будет всячески уклоняться от встречи со мной, дорогая!

— Как и я! — с грохотом захлопнула дверцу, подводя черту под этим идиотским разговором.

Глава 29

Хватит с меня! Все! Это должно прекратиться, исчезнуть из моей жизни, а значит, так и будет! Если повторить это себе достаточное количество раз, то так и будет?

Но пока добиралась домой, меня все больше накрывало чувство потери. Я его отталкивала изо всех сил, отказывалась выпускать наружу, отрицала. Абсолютно точно отдавала себе отчет, что самым лучшим для меня будет никогда больше не видеть Григория. Но даже от самой ясности осознания столь очевидного мне было плохо. Не просто щемило в груди, тоскливо или мучали сожаления. Нет. Хотелось сползти на пол, свернуться клубком и заскулить или вцепиться в плечо таксиста и потребовать повернуть назад. Оказавшись дома, я бесцельно обошла каждый уголок квартиры, почему-то вспоминая, как она выглядела раньше, до ремонта, еще при маме. Странное ощущение какой-то неполной реалистичности не покидало меня. Оно было как противный навязчивый звук, вроде едва слышный и очень тихий, но при этом непрерывный и не поддающийся ни четкому распознаванию, ни игнорированию. Чем дальше, тем больше я увязала в нем. Сама не знаю зачем, я выволокла из шкафа коробку с альбомами старых фотографий и уселась с ними на кухне, даже и не подумав переодеть платье и только избавившись от туфель.

Какое-то время я перелистывала толстые картонные листы разных цветов, всматриваясь в фото. Бабушки и дедушки, лица строгие и серьезные, позы слегка деревянные. Мама в свои 13, красивая, темноволосая очень худенькая в каком-то парке. Кажется, я на нее ни капли не похожа. Папа счастливо улыбается в камеру, взъерошенный, растрепанный ветром. Родители вместе, в обнимку и, похоже, счастливы. Вот и я. В садике, школе, на выпускном. Нигде вместе с родителями. Прищурившись, гляжу внимательнее. Все время я вроде в кругу своих сверстников, но всегда как-то отдельно. То стою, чуть отстранившись, то смотрю рассеяно не в ту сторону. Не обнимаюсь, не наставляю рога, не пытаюсь принять более выгодную позу. Нигде я не выгляжу несчастной или хмурой, просто безразличной. Я ведь всегда была такой? Не интересовалась сплетнями, не дружила, не ругалась, не дралась, не влюблялась. И меня не сказать что кто-то замечал. Одноклассники не звали на свидания, парни не преследовали и не торчали под окнами, не конкурировали за мое внимание. Мужчины не устраивали трагедий из расставаний. В моей жизни не было чувственных взлетов, шекспировских страстей, любовных бурь. Как тогда такого человека, как я, судьба могла столкнуть с Григорием? Это просто как-то неправильно, что ли. Ну, если размышлять логически. И все эти не поддающиеся контролю эмоции, которые он вызывал во мне, еще даже не зная о том, что существую на свете. И безумные сексуальные переживания, переплетенные теснее некуда с почти первобытным страхом, бурлящие во мне, стоит ему оказаться рядом. И эта его заявленная противоестественная потребность во мне или точнее уж жажда присвоить, невзирая на то, хочу ли этого я. Всего этого просто не должно было случиться со мной. И моего собственного подспудного желания, темного, абсолютно неправильного и иррационального чтобы ему это удалось не должно существовать. Разве я могу на самом деле хотеть принадлежать ему на его

условиях? Нет, ни в коем случае. Но это совсем не значит, что я вообще не хочу быть его и называть этого мужчину своим. Вот только этого мне никто не предлагал. Я уже достаточно большая девочка, чтобы уметь читать людей хоть на какую-то долю процентов. И даже этого достаточно было, чтобы понять — Григорий не из тех, кто выдвигает условия, чтобы обсудить, торговаться или достичь какого-то компромисса. Плевать он на все такое хотел. Он озвучивал четкие условия и даже этим делал одолжение. «Ты мне нравишься такой, как сейчас» сказал он, и, очевидно, это и есть единственная причина, почему он счел нужным вообще поговорить. Я винила себя за то, что сразу не сумела построить диалог и установить границы? Ха-ха, Аня! Да кто стал бы тебя вообще слушать? Моя вина не в том, что как-то не так позволила обращаться с собой, а что вообще увидела его, заметила, не послушала своей интуиции и не сбежала с криком тем вечером, когда мы каким-то несчастием пересеклись.

Аккуратно складываю все на место и запихиваю коробку в дальний угол. Раздевшись, забираюсь под душ и пытаюсь развернуть свои мысли в другое русло. А что, если все это чушь? Сколько злобных угроз в этом мире произносятся и никогда не осуществляются? Тысячи? Миллионы? С чего я решила, что Григорий не играл просто со мной, решив напугать одинокую идиотку и оставить за собой право являться и трахать меня, когда ему приспичит? Это странно для мужчины, у которого и так, похоже, есть достаточно возможностей для секса? Но каждый день люди совершают сотни гораздо более странных и бессмысленных вещей, совершенно необъяснимых с точки зрения нормальной логики. Уж недавний опыт с Комаровым должен был меня научить, что можно ожидать чего угодно. Но тогда, если взирать на ситуацию с этой точки зрения, что мне делать? Просто забить? Или попросить чьей-то помощи? Чьей? Уехать сейчас, когда только вышла на новое место, без увольнения нереально. Пойти в полицию точно будет идиотизмом. Ну что я им скажу? Спала я с Григорием добровольно. А угрозы? «Ты будешь моей» это что, собственно, за угроза? Меня обещали запереть? Украсть? Изнасиловать? Нет. Представила себе кого-то вроде Амиранова в роли полицейского, которому пытаюсь донести суть моей ситуации с Григорием, и передернулась. Презрительно-высокомерное выражение лица, откровенная унижительная насмешка в глазах и словах... Нет. Думаю, пока игнорирование проблемы в надежде, что ее как бы и нет, это мой единственный выход. В конце концов, Григорий мог вообще случайно оказаться в том ресторане и решил припугнуть меня просто в отместку за несговорчивость, чтобы ходила и как истеричка оглядывалась, а сам и не думал больше появляться поблизости. В общем, такая версия событий мне сейчас удобнее всего, ибо никакого решения, кроме побега в никуда, если все совсем не так, у меня нет. Не телохранителя же мне нанимать, в самом деле! Денег на такое у меня нет, да и что-то мучают меня смутные сомнения, что это мне поможет.

Решив быть последовательной хоть в чем-то, не стала на следующий день сидеть взаперти, прислушиваясь к шуму и шагам на лестнице, и отправилась в новый торгово-развлекательный центр неподалеку на шопинг и просто погулять. За дверью никто не притаился, на стоянке перед домом тоже никаких неожиданностей, на свободной утроем в субботу дороге никто не подрезал и не преследовал. Выходя на крытой парковке, я уже чувствовала себя почти смелой. Ведь, в конце концов, что может сделать со мной Григорий в толпе, даже если появится? Тем более, шокер приятно оттягивал карман.

Съев вкусный салатик на завтрак в одном из кафе, я отправилась в поход по магазинам, чувствуя, как напряжение и страх окончательно отпускают, а настроение стремительно ползет вверх. Заметив объявление о распродаже на одном из бутиков дорогого нижнего белья, я с удовольствием нырнула в мирок прозрачных кружев и тончайших тканей. Тихая чувственная музыка, приятный запах из распылителей, внимательные продавщицы модельной внешности — все это позволило мне отвлечься и снова почувствовать себя нормальным человеком, живущим спокойной размеренной жизнью.

— Ищете подарок для любимой женщины? — промурлыкала одна из продавщиц неподалеку, привлекая мое внимание к стоящему прямо напротив меня, через ряд с изящными вешалочками, крупному мужчине, и все выбранные для примерки комплекты выпали у меня из рук.

— Можешь что-то посоветовать, золотце? — в тон ей мягко и откровенно чувственно пророкотал Алево.

Лоб тут же взмок, а ноги затряслись, и я стала озираться в поисках Григория. Мое придуманное чувство безопасности испарилось мгновенно, заставляя свернуться нутро от незащитности. Но вокруг все было как и раньше. Неспешно бродящие между рядов и стеллажей и перебирающие кружева покупательницы, деловито снующие работники магазина, готовые предугадывать их желания, парочка терпеливо ожидающих своих женщин мужчин, ковыряющихся в телефонах на кожаном диване у входа. Сглотнув, я снова поглядела на Алево, который вроде как и смотрел в мою сторону, но как-то сквозь меня и продолжал бессовестно обольщать молоденькую продавщицу. И девушка уже натуральным образом «поплыла», причем без особых усилий со стороны блондина. Она неотрывно глядела на него со смесью благоговейного восхищения и бесстыдной похоти. Как это выходило у него? Признаю, он был необычайно привлекательным мужчиной, прямо-таки очень-очень, но не настолько, чтобы от одного взгляда на него и пары знаков внимания женщина абсолютно теряла себя. Однако именно это и происходило сейчас на моих глазах. Щеки его жертвы покраснелись, дышала она рвано, приоткрыв полные яркие губы, а глаза, неотрывно устремленные на мужчину, были абсолютно одурманенными и голодными. Алево жестом одновременно ласковым и небрежным провел пальцами по ее скуле, и бедняжка льнула к его ладони, как нетерпеливый прирученный зверек, тихонько постанывая. Вид у девушки был совершенно опьяненный, кажется, она полностью погрузилась в свои ощущения, забыв, где она и чем была занята. Мне тут же подумалось, что я, наверное, выгляжу вот такой же умирающей от похоти течной кошкой, когда Григорий едва прикасается ко мне, и желудок скрутило от отвращения к собственной слабости. Так, поправочка. Я так выглядела, больше нет. Алево, по-прежнему почти не глядя на таящую, как свеча, молодую женщину перед ним, позволил своей руке соскользнуть ниже и сжал — довольно грубо — одну ее грудь, даже не пытаясь это как-то скрыть от остальных присутствующих. Бедняжка громко всхлипнула и задрожала всем телом, подаваясь еще ближе к его бесцеремонной конечности. И именно этот момент Алево выбрал для того, чтобы встретиться со мной глазами и самодовольно ухмыльнуться, повторяя свою манипуляцию с грудью уже едва стоявшей на ногах девушки. Больше стоять и смотреть на происходящее я не могла. Развернувшись к выходу, заметила нескольких посетительниц магазина, наблюдающих за Алево и попавшей под его влияние продавщицей. И в их глазах не было возмущения или презрения к происходящему. Наоборот, они пялились с завистью и нескрываемой жадностью, едва только не облизываясь. Да какого черта вообще творится? Выскочив наружу, я судорожно вдохнула и испытала настоящее облегчение, выгоняя из своих легких тяжелый, липкий запах парфюма, который наполнял воздух магазина. А ведь поначалу он показался мне весьма приятным и ненавязчивым.

Я практически понеслась по широкому коридору, постоянно оглядываясь и умудряясь спотыкаться на идеально ровном полу торгового центра. Алево не появился и не стал преследовать меня, но я не снизила скорость и продолжала оборачиваться через каждый десяток метров, матеря бесконечную протяженность пути до выхода. Когда едва не рухнула лицом вперед на эскалатор, роняя все пакеты, сильная рука схватила меня за локоть, предотвращая падение.

— Осторожнее, милая, — низкий голос, наполненный уже знакомыми воркующе-завораживающими вибрациями, заставил испуганно дернуться. — Ссадины на руках и коленях

заживают так долго и доставляют массу неудобств в определенные моменты.

Передо мной стоял высоченный, прекрасно сложенный шатен с глазами поразительного оттенка синевы и пытался ослепить идеальной белизны широкой улыбкой. Совершенно точно я не была с ним знакома, потому как такого просто так не забудешь, но при этом у меня появилось стойкое ощущение, что я его где-то видела. Мой мозг забуксовал в попытке вспомнить, где и когда это могло быть, а потом осознание почти ослепило меня. «Темный страж»! Я действительно никогда толком не замечала и не рассматривала других мужчин, которых видела выходящими оттуда, всегда ожидая лишь появления Григория. Но вот сейчас, буквально вывернув свою память наизнанку, я узнала и этого синеглазого, и даже Алево. Все они мелькали там, но мое сконцентрированное на Григории сознание выбрасывало их образы из головы тут же, как только они исчезали из поля зрения. А тогда в доме Григория мне как-то было не до рассматривания и сопоставления.

— Все в порядке? — снова это проклятое сексуальное раскатистое мурлыканье, такое, каким Алево заставил в считанные секунды потечь девчонку. Они что, какая-то долбаная секта гипнотизеров, владеющая методикой введения женщин в сексуальный транс, а потом использующая их в своих оргиях? И, само собой, оказались здесь, потому что у всей их компашки тоже субботний шоппинг.

— Более чем! — грубо ответила я и выдернула локоть из захвата сильных горячих пальцев. Едва не открыла рот, чтобы спросить, где же прячется сам Григорий, но потом решила, что черта с два стану упоминать о нем. Просто быстро осмотрелась, процеживая толпу в поисках его монументальной фигуры.

— Кого-то ищешь? — вот теперь в тоне незнакомца больше насмешки, чем обольщения.

Просто проигнорировав вопрос, подхватила пакеты и, уже откровенно злобно сверкнув на красавчика глазами, помчалась, обгоняя эскалатор. Я не разрешаю себе бояться, не разрешаю! И я не боюсь. Ну да, не боюсь, потому что уже на грани самой настоящей паники. И понадобилось не особо много для того, чтобы из состояния, близкого к равновесию, я докатилась до трясущихся рук, холодных мурашек и истерического сканирования окружающего пространства. Достаточно двух случайных встреч с практически незнакомыми людьми, и я уже превратилась в дрожащий на ветру лист. Вот прямо уже ненавижу тебя за это, Гриша, даже если это обычная случайность, и ты совсем не при чем. Ведь это может все еще оставаться совпадением? Люди постоянно где-то пересекаются, а то, что Алево и этот синеглазый попались мне на пути в течение всего каких-то пяти минут, может означать только то, что они пришли в центр вместе прошвырнуться по магазинам. Продолжая себя убеждать в этом, я вышла на парковку, держась однако поближе к большой шумной компании молодежи и озираясь добралась до своей машины. Хватит, нагулялась. Чуть ли не до истерики догуляла.

Усевшись в салон, я еще какое-то время вертелась, пристально рассматривая всех входящих и выходящих из автоматических стеклянных дверей, но пугающие меня личности так и не появились. Сделав с десяток глубоких успокаивающих вдохов-выдохов, я заставила себя снова расслабиться. Господи, Аня, так и умом тронуться недолго! Нельзя же почти на пустом месте напридумать столько! В конце концов, Алево мог быть и раньше знаком с девушкой из бутика, и она, к примеру, может быть поклонницей их массовых встреч, потому и позволила ему все эти вольности. И он туда забежал к ней, гуляя по торговому центру с коллегами. Если все они одна теплая компашка, то почему нет-то? Но все мои попытки убедить себя в том, что встреча с Алево и красавчиком полное совпадение, стали пшиком, когда на перекрестке рядом со мной затормозила агрессивного вида черная машина, и утробное рычание мощного мотора заставило меня посмотреть на нее внимательнее. За рулем, глядя прямо на меня, сидел тот

самый рыжий детина, перед которым тогда на столе ублажала себя дама, разодетая, как в театр. И снова я не могла отрицать потрясающей красоты его черт. Только в отличие от Алево и синеглазого, его лицо немного портила некая свирепость, которая будто просачивалась сквозь идеальную кожу, не говоря уже о сощуренных глазах, цвета которых я не могла разобрать с такого расстояния. Зажегся зеленый, и он очень медленно тронулся, как бы демонстрируя, что не собирается выпускать меня из вида, пока я, зависнув, смотрела на задние огни его дорогого авто. Раздраженные сигналы привели в чувство, и я нажала педаль газа, одновременно пытаюсь найти определение происходящему. Потому что это никак не могло быть слежкой. Точно нет. Скорее было похоже на то, что меня загоняют, как дичь, доводя до невменяемого от страха состояния. И если именно это их цель, то надо признаться, что им это удавалось.

Глава 30

Вечер субботы и большую часть воскресенья я провела именно так, как зареклась делать. Вздрагивая и прислушиваясь к звукам за пределами квартиры, бесцельно слоняясь от окна к окну и осторожно выглядывая наружу между занавесок. Пристально вглядываясь в каждого прохожего или машину на придомовой стоянке, я обзывала себя распоследними словами, приказывала прекратить это натуральное самоистязание. Но как ни старалась отвлечься: заняться какими-то делами, посмотреть телевизор, побродить в сети, все равно ловила себя на том, что через несколько минут теряю концентрацию и опять начинаю настороженно прислушиваться и подбираться к окнам, дабы убедиться, что не окружена врагами. Где-то в районе диафрагмы будто внедрили мешающий нормально дышать жесткий часовой механизм, и час за часом он разрастался, сдавливая мое нутро и повышая и так запредельный уровень напряжения, все громче и отчетливее отсчитывая время до того самого момента «Х», назначенного Григорием. Абсолютно честно я уже могла признать, что нахожусь на грани истерики. Поэтому в какой-то момент я плюнула на выматывающие попытки борьбы со страхом и, поддавшись ему, написала несколько электронных писем. В прокуратуру, поколебавшись — отцу, адвокату Радину. Прекрасно понимая, какой дурой я буду выглядеть, если в итоге ничего со мной не произойдет, тем более, что никаких конкретных сведений о личности Григория я описать не могу. Но, по большому счету, для меня не имеет особого значения мнение и отца, с которым мы обменивались стандартными поздравлениями на праздники и не виделись больше пяти лет, и Радина, если он вообще посчитает нужным вникнуть в суть моей проблемы, а уж тем более тех безвестных людей, что будут читать мое сумбурное письмо в прокуратуре. Будущее возможное унижение не такая большая цена за каплю успокоения от надежды, что, исчезни я в одночасье, хоть кто-то станет меня искать.

Закончив с письмами, я откинулась на стуле, глядя в потолок, и вдруг почувствовала совершенно непонятный, шокирующий в своей интенсивности прилив смелости и неконтролируемое желание сделать еще хоть что-то, что принесет освобождение от сворачивающего душу узлом напряжения. И несмотря на все завывания чувства самосохранения, справиться со жгучей потребностью поддаться ему не удалось. Я собралась и, прихватив подарок Григория, спустилась к машине.

— Я отказываюсь и дальше бояться! — сказала сама себе в зеркало заднего вида, стараясь не обращать внимания на собственные расширенные зрачки.

После стольких часов, проведенных под давлением страха, я ощущала нечто сродни какому-то запретному дурманящему азарту от потока отваги, неизвестно откуда с избытком вливавшегося в мою кровь. Из нашей поездки к Григорию я четко помнила только район и внешний вид его дома, и скорее всего мне предстоит блуждать в его поисках по улицам

элитного поселка. Но разве это препятствие, когда в венах бурлит бесшабашная смелость и беспредельная решимость сделать что-то эдакое? Я не рассматривала водителей в соседних машинах. Плевать я хотела, едет ли за мной кто-то из этой шайки-лейки профессиональных обольстителей! Перед глухим каменным забором я оказалась так неожиданно, словно абсолютно точно знала кратчайшую к нему дорогу. Остановившись перед воротами, я испытывала извращенное удовольствие от раздражающе громкого сигнала, нажимая на клаксон до тех пор, пока тяжеленные ворота не открылись. Во дворе никого не было видно, и поэтому я, и не подумав тронуться, снова почти с остервенением нажала на сигнал. Из нескольких соседних домов стали выглядывать удивленные шумом в воскресный вечер респектабельные соседи. Прошу, конечно, прощения, но мне нет особого дела до ваших неудобств. Наконец со стороны дома появился Алево и неторопливо пошел ко мне. Я вышла из машины, вытащила из кармана ожерелье и, зажав его в ладони, наблюдала за его приближением под любопытными взглядами. Пусть только попробует сделать что-то при таком количестве свидетелей. Но чем ближе подходил ко мне здоровенный блондин, тем стремительнее меня покидало чувство уверенности. И в немалой степени это было из-за того, что на лице мужчины не было и тени раздражения от моего нахального поведения, а наоборот — широченная самодовольная ухмылка. Когда он уже был в двух шагах, я вообще спросила себя, какого черта тут делаю.

— Надеюсь, ты привезла с собой все необходимое на первое время? — даже не здороваясь, спросил Алево, становясь прямо передо мной и вынуждая запрокинуть голову.

— Я не собираюсь говорить с тобой или с кем-то еще из запугивающей меня вашей шайки! — надеюсь, голос мой не дрожал. — Позови Григория!

— Запугивающей? Женщина, если кто-то из нас захочет действительно напугать, ты будешь кричать от страха, пока голос и силы тебя не покинут. Мы лишь оберегаем принадлежащее архонту в его отсутствие.

— Арх... Неважно! Я никому не принадлежу! — указала я на него в гневе пальцем, но почему-то не рискнула ткнуть в широкую грудь. Его, казалось бы, безразличный взгляд будто предупреждал от этого, и несмотря на неестественную отвагу, я задержала свою руку в миллиметрах от контакта, прислушавшись к нему.

— Он тебя хочет. Значит, принадлежишь. — В этом утверждении не было давления, просто равнодушная констатация. Может, самую малость чересчур равнодушная.

— Я сюда не спорить с кем-то из вас приехала. Забери это, и оставьте меня все в покое! — выхватив из кармана ожерелье, протянула его мужчине и даже в этот момент невольно залюбовалась переливами камней, жадно лоящими своими гранями свет угасающего осеннего дня. — Я не собираюсь становиться членом вашего сообщества свободной любви! И имейте в виду, что я уже обратилась в прокуратуру с заявлением о преследовании.

Алево, кажется, нисколько не впечатлился моим почти блефом об обращении в органы, но и украшение тоже не взял.

— Не я дарил его тебе, женщина. Не мое право и отбирать, — нахмурившись, ответил он.

— Плевать! Значит, я его брошу в ваш почтовый ящик! — заупрямилась я. В конце концов, за каким-то чертом я сюда приехала с этим эффектным жестом, так какой смысл отступать?

— Зачем вообще тебе это делать? — Алево глядел на меня уже непонимающе.

— Мне не нужны его подарки. — Блондин насмешливо-недоверчиво ухмыльнулся, и я повторила с нажимом: — Мне не нужны его подарки! Вообще!

— Если ты недовольна тем, как архонт тебя одаривает, то скажи ему, когда он придет за тобой, и поверь, он прислушается, если ты будешь покладистой. Никто из деливших с ним постель никогда не мог упрекнуть его в отсутствии щедрости.

Да что за проклятая стена или гребаный фильтр в мозгах у этих мужиков!

— Черт возьми, похоже, у вас общее с Григорием заболевание — неумение слушать окружающих! — я старалась не повышать голос, но он мне мало повиновался. — Читай тогда по губам! Мне не нужны подарки. Никакие! Я просто не желаю видеть больше ни самого Григория и никого из вас даже близко ко мне. Я сожалею о том моменте, когда увидела его, и о каждой проведенной вместе минуте. И если увижу кого-то из вас рядом, то действительно стану орать и звать на помощь что есть сил. На этом все!

Развернувшись к машине, я решительно рванула дверцу, собираясь убраться, подведя такую жирную черту. Но в этот момент огромная лапища врезалась в стекло, захлопывая ее у меня перед носом и едва не прищемляя пальцы.

— Твои угрозы смехотворны, женщина. И если ты закончила, я тебе сделаю большое одолжение и разьясню, как все будет. Хотя, опять же, на мой взгляд, ты ничем этого не заслужила!

Несмотря на очевидно угрожающий смысл, голос мужчины звучал вкрадчиво и мягко, но это не делало его менее пугающим. Дыхание Алево коснулось волос на затылке, и по спине тут же потекли тонкие, как паутина, ледяные ручейки страха. Но страх этот был совершенно иного свойства, чем тот сверхъестественный, сковывающий мою волю ужас, который умел будить во мне Григорий. И поэтому я развернулась, не собираясь стоять спиной к этому засранцу, давая понять, насколько ему удастся достать меня. Почти с зубным скрежетом запихнула вглубь сознания настоящие эмоции и, вскинув подбородок, посмотрела прямо в необычайно красивые, словно совершенный изумруд, но абсолютно безжалостные глаза. Алево был таким же огромным, как и Григорий, и от него почти так же излучалась подавляющая энергия силы, и не только видимая физическая, но и скрытая, и по ощущениям гораздо более опасная. Без сомнения, его стоило бояться, и я боялась. Но абсолютно по-другому, нежели Григория. Это как видеть нечто огромное, смертельно опасное, как медведя, слона, жуткую воронку смерча, волну цунами и точно знать, что это может сотворить с тобой, попади ты в зону его досягаемости. Этот страх реален, осязаем, объясним, а значит, поддается осознанию и борьбе с ним. А вот с Григорием все совершенно противоположно. Ты абсолютно не имеешь представления что там — за и без додумывания угрожающим фасадом. Силишься угадать, рассмотреть, что прячется в окружающей его насыщенной тьме, и эти попытки только глубже утягивают и ослепляют тебя, и ты понятия не имеешь, в состоянии ли будешь понять или даже пережить, если этот мужчина вдруг позволит увидеть, что представляет собой на самом деле. И бороться с этим невозможно. Единственное, что могло справиться с первобытным и глубинным ужасом — это в разы большее непреодолимое, убивающее разум вожделение к нему. Но вот погляди же, Аня, куда тебя это самое вожделение завело.

— Вся внимание, — процедила сквозь зубы, не отводя глаз, хотя казалось, что взгляд Алево подобен давлению громадной каменной глыбы, от которой в любую секунду переломится мой позвоночник.

Алево положил обе руки по бокам от меня на машину, усиливая эффект западни, хотя подчеркнуто не допустил контакта даже нашей одежды.

— Очень скоро архонт придет за тобой. И ты встретишь его ласково и с радостной улыбкой, — Алево наклонился ко мне так, что мы оказались нос к носу, как два готовых сцепиться пса. Поразительный контраст с тем, что говорил он вкрадчиво, почти лаская меня словами, в то время как все мои силы уходили на игнорирование того, насколько он меня подавляет, угрожающе нависая и отнимая любой шанс на бегство. — Ты будешь покладиста, нежна и удовлетворишь все его потребности, исполнишь любой каприз. Будешь благодарна за подарки и с восторгом оценишь каждый знак внимания, — его тон все изменялся, становясь все более раскатистым гипнотическим мурлыканьем, которое с легкостью ввело в сексуальный транс ту продавщицу. И у меня слегка поплыло в голове, но ощущение было неприятным и раздражающим, а не дурманящим, и я с легкостью закрылась от него.

— Твоим смыслом жизни станет приносить удовольствие этому мужчине, ублажать его, делать спокойным и довольным, — продолжал все вдохновеннее бархатисто рокотать Алево. — Дни твои будут проходить в ожидании того момента, когда ты сможешь быть ему полезной. Твоим счастьем станет следовать за ним, любить его, желать отдавать себя ему или любому, с кем он сочтет нужным поделиться тобой.

А вот хрен тебе!

— В самом деле? И почему бы мне хотеть делать хоть что-то из этого? — практически прорычала я, уже сама подаваясь вперед.

— Потому что я тебе так говорю. — Может, это и должно было прозвучать как утверждение, но из-за того, что мужчина склонил голову набок, пытливо всматриваясь мне в лицо, казалось скорее уж вопросом.

— А ты, стало быть, для меня какой-то авторитет? — язвительность уже так и перла из меня.

Я откинулась спиной на машину и сложила руки на груди, глядя уже откровенно насмешливо и посылая четкий сигнал «со мной это не сработает!»

— Я тот, с кем тебе следует быть очень милой и прислушиваться к каждому слову, чтобы твои шансы как можно дольше пребывать в центре внимания архонта, наслаждаясь всеми привилегиями, были чрезвычайно высоки, — этого здорovenного ублюдка, похоже, невозможно сбить с его линии.

— Вот, значит, как? Тогда очень удачно, что меня нисколько не интересуют ни привилегии, ни внимание Григория, а значит, мне не придется не только прислушиваться к тебе, а вообще слышать. — Я тоже со своих позиций не сойду, выкуси, засранец!

— Ты лже-е-ешь, женщина, — протянул Алево, ухмыляясь как-то отвратительно — знающе.

— Что, прости?

— Ты не просто желаешь архонта, а прямо-таки алчешь всем существом, неистово, каждой клеткой. Только его, больше никого. И это желание истинное, не навязанное, не внушенное, и именно поэтому ты привлекла его и заморозила. Для меня нисколько не важно, почему женщина раздвигает свои ноги, но он не такой, как я... как мы все. Чистота твоего вожделения влечет его непреодолимо, и пока он не утолит голод по тебе, справиться с собой не сможет.

А вот эти слова непостижимым образом сумели пробраться мне под кожу, смущая и подтачивая решимость держать оборону и выбранную линию во что бы то не стало. Тонкий, но острый, как бритва, голосок тоски полоснул по сердцу, выпуская наружу так старательно обуздываемое сожаление. Почему все так? Почему Григорий не может быть другим, свободным от всего этого властного дерьма, странных людей, его окружающих, обязательств, данных другой женщине? Почему он не может быть просто моим?

— Как бы там ни было, я не хочу продолжать эти отношения, — ответ вышел хриплым и тихим. — И нет причины, способной переубедить меня.

— В самом деле? А в качестве нее не пойдет то, что если ты не будешь полезна архонту, то я просто убью тебя? — Алево не повысил голос, но его вкрадчивый тон мгновенно трансформировался из изощренного обольщения в однозначную угрозу.

— Ты в своем уме? Среди бела дня, прямо посреди улицы ты пугаешь меня убийством, если я не стану трахаться с твоим дружкой?

— Если быть честным, мне бы очень хотелось сломать твою шею прямо сейчас за один только наглый прямой взгляд и за то, что ты не поддаешься влиянию, как другие. Это безумно раздражает, скажу я тебе, женщина, — блондин наигранно сожалеюще поджал губы, в то время как зеленые лезвия его глаз уже кромсали меня. — Но, боюсь, архонт не одобрит этого. А сколько себя помню, забота о нем и всех его нуждах была основной моей задачей.

— Почему бы тебе самому не ублажать его, раз ты так заботишься о его душевном покое и телесном комфорте!

— Наша богиня не одобряет, если мужчины делят постель без женщины, — невозмутимо похабно усмехнулся в ответ Алево. — И до твоего появления архонта вполне устраивали те, которых я подбирал и готовил для него. Но ты все испортила. Он не желает предложенного и даже отказал мне в праве научить тебя покорности.

— Что-то не похоже, что ты послушал его, раз мы ведем этот разговор!

— Потому что я знаю, как лучше. Мало того, что ты человек, а значит, слишком уязвима, так ты еще и отвлекаешь его! Ты вынуждаешь его тратить время и силы на свое преследование, тогда как его власть могут оспорить, если он не справится! Этого я допускать не собираюсь! Так что если ты и дальше посмеешь раздражать Грегордиана и вызывать его гнев и недовольство, я все же рискну избавиться от тебя. Нет предмета вожделения — нет проблем. Но если ты поведешь себя правильно и станешь слушать меня, то обещаю, что буду одним из первых твоих защитников ради спокойствия архонта.

Всякая мягкость пропала и из голоса, и из черт Алево. Теперь передо мной стояло совершенно безжалостное, пугающее до икоты создание, которому было откровенно безразличны мои желания или их отсутствие, а имели значение лишь его интересы.

— Боже, вы тут все реально больные! — прошептала я в ужасе. — Единственные, от кого меня нужно защищать, это от вас!

— Тебе так кажется, потому что ты ничего не знаешь. Но это устранимая проблема. Садись в машину, женщина, поезжай домой, собери все, что хотелось бы взять с собой и просто дождись, пока Грегордиан за тобой придет. Это ведь не слишком сложная задача даже для Младшей?

Младшей? Прозвучало так, будто я нечто вроде цирковой мартышки, причем не самой сообразительной.

Я открыла рот, подыскивая слова для ответа, и тут услышала низкий вибрирующий звук, донесшийся со стороны дома. Алево резко повернул голову и сильно нахмурился. Во дворе появился обнаженный по пояс Григорий, и он не просто шел, а буквально неся в нашу сторону с таким угрожающим видом, что моя кровь мгновенно замерзла в венах. Голова опущена, на лице прямо-таки зверский оскал, и весь он с ног до головы был покрыт бурыми потеками и разводами, очень сильно напоминающими засохшую кровь.

— Слушай меня, — быстро зашептал Алево, — если хочешь жить, делай все так, как я тебе сказал. И начни быть ласковой паинькой прямо сейчас.

Отстранившись от меня, мужчина почтительно склонил голову, приветствуя Григория.

— Богиня сделала твою победу легкой, деспот? — с радостной улыбкой проговорил он.

Григорий молча налетел на него и швырнул, как нечто вообще не имеющее веса с такой силой, что Алево пролетел через улицу и врезался с глухим хрустом спиной в соседский забор. Однозначно после такого не выживают. Но размышлять о судьбе блондина у меня не было времени. Потому что Григорий схватил меня за горло и поднял над землей, глядя в лицо с такой ненавистью и безумной свирепостью, что мне захотелось умереть прямо в эту секунду от смертельного ужаса.

— ТЫ!!!! — прогрохотал он, пока я, болтаясь в воздухе, медленно умирала от удушья, бессильно царапая его руку. — Это была все время ты!!

Он снова тряхнул меня как тряпичную куклу, в шее что-то хрустнуло, ослепляя дикой болью, и сознание потухло.

Глава 31

— Не понимаю, чего ради я и дальше должен тратить свое время, прозябая в этом ужасном мире Младших! — недовольно заканючил расхаживающий перед огромным камином холеный темноволосый мужчина, одетый в мягко облегающий его тело костюм глубокого бордового цвета. От непрерывного движения его одеяние, буквально усыпанное бесчисленным количеством камней в тон ткани, переливалось так, словно он, как жидкостью, был облит искрящейся драгоценной субстанцией.

— Если наш деспот велел тебе дожидаться его появления, гоег Франганн, то так тому и быть, — равнодушно отозвался рыжий детина, нарезаая мясо в большой серебряной тарелке перед собой, и указал ножом на приборы напротив. — Присядь, поешь и выпей вина.

— Королевский гоег Франганн, уважаемый Сандалф, — заносчиво поправил рыжего нервный собеседник. — И ты, видно, издеваешься надо мной. Предлагать мне ничтожную примитивную пищу из мира Младших, тогда как меня ждут изысканнейшие и утонченные блюда, подаваемые при королевском дворе!

— Дело твое, гоег, — Сандалф явно нарочно отказался одаривать Франганна титулами, на которых тот настаивал, и гримаса неудовольствия исказила красивое лицо волшебника. — Но ты можешь хоть заморить себя голодом, но не покинешь этих стен, пока архонт лично тебе этого не позволит.

— А когда же это, наконец, произойдет? — прозрачно-голубые глаза колдуна сверкнули плохо скрываемой ненавистью. — Ваш деспот дурно воспитан, раз вынуждает занятого и высокопоставленного гостя столько ждать себя. С другой стороны, чего же взять с дини-ши. Откуда у полуживотного манеры?!

Рыжий поднялся из-за стола медленно, но в этом движении было достаточно угрозы, чтобы заставить Франганна поменяться в лице и попятиться.

— Если ты посмеешь еще раз оскорбить моего деспота в его же доме, то лишишься как минимум языка, гое! — Сандалф каждым словом, словно камнем, швырял в собеседника, заставляя его вздрагивать. — И ты тут не в качестве гостя! Ты наемный работник, призванный им ответить, почему от твоей ворожбы нет результата!

— Не может такого быть! Я лучший в своем мастерстве! — самодовольно выкрикнул мужчина и взмахнул руками. — Каждый это знает!

Не обращая внимания на хвастовство волшебника, рыжий уселся и вернулся к еде.

— Если бы архонт получил необходимое, разве мы торчали бы все еще здесь? — ответил он, даже не глядя на него больше. — Или думаешь, если мы воины, то не ценим великолепные вина и роскошную пищу нашего родного мира? Так что я все же склонен нанести тебе некий ущерб, хотя бы в компенсацию за прозябание в мире Младших. — Сандалф поднял руку с ножом и демонстративно полюбовался блеском стали.

— Мой язык очень ценен для твоего архонта! — нервно огрызнулся Франганн.

— Разве? Ведь ты не пробурчал уже все свои новые заклинания принуждения или как их там? И если ты ручаешься за свою работу, то голем сама должна примчаться к нам в ближайшее время. Ведь так? О, кстати, «ручаешься» это ведь что-то про руки. Может, деспот заставит тебя их отращивать вместо языка, если снова облажаешься?

Волшебник передернулся от жестокой шутки рыжего.

— Мое заклинание совершенно. Можете уже готовиться к обратному переходу, потому как голем будет здесь с минуты на минуту, — хвастливо заявил Франганн, а потом быстро поменялся в лице, его глаза хитро заблестели, и он таки подсел к столу и вкрадчиво продолжил: — Я вот поражаю тебя и остальным. Вы, высокородные асраи, прислуживаете, словно верные собачонки, этому дини-ши! Разве вас не унижает такое положение вещей? Разве не в ваших силах лишить его власти и владений?

— Да-а-а, я всегда знал, что вы, равнинные, недалекие, и самомнение заменяет вам мозги, — приподняв брови, покачал головой рыжий. — Но чтобы настолько! Как только наш любимый Богиней сиятельный король терпит вокруг себя подобный склочный и тупой сброд?

— Как ты смеешь в моем лице оскорблять всех тех, кого королевская чета в мудрости своей приблизила к себе? — практически взвизгнул Франганн, снова вскакивая и глядя на Сандалфа с пренебрежением.

— Но что же делать нашим благословенным Богиней монархам от недостатка достойного выбора? Если все заслуживающие уважения асраи и великие дини-ши, которых остались единицы, заняты настоящей заботой о нуждах нашего королевства, а у трона вьются с протянутой рукой заносчивые и никчемные бездельники и лентяи!

— Не тебе об этом судить!

— Не мне, конечно. Но, может, моему столь мало тобой почитаемому деспоту стоило бы разок пропустить сквозь свои пределы, скажем, очередную орду багги, дабы они сильно сократили численность таких бесполезных созданий, как ты и тебе подобные? — В ответном взгляде рыжего было не меньше презрения, чем плескалось в глазах его оппонента.

— Это его обязанность — беречь границы нашего государства!

— И он как никто прекрасно справляется с этим. При этом самовлюбленные бездельники вроде тебя не считают его за это достойным благодарности!

— Дини-ши дикие, слишком неуправляемые, совершенно нецивилизованные! — обвиняюще заявил Франганн.

— Однако же они любимые творения нашей Богини, которых она считала равными себе!

— Это асраи ее любимые дети, и для меня странно, что ты сам, будучи асраи, не хочешь этого признавать!

— Почему же, я признаю. Мы и есть ее любимые дети. И как любые дети эгоистичны, наглы, самодовольны, капризны и несамостоятельны. А дини-ши гораздо древнее, сильнее и мудрее нас, и это неспроста. Они были ее помощниками, защитниками, ее руками и беззаветными хранителями секретов и ошибок.

— Они были ее орудиями. А значит, это и есть их место, — заупрямился колдун. — Они должны служить нам, исполнять свою роль сторожевых псов и направлять свою дикую силу туда, куда мы, совершенные асраи, прикажем, а не куда им вздумается!

Молниеносный всполох летящей стали распорол воздух, и широкий короткий меч вошел в правое подреберье волшебника. Бросок был такой силы, что несчастного отбросило к стене, припиливая там, словно бабочку. Франганн зашелся оглушительным визгом, который однако с легкостью перекрыл низкий голос Грегордиана, от которого, казалось, завибрировали каменные стены.

— Когда я захочу узнать, где мое место и место других моих соплеменников, я спрошу об этом у нашей Богини, гое! А пока я не получу обещанного тобой, твое место будет у моего камина в качестве настенного украшения!

Раненный кричал и кричал не замолкая, проклиная Грегордиана на разных языках и тщетно пытаясь извлечь меч из стены и своего тела. Рыжий вскочил и почтительно склонился при появлении деспота, с ног до головы покрытого еще не окончательно подсохшей кровью.

— Надеюсь, Богиня благоволила тебе, мой деспот, и дала тебе легкую победу? — произнес он, изучая внешний вид своего господина.

— К сожалению, не могу сказать, что убивать прекраснейших женщин было легко для меня. Тем более, каждая успела уже понести, — хмуро проворчал архонт. — Даже понимание того, что это гианы, и они подчистую сожрали мужское население двух моих окраинных деревень, и их проклятое потомство будет заниматься тем же, плодясь, как саранча, не слишком помогало.

— Да уж, внешне эти отверженные творения Богини необычайно обворожительные и соблазняющие. В том их сила, — согласился Сандаф.

— Ты прав, Сандалф, — мужчина отодвинул тяжеленный стул во главе длинного широкого стола, намереваясь сесть. — Как у нас тут дела без меня? Франганн оказался хоть чем-то полезен?

Вроде начавший замолкать колдун, услышав свое имя, снова завопил, извиваясь и дергая сталь, пронзающую тело.

— Какой-то этот гоеет шумный, — цинично ухмыльнулся Грегордиан, безразлично глядя на усилия своей жертвы.

— Ну, так королевский же, — фыркнул презрительно в ответ Сандалф.

— А я и забыл, — деспот, видимо, передумал и подошел ближе к колдуну. — Твои трепыхания ни к чему не приведут. Физических сил недостаточно, а твоя магия бессильна против моего железа. Так что уймись, наконец, и скажи, почему я не должен тебя обезглавить прямо сейчас. Потому как я смертельно устал и хотел бы покончить со всеми делами разом.

— Я призвал голема, — захныкал колдун, изо рта которого потекла струйка крови. — Заклинанием принуждения. Она будет здесь совсем скоро. Я уже чувствую ее!

— Заклинанием принуждения? — деспот мгновенно напрягся. — Есть такое?

— Есть! — закивал раненый и вскрикнул от боли, причиненной этим простейшим движением.

Грегордиан вопросительно посмотрел на рыжего громилу, и тот пожал плечами.

— Он действительно поручился мне, что голем теперь у нас в руках, благодаря его ворожбе.

— Тогда почему, если есть такое заклинание... — угрожающе наклонил голову деспот, возвращая внимание к своей жертве, — я и мои люди убили столько времени, проверяя бессчетное число женщин при помощи твоих жалких амулетов?

— Я... — даже сейчас, когда волшебник так мучился, было заметно, как тревожно забегали его глаза. — Оно у меня недавно. Я нашел его в одной из необычайно древних книг.

— Будем считать, что я — дикий и нецивилизованный дини-ши — поверил. Но гарантии, что оно работает, у тебя нет? — гоеет открыл рот, но не посмел солгать под прямым тяжелым взглядом Грегордиана. — Это опять может оказаться лишь твоим обманом?

— Я никогда не обманывал тебя! — взвизгнул он, оправдываясь. — Просто в мире Младших любая магия или угасает, или извращается, становится слабой.

— А может, все дело в том, что это ты никчемный и слабый гоеет? Ведь даже жалкая человеческая ведьма смогла переиграть тебя, такого великого королевского мага! Зачем благословенной чете рядом такой, как ты?

— Не тебе судить, проклятый ты дини-ши. Я лучший, я вообще единственный достойный, а ты заплатишься за такое со мной обращение! — от криков Франганн зашелся кровавым кашлем, что породило новую волну воплей — уже от боли.

— Лучший бы нашел для меня голема давным-давно! — деспот отвернулся, подчеркивая, что потерял интерес.

— А я и нашел. Я чувствую ее рядом, на расстоянии взгляда. Я призвал, и она пришла!

— В доме сейчас есть женщины? — резко развернулся к Сандалфу Грегордиан.

— Нет. Сегодня еще никого не было, — пожал плечами рыжий.

— А я говорю, что она уже здесь! — упрямо орал волшебник.

— Хауг! — рывкнул деспот, оборачиваясь к двери, через которую недавно вошел, так что звук его голоса понесся по коридорам, многократно отражаясь от стен.

Высокий шатен появился в проеме через некоторое время и почтительно склонился.

— Ты уже вернулся, деспот. Надеюсь Богиня... — начал он ритуальную фразу-приветствие, но был тут же прерван.

— У нас гости! Женщина! — это не было вопросом.

— Никого нет. Лишь пару минут назад подъехала твоя... — красавчик запнулся, покосившись на явно нежелательного свидетеля. — Та, за которой ты велел присматривать в свое отсутствие, и немного расшумелась, требуя тебя. Женщины Младших временами такие эмоциональные! Но Алево не знал, что ты уже вернулся, и решил отправить ее домой, дожидаться того, пока ты сам сочтешь нужным прийти за ней.

— Я же говорил! — злорадно выкрикнул чародей. — Я обещал, что голем будет здесь, и она здесь.

Грегордиан замер, словно каменное изваяние, глядя перед собой отсутствующим взглядом. И даже широкая обнаженная грудь не вздымалась от дыхания. Его покрытое чужой кровью тело было так напряжено, что казалось, предельно вздувшиеся мышцы сейчас начнут лопаться.

— Ты лжешь, Франганн, это не может быть она! — хрипло сказал он, спустя почти минуту, продолжая смотреть как-то рассредоточенно, будто оставаясь погруженным в свои мысли...

— Это может быть только она! И ты должен знать, потому что она копия твоей невесты!

— Я понятия не имею, как она выглядит! Илва была еще младенцем, когда я передал ее на попечение Белых Дам, а после я не видел причин навещать ее раньше положенного срока!

Рот Франганна искривился, будто он услышал что-то радующее его.

— Высокая для человеческой женщины, темные волосы, отливающие почти багряными прядями, очень светлая кожа, ямочка на правой щеке, глаза с переливом из голубого в зеленый ближе к зрачку...

Перечисление примет прервал полный дикой ярости рев Грегордиана, и он словно смерч вылетел из зала, сбив с ног и отшвырнув Хоуга еще до того, как оглушающий звук затих. Сандалф рванул вслед за господином. Хоуг сидел с полминуты, тряся гудящей от удара об стену головой, и тоже вскочил, последовал за ними, забыв об оставшемся у стены волшебнике.

Не прошло и нескольких минут, как Грегордиан вернулся, волоча за собой безжизненное тело женщины. Подняв за волосы, он продемонстрировал ее волшебнику, почти сталкивая их лица друг с другом.

— Это точно она? — прорычал он голосом, очень мало похожим на человеческий. — Поклянись Богиней!

— Клянусь, это она. Сомнений нет, — подтвердил волшебник.

Снова взревев так, что застонали стены, Грегордиан выдернул меч из тела Франганна, и тот рухнул с болезненным вскриком к его ногам. Деспот же подошел к столу и, сметя всю посуду и яства, швырнул женщину на него.

— Давай, проводи свой проклятый обряд и возвращай ворованную часть души моей суженной! — приказал он, бросая меч на столешницу.

Но волшебник не торопился подняться.

— Правильно ли я понял, что ты делил постель с големом? — с гадкой усмешкой спросил он, крепко прижимая обе руки к ране.

— Я велел тебе делом заниматься, а не вопросы задавать, — отмахнулся Грегордиан, отворачиваясь.

Но, похоже, теперь Франганн не собирался так легко сдаваться.

— Из всех женщин двух миров ты выбрал голема своей будущей жены для того, чтобы покувыркаться в постели? — он разразился циничным лающим смехом, откидывая голову на стену. — О, Богиня, лучше насмешки и не придумает! Великий деспот переспал с големом, которого выслеживал столько лет, и натуральным образом протрахал свое будущее!

— Заткнись, жалкий чародел, и сделай, что должен! — рявкнул потерявший терпение Сандалф, появившийся в зале вслед за архонтом.

— Ничего не выйдет! Ваш деспот соединил себя с големом, обладающим частью души, предназначенной ему! Связующей магии нет разницы — вся душа или часть! Союз энергий нерушим! Убей теперь голема хоть тысячу раз, вместе с ней часть души твоей невесты умрет, а не вернется назад, потому что она стала самостоятельной! И все из-за тебя! Ты все сам сделал! Своими руками! Ну, или не совсем руками.

Отрывисто говоря все это, волшебник все больше заходил в злорадном торжествующем смехе, тыча окровавленной рукой в застывшего над женщиной архонта. К этому моменту в зал вернулся уже Хоуг, и, хромя и постанывая, пришел Алево. Все они смотрели на своего деспота, ожидая его реакции, и она последовала.

— Многие придворные асраи умрут со смеху... — продолжал глумиться и булькать кровью в горле Франганн, погружаясь все больше в приступ уже почти истерического хохота. Казалось, он совсем потерял разум и чувство самосохранения.

Грегордиан переместился к нему так быстро, что никто не успел его остановить. Сверкнула и загудела сталь, и голова волшебника покатила по полу, все еще сохраняя гримасу шокирующего веселья на лице.

— Умрут, говоришь? Ну так тебе выпала честь стать первым из них, жалкий гое! — повернувшись к своим людям, пробормотал деспот, обтирая клинок об штаны.

— Это был королевский маг! — без особого чувства сказал Алево.

— Очевидно, его мастерства было недостаточно для столь высокой должности. Сиятельной чете придется подыскать себе нового, как, впрочем, и мне. Я найду того, кто вытащит душу из голема и возместит весь ущерб!

Подойдя к столу, Грегордиан несколько секунд всматривался в черты едва дышащей женщины, но затем лицо его исказилось яростью, и он небрежно забросил ее на плечо.

— Мы идем домой! — бросил он свои людям и пошел, не оглядываясь.

Конец первой части.

Глава 32

В горле пересохло просто невыносимо, хотелось сглотнуть, но все попытки сделать это были тщетны. Именно от усилий я и проснулась. Едва открыв глаза, зажмурилась от режущей боли. За мгновение, что они были открыты, сетчатка как будто получила ожог от невыносимой яркости зеленого, лазури и мазков других цветов вокруг меня.

— Она пришла в себя! — услышала я голос, который теперь навечно стал для меня синонимом неприятностей. — Надо же, как быстро!

Позволив себе снова чуть приоткрыть глаза, я увидела ухмыляющегося Алево, стоявшего надо мной мрачной тенью на фоне сплошной ослепляющей зелени. Вот только что-то в нем изменилось, но пока мой разум не мог уловить что. Между бровей появилась сверлящая боль даже от того минимума, что я позволила себе рассмотреть, а желудок свернуло спазмом. Вдыхаемый воздух будто обладал большей, чем обычно, плотностью и жег ноздри, а мозг отказывался распознавать весь спектр ароматов и звуков, навалившихся на меня. Они не были неприятными, просто абсолютно незнакомыми и настолько чрезмерными, что вызывали ступор.

— Пусть встает. — Едва моего слуха коснулся холодный грубый голос Григория, все внешние факторы тут же смыло волной истерики и удушья.

Я резко села, схватившись за горло и в панике озираясь. Шея, затылок, весь позвоночник, грудная клетка и поясница были сплошными зонами огня, который разгорался сильнее от каждого вдоха, как угли, раскаляющиеся от дуновения. Крик от последнего вспыхнувшего воспоминания рвался из груди, но выходило только сиплое скрежетание. Григорий стоял в нескольких метрах от меня, и в первый момент он и исходящая от него опасность были всем, что я могла видеть и воспринимать. Попытка вскочить не удалась, тело отказывалось подчиняться, и я просто засучила ногами в стремлении хоть как-то увеличить между нами расстояния. Но почти сразу наткнулась спиной на твердое препятствие и стала озираться в поисках любого пути спасения. Кроме Григория и Алево чуть поодаль расположились синеглазый красавчик, что не позволил мне упасть у эскалатора, и рыжий, с которым я столкнулась на дороге. Они сидели ко мне спиной, о чем-то переговариваясь, при этом внимательно вглядываясь в сплошные густые заросли вокруг.

— Тебя больше никто не тронет, если ты будешь послушной, голем, — сказал Алево, возвращая мое внимание себе. — Ты слышала деспота. Вставай, нам пора двигаться дальше.

После первого накрывшего с головой приступа страха разум медленно возвращался в норму, позволяя мне заметить, что-то кроме четырех пугающих до икоты мужчин. Главные окружающие меня цвета были: пронзительная зелень полностью закрывающих небо огромных

деревьев и интенсивный синий сплошного ковра цветущей травы повсюду. Этот потрясающий контраст и роскошная насыщенность так поразили меня, что на долю секунды я даже отвлеклась от собственного положения. Осторожно коснулась пальцами сотен и сотен крошечных соцветий, создающих эффект пролившегося на землю неба.

— Вставай, голем, не испытывай терпение деспота, — тихо повторил Алево, возвращая меня в действительность.

— Почему ты меня так называешь? — голос ломался, и слова продирали горло, но я уже могла говорить, и это принесло некоторое облегчение. — Мое имя Анна.

— Имена есть у людей, даже у животных. А у вещей есть название, и твое — голем, — совершенно без всякого выражения пояснил мне Алево, так, словно приговор зачитал.

Я глянула на Григория в недоумении, но он уже отвернулся и отошел к двоим своим сидящим друзьям и что-то говорил им, скупно жестикулируя. Моя дезориентация была полнейшей, миллион мыслей кипели в голове, и ни одна пока не могла обрести четкую форму. В какой долбаном сюрре я очутилась?

— Что ты городишь?! Где мы вообще, и почему Григорий напал на меня? Что вообще тут про...

— Это был первый и последний вопрос, на который я ответил до тех пор, пока ты не подчинишься, — оборвал меня Алево и уставился выжидательно и угрожающе одновременно. — И тебе следует отныне обращаться к нему деспот Грегордиан, если, конечно, будет вообще позволено обратиться. А теперь вставай!

Закусив губу и опираясь на дерево за спиной, я все же заставила себя подняться. Тут же желудок снова скрутило, а в голове поплыло, но спустя полминуты дурнота отступила, и я выпрямилась.

— Ты поразительно быстро адаптируешься, — прокомментировал блондин, глядя на меня с любопытством, но не как на человека, а как на некоего занятного зверька, что ли.

— Потому что через связь берет силу у меня, — Григорий сказал это, будто презрительно выплюнул, глядя только на Алево, так, словно я была невидимкой, и швырнул ему толстую веревку. — Свяжи ей руки и дай мне конец.

— Какого черта! — я едва успела сделать шаг в сторону, как Алево оказался у меня за спиной, обхватывая и полностью блокируя, а обе мои руки оказались в его железном захвате и быстро были скручены впереди. Я вырывалась, пиналась и даже пробовала укусить, но он как будто и вовсе не замечал моих смехотворных усилий.

— Вы что, совсем ненормальные? Зачем меня связывать? — задыхаясь от напряжения, возмущенно закричала я, стараясь освободиться, отчего веревка только больно впивалась в кожу. — Разве я пыталась убежать?

— Если ты отойдешь от нас, то не проживешь и пяти минут. Тут же найдется кто-то, кто освежает и сожрет тебя, — с усмешкой ответил Григорий и чуть дернул конец веревки, который ему подал Алево. — Так что это не средство от твоего побега, а способ указать на твое новое положение. К тому же веревка будет причинять тебе дискомфорт и неудобство, и понимание этого поможет мне хоть как-то бороться с желанием растерзать тебя сию же минуту за все, что ты сделала.

— Да что я тебе сделала? — слезы подступили к глазам, но я отказывалась давать им волю. — Это ты преследовал меня, напал и едва не убил и теперь еще намерен издеваться! Чем я это заслужила?

Но отвечать мне никто не собирался. Григорий просто развернулся и пошел вперед, вынуждая меня волочиться за ним по пятам, как собака на привязи. Рыжий и красавчик двигались впереди и чуть по бокам, а Алево замыкал наше шествие, дыша мне в спину.

Веревка, в принципе, не слишком давила на запястья, но Григорий шел быстро, и я, хоть и обливалась потом и почти бежала, все равно отставала, и тогда он дергал поторапливая. От этих рывков грубая текстура веревки быстро растерла мне кожу, и все стало действительно мучительно. Но я держалась сколько могла, не собираясь радовать этих мерзавцев своими жалобами, и только внимательно смотрела по сторонам, ища хоть какие-то признаки цивилизации. Но заросли, сквозь которые мы продирались, сменялись лишь другими зарослями еще гуще, и цветочный ковер под ногами стал менять оттенок с лазурного на сиреневый. Просто какие-то проклятые джунгли. Как мы могли оказаться здесь, ведь я вряд ли была без сознания больше часа? Кто они вообще такие? Торговцы людьми, и «голем» это какое-то кодовое название для вот таких, как я, дур, попавших им в руки? Но это же глупость какая-то! Тогда в доме я видела женщин намного моложе и красивее меня, но никого из них тут нет. Тогда что, это что-то действительно личное между мной и Григорием? Но что я такого сделала ему на самом деле? Оскорбила до глубины души отказом? Но постепенно усталость, боль во всем теле, особенно в сведенных в одном положении плечах и жуткое жжение в запястьях стали единственным, о чем я могла думать, и в голове сквозь подступающий туман истощения запульсировало «за что, за что мне это?».

Споткнувшись в очередной раз, я рухнула на колени, и Григорий грубо рванул веревку, и моей выдержке пришел конец.

— Хватит! — заорала я от вырвавшегося гнева, подстегнутого мучениями. — Что бы я тебе там не сделала по-твоему, кто дал тебе право так обращаться с таким же человеком, как ты?!

Григорий остановился, но даже не соизволил обернуться.

— Дважды ошибка, голем, — сухо ответил он. — Ты не человек, да и мы не люди.

Я обвела всех мужчин взглядом, но никто из них не смотрел на меня, и нигде я не увидела даже тени сочувствия.

— Вот именно, потому что вы жестокие бессердечные уроды! — и прежде чем я договорила, была вздернута с земли и оказалась лицом к лицу со взбешенным Григорием, вцепившемся в мои волосы на затылке.

— Уроды? — зарычал Григорий у самого моего рта, и, несмотря на боль и ненависть, которую он сейчас у меня вызывал, стало невыносимо жарко. — А совсем недавно ты прикидывалась, что я тебя привлекаю. Это ведь и был твой план? Соблазнить меня и создать связь, чтобы присвоить ворованную душу?

— Ты абсолютно ненормальный! — выкрикнула, ударяя и пихая связанными руками ему в грудь. — Я понятия не имею, о чем ты говоришь! Но я точно знаю, что больше и шагу не в силах ступить!

Григорий не просто отпустил, а почти отшвырнул, словно прикосновение ко мне обжигало его.

— Разбивайте лагерь, — отдал он приказ. — Скоро сумерки.

Он, бросив веревку, пошел быстро вперед, вскоре исчезнув в сплошной зелени, а я просто повалилась на землю, думая лишь о том, как не стонать в голос или не разрыдаться.

Процесс разжигания костра и установки пары легких палаток прошел мимо моего сознания. Вопрос о том, откуда им было взяться, если все шло налегке, обвешанные только некоторым количеством холодного оружия, не волновал меня в нынешнем состоянии. Я смогла немного собраться, когда некоторое время спустя появился Григорий с тушей непонятного животного на плече и сбросил ее у костра. Его присутствие будто моментально наэлектризовало воздух вокруг меня, заставляя перебороть себя, скрыть общее разбитое состояние и сесть прямо. Он снова, казалось, не глядел на меня, но я абсолютно точно ощущала тяжесть его взгляд на своем затылке или между лопаток, стоило отвернуться и посмотреть в сторону. И хотя я по-прежнему была сплошным средоточием вопросов, решила вести себя точно так же. Старательно делать вид, что его тут нет. Вообще никого из них. Но при этом до звона в голове прислушивалась к словам, надеясь выудить что-то полезное для себя. Бесполезно. Григорий вообще сидел молча, словно истукан, а остальные обменивались сухими короткими фразами по существу, разделявая тушу, насаживая ее на вертел и вбивая для него ножки. Вскоре мясо вращалось, капли сока и жира с шипением падали в огонь, распространяя умопомрачительный запах.

— О Богиня, как же я скучал по этому! — громко сказал рыжий, с наслаждением принявшись, — Ничего из мира Младших не может сравниться с этим!

И он сверкнул в мою сторону злым взглядом. Перед ним я тоже в чем-то провинилась? Каким-то образом препятствовала веселым пикникам на природе с приготовлением свежеебитых зверей на огне и не в курсе об этом?

Есть хотелось очень-очень сильно, да урчащий звук в животе недвусмысленно намекал на затянувшуюся пустоту. Но просить этих мерзавцев о пище и воде я принципиально не хотела. Может, и глупо, но я не готова сейчас к новой порции их бреда и унижений в качестве приправы к еде. Однако, когда от костра запахло особенно насыщенно, мой желудок заурчал просто оглушительно.

— Заткнись, предатель, — шепотом пробормотала я себе под нос. — Одна из частей моего тела тоже навязывала свою волю мозгам, и посмотри, где мы оказались!

— Голем, перейди ближе к костру, — Алево сказал это как бы невзначай, но так, что сомнений, что это приказ, не возникало. — С приходом ночи тут блуждает много любителей крови и плоти.

Я пристально всмотрелась в лес вокруг, который и правда с наступлением сумерек становился сплошной стеной непроглядной тьмы, в которой кто-то явно передвигался, охал, повизгивал и издавал еще тысячи новых звуков, способных в другое время довести такое дитя города, как я, до истерики. Но сейчас, когда передо мной была опасность более реальная, гипотетические чудища из темноты не особо пугали меня. Поэтому я проигнорировала блондина и осталась на месте. Однако темнота наступала стремительно, и шумы в лесу становились все громче и ближе. Я их просто не слышала днем, потому что как-то не до того было, или и правда ночь здесь время особого оживления? В этот момент где-то вдаль раздался такой душераздирающий визг, что у меня волосы зашевелились. За ним последовал короткий очень низкий рык, а затем все стихло. Оглянувшись на мужчин, я увидела, что они вскочили и тоже всматриваются в темноту.

— Ноггл, — сказал Алево и, нахмурившись, глянул на Григория.

— Сегодня он, по крайней мере, уже раздобыл себе пищу, — цинично усмехнулся тот в ответ. — Выслежу и прикончу его завтра. Терпеть ноггла в своих пределах я не собираюсь.

— И то верно, деспот, — согласился красавчик. — Потому что, если это самка, то, промедлив, мы получим пару, а потом и целую стаю этих тварей.

— Я не нуждаюсь в напоминаниях, Хоуг, — презрительно отмахнулся Григорий. Какой же он все-таки заносчивый сукин сын, и, похоже, это не только меня касается. Не то чтобы подобное знание принесло мне хоть какое-то облегчение.

— Голем! — снова окликнул меня Алево и указал рукой, в которой держал длинный узкий клинок, на место у костра рядом с собой.

И в этот раз я не стала упрячиться и пререкаться. Какими бы мудачками не были эти четверо, сожрать меня они точно не собирались в отличие неизвестного существа, о вместительности желудка которого я не имела понятия.

Усевшись на одно из бревен, разложенных вокруг огня, момента появления коих я тоже не заметила, я упрямо усталилась в огонь, потому что Григорий оказался прямо напротив. Тут же мне на колени плюхнулось что-то плоское и холодное. Это была похоже фляга, но, само собой, не простая армейская цвета хаки. Серебряные бока сосуда сплошь покрывала выпуклая чеканка с чернением, превращающие ее в предмет искусства, а не вещь обычного обихода.

— Будешь рассматривать или пить? — насмешливо спросил Алево.

Я хотела отказаться. Честно. Но с другой стороны, если вдруг что-то изменится, и у меня появится шанс, не хочу шататься от обезвоживания. Мне случалось слышать выражение «вкусная вода», но никогда не понимала особой разницы. Первый же глоток открыл для меня, что утолением жажды можно по-настоящему наслаждаться. И дело даже не в многочасовой жажде, а в том, что жидкость в этом сосуде просто не должна называться водой. Это нечто потрясающее. У меня буквально глаза закатились, и я не смогла сдержать долгий удовлетворенный стон, упиваясь каждой каплей. И поэтому грубый выкрик Григория «Хватит!» действительно напугал меня.

— Нормальная реакция, у нее же это впервые, — сказал рыжий, как-то странно ухмыляясь.

И теперь они все смотрели на меня. Алево, рыжий, красавчик — с любопытством и даже каким-то предвкушением. А вот Григорий так, будто я самое ненавистное существо на свете.

— Я сказал, хватит! — от тона Григория, казалось, похолодало разом градусов на двадцать.

— Да, деспот! — Алево тут же отобрал у меня флягу, и я почувствовала безумное разочарование, ведь я могла бы пить эту воду вечно.

А в следующую секунду мир вдруг сорвался с цепи. Что-то с сокрушительной силой ударило меня в спину, и я полетела лицом прямо в костер. Ослепительная боль в коже головы, снова моя бедная шея вспыхивает огнем, а потом я лечу, отброшенная рукой, абсолютно точно зная, что Григория, в сторону от пламени, уже лизнувшего мои волосы. Ударяюсь спиной о дерево и слепну и глохну на какое-то время. А когда снова могу видеть и слышать, там же, где я только что сидела перед костром, происходит что-то безумное. Два огромных существа, сцепившись клубком, катаются прямо в кострище, явно пытаясь убить друг друга. В сторону летят угли и

бревна, а так же и мои нежеланные спутники, раз за разом пытающиеся подступиться к свирепствующим чудовищам. В нос ударяет вонь паленой шерсти, рычание, ругань и вопли, настоящая музыка необузданной ярости и жестокости. Света от углей стремительно становится все меньше, и я уже ничего не могу разобрать, кроме смутных теней. А потом этот крик, почти плач. Несомненно животный, но пробирающий до мозга костей окончательным отчаянием, не оставляющий сомнения — это последний звук, который существо издает в жизни. Темнота становится еще гуще, и я сижу, вслушиваясь и не имея не малейшего представления, чем же закончилась схватка и что за судьба меня ждет. А потом что-то большое мощно выдыхает прямо мне в лицо, и горло сводит от подавляемого крика, а нутро сворачивает узлом от первобытного ужаса. Одна из тех огромных тварей прямо передо мной. Я могу видеть только белки глаз и гигантские клыки, влажно поблескивающие в этой вселенной тьме окружающей меня. Не двигаюсь и даже не дышу, а вот чудовище щекочет прикосновением мою щеку и вдыхает шумно и протяжно. Раз, потом еще, будя во мне море воспоминаний и абсолютно невозможную, противоестественную сейчас реакцию. Мое тело не просто греется — оно вспыхивает, словно пропитанное насквозь горючей жидкостью. Я больше не могу сдержаться и хватаю полные легкие воздуха пропитанного запахом крови, гари и еще чего-то мучительно знакомого и экзотического, от чего в голове все срывается в сумасшедшее кружение. Я знаю этот аромат. Так пахнет для меня неуправляемое вожделие, лишаящий воли страх, а теперь еще и ненависть. Монстр издает странный долгий звук — низкий глубинный рокот, едва слышный, абсолютно лишенный угрозы, с которым каждая моя клетка вступает в поразительное взаимодействие, отзываясь, как струны на нежное прикосновение пальцев мастера. Вздохнув еще раз, зверь опускает свою тяжеленную голову мне на колени, уткнувшись в низ живота, и снова втягивает воздух, но теперь уже жадно и отрывисто, и настойчиво трется, вдавливая в дерево позади до хруста костей. Вдруг резко отстраняется, и тут же костер вспыхивает снова, резко взметнувшись на несколько метров ввысь и заставив меня зажмуриться. А потом я вижу все. Алево, рыжего и красавчика, стоящих в нескольких шагах над здоровенной кучей меха, бывшей еще недавно существом, едва не угробившим всех. И Григория — прямо передо мной. Совершенно обнаженный, покрытый ранами, кровью и копотью, он сидит на корточках, наклонившись ко мне, и смотрит в лицо так, словно может думать лишь о том, как вцепиться в горло.

Глава 33

Несколько секунд я продолжаю судорожно искать взглядом гигантского монстра рядом или за спиной моего бывшего любовника, совершенно не анализируя, что боюсь за него едва ли не больше, чем за себя. Но чудовища нигде нет, и реальность накрывает со всей беспощадностью. И снова это двойственное состояние сознания, которое стало уже постоянным спутником всех моих взаимодействий с этим мужчиной. Что-то, какая-то глубинная, наделенная первобытной интуицией часть меня прекрасно осознает, чему я стала свидетельницей, и смертельно напугана, но при этом и до удушья возбуждена и заворожена мистической значимостью момента откровения. Другая — рациональная — отказывается знать, точнее, признавать и пытается выстроить стену из отрицания и даже отвращения, упрямо цепляясь за привычную природу и логику вещей и выискивая опору для отторжения очевидного.

В планы Григория не входит предоставление мне времени для полного понимания, потому как оно нужно ему для очередных нападков на меня.

— Считаешь меня совсем тупым животным, голем, если надеешься, что это сработает? — презрительно кривит он губы.

Вообще-то я еще в полной протрации, и единственное четкое ощущение — что мое

здравомыслие и способность еще хоть как-то себя контролировать висит на тончайшем, натянутом до предела волоске. Но, видимо, успела опять неизвестно в чем провиниться.

— Сработает что? По-твоему, этот зверь напал из-за меня? — недоуменно смотрю я на пылающего гневом Григория.

— При чем тут ноггл? — Григорий дергает головой, будто речь не о чудовище размером с призового быка, а о назойливом насекомом. — Твоя очередная попытка соблазнить меня просто смехотворна!

Да что, черт возьми, не так с головой у этого мужика?

— Соблазнить?! — не в силах больше сдерживаться кричу я, потому что внутри что-то с пронзительным звоном лопнуло. — Да о чем ты говоришь? Какая женщина в своем уме, еще не придя в себя от нападения жуткой твари, захочет соблазнить психа, который только и делает, что нападает на нее, причиняет боль, оскорбляет, лишил свободы, да к тому же вообще не человек.

Лицо Григория искажается на долю секунды, как от боли, отчего шрам становится как будто многократно глубже и больше, а потом он оскаливается, действительно по-звериному, но, наверное, запасы моего страха временно истощены, потому что я отказываюсь даже опустить глаза.

— Женщина, может, и не захочет. Но ты — коварный и вероломный голем, желающий сохранить свою жизнь любой ценой! — он швыряется в меня словами, явно стремясь нанести максимальный ущерб, но у него ничего не выходит.

— По-прежнему понятия не имею, что значит это проклятое слово, и не считаю постыдным желание выжить несмотря ни на что! И кем бы там, по-твоему, я ни была в твоих извращенных фантазиях и чего бы ни добивалась, секс с тобой точно не является моим приоритетом! Я тебя не хочу и не захочу даже сто лет спустя!

Если я думала, что мужчина не может выглядеть более злым, то точно ошиблась. Даже воздух начинает густеть и искрить от гнева, исходяемого каждой порой огромного тела напротив.

— Это только подтверждает мою уверенность, что вся та податливость раньше и запах возбуждения всего лишь ловушка, дурман, на который я попался однажды. Но ты зря истекаешь влагой, голем, это больше не действует на меня!

В глубине сознания снова взывает тревожная сирена, предупреждающая меня прикусить язык. Ведь, если подумать, меня только радовать должна потеря интереса ко мне, но тут мой взгляд совершенно неудачно опускается на пах Григория, и наружу вырывается огрызающаяся до последнего стерва вместо столь нужной сейчас смиренно молчащей овцы.

— О, прекрасно! — выкрикивая я ему в лицо, сжимая кулаки. — Значит, твой стояк вызвала эта бешеная зверюга, и он не имеет ко мне никакого отношения, чему я несказанно рада! Ты — последнее существо в этом мире, которому я бы позволила до меня дотрагиваться!

— В самом деле? — Из-за низкого вибрирующего рыка вопрос вышел почти неразборчивым. Григорий подался ко мне еще ближе, так что наши лица почти соприкасались, и мое дыхание стало поверхностным, потому что его энергетика буквально расплющила меня о ствол дерева, выжимая до капли воздух, хотя он нигде не коснулся меня. Показалось даже, что я отчетливо слышу, как мои ребра с отвратительным хрустом ломаются одно за одним, не выдерживая

этого напора, протыкая насквозь легкие и заставляя их истекать кровью. Я попыталась закричать, но могла лишь безмолвно открывать рот, подобно умирающей рыбе.

— Деспот, нам восстановить лагерь на прежнем месте, или ты предпочтешь другое? — ворвался в убивающее меня пространство равнодушный голос Алево, и неумолимый пресс исчез, когда Григорий резко повернул голову в его сторону, снова свирепо оскаливаясь, будто только что вспомнил, что мы не одни.

Выражение лица его разительно изменилось. Казалось, его раскаленное бешенство кто-то выключил по щелчку пальцев. Пару секунд он казался убийственно спокойным, ровно до того момента как ухмыльнулся так зловеще, что все остатки моей злой отчаянной отваги, выжившие под смертоносным давлением, испарилась мгновенно, а нутро мелко затряслось от дурного предчувствия. Не знаю уж почему, но взбешенный Григорий пугал меня меньше, чем вот такой как сейчас.

— Мне глубоко плевать на твои желания, голем, но не могу же я допустить, чтобы твои усилия снискать хоть чью-то благосклонность пропали даром.

Он поднялся, явно нисколько не переживая о своей наготе, и пошел в сторону безмолвно стоящих остальных мужчин.

— Возьмите ее, — бросил он, небрежно проходя мимо них. — Делайте, что хотите, но не калечьте, не истощайте. Она должна завтра идти.

— Что? — От понимания и хищных улыбок, расплзшихся на лицах рыжего и красавчика, меня прошило разрядом чистого ужаса. — Ты не посмеешь! Ублюдок!

Рыжий оказался рядом мгновенно и схватил меня за волосы, вздергивая на ноги.

— Не смей так говорить с деспотом, ничтожная тварь! — зашипел он мне в лицо.

Но я вывернулась в его захвате, наплевав на боль.

— Ты обещал мне, что никто меня не коснется без моего желания, — заорала я вслед исчезающему в темноте Григорию, и он остановился, впрочем, не оглядываясь.

— Слово, данное человеческой женщине, недействительно относительно голема, — небрежно бросил он и шагнул дальше.

— Слово, данное мужчиной, не должно иметь обратной силы, не важно, кому оно дано! — слезы отчаяния уже рвались наружу, вот только я прекрасно понимала, что никого они не разжалобят.

Глава 34

— Да ладно, голем, расслабься! — насмешливо похотливо пробормотал красавчик у самого моего уха, а ведь как он подошел, я даже не заметила, сосредоточенная на Григории. — Тебе понравится, обещаю. Со мной уж точно.

Он бесстыдно прижался к моему боку и потерся уже твердым членом о бедро, очень нежно обхватывая пальцами мой подбородок в противовес грубому захвату рыжего. И это почти ласковое касание снова спустило с поводка мою отчаянную злость. Я отказываюсь плакать, умолять и показывать, до какой степени это унижает и разрушает меня.

— Если уж отдал меня на потеху своим друзьям, то почему не останешься посмотреть на шоу, Гриша?! — прокричала я в темноту, в которой он уже исчез, но знаю, не мог не слышать. — Знаменательное событие, мое первое групповое изнасилование!

— Нашла чем удивить деспота, — презрительно фыркнул сзади рыжий и, дернув ворот моей блузки, больно вонзил зубы в кожу над ключицей.

— Через пару минут ты станешь извиваться и умолять нас продолжить, милая, — мягкий чувственный шепот красавчика воспринимался еще более изощренным издевательством, чем грубость рыжего. — Какое же тут изнасилование, если ты будешь наслаждаться как никогда в жизни.

Я закусила губу и закрыла глаза, признавая поражение и стараясь уйти в себя. Кто-то написал, что человек способен выдержать что угодно. И я собираюсь это сделать и не позволю уничтожить меня. Я смогу.

Рыжий рванул ткань, обнажая мою грудь перед стоящим впереди мужчиной, и тот, не теряя времени обхватил ее двумя руками, настойчиво, но не грубо потирая соски сквозь белье, и моя решимость дала огромную трещину. Обжигающая влага потекла по моим щекам, и, несмотря на сжатые намертво зубы, тело затряслось от безмолвных рыданий. Этого не может происходить со мной! Сейчас это исчезнет, развеется просто потому, что по-другому и быть не может. Но когда рыжий бесцеремонно сунул широкую ладонь под пояс моих джинсов и надавил, вынуждая тело непроизвольно дернуться от отвращения, осознание неизбежного накрыло меня окончательно. Мне стало плевать на гордость и последствия, и я забилась в руках мужчин, рыдая и вопя, надсаживая горло, не обращая внимания, что рву свои мышцы, а они и не замечают этого.

— Сандалф, Хоуг, уберите руки от нее! — повелительный голос Алево прорвал сплошную пелену моей истерики.

— Архонт отдал ее нам, Алево! — агрессивно огрызнулся рыжий, сдавливая меня под грудью так, что чуть не переломил. — Хочешь кусочек — подожди, пока мы закончим!

— Пожалуйста! — мне было плевать, насколько жалкой я выгляжу, умоляя ненавистного Алево, но он даже не взглянул на меня, сверля глазами рыжего.

— Не будь полным идиотом, Сандалф! Отпусти голема и отойди! — блондин не повысил голос и не поменялся в лице, но захват на моих ребрах вдруг ослаб. — И надейся, что на ней не задержится твой запах! Ты ведь видел все сам!

После секундной заминки рыжий совсем отпустил меня. Ноги не держали, и я просто осела на землю и тут же попыталась отползти, все еще содрогаясь всем телом от рыданий, совладать с которыми была не в силах.

— Да во имя Богини, почему ты нас останавливаешь! — отказывался, однако, уняться красавчик и сел рядом, хватая меня за руку вроде и не грубо, но однозначно давая понять, что отпустить не намерен.

От моей судорожной попытки лягнуть он с легкостью уклонился, продолжая цепко сжимать запястье.

— Подумай головой, а не членом, Хоуг, — рыкнул на него уже рыжий. — Алево прав. Что, если

деспот вернется сюда в животном облике? Я хочу сохранить свою голову на месте, чего и тебе желаю.

— Но ведь это взрослый голем! — возражал шатен. — Ты думаешь, нам еще выпадет такая возможность?

— У нас вообще никаких возможностей не будет, если мы сдохнем! — рыжий говорил, как отрезвляющие оплеухи раздавал. Не только своему дружку, но и мне. Под их действием отчаянное безумие стремительно сходило на нет. Так, словно я интуитивно знала, что плакать, биться и рваться прочь — это только разжигать аппетит хищников.

— Но он сам нам позволил! — Хоуг гнул свое скорее капризно, чем уверенно. — Даже приказал! Кто мы такие, чтобы послушаться!

— Мы с Сандалфом — творения Богини, способные видеть перспективу и думать рационально, — насмешливо ответил красавчику Алево. — А ты кто, друг мой?

Недовольно ворча, мужчина, наконец, отпустил мою руку и, грациозно вскочив, ушел в сторону костра, даже не оглядываясь больше. Мне хотелось кричать от облегчения.

— Лучше бы ее вымыть, — недовольно скривившись, сказал рыжий и последовал за своим подельником.

— Он прав. Поднимайся голем! — холодно скомандовал Алево, и я даже не подумала ему возразить.

— Спасибо! — голос сел, и вышло едва слышно, но мужчина прекрасно расслышал меня.

— Не обольщайся, я сделал это не ради тебя, а ради моего деспота, который, пребывая в гневе, склонен принимать опрометчивые решения, и для сохранения жизней по-настоящему преданных ему воинов. Их не так уж и много, чтобы терять из-за сомнительного сиюминутного удовольствия поиметь такую экзотику, как полновозрастный голем.

— Мне плевать почему, — покачала я устало головой, ощущая, что сейчас сглотну практически что угодно. — Я знаю, что ты мне не друг и никогда им не будешь. Но все равно спасибо.

Алево нахмурился и смотрел как-то странно, будто мог видеть меня совершенно без кожи, но от общей усталости у меня не было ни желаний, ни возможностей как-то уклониться или закрыться от этого препарирования.

— Между прочим, я предлагал тебе быть послушной и иметь меня в качестве союзника, — напомнил он, сохраняя свой невозмутимо-ледяной тон.

— С того момента все сильно поменялось, — возразила, на самом деле ощущая, что события даже всего лишь суточной давности кажутся бесконечно давними и смутными.

— Не настолько сильно, как тебе может показаться, голем. Ты по-прежнему нужна моему архонту, возможно, больше, чем он пока сам осознает и готов принять. Так что мое предложение в силе.

Алево однозначно выдал свою заинтересованность, и, будь во мне сейчас хоть капля физических или психических сил, я бы, безусловно, затеяла чертов аукцион — кому выгоднее. Но я была вымотана, прямо-таки выжата досуха. Все, что могу — это вяло препираться, даже

не отдавая себе полный отчет зачем.

— Ты не делал мне предложения, а поставил ультиматум, — сочла нужным напомнить я блондину.

— Не вижу разницы, — небрежно отмахнулся он. — Я дал тебе выбор — покорность или смерть. Сейчас все изменилось, но не радикально. У тебя все так же есть выбор. Покорность или масса неприятностей.

Алево сделал странный жест, обозначающий то ли «добро пожаловать в новую говенную реальность», то ли «недовольна — пошла на хер, конкурс на место миллион одна»! Да только даже вымотанная в край я на это не куплюсь.

— Это несправедливо и отвратительно, — покачала я головой. — Этот ваш деспот не смеет распоряжаться мною!

Перемещения Алево я опять даже не смогла уловить. Вот только стоял в паре шагов и уже прямо лицом к лицу.

— Это ты не смеешь проявлять неповиновение и подрывать авторитет Грегордиана перед посторонними! — В мозг словно сотни игл вогнали и стали проворачивать в произвольном режиме. — И если продолжишь так поступать, я буду первым, кто станет добиваться твоего смирения любыми средствами, которые превратят тебя в руины. Если ты так плохо понимаешь намеки, то прямо скажу. Пока ты интересна деспоту и угождаешь ему — ты жива, и неудобства сведены к минимуму. В противном случае...

За последние сутки у меня прямо передоз всяких угроз. Но Алево нельзя было игнорировать. Об этом вещал буквально весь эфир вокруг нас, и я решила принять долбаные правила. Пока так, потом посмотрим.

— И что я должна делать? — В глаза ему при этом смотреть меня никто не обязывал.

— Для начала четко осознать свое место в нашем мире, — тон Алево стал скорее деловитым, нежели заносчивым.

— Ну и где же это самое место, и главное — что это за мир такой? — Вторая часть вопроса была больше насмешкой.

— Приветствую тебя в окраинных землях Закатного государства в мире Богини Дану, голем! — с почти чрезмерным пафосом провещал блондин.

— И где же это на карте? — выдержав паузу, спросила я.

— Из тех, что тебе приходилось видеть — нигде!

Недоумения почему-то не появилось, но и сомнений, что сказанное — правда, тоже. Существование некоего государства, находящегося неизвестно где, — не самое удивительное из череды последних событий.

— И каково же место таких, как я, в этом вашем государстве? — несмотря на то что редкие всхлипы еще вырывались, у меня в голове воцарился максимально возможный в этих обстоятельствах порядок. А может, это уже подступает апатия после всех потрясений.

— Не думаю, что здесь найдется еще хоть один взрослый голем, — Алево пошел в сторону костра, и я волей-неволей последовала за ним. — Так что ты в своем роде уникальна. Хотя для тебя это не меняет ничего в принципе.

— Я рабыня?

— Рабыня? Нет, голем, мы не держим рабов и никогда не держали. Эта варварская практика сугубо прерогатива мира Младших. — Я открыла рот, чтобы возразить, но Алево сделал предупреждающий жест рукой. — Ты вещь — целиком и полностью принадлежащая архонту Грегориану.

— Ты хоть понимаешь, насколько аморально и преступно называть человека чьей-то вещью? — отдаю себе отчет в том, что сотрясаю воздух впустую, но и промолчать не могу.

— Абсолютно с тобой согласен в этом моменте. Но хочу тебе снова напомнить, что ты — голем, а не человек. А это все меняет.

— Что значит это чертово слово, которым вы меня все время называете? — уже потребовала ответа я.

— А то ты не знаешь? — блондин остановился и опять посмотрел на меня так, изучая подобно жестокому исследователю, что живьем снимает кожу и мышцы слой за слоем до самых костей, не обращая никакого внимания на боль, причиняемую в процессе.

Но в этот раз я нашла силы отгородиться от собственных ощущений, хоть и не спрятаться от самого расчленения.

— Не имею ни малейшего понятия.

Алево прищурился, еще усиливая эффект, так что на короткий миг мне показалось, что и в костях он сверлит дыры, желая добраться до сути, а мозг стал просто подушечкой для сотен и сотен иголок, пребывающих в постоянном движении. Но резко это все закончилось, позволяя мне громко и облегченно вздохнуть.

— К сожалению, я не могу понять, лжешь ли ты, — на бесстрастном лице мужчины появилась мимолетная досадливая гримаса. — Ладно, даже если ты просто искусно притворяешься и прекрасно знаешь о чем речь, то выходит очень натурально. Так что я потрачу немного своего времени и объясню. Но вначале... — Алево сделал плавное движение головой, и на прежнем месте появились палатки, которые разметало во время поединка с чудовищем, и указал мне на ближнюю: — Зайди.

Я застыла, понимая, что не могу найти этому логического объяснения, но и на бурную реакцию на давящую трещину реальность просто нет сил. Поэтому я без особых колебаний откинула в сторону плотный полог перед входом и шагнула внутрь. И опять же отказалась обмереть от шока, когда небольшая вроде палатка оказалась огромной, богато оснащенной и ярко освещенной изнутри. Алево посмотрел сосредоточенно, и посреди устланного роскошными коврами пространства появилась парующая бронзовая ванна на высоких витиевато гнутых ножках.

— Это магия? — Наверное, мой вопрос не имел смысла, ведь и так все очевиднее некуда.

— Ну, мы ее таковой не считаем. — Могло и показаться, но в тоне блондина сквозило

самодовольство. — Это дар нашей Богини некоторым из своих многочисленных детей и творений. Создавать все необходимое на ограниченный срок.

— То есть это иллюзия? — я посмотрела внимательней, надеясь увидеть признаки эфемерности всего окружающего.

— Раздевайся и забирайся в воду. Испытай, так ли это. — Это можно было счесть предложением, если бы не тяжелый взгляд, дающий понять, что выбора у меня нет.

— Ты не отвернешься? — Могла и не спрашивать.

— Я видел тебя голой и даже более того. Возможно, увижу еще неоднократно. Привыкай. В нашем мире не нагота и секс являются интимными вещами. — Кажется, я начинаю привыкать к этой равнодушной манере блондина общаться. В конце концов, такое безразличие безопаснее, чем постоянная агрессия Григория и похоть его остальных прихлебателей.

Однако это не значит, что мне легко остаться перед ним обнаженной. К тому же я прекрасно понимаю, что заставить меня беспрекословно раздеться — это один из методов дать прочувствовать собственную незначительность и зависимое положение. Отвернувшись, я сняла разорванную блузку и лифчик и, закусив губу, заставила себя спокойно стянуть джинсы и белье. Глядя только вниз, забралась в ванну и едва не застонала, моментально ощутив неимоверное облегчение в каждой клетке тела. Тепло просочилось в меня, смывая боль в мышцах и даже частично в душе, хоть я и знала, что это сиюминутное действие.

— Итак, начнем с того, что же такое голем. — Алево выудил из воздуха удобное винтажное кресло и вальяжно развалился в нем. — Големы — это искусственно созданные организмы, чаще всего копии реальных детей, которых мы забираем из мира Младших.

— Забираете зачем? — напряглась я, но Алево мой вопрос проигнорировал и просто продолжил.

— Големы весьма недолговечны, потому что их предназначение быть неким откупом, жестом милосердия для родителей, у которых детей отбирают. Обычно они быстро угасают и умирают от каких-либо неизлечимых болезней в течение первых лет жизни.

Он сделал паузу и внимательно посмотрел на меня, как бы желая убедиться, дошла ли до меня инфа.

— В чем состоит милосердие, по-вашему? В том, что бедные родители наблюдают за медленным умиранием своего дитя? — мгновенная гримаса недовольства показала мне, что, по мнению мужчины, я задаю не те вопросы.

— Они имеют шанс проститься с ним, а не пребывать до конца дней в мучительных терзаниях о судьбе отобранного ребенка, — немного раздраженно ответил Алево, махнув рукой, будто ее отряхивал. — И у них есть тело для погребения, чтобы потом приходиться. Не совсем понимаю почему, но для людей это важно. И обсуждать это не собираюсь, потому что эти обычаи старше, чем у тебя вообще может уложиться в голове. С человеческой точки зрения это было всегда.

— Ты так и не сказал, зачем вы воруете детей. — Я опустила в горячую воду по самую шею и положила голову на бортик, косясь однако настороженно на блондина.

— Не ворует! Это избранные люди, и они уже в момент зачатия принадлежат не миру

Младших. Мы берем свое. Големы взамен — это лишь жест доброй воли. А к вопросу «зачем» мы перейдем позже.

По тону мужчины было уже очевидно, что я испытываю его терпение, и я сочла за благо пока отступить.

— Ладно, это опустим. Вернемся к другому. Ты сказал, что големы погибают в первые годы жизни. Но мне, на минуточку, уже под тридцать. И все из них я была собой, живым человеком, а не каким-то искусственным чурбаном с глазами! Что нас приводит к выводу, что големом вы меня обзываете совсем незаслуженно.

— Никакой ошибки не допущено. Голем не чурбан, как ты выразилась. Создают их магически, конечно, но они во всех отношениях живые и разумные объекты. Только без души, так как не были зачаты и рождены. Тебя оставили взамен человеческой девочки, которую забрали в наш мир. Но пользуясь некоей злонамеренной магией, душу того ребенка стали вытягивать в это тело, — Алево ткнул в меня пальцем гневно нахмутив брови. Видно, данная тема разрушала его обычную невозмутимость.

— Я не слишком-то понимаю, но это чересчур уж фантастично, — я возразила ему со всей возможной осторожностью, ведь мне нужен дальнейший диалог, а не вспышка ярости. — Как можно вытянуть чью-то душу?

— Я не колдун и всех тонкостей не знаю, голем. И ты даже представления не имеешь, на что способна магия. Не эта бутафория, — он мотнул головой, и вдруг все: и шатер с обстановкой, и ванна исчезли, и я на долю мгновения оказалась повисшей в воздухе до того, как все опять вернулось. — А истинная могущественная магия. Факт лишь в том, что первое время между ребенком и его големом сохраняется связь, так как для сотворения берут кровь оригинала. И благодаря этой связи некто сумел украсть часть души. Для такого у кого-то из твоего окружения должна быть масса решимости совершать тяжелые, истощающие обряды бесчисленное количество раз, упорство действовать годами без особой надежды на успех и готовность пожертвовать всем, даже жизнью ради победы. Так что, я думаю, ты легко сможешь догадаться, кто это был.

Мама. Конечно же это сделала она. Ведь больше по-настоящему близких людей у меня не было. Отец отгородился и переехал, обзаведясь новой семьей, когда мне было пять, не выдержав странностей ее поведения, которым теперь есть логическое объяснение. Как и тем еженедельным поездкам к необычной подруге, после которых я ощущала себя раздираемой каким-то внутренним давлением, а она выглядела измученной и опустошенной. Сердце заколотилось, а потом ухнуло в жидкий азот от главной догадки. Та самая последняя поездка, после которой мамы не стало...

— Боже, — я сжала виски и зажмурила глаза от ослепительно-безжалостного откровения, — этого не может быть! Я не собираюсь верить тебе!

Ложь! Я уже не просто верила, а абсолютно точно знала, что все это правда — жестокая и неприглядная. Мама отдала жизнь ради того, чтобы я жила, и это при том, что, если верить Алево, она в полном смысле слова матерью мне и не была. Но почему тогда?

— Как же так? — беспомощно уставилась я на мужчину. — Если вы оставляли големов в качестве жеста милосердия, разве не должна была моя мама понимать, что я не ее родной ребенок? В чем тогда смысл вообще?

Если бы мои слезы не иссякли раньше, я, может быть, и плакала, но сейчас просто хотела знать. Докопаться до сути того, почему моя привычная картина мира и жизни рассыпается в прах.

— Не должна. Случаи, когда матери видели подмену, хоть и редко, но бывали и раньше. В прежние времена от таких детей тут же избавлялись любым способом. Но с тобой этого не произошло. Причина, возможно, в снижении общего уровня религиозных страхов, в одержимости женщины, в случайно или намерено допущенной ошибке создавшего тебя гоета. — При этих словах глаза блондина сузились хищно и мстительно. — Как бы там ни было, факт твоего в принципе невозможного существования налицо. Как и всех проблем, которые за этим следуют.

— Моя мать не была одержимой! — я ударила кулаками по краям ванны, резко сев в ней, но совершенно не ощущая физической боли от ударов.

— Она не была твоей матерью! У тебя вообще нет матери! — Я подавила резкий болезненный выдох, вызванный беспощадными словами, ведь видела, что Алево сказал их нарочно.

— Это не важно! Как у тебя язык поворачивается называть одержимой женщину, у которой вероломно отняли самое дорогое в жизни, но она не захотела с этим безропотно смириться?

Резерв сил в борьбе за себя был вычерпан досуха, но не обо мне же речь. Какая разница, есть ли у меня право звать женщину, вырастившую меня, матерью или нет? Оскорблять ее за то, что она боролась за «свое», никому не позволено.

— Есть такие события, голем, которые просто должны случаться, потому что так нужно. И противостоять им — это только устраивать бардак в общей картине бытия и наносить непоправимый ущерб в тех сферах, о существовании и законах жизни коих простым смертным неизвестно. Посмотри, к чему привели действия твоей так называемой матери! Тебе нравится, что сейчас происходит? — Наверное, в этой тираде был просто предел терпения и наставлений, которых Алево мог потратить на меня. Его тон буквально прессовал меня, но здесь отступить полностью я была не готова.

— Ни в коей мере! Но если ты ждешь, что я стану сожалеть о том, что живу, а не лежу в могиле, то напрасно. Пока человек не умер, у него есть шанс что-то изменить! — я не огрызалась откровенно, но и не сдавалась.

— Ты НЕ человек! — рявкнул Алево так, что воздух замерз в легких и ванна исчезла, а я рухнула на пол, благо там был толстый ковер.

Мгновенно стало холодно, и я обхватила себя руками и подтянула колени к животу, хоть как-то прикрываясь от мужчины, который нависал надо мной, гневно сверкая глазами. Собрав решимость, посмотрела снизу вверх.

— Вещью я тоже себя признавать отказываюсь! — Обмерла, ожидая карательных санкций, но секунды шли, а их все не было.

Алево просто стоял и пялился на меня, а мне только и оставалось наблюдать, как злость на его лице сменяется насмешливостью, за которой прячется еще что-то более глубокое и нечитаемое.

— Знаешь, я, похоже, поторопился, заявив, что с той чокнутой упертой женщиной, устроившей весь этот беспорядок, ты не в родстве! — наконец желчно заявил он, и меня с головой накрыло

мягкой тканью, появившейся ниоткуда. — Ты точно ее дочь, если уж не кровная, то духовная. И это чудным образом может оказаться даже весьма полезным.

Когда я сдернула с головы пушистое белое покрывало и встала, Алево уже опять сидел, развалившись в своем кресле.

Мужчина склонил голову набок и снова цепко уставился на меня, но теперь уже совершенно по-другому, нежели раньше, и я ощутила невольное смущение и потребность завернуться в ткань плотнее. Чем тут же вызвала его усмешку, прозрачно намекающую, что эту смехотворную защиту он может отобрать в любой момент с такой же легкостью, как и дал.

— Чувствуешь себя как-то по-особенному? — недобро улыбнувшись, спросил он.

— Ты... ты пялишься на меня, — признала я очевидное.

— Точно, — с нескрываемым довольством подтвердил Алево. — И это то, к чему тебе стоит привыкнуть и выработать иммунитет. Большую часть времени ты будешь проводить среди таких, как я — асраи. А мы, если судить теми категориями, к которым ты привычна, чрезвычайно развратны, озабочены, неразборчивы и ненасытны. Это касается всего. Власти, богатства и в первую очередь секса. Плюс к этому, мы еще почти всегда лжем, обожаем манипулировать чужим сознанием и чувствами не только с корыстной целью, но просто так, из скуки или в силу пресыщенности. Нам абсолютно чужды принципы обычной для тебя морали, и все, что ты привыкла считать пороками, для нас является едва ли не достоинствами. Но Грегордиан не такой, как мы. В чем-то он более дикий и абсолютно необузданный, но испорченность моего племени ему всегда была в тягость, хотя существовать среди нас он и был вынужден постоянно.

— Зачем ты говоришь это? Мне нужно пожалеть его, бедняжку? — насторожилась и ошетинилась я.

— Нет, голем. Жалость будет фатальной ошибкой. И о моих возможных мотивах мы поговорим много позже. Или никогда. Но пока я хочу, чтобы до тебя кое-что дошло. Если ты планируешь выжить, то у тебя для этого есть лишь одна возможность. Сделать так, чтобы Грегордиан вернул тебя в свою постель, тем более, как бы ты сейчас не злилась и не пыталась солгать мне, ты сама этого желаешь до безумия. — Я открыла рот возразить, но Алево заткнул меня резким жестом. — И запомни еще одну вещь. Ты не можешь доверять никому из асраи. Никому и никогда.

— Даже тебе?

— Мне тем более! — цинично ухмыльнулся блондин. — Грегордиан — единственный твой возможный покровитель, надежда и защитник.

— Тоже мне защитник! — пробурчала я. — Только и смотри, чтобы не искалечил или не свернул шею.

— Другого у тебя нет и не будет. И если поддашься чьей-то иллюзии, потеряешь и его. А теперь просто ложись и спи. Завтра мы должны достигнуть границы болот, и не хочу, чтобы ты опять тормозила нас и ныла об усталости.

Мужчина указал на постель из целого вороха подушек и шелковых покрывал, и я, подойдя к ней, покосилась на него, желая знать, где намерен лечь он.

— О, не льсти себе! — похабно фыркнул Алево, перехватив мой взгляд. — Я, конечно, с удовольствием поимел бы тебя при других обстоятельствах, но не сейчас, когда это может обойтись так дорого. Опасность щекочет мне нервы и возбуждает, но не настолько.

Он развернулся и вышел из палатки или, правильнее будет назвать, шатра, и лившийся отовсюду свет погас.

— Это вам всем стоило бы настройки самомнения обновить, — тихо огрызнулась я, забираясь в грудь мягкого текстиля, но, видимо, слух у Алево был отменный, потому как до меня донесся его смех, больше похожий на пробирающий до костей сквозняк.

Глава 35

Заснуть после всего, несмотря на усталость, мне представлялось невозможным. Слишком много событий, переживаний, информации для осмысления. Да и к тому же как я могу быть уверена в собственной безопасности? Разве ткань шатра может защитить меня от множества опасностей этого пугающего мира — двуногих и не только? Но, прислушавшись, я вдруг осознала, что ни единый столь пугающий меня звук живого и кишачего угрозой леса не доносится снаружи. Ничьих голосов я тоже не слышала. Выскользнув из постели в полной непроглядной темноте, я осторожно пошла вперед, выставив перед собой руки. Но сколько бы ни кралась, достигнуть тканевого полога так и не получилось. Вместо этого я опять наткнулась ногами на ворох подушек и покрывал, куда и рухнула. Ну, а что я хотела? Что бы меня и правда оставили в палатке, откуда выбраться раз плюнуть? Хотя, что мне делать снаружи, я тоже не представляла. Вытянувшись, я позволила себе расслабиться физически, но только. Мысли же напоминали бесконечно кружащую карусель. Другой незнакомый мир, мое происхождение, которое я отказывалась принять или, точнее, смириться, Григорий с его метаморфозами, страх и загадки, наплодившиеся в голове от туманных разъяснений Алево... Но в какой-то момент мой разум, видимо, настолько устал, что сохранять сознание стало невозможным.

Сон мой был наверняка навеян словами Алево. Я видела себя снова сидящей на сплошном ковре из лазурных мелких цветов, что так восхитили меня. Шелковистые крохотные лепестки увеличивались и вытягивались на глазах, завораживая невозможной интенсивностью цвета. Не сдержавшись, я провела рукой по этой растительной роскоши и тут же отдернула ее, ощутив острую боль. Вся моя ладонь была покрыта сотнями маленьких, но глубоких порезов, а края лепестков обратились в бритвенно-острые лезвия. Моя кровь капала на великолепные растения и тут же исчезала, как будто те жадно поглощали ее, вызывая у меня приступ ужаса и отвращения. Все вокруг стало угрожающим, мрачным и хищным, даже лучи солнечного света, проникавшие сквозь яркую зелень крон, как вдруг померещилось, только и ждали возможности ранить и обжечь. Весь мир удивительных красок и буйства жизни, который я так часто видела в своих завораживающих снах дома, обратился средоточием угрозы, и его красота больше не восхищала, а ужасала таящейся за ней опасностью.

А потом появился зверь. Огромный и поистине жуткий внешне он вдруг как будто перенастроил всю полярность злобного совершенства вокруг, делая его снова лишь тем, что виделось, и ничем более. Он закружил около меня, нисколько не пугая, а давая впитать, насладиться своей устрашающей красотой. Его шерсть была цвета непередаваемой глубочайшей черноты, такой, что, казалось, алчно поглощает падающий на нее свет, ничего не возвращая ни единым отблеском, и лишь многочисленные белесые росчерки старых шрамов, рисунок и расположение которых были мне знакомы до боли, разбавляли ее. Очень короткая и гладкая, она не скрывала ни единого бугрящегося при плавном движении мускула зверя. Его окружала мощная аура силы, не только видимой, но и незримо вибрирующей прямо под кожей.

Той силы, что могла и постоянно желала вырваться наружу, сокрушая все вокруг, но мне не было страшно.

Монстр приблизился ко мне вплотную, а я лишь откинулась на землю, открываясь и позволяя изучать себя. И снова мягкий долгий рокочущий звук окружил меня, как ласка. Нежно щекотал кожу и вызывал чувственное покалывание сразу всех нервных окончаний, заставляя мое дыхание рваться и сбиваться, а тело наполняться до краев желанием. Зверь навис надо мной, огромные клыки оказались у самого горла, и я запрокинула голову, без боязни подставляясь под будоражащее скольжение этого смертельного оружия по моей шее. И как прежде это жадное поглощение моего запаха, так, словно ему никогда не будет достаточно, и я в ответ так же вдыхаю полной грудью, ловлю как можно больше, воскрешая в памяти прежние нюансы и запечатлевая новые. Голова как в наркотическом тумане — липком, сладком, обещающем скорую эйфорию. Мгновенная трансформация, и надо мной уже Григорий. Его взгляд такой же голодный, почти дикий, но лишенный ненависти. Низкий рокот зверя становится протяжным низким стоном мужчины, выдающим его потребность во мне. И настойчивая пульсация желания обращается сжигающей заживо похотью. Той самой, с которой я не в силах бороться, потому что ее удовлетворение важнее, чем возможность дышать. Сейчас между нами нет миров, реальных или выдуманных, нет различий и злобы, ничего, кроме этой обнаженной нужды в близости, убивающей своей безотлагательностью. Не могу вытерпеть отсутствие контакта больше и тянусь коснуться, но руки будто прикованы к месту. Прихожу от этого в отчаяние, а затем почти и в ярость, и выгибаюсь, извиваюсь всем телом, пытаюсь упереться пятками, борюсь со сковывающей тело непреодолимой тяжестью, но по-прежнему без результата. Я лишена настолько многого, что моментально срываюсь в истерику. Умоляю Григория коснуться, облегчить мои страдания, дать мне хоть каплю своего тепла. Нет, нет, мне недостаточно капли. Мне необходимо тонуть в нем, захлебываться в интенсивности и неумолимости его страсти. Но он только продолжает смотреть на меня неотрывно и теперь с оттенком бесконечной тоски и разочарования, сохраняя эту проклятую мизерную, но при этом бесконечную дистанцию.

Я плачу, мне больно от этого. Без остановки спрашиваю «зачем-почему-за что»? Но Григорий опять обращается зверем и, запрокинув голову, ревет так, что мое сердце останавливается. А потом исчезает, так же, как и сам мой сон.

Я открываю глаза и щурюсь от яркого света, проникающего сквозь полог надо мной, который сейчас почему-то не плотная ткань, а тончайшее филигранное кружево. Все внутреннее пространство шатра пронизано косыми лучами, создающими обманчивое ощущение радостного утра, но оно тут же исчезает, когда я вижу Григория, сидящего у меня в ногах. Он с комфортом расположился, развалившись на подушках, и, похоже, здесь уже давно. Все еще бесстыдно обнаженный, но уже без следов копоти, кровавых потеков, и даже свежих царапин на нем нет. И в его глазах опять плещется бескрайнее море гнева и презрения. Хотя на короткий миг я успеваю уловить еще что-то, родом из того прежнего нашего короткого времени вместе, которое теперь стоит стереть из памяти навсегда. Я осознаю, что щеки мои мокрые, а тело еще предательски трепещет и горит, но просто смотрю на него, ведь ничего не в силах сделать уже, чтобы скрыть пережитое во сне. Позволяю себе какие-то секунды побыть уязвимой и безнадежно влюбленной, как раньше, в эти жестокие серые глаза, во властный взгляд и изгиб губ, в этот ужасный шрам, в огромное сильное тело, виртуозно умевшее выжимать мое наслаждение до капли, в этого мужчину целиком. Представлять, что он не враг мне, ощущать его как прежде волнующей загадкой, а не смертельной угрозой, пока он не разрушил эту иллюзию первым же словом.

— Надо же, не знал, что големы способны видеть сны, — усмехается Григорий, подается ко мне и втягивает воздух, вызывая у меня этим удушливую и неуместную сейчас волну

воспоминаний. — Да еще, похоже, и эротические.

Я только сглатываю и молчу, и неожиданно приходят на ум слова Алево о том, что общая постель с Григорием — это мой единственный мой шанс на спасение. Но судя по презрительной усмешке нет у меня и этого шанса.

— Кто тот мужчина в твоём сне, что заставил тебя извиваться и истекать влагой, голем? — требует он ответа.

— Я не знаю, — сипло отвечаю я.

— Лживое магическое творение, — рычит Григорий, приближаясь еще, и мы практически оказываемся в том же положении, что и в моем сне, но при этом и близко не так. — Я слышал имя.

Его тело над моим обжигает жаром, манит обещанием краткого забвения в призрачном кайфе, и я просто закрываю глаза, чтобы не достичь дна унижения, выдав себя с потрохами после того, как он обращался со мной.

А потом чувствую движение воздуха, и пытка близостью невозможного заканчивается.

— Это ничего не изменит, — голос уходящего Григория глухой и даже какой-то надломленный. — Поднимайся. Нам пора идти. Каждому к своей судьбе.

От его слов мое сознание окончательно окутывает мрачная дымка, сквозь которую все окружающее начинает видеться как в начале моего сна. Сплошной угрозой, искусно закамуфлировавшейся под удивительную красоту. И филигранное кружево палатки — уже просто ловушка из паутины, и наполненный головкружительными ароматами цветов воздух — лишь душный смрад, и яркий свет солнца не несет в себе привычного тепла и чистого золота, а отдает кровавым багрянцем. Оглядываюсь и вижу на краю постели одежду — такие же кожаные штаны, как на Григории и остальных, и безрукавку. Только в отличие от их, светло-коричневых, мои вещи грязно-серые, цвета застарелой пыли. Хотя, возможно, мне это чудится из-за общего дрянного настроения, и серый он и есть серый.

Одевшись, собираюсь выйти наружу и сталкиваюсь с Григорием. У него в руках большое серебряное блюдо с кусочками жареного мяса, переложенными тонкими до прозрачности ломтиками чего-то насыщено фиолетового и явно сочного. Я бы сказала, что это очень напоминает некий экзотический фрукт, очищенный и порезанный, поэтому соседство с исходящим паром мясом немного странно.

— Ты сегодня ешь здесь, — отрывисто приказывает мой бывший любовник и протягивает мне тарелку.

Желудок тут же напоминает о том, что вчера ужина ему так и не досталось, так что вопрос где есть мне совершенно не принципиален. Просто бормочу «спасибо» и усаживаюсь на одну из подушек. Беру первый ароматный кусочек мяса и готова проглотить его, наверное, даже не разжевывая, но в этот момент Григорий хватает меня за руку. Замираю в ожидании очередных неприятностей, судорожно обдумывая, чем их могла спровоцировать. Но Григорий просто аккуратно кладет ломтик странного фрукта поверх и, отпустив мое запястье, повелительно кивает. Я подчиняюсь, и повторяется вчерашняя история с водой. Два совершенно разных вкуса растекаются по моему языку, противоборствуя и смешиваясь, создавая сотни непередаваемых нюансов, которые я не смогу теперь забыть никогда в жизни. Слово

«восхитительно» не передает и малой толики ошеломляющего впечатления от этой, казалось бы, простой пищи. Какой-то органолептический оргазм! И скрыть свою реакцию на это великолепие просто невозможно. Застонав, я прикрыла глаза от наслаждения, совершенно непристойно облизывая с пальцев последние капли. Боже, это настолько хорошо, что почти чересчур. Еда не может, просто не должна вытворять такое с человеком.

— Что это такое? — удивленно шепчу, едва отойдя. — Почему со мной это происходит?

— Это потому, что пища моего мира очень отличается от примитивной еды мира Младших, — снисходит до пояснений Григорий, хоть голос у него и хриплый, и раздраженный, и он быстро отворачивается, как будто ему и смотреть на меня противно. — Со временем ты привыкнешь. Возможно.

— У всех, кто пробует ее, такая реакция? — я положила в рот новую порцию и снова не смогла сдержать долгий стон удовольствия. — Это просто непередаваемо!

— Обычно реакция гораздо более... бурная, — уже почти огрызается он, и я решаю отстать от него с вопросами.

Продолжаю есть, стараясь сдерживаться изо всех сил, а Григорий так и стоит спиной ко мне у входа, вроде совершенно вроде безучастный, но я замечаю, что он наблюдает за мной, чуть обернувшись через плечо.

Когда заканчиваю, то блюдо вместе с остатками пищи исчезает прямо из моих рук, как и подушки, ковры и шатер. Валюсь набок на траву прямо под взглядами ухмыляющихся Алево и остальных. Мгновенно вспыхивает злость. Еще бы, это наверняка жутко забавно — обойтись с тем, для кого магия в новинку, подобным образом, прямо обхохотаться можно! Но свой порыв я осаждаю и быстро поднимаюсь, глядя только на Григория и игнорируя остальных.

— Спасибо, было очень вкусно, — сдержанно говорю, подхожу ближе и, сомкнув перед собой руки, протягиваю ему: — Прикажешь связать меня снова?

Смиренно, насколько умею, смотрю в центр его груди и внутренне усмехаюсь. Давай, покажи свой характер, Гриша.

— В этом нет необходимости, — отмахивается он, и я едва скрываю облегченный вздох. Ну да, связать меня сейчас, когда сама практически предложила, это как согласиться в чем-то со мной. Разве деспот пойдет на это?

Трогаемся в путь в прежнем порядке: впереди Григорий, я за его спиной, рыжий и красавчик в паре метров с обеих сторон, а Алево замыкающий. Оглянувшись, ловлю на себе пристальный взгляд блондина, и он усмехается, одобрительно кивнув на мои свободные сейчас руки. Хотя одобрение мне и могло просто почудиться.

Несколько часов, пусть обливаясь потом и пыхтя, но мне удавалось поддерживать темп, заданный мужчинами. Но потом я стала осознавать, что реально готова свалиться в любой момент. Никто не разговаривал по пути, и вообще мужчины выглядели более напряженными, чем вчера, и буквально сканировали глазами начавший редеть лес. Деревья стали тоньше и меньше, а большую часть пространства занимали большие кусты, буквально усыпанные огромными цветами, меняющими интенсивность оттенков от нижней части до верхушек. Я рассматривала их, когда мы проходили мимо, пытаюсь отвлечь себя от того, сколько мне уже требовалось усилий для элементарного переставления ног.

Григорий остановился так резко, что я просто врезалась в него, не успев среагировать.

— Сделаем остановку, — сказал он, обращаясь, само собой, не ко мне, а к остальным, и снова исчез где-то в зарослях. Но мне было все равно, я просто отошла на пару шагов и рухнула, привалившись спиной к ближайшему дереву. Алево никак не проявил эмоций и расположился неподалеку от меня, а вот рыжий и Хоуг стали нетерпеливо вышагивать вокруг, бросая в мою сторону очень недовольные взгляды. Но плевала я на них! Черт возьми, наверное, мое дыхание не придет в норму и спустя неделю! Почему кто-то, обладающий способностью создать все нужное из воздуха, не может сделать хоть какой-то примитивненький транспорт? Моя сугубо городская натура протестовала против такой нещадной эксплуатации нижних конечностей.

Как ни странно, но силы возвращались очень быстро, и где-то спустя полчаса я ощущала себя совершенно отдохнувшей. А еще у меня обозначилась интимная проблема, но объявлять о ней вслух не хотелось, потому как ничего, кроме насмешек, я не ждала. Рыжий и красавчик присели на корточки перед Алево и что-то негромко обсуждали, не глядя на меня. Тихонько поднявшись, решила отойти совсем недалеко, в надежде управиться раньше, чем они заметят, что вообще отходила.

Ближайшие кусты показались подходящим местом. Зайдя за них, я присела, тревожно оглядываясь, так как быть застигнутой врасплох с голой задницей в такой момент не особо приятно. Поднявшись, я осмотрелась. Все кусты вокруг были одинаковы — темно-красные, густо-фиолетовые или ярко-синие цветы ближе к корням становились бледно-розовыми, светло-лиловыми или почти белесыми к верхушкам. На каждом отдельном растении один основной цвет. Но вот один куст отличался. Он был пестрым. Кажется, все возможные на свете цвета и оттенки уместились на лепестках покрывавших его соцветий.

Шагнув поближе, я засмотрелась, испытывая острое желание потрогать. Как вдруг все это яркое великолепие пришло в движение, сорвавшись с ветвей и взвившись над моей головой. Каждый цветок оказался крошечным человекоподобным существом, а яркие лепестки были их крыльями. От неожиданности я вскрикнула и хотела отшатнуться. Но ничего не вышло. Ноги мгновенно оказались оплетены тонкими, но прочными, как проволока, корнями, которые стремительно затягивались, уже причиняя боль. А потом летающие цветы атаковали меня с поразительной для столь хрупких и прекрасных созданий силой и злобой. На меня буквально обрушилась жалящая и рвущая кожу лавина, залепляющая рот и ноздри, лишаящая воздуха, ослепляющая и оглушающая истошным пронзительным писком. Даже если бы я и захотела теперь закричать — это уже было невозможно. Рывок за ноги, и я валюсь на землю, а руки тоже захлестывают цепкие корни. Боль стала просто ослепительной, и сознание стало мутиться. Я начала терять сознание, даже не успев достигнуть пика собственной паники. А потом все резко прекратилось. Крохотных визжащих убийц будто волной смыло оглушительным ревом уже знакомого мне огромного зверя. Едва разлепив глаза, увидела, как он в бешенстве рвет когтями и гигантскими зубами проклятый куст. В считанные секунды на его месте оказалась просто куча взрытой влажной земли и изломанные ошметки веток. А угольно-черный монстр развернулся и, шагнув ко мне, жутко оскалился и зарычал так, что я будто заледенела, моментально забыв о пережитой опасности перед более реальной.

— Прости, деспот, мы следили, но не ожидали, что ее понесет знакомиться с гилли-ду! — голос Алево был по-настоящему испуганным и виноватым.

Злобно рывкнув на него снова, зверь развернулся и исчез в чаще в один прыжок.

А Алево быстро поднял меня с земли и, проведя пальцем по окровавленной щеке, раздраженно покачал головой.

— Очевидно, с моей стороны было ошибкой дать тебе послабление в виде иллюзии уединения, голем. Тебе же говорили, что вокруг все кишит любителями сожрать таких любопытных дур, как ты! Хотя ты, наверное, единственная из знакомых мне, кто умудрился чуть не умереть от лап этих мелких поганцев гилли-ду! Похоже, у тебя особый талант!

— Вы не говорили, что цветов тоже нужно опасаться! — слабо огрызнулась я, позволяя ему себя умыть выуженной из воздуха влажной мягкой тканью.

— Это никакие не цветы! В мире нашей Богини все не то, чем кажется! Запомни это или умрешь очень быстро.

— Она в любом случае умрет, — пробормотал рыжий за спиной у Алево, и тот предупреждающе сверкнул на него глазами.

— Никто не знает планов Богини, — сказал он и сунул мне в руку уже знакомую флягу и новый кусок ткани, предлагая дальше самой позаботиться о себе.

Глава 36

Заикаться о стерильности и обработке сотен крошечных ранок, покрывавших все открытые участки моего тела, я и не стала. Как, впрочем, и задумываться, могли ли быть мелкие пакости ядовитыми. Зрения не лишилась — и то хорошо. Первый шок схлынул, и в груди плотным удушливым комом росла злость. Что за проклятый мир такой?! Я его уже ненавижу всеми фибрами души, как и всех тех его обитателей, с кем пришлось столкнуться. Что не так должно быть с головой у той Богини, которую они поминают постоянно, чтобы слепить даже из внешне хрупких и прекрасных созданий вот такое кровожадное непотребство! Нет, конечно, признаю, что в моем мире тоже попадают те еще твари разумные и не очень, скрывающие под восхитительной внешностью мерзкое нутро. В моем мире... моем. Если верить словам Алево, то теперь и права называть его своим у меня нет, и никогда не было. Клубок злости стал еще больше, выдавливая остальные чувства. Ну да, человеком себя считать мне тоже не позволено. Как бы не так! Пошли они все тут! Все без исключения! Дайте мне время разобраться! мрачно глядя в широкую спину Алево и продолжая вытирать кровь, я вернулась на место привала.

— Естественно, теперь мы не дойдем сегодня до края болот! — рыжий даже не пытался скрывать свой гнев, зыря на меня испепеляюще.

— Может и нет, — невозмутимо ответил Алево. — Идти дальше или нет — решит деспот.

— Решит, конечно, — рыжий почти оскалился в мою сторону. — Вот только чем или кем это решение будет продиктовано!

— Никто, кроме сиятельной четы и Богини не может что-то диктовать архонту, — надавил голосом блондин.

— Так ли это по-прежнему? — капнул ядом рыжий. — Мне так показалось, что он теперь слишком сосредоточен на нитье этой...

Алево весь напрягся и угрожающе развернулся к этому засранцу, явно собираясь осадить, но мое крайнее раздражение вырвалось наружу быстрее.

— В чем твоя проблема? Какого черта ты рычишь на меня? — не выдержала я.

— Ты словно проклятый балласт тормозишь нас на каждом шагу! — красавчик положил ему руку на плечо, но рыжий только неразборчиво огрызнулся на него.

— Я что, просила меня сюда тащить? — крикнула ему. — Что я лично тебе сделала?

— Закрой рот, голем! Как кто-то, столь ничтожный, как ты, мог бы что-то сделать мне! Ты — никто!

Говоря это, он явно старался хлестнуть меня побольнее, но мне вдруг эта попытка показалась жалкой. Будто капризный, избалованный мальчишка вопит и сучит ногами, когда что-то идет вразрез его желаниям.

— Никто? Очевидно, я кто-то, кто рушит твои планы, и это жутко бесит тебя, чему я несказанно рада, потому как вы все тут не просто разрушили мои, вы у меня вообще отняли нормальную жизнь!

Рыжий оказался напротив меня мгновенно и наклонился вперед, почти упершись своим носом в мой. Была бы реакция не столь заторможена после нападения, я, может, и шарахнулась бы, но сейчас просто замерла, затаив дыхание и не избегая его взбешенных желтых глаз.

— Напрасно Алево остановил нас прошлой ночью! — прошипел он мне в лицо. — Уже к утру я бы сделал тебя покорной, безмолвной и боящейся поднять лишний раз взгляд!

— О, да! Это была бы достойная победа двух здоровенных мужиков над слабой женщиной, не способной оказать им сопротивления! Ты стал бы прямо героем среди истинных ублюдков!

— Ты...

— Осмеливаешься сомневаться в моей способности добиться подчинения от своей собственности, Сандалф? — в тихом голосе Грегордиана, неожиданно возникшего за спиной рыжего, было столько угрозы, что у меня чуть колени не подогнулись.

Рыжий резко крутанулся, поворачиваясь к нему и мгновенно теряя свой боевой дух.

— Я этого не сказал, деспот, — подобострастно согнулся он, опуская взгляд.

— Тогда что ты сказал? — еще тише и при этом страшнее спросил Грегордиан.

— Ничего... — пробормотал рыжий мерзавец. — Только то, что голема следовало научить быть почтительной с нами.

— Сандалф, напомни мне, кому она принадлежит? — нахмурился мой бывший любовник, как будто и правда не мог припомнить.

— Тебе, архонт, — склонился рыжий еще ниже.

— А значит, только я решаю, к кому и с какой степенью почтения голем должна относиться. Разве не так? — продолжал требовать ответов у своего прихлебателя Грегордиан.

— Только так, — с готовностью закивал тот.

— Я могу отдать ее вам на потеху, — при этом рыжий бросил краткий взгляд на Алево, который делал вид, будто все происходящее ему абсолютно безразлично. — Могу передумать и покарать за то, что коснулись ее. Могу сам убить, когда посчитаю нужным, или не делать этого. Это так?

— Безусловно. Твое право принимать любое решение, — торопливо отвечал рыжий, уже совершенно растеряв всю свою недавнюю борзость. — Признаю, что совершил ошибку. Впредь не повторится.

Рыжий попятился, и Грегордиан сосредоточил на мне свое внимание. И тут же захотелось оказаться где угодно, только не под этим размазывающим по земле взглядом.

— Голем, ты не смеешь грубить моим асраи, — только совершенно лишенному интуиции человеку могло бы показаться, что Грегордиан говорит спокойно, и это вроде скрытое, но беспощадное давление провоцировало мое желание противостоять ему. — Ты не смеешь даже шаг делать от них, если я не дам тебе на это позволения. Не можешь сама заговаривать, а тем более повышать голос. Ты даже умереть не смеешь, если на то не будет моей воли. Тебе понятно, или нужно донести это особым образом?

Кипящий внутри коктейль злости и негодования никак не хотел угаснуть, и желание швырнуть в это властное лицо что-то дерзкое, способное задеть, было почти непреодолимо. Но в этот момент в мою поясницу больно ткнули, и, глянув через плечо, я увидела Алево. В его глазах было только как обычно холодное безразличие, но я считала то, что прячется за ним.

Предупреждение. И тут же вспомнила слова блондина о подрыве авторитета деспота перед его людьми.

— Я все поняла, — пробормотала я, прикусив губу, хотя мысленно послала и самого Грегордиана, и этих его асраи куда подальше.

Деспот даже кивком головы меня не удостоил, просто развернулся и зашагал, бросив через плечо «Вперед!».

Поначалу все вроде было не так и плохо. Несколько часов я шагала, глядя под ноги и отказываясь признавать, насколько мне паршиво. Но потом многочисленные ранки стали подсыхать и жутко чесаться. И с каждым шагом этот зуд становился все невыносимей. И при этом, несмотря на весь этот дискомфорт, на меня стала наваливаться не просто усталость, а полное бессилие. Тело тяжелело с каждым шагом, разум неуклонно захватывало какое-то оцепенение, и борьба с ним ради того, чтобы двигаться, причиняла настоящие страдания. Злость сменилась жалостью к себе. Я старалась сглатывать слезливый ком, распирающий горло, но до бесконечности это делать не получилось. Слезы прорвались и уже не хотели останавливаться. Одни и те же мысли медленно катились по кругу. Неужели моя жизнь действительно будет подчиняться приказам и капризам другого человека? Или даже не человека вовсе. Какие шансы на нормальное существование у меня, если даже своим людям он в лоб говорит, что может отдать приказ, а потом их же и наказать за его выполнение, и они смиренно признают за ним право на это? Чокнутый мир, чокнутые правила и иерархия, ненормальные законы или их отсутствие. Как мне выжить в этом безумии, и стоит ли вообще пытаться? Зачем растягивать собственные страдания и унижения, если выхода не предвидится никогда? Апатия будто пропитала меня насквозь, делая безразличной ко всему, даже к мрачным перспективам собственной судьбы. Я устала.

— Ты можешь идти хоть немного быстрее, голем? — прошипел Алево практически мне в затылок, и именно этот момент выбрало мое тело, чтобы окончательно предать меня.

Споткнувшись, я просто рухнула лицом вниз и так и осталась, понимая, что не могу больше шевелиться. Чувствовала, что мужчины встали надо мной, наверняка награждая презрительными и раздраженными взглядами, но только мне было плевать.

— Скоро сумерки, — констатировал Алево.

— Очень плохое место для ночлега, — узнала я голос рыжего, и на этот раз никакого гонора и недовольства в нем не ощущалось, скорее уж беспокойство.

— Ты прав, Сандалф! — согласился с ними Грегордиан. — Голем, поднимайся.

— Не могу, — тихо пробубнила, не поднимая головы. — Можете меня хоть за ноги волочь, если вам так нужно, но больше я и шагу не в состоянии сделать. И никакие угрозы и приказы тут не помогут.

— Не можем, — раздраженно рыкнул деспот. — Весь этот путь тебе следует пройти своими ногами!

— В таком случае вам придется дожидаться, пока я на них хотя бы смогу стоять.

Около минуты царила тишина, и я стремительно проваливалась в сон.

— Разбивайте лагерь, — наконец, недовольно сказал Грегордиан, и я услышала удаляющиеся шаги, но по-прежнему ощущала сквозь наваливающуюся сонливость чье-то присутствие.

— Она должна спать, чтобы восстановиться, — очень тихо произнес Алево. — Прямо как ты в детстве. Почему так?

— Не знаю. Но собираюсь это выяснить, — отрывисто ответил деспот, и это были последние слова, что я услышала перед тем, как провалиться в сон.

Проснулась я от того, что кто-то громко и отчетливо позвал меня по имени. Из-за последних событий мне уже казалось, что прошла вечность с того момента, когда кто-то делал нечто подобное — произносил вслух мое имя. С минуту пялилась в темноту широко раскрытыми глазами, напряженно прислушиваясь. Судя по полному безмолвию и ощущению мягкости, окружающей тело, я опять лежала на магически созданном ложе в шатре, из которого нет выхода. Осторожно, наощупь обследовала подушки и покрывала, задаваясь вопросом одна ли здесь. Ничьего дыхания не было слышно, но я уже не особо доверяю своим органам чувств. Как там сказал Алево? Ничто здесь на самом деле не такое, каким кажется? Что-то вроде того, так что лучше точно убедиться. Хотя... могу ли я доверять осязанию, если слуху и зрению не готова? О, просто прекрасно! Здравствуй, паранойя?

Никого не обнаружилось, и покрывала были совершенно холодными. Похоже, мне просто приснилось или почудилось. Никто в этом мире не стал бы звать меня по имени. Для всех тут я просто голем. Существо, собственного имени даже не достойное. Даже куклам в детстве я давала имена, а вот сама спустя годы оказалась недостойна... Стоп, Аня! Эта дорога никуда кроме отчаяния не приведет. Оказаться там на время, когда силы иссякли, — нормально. Это как дать себе поблажку, отсрочку, время на ориентирование и аккумуляцию сил. Вот только встать на нее навсегда — неприемлемо.

— Аня, выходи! — голос Грегордиана прозвучал громко и отчетливо в полной тишине, но при этом как-то странно, будто прямо у меня в голове.

Часто заморгав, я завертела головой и наткнулась взглядом на некое пятно поодаль, которое выделялось на фоне непроглядной тьмы и выглядело действительно как овальный проем. Пошарив, так и не нашла свою одежду и просто завернулась в одно из покрывал, надеясь, что оно не испарится, как только я выйду из шатра. Крадучись, ступая по толстым коврам,

подошла к проходу. Это явно был не поднятый полог, а скорее обычная дыра, вырезанная прямо в плотной ткани палатки. Ага, той самой ткани, которой как бы не существовало. Ничему не удивляемся. Захотели для глупой Ани сделали палатку без выхода, а захотели — на тебе дыра в никуда! Снаружи, похоже, вот-вот должен был начаться рассвет. Темнота еще не отступила, но выглядела разбавленной достаточно для того, чтобы я начала различать силуэты. Деревья, кусты и громадная фигура Грегордиана в десятке метров от меня.

— Аня, иди за мной, — снова его повелительный голос напрямик в моем мозгу.

Было что-то неправильное, странное и в том, как он звучал и как выглядел, и я уже открыла рот спросить, какого черта происходит.

— Молчи! — властно оборвал он меня. — Просто иди!

И стал удаляться, стремительно растворяясь в предутренней серости. Ладно, раз он говорит молчать и идти, то так и сделаю, мне новые припадки его ярости ни к чему. Подхватив края покрывала, почти помчалась вперед, боясь упустить из виду его широченную спину и этим снова вызвать какие-нибудь репрессии. Противно от того, что вынуждена вести себя, как дрессированная собачка, выбирающая между добрым хозяином и его палкой, но что же пока поделаешь? Когда-то ведь наступают времена, когда и самая смиренная собака пускает кровь жестокому хозяину, перешедшему все границы.

Мы все шли и шли, я спотыкалась, путалась в ткани и счесывала до крови босые ноги. И все больше меня накрывало ощущение неправильности всего происходящего. Что-то определенно было не так. То есть сам факт моего пробуждения в чужом мире и все последующие события были в корне чужеродными, но все же они были более естественными по общим ощущениям, чем это бездумное следование неизвестно куда за моим бывшим любовником. И в какой-то момент это чувство стало настолько сильным, что я все же рискнула остановиться. Грегордиан тоже замер впереди настолько синхронно со мной, будто мы были связаны невидимой веревкой.

— Куда мы идем? — прищурившись, громко спросила я и тут, наконец, осознала основную странность.

Грегордиан был одет в костюм. Самый обычный, какие носят в моем мире, и среди этих чертовых зарослей он смотрелся абсолютно нелепо. Присмотревшись получше, я ощутила противный холодок, скользнувший вдоль позвоночника. Это был не просто костюм, а тот самый, в котором я впервые увидела Грегордиана. Он был в нем, когда мы столкнулись тогда на улице, и Гриша прошел, даже не заметив обмеревшую идиотку, оставшуюся паяться ему вслед.

— Куда мы идем? — повторила я, позволив себе требовательные нотки.

— Я осознал свои ошибки и готов освободить тебя. — Я ожидала раздраженного рычания, но вместо этого голос мужчины был скорее уж вкрадчивым, и отчего-то это было противно. Будто противоестественно для него. — Идем со мной, Аня. Я верну тебя в твой мир!

Это было все равно, что слышать свои собственные мысли или фантазии об избавлении от нынешнего положения. Как бы ни хотелось услышать именно это, слух царапало откровенной фальшью и невозможностью такого в принципе.

Я потрясла головой и попятилась.

— Это что, очередное издевательство? Проверка на вшивость? — Может, я еще и не начинала понимать, но мне уже надоело догадываться об истинной природе вещей и событий вокруг. — В чем только она состоит? Какой реакции от меня ты ожидаешь?

Грегордиан стал приближаться, но не так, как раньше — стремительно и прямолинейно, а медленно, будто подкрадываясь, и у меня внутри опять от этой манеры движения нарастала паника на самом примитивном уровне, и я пятилась, даже не осознавая, что делаю это.

— Аня-Аня-Аня-а-а, — напевая, почти убаюкивая, произнес Грегордиан. — Зачем ты бежишь? Я готов дать тебе все, что ты только пожелаешь, и даже то, о чем ты лишь осмеливалась мечтать.

Я наткнулась на дерево, и расстояние между нами стало быстро сокращаться. Секунда, и вот лицо Грегордиана прямо напротив моего, и тело его вжимает в твердость ствола. Вот только... Даже когда раньше он терся об меня в образе зверя, или когда в ярости наседал, заставляя буквально плевать ненавистью, я не оставалась безучастной. А сейчас на его близость не отзывался ни единый нерв в теле, и все, чего хотела — это брезгливо отодвинуться подальше. И еще запах... его просто не было. словно мне в нос вставили заглушки.

— Что-то не так, — нахмурившись, пробормотала я, силясь понять происходящее.

— А вот тут ты права, голем! — грубый, на грани рыка голос Грегордиана позади меня хлестнул, подобно плети.

Оглянувшись, увидела еще одного Грегордиана, точную копию того, что стоял передо мной, за исключением того, что он был одет, как я и помнила в последнее время — лишь в кожаные штаны. Но главное было не в этом. От него исходили те самые вибрации гнева и неоспоримой власти, которые мне сейчас казались идеально дополняющими его верный облик. Рванулась к нему, но тут жесткие, как арматура, пальцы впились в мое плечо, почти размалывая ключицу, и я чуть не рухнула на колени от боли, вопя, как умалишенная.

— Отпусти ее, накки, и я дам тебе и твоему проклятому семейству сутки уйти с моих земель и не стану преследовать тебя. — Среди мучений, причиняемых неизвестно кем, голос Грегордиана ощущался лучом облегчения и надежды, за который хотелось уцепиться.

— Думаешь, я поверю кому-то вроде тебя, дини-ши? — шипение за моей спиной теперь и близко не был похож на голос Григория и звучал на сей раз в реале, а не вибрировал в мозгу.

— А у тебя есть выбор? — настоящий Грегордиан шагнул ближе, и я, собрав все силы, рванулась из захвата неизвестного, что было сил.

— Есть! — шепеляво выплюнул мой захватчик, и тут же я словно ослепла от дикой, режущей боли в районе ключицы, а в следующую секунду была отброшена прочь.

Глава 37

Грегордиан переместился, с поразительной быстротой перехватывая меня прямо на лету поперек тела. Врезаться в него с той силой, с которой швырнул меня захватчик, было не особо приятно, но встреча с ближайшим древесным стволом, думаю, была бы намного хуже.

— Не вздумайте его упустить! — рявкнул он, разворачивая и ставя меня на ноги.

Лишь краем глаза я успела засечь, как мимо мелькнули три стремительные тени, исчезая в

том направлении, куда побежал мой загадочный захватчик. Мое покрывало исчезло, и по обнаженной коже от шеи вниз беспрепятственно лился целый поток крови. Боже, я никогда не видела ее столько, и разум отказывался признавать тот факт, что вся она моя. В голове почти сразу опустело и зазвенело. Прижала руки к ране, а потом посмотрела на совершенно мокрые ладони, ожидая вспышки паники. Ведь это в прямом смысле жизнь покидала мое тело.

— Чьим образом накки выманил тебя, голем? — в своей обычной манере обратился ко мне деспот.

— Что? — в голове все мягко закружилось.

Подняв глаза на Грегордиана, я увидела, что он неотрывно смотрит на мою рану и будто чего-то ждет.

— Я спросил, кого ты видела, за кем так бездумно последовала в ночной лес, даже не вспомнив о всех полученных ранее предупреждениях и отвергнув мои прямые приказы? — мужчина подступил ближе и схватил за руку, когда я едва не упала, пытаюсь отстраниться.

Разве сейчас время об этом спрашивать? Я истекаю кровью, а ему важно выяснить?

— Это был ты!

— Лжешь! — навис он надо мной угрожающе, но в голове плыло быстрее, сводя на нет весь эффект от его запугивания.

— Отвали! — уперлась я свободной рукой в грудь Грегордиана, желая оттолкнуть, но, ощутив под пальцами его горячую гладкую кожу, потеряла свой запал и просто позволила ей там и остаться. Деспот резко выдохнул от прикосновения и посмотрел на мою ладонь на своем теле с нечитаемым выражением, но не оттолкнул.

— Хочешь, чтобы я поверил, что ты просто последовала за мной? Без вопросов, без обычных жалоб и возражений?

Звон в моей голове стал заметно громче и выше по тональности, становясь почти свистом, и к нему прибавилась еще и кружение, сопровождающееся чем-то вроде опьянения.

— Иди ты, Гриша! Я никогда не жаловалась! Я просто...

— Почему? — рявкнул он, обрывая меня.

Как же меня это уже достало! Долбанный, мать его, деспот и его бесконечные требования подчинения и теперь ответов!

— Потому что сначала я боялась тебе противоречить, чтобы ты опять не стал орать на меня, душить или не решил отдать своим ублюдкам друзьям поразвлечься, — на это Грегордиан просто кивнул, будто подтверждая, что так и должно быть. Скотина! Какая же невыносимая безжалостная скотина!

— Тот, другой ты...

— Это был не я! — Да сколько можно затыкать меня, требуя ответов!

— Мне плевать! — крикнула ему в лицо и хлопнула ладонью по груди, размазывая свою кровь по его коже. — Кем бы он ни был, но звал меня по имени и выглядел, как ты! — дурманящее

состояние усиливалось, развязывая мой язык, и слова лились сами собой — Тот самый ты, каким я тебя встретила! Тот, кем тайно любовалась, без всякой надежды хоть когда-то прикоснуться! Кого желала до безумия! Тот, в чьих руках заживо горела, теряя себя без остатка! Тот, кого я могла бы... Не важно! Тот Грегордиан признал, что ошибался насчет меня и напрасно причинял мне боль!

— Я не ошибаюсь! — мужчина дернул меня на себя, а может, это я сама не смогла устоять и повисла на нем.

Быть так близко — ненужно, хотеть этого так сильно — неправильно и унижительно для меня, но я хотела.

— Он обещал мне свободу и возвращение домой! — Кричать больше не хотелось, и я просто уткнулась в его обнаженную грудь, позволяя себе окунуться в его запах и опьянеть окончательно.

— Это была ложь! Я бы никогда не пообещал тебе такого! Никогда!

Ненавижу это бесконечно восхитительное ощущение его сильной руки, обвившей мою талию.

— Думаешь, я этого не знаю?! — смех сухой и горький, как хруст гравия, вырвался сам собой. — Но на несколько минут я себе позволила поверить, что все могло бы быть возможно. Что все между нами могло бы быть совсем другим.

Так же возможно, как сейчас поднять голову и встретить твои губы, поддаться им, позволить себе снова быть захваченной этой стихией, самой стать концентрированным безумием, провалиться еще хоть раз туда, где нет реальности, и остаться там навсегда.

— Это невозможно, — голос глухой, в нем я не слышу больше гнева или обвинения, лишь сожаление. — Ты не можешь все это чувствовать.

Есть ли смысл спорить? Я подняла голову и усмехнулась. Вот она, наша настоящая реальность. Мы стоим так близко и все же безмерно далеко, и единственное, что нас объединяет, это моя кровь на наших телах. По-другому никогда не будет.

Свистящий звук в голове достиг своей высочайшей ноты и вдруг исчез, будто схлопнулся, даря не только оглушающую тишину, но и потрясающую легкость. Я неожиданно показалась себе вообще не имеющей веса. Могла бы прямо сейчас оттолкнуться от этой проклятой земли, где все только и думали причинить мне боль, и лететь! Абсолютно точно я могла бы это! И только Грегордиан, удерживающий меня, мешал мне воспарить.

— Не смогла бы! — ответ Грегордиана был скорее ворчливым, чем привычно раздраженным. Я что, сказала что-то вслух? — Разве ты забыла, что тебе нельзя даже умереть без моего позволения?

Умереть. Наверное, именно это со мной и происходит. Я где-то слышала, что смерть от потери крови совершенно безболезненна.

— Ха! Попробуй остановить меня! Это не в твоей власти! — хотела отпихнуть Грегордиана, но так и не шевельнулась.

— Накки не наносят смертельных ран своей добыче, голем! — насмешливо фыркнул он у моей макушки. — Кровь больше не идет. Ты восстановишься за считанные часы.

Вранье! Но, коснувшись раны, я поняла, что он прав. Кровь не только остановилась, но и, кажется, края раны стали стягиваться. Так что да, скорее всего, я буду и дальше жить в этом проклятом чокнутом мире. Даже не знаю, чего испытала больше — разочарования или облегчения.

— У меня есть имя, Гриша! Разве тебе так трудно называть его, как бы я там перед тобой не провинилась?

Может, я и не должна подрывать его авторитет и возражать при его людях, но сейчас-то мы одни!

— Ты не знаешь, насколько тяжела твоя вина, — сказал так, что я вздрогнула, как от порыва ледяного воздуха.

— Вот именно, не знаю!

Возможно, Грегориан сейчас опять взбесится, но я должна сказать:

— Разве можно наказывать кого-то, даже не дав узнать, что он сделал не так?

— Можно, если на то будет моя воля.

Передо мной, как будто лязгнув, опустился тяжеленный барьер.

— Это несправедливо! — прошептала я, понимая, что на самом деле спор и недолгая оттепель окончены.

— Справедливость — это глупая выдумка слабаков из вашего мира, которые не могли взять желаемое по праву сильного, — презрительно фыркнул Грегориан.

— Если так, то почему ты хотел тогда, чтобы я пошла за тобой добровольно? — Знаю, что играю с огнем, но я и так уже обожжена.

— Я не должен тебе никаких ответов! — отвернулся от меня мужчина.

Пронзительный, но довольно мелодичный звук прорезал тишину предрассветного леса.

— Идем, Алево и остальные нашли гнездо накки. Нужно ими заняться, заодно научить тебя кое-чему новому.

— Даже боюсь представить чему! — огрызнулась я. — Ты что, всерьез считаешь, что я могу идти куда-то после такой потери крови? Я едва могу стоять ровно!

Грегориан поколебался несколько секунд, оглядев меня с ног до головы, а потом обвел окружающий лес цепким взглядом и, видимо, что-то решив, положил свою широкую ладонь между моих грудей. Едва слышно он быстро пробормотал нечто ритмично-невнятное, из чего я смогла разобрать лишь «делюсь добровольно», и тут же вспышка жара обожгла мою грудную клетку. Испуганно отшатнувшись, я осмотрела себя в поисках ожога. Ничего не было.

— Идем, — Грегориан больше не собирался ждать и, схватив меня за руку, поволок за собой, ориентируясь на повторяющийся пронзительный звук вдали.

Первый шаг, второй, еще и еще, и вдруг ошеломляющий взрыв внутри. Будто я щедро хлебнула

чего-то сродни ракетному топливу, и оно с бешеной скоростью ломанулось с потоком крови в каждую мышцу и уголок тела. Вялость и истощение исчезли, как будто их и не бывало. А опьянение осталось, но мгновенно трансформировалось из апатичного уныния в чистейший агрессивный азарт. Я, совершенно не отставая, следовала за Григорием, ощущая внутри некое злое предвкушение, прежде незнакомое мне никогда. Собственное тело еще никогда не ощущалось так потрясающе. Легким, гибким, наполненным бьющей через край энергией, которой невыносимо хотелось дать хоть какой-то выход. Григордиан несся впереди, буквально проламывая густые заросли, и бежать за ним по пятам, след в след, сейчас казалось самым правильным и возбуждающим действием в мире. Примерно через десять минут мы выскочили на небольшую поляну, заросшую только местными пышно цветущими кустами. Чуть поодаль стоял рыжий, явно ожидающий нашего появления. Стоило ему нас увидеть, и он, резко развернувшись, вдруг словно сквозь землю провалился. Григордиан, безжалостно ломая по ходу тонкие ветки, рванул к месту исчезновения рыжего. И, последовав за ним, я увидела в земле огромную дыру, а точнее — вход в темный тоннель. Очевидно, он еще недавно был тщательно замаскирован, судя по расшвырянным вокруг выдранным с корнями растениям.

— Следуй за мной! — приказал Григордиан и нырнул внутрь.

Меня передернуло от необходимости добровольно лезть в темное замкнутое пространство, но не потерять из виду деспота показалось в этот момент важнее. Сразу за входом тоннель расширился, и я спокойно шла в полный рост, в отличие от Григордиана, который ломился вперед в полусогнутом положении, что никак не влияло на его скорость. Несмотря на мои ожидания, полной темноты не было, хотя, откуда исходит скудный свет, было не понятно. Пахло сыростью и еще чем-то отвратительным, и с каждым шагом воздух становился тяжелее. Из глубины тоннеля доносились странные звуки, подозрительно напоминающие плач и крики боли, и по мере продвижения они становились все громче. Я стала различать голоса, и у меня волосы зашевелились на голове, когда некоторые из них показались мне детскими. Абсолютно точно где-то впереди заходились в жуткой истерике малыши. В груди заболело, а ноги будто свинцом налились.

— Что там происходит? — отважилась я спросить у Григордиана.

Ответа не было. Он не оглянулся и не снизил темпа. Показалось световое пятно, на фоне которого металась жуткие тени. Плач и крики звучали теперь нестерпимо громко. Мы вынырнули в приличных размеров зал с земляными полом и стенами, почти сплошь покрытыми чем-то, что больше всего напоминало густо переплетенные корни растений. От них исходило красноватое свечение, позволяющее увидеть кошмарную картину происходящего перед нами. В центре этого пространства стояла группа существ, тесно прижавшихся друг к другу. В призрачном освещении их кожа казалась темно-серой или, возможно, коричневатой, хотя кожей ее назвать можно было лишь условно. Скорее уж какой-то жесткий внешний покров, вроде того, что есть у насекомых. Длинные суставчатые конечности, пугающие лица с огромными блестящими глазами навывкате и безгубыми зубастыми ртами. Людей они напоминали весьма отдаленно, что, однако, не мешало мне понять — это детеныши, и они в смертельном ужасе. Вокруг них без остановки кружили рыжий и красавчик, выглядевшие как волки, уже загнавшие добычу и готовые совершить последний убийственный бросок. Они даже скалились, как возбужденные звери, учуявшие близкую кровь, и делали выпады, вынуждающие детенышей кричать все отчаяннее и жаться друг к другу сильнее. Заметавшись взглядом, я нашла и Алево. Он был чуть поодаль, удерживая за шею на месте еще одно существо гораздо крупнее остальных. Конечности этого висели плетями и, похоже, были сломаны, но это не останавливало его от выплевывания яростных угроз в адрес Алево и остальных. У ног блондина без движения лежали еще два существа с развороченными грудными клетками. Явно мертвые. Мое нутро узлом свернуло от этого зрелища и пронзительных рыданий детенышей. Сердце

загрохотало, к горлу подступила мерзкая горечь. Как можно поступать так с кем-то? Грегордиан, словно бы и не замечая всего творящегося ужаса бесцеремонно рванул меня за руку, заставляя встать прямо напротив Алево и его искалеченного пленника.

— Это его ты принимала за меня? — презрительно рыкнул он, перекрывая шум и вопли.

Нет, этого быть не может. Или может? Прислушавшись к бесконечному потоку проклятий, которые изливало на нападавших крупное существо, я узнала голос. Именно его слышала перед тем, как была ранена и отброшена. В шоке всматривалась в лицо создания родом будто из фильмов ужасов и ощущала приступ подступающей тошноты, понимая, что оно было совсем недавно настолько близко к моему. Эти длинные суставчатые пальцы, больше похожие на конечности мерзких насекомых, впивались в мою кожу, принося жуткую боль. Кожа покрылась отвратительными мурашками, и меня передернуло.

— Ну, как, похож? — насмешливо спросил Грегордиан и, наклонившись к самому моему уху, прошептал: — Может, его прикосновений ты желала, в отличие от моих?

Для любого ответа я была слишком шокирована и промолчала. Грегордиан же несколько мгновений цепко всматривался в мое лицо, будто и правда надеялся увидеть там признаки симпатии к изрыгающему проклятия кошмарному существу. Мне же хотелось просто зажать уши и бежать отсюда, что есть сил, пока весь этот шум и отчаянные вопли не исчезнут, и не рассеется ужасный запах. Потому что теперь я понимала, чем пахнет. Смертью. Грегордиан же толкнул меня ближе к моему бывшему захватчику, и Алево сместился, продолжая его удерживать так, чтобы мы оказались почти напротив. Огромные глаза без зрачков уставились на меня, и тварь оскалилась, демонстрируя острые кривые зубы.

— Что же, мой голем, в любом случае тебе придется его убить, — громко сказал деспот и вложил в мою руку кинжал с длинным широким лезвием, которое и так уже казалось красноватым из-за освещения.

Испугавшись, я выронила его и попыталась попятиться.

— Я не могу... не буду никого убивать!

— Нет, будешь! Если не убьешь его сама, накки поселится в твоей голове и сведет с ума!

— Нет! Нет! — затрясла я головой, продолжая пятиться.

Но Грегордиан снова схватил меня за руку, удерживая на месте.

— Где? — спросил он у Алево, и тот мотнул головой куда-то вглубь этой огромной норы.

Молча деспот потащил меня туда, чтобы обнаружить наполненную разнообразными костями и черепами нишу. Но не они напугали до безумия. Там, среди этих безвестных останков, лежало окровавленное и изувеченное тело того, кто выглядел как человек при жизни. Его конечности и грудные мышцы были покрыты ужасными ранами, а точнее сказать, почти лишились всей плоти. Уши, нос, глаза отсутствовали тоже. Только кровавые рваные раны. Горло перерезано от уха до уха.

— Смотри, голем! — тряхнул меня Грегордиан. — Смотри внимательно! Его Алево убил, дабы избавить от мук! Детишки и самки накки могут есть только живую плоть! И добрый папочка находит дураков вроде тебя, забирается им в голову, находит образ, которым можно поманить, а потом отравляет укусом. После этого ты становишься их ходячей живой консервой. Как

только им понадобится новая порция пищи, он начнет призывать тебя. И ты придешь, несмотря ни на что, или рехнешься, если такой возможности не будет. Освободиться можно, только собственноручно вырезав сердце отравившего тебя самца накки.

— Я не смогу! — меня затрясло, и слезы полились ручьем.

— Сможешь! Я не хочу, чтобы мой голем был чокнутым, значит, ты такой не будешь! — Грегордиан потащил меня обратно.

— Как будто тебе не наплевать! — закричала я, вырываясь уже отчаянно. — Если нужно кого-то убить, то делай это сам! Тебе не привыкать!

Грегордиан, не обращая внимания на мои крики и сопротивление, практически поднес меня к Алево и накки. Вжав спиной в свое тело, он стиснул одной рукой талию, фиксируя, другой снова вложил в руку кинжал и стиснул, не давая его выбросить. Резкий удар, и лезвие вспороло грудь существа, а его дикий вопль слился с истошным общим криком детенышей, наблюдавших за убийством отца. Кажется, я тоже кричала. Все то время, пока Грегордиан, манипулируя моей рукой, вырезал сердце накки.

— Смотри в его глаза, пока он не умрет! — рявкнул он и встряхивал меня, когда пыталась зажмуриться.

И я смотрела. Эмоции просто отключились. Звуки и запахи исчезли. Все внутри будто онемело, и казалось, я покидаю этот мир, а не существо, чья кровь заливает мою руку и брызгает в лицо.

Когда все закончилось и Грегордиан отпустил меня, я все продолжала стоять и смотреть. Как падает мертвое тело, отпущенное Алево. Как он и Хоук с рыжим взяли за детенышей. Один за другим те опускались на пол. Остались лишь двое самых маленьких. Они уже не плакали. Просто смотрели так же, как я. Маленькие дети. Дети-чудовища, которым для выживания нужно жрать кого-то заживо.

— Идем, нам больше нечего тут делать, — сказал Грегордиан и потянул меня к выходу.

— Почему? — хрипло спросила я, когда и остальные пошли за нами, оставляя малышей.

— Богиня запрещает нам тотальное уничтожение, — равнодушно пожал плечами Грегордиан. — Все существа этого мира — ее творения. Мы не вправе стереть чей-то род окончательно.

— Но разве они выживут? Сами? — Не знаю даже, зачем это спрашиваю. Разве мне сейчас вообще есть дело хоть до чего-то, когда ощущаю себя выпотрошенной.

— Как будто мне не плевать, или я буду сожалеть, если нет, — отмахнулся небрежно Грегордиан.

— Ненормальный мир, — пробормотала я, — чокнутые создания, безумная Богиня!

Если меня и услышали, то никак на мои слова не отреагировали. Похоже, обвинение в богохульстве мне не грозит.

Глава 38

— Вымыть. Одеть. Накормить! — три команды, отданные Грегордианом, предшествовали его

очередному исчезновению в ближайших зарослях.

— Опять задержка! — проныл рыжий еле слышно, но даже пялиться на меня недовольно не рискнул.

Хоуг же на этот раз вообще ничем не выдал своего недовольства.

Мы не стали возвращаться на поляну, на которой был ранее разбит лагерь. Как только в растительности образовалась достаточная проплешина, Алево остановился, и остальные последовали его примеру.

В этот раз мне не предлагалось комфортных условий в виде палатки и интимного уединения. Просто, повинувшись воле блондина, прямо посреди поляны появилась ванна.

— Живее! — сказал мужчина, не прикасаясь, но указывая весьма настойчивым жестом на удобство. А может, будет точнее сказать милость? Ведь с местным отношением вряд ли кто-то испытывал бы угрызения совести, заставив идти, как есть. Голой и покрытой засохшей кровью. Своей и моей невольной жертвы. Или это я, черт возьми, была тут жертвой? Как понять свое положение в этом ненормальном мире? Кто здесь добыча, а кто агрессор?

Хотя... плевать. В моей руке еще совсем недавно билось, постепенно затихая, чужое сердце. Кровь, едва теплая, но бьющая тугими струями, прекращала свой бег прямо под моими пальцами. А потом она окончательно остыла и застыла коркой на моих кистях и повсюду, где попала.

Шагнув в воду, содрогнулась. Желудок свело сухим спазмом от осознания — прохладная вода теперь вечно будет мне напоминать температуру крови накки, которая толчками текла по моим ладоням.

Задохнувшись в беззвучном крике, я попыталась выдернуть ногу из этой идеально прозрачной, но бесконечно отвратной воды. Но Алево обхватил сзади и сжал неосторожно мое горло, надавливая на плечи и вынуждая сесть в нее полностью. Меня гнуло в рвотных позывах и трясло, но он не отпускал. В какой-то момент показалось, что все — сейчас я просто задохнусь от его удушающего захвата и от собственной панической атаки. Я забилась неистово, желая его искалечить или хотя бы укусить. Причинить боль любым из возможных способов. При этом проклятая вода не издала ни единого всплеска, и вообще эта наша яростная борьба происходила в почти сюрреалистичной полной тишине.

— Не смей! — Алево произнес это тихо, но у самого моего уха, и с таким внутренним посылом, что истерика вдруг прервалась. Будто кто-то, имеющий власть, обрубил ее резко и без остатка.

Мышцы обмякли все и сразу, и я, повинувшись его движению, опустилась в жидкость. И по мере погружения я ощущала изменения в себе. Нет, не от того, что, оказавшись в этой кристально сверкающей субстанции, моя кожа очищалась мгновенно. Ни бурых всполохов смываемой крови, ни мутности, просто исчезающая ржаво-коричневая корка. Жидкость оставалась такой же девственно чистой. Таким же, казалось, становилось и мое тело, но я знала, что это только снаружи. Может быть, накки и был убит и больше не мог отравлять мой мозг, но проклятый окружающий меня мир справлялся с этим гораздо успешнее. Чем более чистой я становилась снаружи, тем более испачканной и опустошенной чувствовала себя внутри. И какая — то неправильная, но всегда существовавшая часть меня... приветствовала это. Я опускалась все ниже, погружаясь уже с головой в эту «не воду», но и в собственную порочность. Могла ли я... нет, не хотеть смерти накки... но оправдывать ее, просто потому что он сам был агрессором и приговорил меня первым? Не знаю. Скорее, нет. Это меня характеризует как жертву, готовую

сдохнуть, но не ответить насилуем? Нет! В момент, когда я увидела то существо — их заживо поедаемую жертву — я хотела смерти всему их роду. Но своими руками? Нет-нет-нет! Да, но разве это не трусость — знать, что кто-то заслуживает смерти, но перекладывать самое главное на чужие плечи. Отстраняться, в попытке сохранить хотя бы условно чистоту рук. Вынырнув, посмотрела на свои ладони снова. Идеально чистая кожа. Вот только для меня кровь с них никуда не делась!

— Голем, вставай. Деспот не отличается терпением, — рванул меня за мокрую руку Алево, поднимая.

При этом он очень пристально уставился на то место, куда меня укусил наikki. Его взгляд был таким, что я невольно прикоснулась там и ощутила под пальцами только гладкую кожу. Глаза блондина несколько раз метнулись к моим и обратно к месту бывшей травмы, будто он размышлял, стоит ли меня о чем-то спросить. Но потом только нахмурился и буркнул: «Живее!».

И я подчинилась. Встала на мягкую траву, ощущая себя в высочайшей степени чистой снаружи и до стерильности опустошенной внутри. Тонкой, как стекло оболочкой, лишенной содержимого, сквозь которую должен свободно проходить свет этого ненавистного мне мира. Тело и волосы высохли моментально, но мне ни до чего не было дела.

— Одевайся! — кивнул мне Алево на небрежно брошенную одежду — теперь точные копии моих джинсов, блузки и кроссовок.

Мне, может, и было бы интересно, почему не серая кожа, как накануне, но точно не сейчас.

— Ешь! — сунул Алево мне серебряное блюдо. Но тут организм взбунтовался.

— Нет! — скрутило так резко, что я двинула рукой по краю тарелки, и она улетела, теряя содержимое по пути. Я сделала это не нарочно, но, однако, замерла в ожидании наказания.

Но Алево лишь покосился на рыжего и Хоуга и, убедившись, что они заняты беседой и не заметили этого моего невольного взбрыка, просто рыкнул:

— Выходим!

За этим последовал уже знакомый мне мелодичный свист, и спустя несколько минут появился Грегордиан. Все выстроились в уже привычный порядок, и мы двинулись вперед. Несмотря на полное внутреннее опустошение, тело по-прежнему было полным сил и подступающей к коже энергией. Казалось, стоит мне подпрыгнуть, смогу помчаться дальше, как упругий мячик. И это состояние бурлящей в моей плоти жизни составляло резкий контраст со все разрастающимся каким-то омертвением сознания и чувств. Мы шли много часов без остановки, и я не ощущала усталости. Не хотелось есть, спать, не мучала жажда. Не интересовал пейзаж вокруг и то, как он меняется с каждым часом пути. Все что я видела — это широкая спина Грегордиана передо мной и цепкий взгляд Алево, если оборачивалась. Оттенок солнечного свет изменился, намекая на близкие сумерки, когда мы вышли окончательно из густого кустарника, в который незадолго до этого превратился лес, на равнину, сплошь покрытую ковром растительности насыщенного салатного цвета. Внешним видом она тоже напоминала съедобную зелень — широкие мягкие листья, вот только толстые и мясистые, в отличие от земного салата.

— Болота! — рыжий и Хоуг выглядели по-настоящему счастливыми.

Поверхность, открывшаяся перед нами, не была совсем ровной. На ней повсюду виднелись кочки, кое-где поблескивали маленькие озерца открытой воды. Разглядеть слишком далеко вперед было невозможно из-за туманной дымки, которая, начинаясь в нескольких сотнях метров от края болота, полностью скрывала перспективу.

Никто не стал останавливаться и отдыхать. Грегордиан оглянулся на меня, будто оценивая состояние, и, сделав, очевидно, свой вывод, приказал:

— Идешь точно за мной! — Развернувшись, он шагнул в салатную зелень, которая тут же с влажным звуком смялась под его ногой.

— Делаешь именно то, что он сказал, голем! — прошептал Алево прямо мне в затылок, и волосы защекотало его дыхание. — Ступаешь точно в его следы, ни полшага в сторону!

Я не стала даже кивать, просто пошла вслед за Грегордианом, морщась от чавканья под ногами. Остальные выстроились в цепочку позади. Идти прямо по следам деспота было слегка тяжеловато, потому как он шагал гораздо шире меня, но я старалась. Поначалу ничего не происходило. Идти по зыбкой почве было неприятно и даже противно, потому что выступающая при нажатии мутная вода затекала в обувь, да и звук ломающихся растений казался мне все более и более мерзким. Но эти мелкие неудобства перестали для меня существовать, когда мы миновали первое же озерцо открытой воды. Издали они казались не больше лужи, при ближайшем же рассмотрении были весьма внушительными. Поверхность почти совсем черной воды была абсолютно неподвижна, но стоило нам поравняться с его краем, как она всколыхнулась, выдавая присутствие чего-то явно живого в глубине. А спустя пару секунд я ощутила, как и без того зыбкая почва пришла в движение. Охнув, я зажала рот ладонью, чувствуя, как ледяные щупальца ужаса сковывают все тело. Зеленый ковер между мной и Грегордианом начал вспучиваться, и я не могла ни пошевелиться, ни оторвать взгляда от этого процесса, обреченно ожидая появления чего-то поистине чудовищного. А потом сквозь пелену моей нарастающей паники прорвался звук уже такого знакомого низкого рыка, от которого вибрировал воздух вокруг и, кажется, даже все внутри меня. И отвратительный пузырь, уже почти готовый прорваться и выпустить на свет нечто жуткое, замер, а потом резко опал, обращаясь снова в ровный участок мокрой почвы. Подняв глаза, я увидела зверя. Огромный и бесконечно устрашающий, он стоял, оскалившись и напрягшись. Под гладкой угольно-черной шкурой можно было рассмотреть каждую вздувшуюся, натянутую, как пружина, мышцу. И в этот совершенно неподходящий момент я поняла, что в жизни не видела ничего больше пугающего и одновременно прекрасного. Живое воплощение дикой мощи и свирепой ослепительной красоты, сплетенное в этом потрясающем теле, источающем в окружающее пространство энергию беспредельной силы и... безопасности. Именно так. Стоя в двух шагах от зверя, я именно в безопасности себя ощущала. Он был ее центром и источником в этом долбаном мире. Зверь поднял голову, и наши взгляды столкнулись, переплетаясь и сливаясь накрепко, и я не смогла сдержать резкого вдоха. Потому что в этих нечеловеческих глазах были обожание и сокрушительная тоска. И они просачивались в мою душу, заполняли легкие вместо воздуха, творя что-то необъяснимое с моими чувствами. Новый всплеск черной воды отвлек зверя, и он молниеносно повернул голову, отбирая у меня краткий момент чего-то так странно похожего на счастье. И все тут же вернулось в реальность. Какое, к чертям, счастье! Я, похоже, уже совсем умом трогаюсь от всех местных ужасов, если в глазах огромного монстра вижу подобное, тогда как мужчина, им же и являющийся, ненавидит меня всеми фибрами души, хоть и не знаю за что.

— Иди! — Алево слегка толкнул меня в спину, и я увидела, что зверь развернулся, ожидая, когда я начну двигаться. Почему-то Грегордиан не стал возвращаться в человеческий облик, продолжая путь в животном.

И, очевидно, это было неспроста, потому что чем дальше мы шли, тем активнее становилось присутствие скрытой угрозы под этой влажной ненадежной поверхностью. Поблизости все время что-то плескалось, шевелилось, приподнимало зеленый ковер и издавало щелкающие звуки. Зверь рычал тихо, но почти непрерывно, и этот низкий угрожающий звук и был единственным, что держало всех этих тварей от того, чтобы продемонстрировать себя нам во всей красе. И я была дико рада этому, потому что даже знать не хотела, кто там скрывается! Господи, и это сюда так жаждали добраться рыжий и Хоуг? Точно психи!

Говорят, человек может привыкнуть к тому, что его пугает, и перестать это замечать. Вот только со мной это не работало. День стремительно заканчивался, а вот проклятому болоту с его обитателями конца видно не было. Неужели мы и в темноте будем тут идти? Господи, да я себе этого кошмара и представить не могу! Если и сейчас у меня все обмирало и каменело, когда очередной живой бугор вздымался особенно близко, то в ночи я просто умру от страха. Тем более что с приближением сумерек движение вокруг набирало обороты. Всплески в озерцах были все громче, растительный ковер поднимался все чаще и ближе, и ко всему добавились леденящие сознание звуки: уханье, тихий пересвист, то тут, то там, впереди, сбоку, потом сразу позади. словно твари переговаривались, а может, и решали, как бы нас угробить скопом и сразу. Зверь, видимо, все это тоже ощущал, как и мужчины позади меня. Он уже не рычал, а громогласно рявкал, перекрывая пересвист тварей, а его большое тело стало похоже на живую подвижную сталь из-за предельного напряжения каждой мышцы. Весь его вид сигнализировал о готовности к атаке в любую секунду. Коротко глянув назад, когда Алево в очередной раз подтолкнул меня, ускоряя, я заметила появившиеся в руках всех троих кинжалы с длинными широкими лезвиями, что делало их похожими на небольшие мечи. И почему-то, увидев их, я окончательно запаниковала.

— Почему, ради всего святого, мы не могли пересечь это ваше проклятое болото днем! — не выдержав, крикнула я, и зверь стремительно оглянулся.

— Молчи! Ты его отвлекаешь! — снова пихнул меня в район поясницы блондин.

— Прекрати меня толкать! — огрызнулась я. — У меня там синяк уже!

Зверь снова бросил на нас краткий взгляд и в этот раз рыкнул определенно адресно и совсем не на меня.

— Тогда просто двигайся быстрее, голем! — ответил Алево, но тычков больше не последовало.

И я двигалась. Матеря про себя на чем свет стоит и чавканье под ногами, и своих спутников, и их гадский мир с гребаной Богиней вкуче, чтобы только не думать, не слышать, не понимать, что становится все темнее и страшнее. Но вечно себя невозможно защищать от реальности злостью. И в тот момент, когда мои моральные силы уже иссякли, сплошная туманная завеса расступилась, и я увидела впереди какие-то строения. А несколько секунд спустя мои ноги оказались на твердой, совершенно нормальной почве. Мне захотелось рухнуть на колени и разрыдаться, давая выход всему напряжению. Но остановиться мне никто не позволил. Зверь в несколько прыжков исчез, чтобы спустя минуту вернуться в виде мрачно глядящего на меня Грегордиана. Если Алево сохранял относительное спокойствие, то Хоуг и рыжий топтались на месте, как застоявшиеся ретивые кони, явно желая нестись вперед.

— Идите, пусть все подготовят! — сказал им Грегордиан, и мужчины сорвались с места, как камни, выпущенные из пращи, и ломанулись в сторону смутно виднеющихся сооружений.

— Ты тоже? — усмехнувшись, спросил деспот у Алево.

— Нет, — ответил ему блондин с такой же усмешкой. — Там на всех хватит, чего нестись-то?

— Идем, — обратился Грегордиан ко мне. — Самое время нормально отдохнуть и расслабиться.

По мере приближения я все лучше могла разглядеть строения. Хотя, называть их строениями будет как-то неправильно. Стены невысоких домов состояли из очень плотно посаженных рядом стволов живых деревьев. Их гибкие ветви, переплетаясь, заполняли все просветы, создавая сплошную живую преграду. Вверху они сходились вместе, создавая некое подобие остроконечной крыши, увенчанной пышной общей кроной. Очень странно, но я, кажется, уже совершенно потеряла способность удивляться.

— Где мы? — безразлично огляделась я.

— В деревне женщин тару-ушти, — ответил Алево и снова ухмыльнулся, только в этот раз с откровенно похабным подтекстом. — И нас здесь весьма рады видеть.

Между странными древесными домами и правда показались несколько женских фигур. В сгущающихся сумерках усиленных тенями от стен рассмотреть детали было сложно. Лишь силуэты. Довольно высокий рост, узкие плечи, мягкие очертания массивной груди и щедрых бедер. Откуда-то донесся стон, и, глянув туда, я увидела Хоуга, который вжимал женщину прямо в стену ближайшего дома, жестко толкаясь бедрами. Еще одна терлась об него сзади, словно не могла дождаться своей очереди.

— Да, юноша весьма оголодал из-за задержки с тобой, — хмыкнул блондин, перехватив мой взгляд.

Ничто во мне не откликнулось от этой непристойной сцены. Ни любопытства, ни раздражения, ни отвращения. Вообще ничего.

— Счастливы приветствовать тебя, архонт Грегордиан! — пока я пялилась на Хоуга, бесстыдно и агрессивно таранящего тело под ним, к нам подошли три... хм... ну, скажем, дамы. Сейчас, когда они стояли прямо напротив, я рассмотрела мельчайшие мягкие чешуйки зеленоватого цвета, покрывающие все их тела. Одежда — какие-то шнурки и лоскутки кожи, ничего не скрывающие, волос не наблюдалось. Красивые идеальной формы черепа были абсолютно лысыми. Между пальцами прозрачные перепонки. Вытянутые к вискам широко расставленные глаза, изящные очень маленькие носы и очень полные губы, изогнутые сейчас в откровенно похотливых улыбках. По мне скользнули настороженными, почти враждебными взглядами и вернули все внимание мужчинам.

— Ну, здравствуйте, змейки мои, — я узнала этот мурлыкающий бархатистый тон Алево. Именно им он на моих глазах буквально заморозил ту продавщицу. — Есть у вас что-то, чтобы развеять мою скуку?

— Але-е-во-о-о! — протянули довольно встречающие.

Дамочки шагнули ближе, и одна из них прильнула всем телом к боку деспота, недвусмысленно потираясь. И меня шокировали тот гнев и отвращение, что я испытала, наблюдая за соприкосновением их тел. Словно кислота, невесть откуда взявшись, наполнила мое горло и потекла из него в желудок и дальше по всему телу. Резко отвернувшись, чтобы не видеть, я натолкнулась на пристальный взгляд Алево. Несмотря на то, что он прижимал к своим бокам еще двух женщин и скалился довольно-похотливо, он явно наблюдал за моей реакцией. Да какого черта!

— Сначала помыться и поесть! — приказал Грегориан, бесцеремонно отодвигая трущуюся об него женскую особь. Он не выглядел так же дружелюбно настроенным, как блондин. Хотя стоит ли этому удивляться? Сомневаюсь, что он вообще умеет что-то, кроме как рычать и отдавать приказы, ожидая немедленного их исполнения.

— Конечно, мой архонт, — склонилась перед ним женщина, и я заметила, как она изменилась в лице. Прежняя обольщающая расслабленность исчезла, и в раскосых глазах мелькнул страх. — Ты будешь доволен.

— Очень на это надеюсь! — последовал высокомерный ответ.

Нас повели вперед, приглашающими жестами указывая дорогу.

— Эй! — обратилась одна из «змеек» ко мне. — Тебе сюда!

Она указала на дом чуть в стороне, тогда как Алево и Грегориана вели дальше.

— Нет! — рявкнул деспот так, что женщина буквально отпрыгнула от меня, тут же оскаливаясь в испуге, демонстрируя немаленькие клыки. — Она будет там же, где и я! Голем! Ко мне!

Сволочь! Я что, собака? Шла к нему, опустив глаза от унижения и чтобы не выдать того, как же я его ненавижу в этот момент.

— Голем... — шепоток нескольких женских голосов сопровождал каждый мой шаг, и мне чудились в нем презрение и насмешка. Едва держалась, чтобы не вскинуть голову и не прокричать: «Пошли вы все! Я человек!».

Глава 39

Нас довели до приличных размеров площадки, окруженной со всех сторон домами. Ее центральную часть занимал большой, очевидно, природный бассейн, все подступы к которому были устланы тоже стволами изогнутых деревьев, только они стелились по земле, переплетаясь и создавая нечто вроде сплошного настила. Над самой ванной поднимался пар, и немного пахло йодом и еще чем-то незнакомым, но не отталкивающим. У дальней стены, вальяжно откинувшись на бортик, сидел рыжий. За его спиной, свесив ноги в воду, примостилась одна из чешуйчатых дамочек и мяла ему плечи. Рыжий прерывисто дышал и постанывал, его лицо было сведено гримасой экстаза. Дернувшись, он запрокинул голову, упершись затылком в живот женщины позади, и захрипел. Через пару секунд из-под воды перед ним вынырнула еще одна местная соблазнительница.

— Такая бесполезная потеря семени, — проворчала она недовольно.

— Успокойся, змейка, — сипло хохотнул рыжий. — Во мне его достаточно для удовлетворения всех ваших нужд.

— Надеюсь, так и есть, прекрасный асраи, — тут же замурлыкала тару-ушти, обвивая его шею и приликая плотно, словно чертов пластырь.

Мда, очевидно, Алево говорил правду, и секс не является для местных действом интимным. Скорее уж наоборот.

Блондин и Грегориан позволили сопровождающим стянуть с себя кожаные штаны и тоже погрузились в воду. Деспот — молча и чуть кривясь, Алево же — издав долгий стон

удовольствия. Троица прелестниц скользнула за ними следом. Обо мне, кажется, просто вообще забыли. Я ничего не могла поделать с тошнотворным чувством внутри, когда одна из женщин взяла с живого помоста нечто похожее на большой кусок природной губки и стала омыwać тело Грегордиана медленными ласкающими движениями, потираясь об него с совершенно очевидными намерениями. То, чем занимались Алево и рыжий, я уже просто не замечала, а вот это действие вызывало во мне чувство противоестественности происходящего. Зеленая рука с перепонками скользнула по плечам и затылку деспота, когда чешуйчатая дрянь практически взобралась на него, мерзко постанывая. Каждое ее движение и трение о тело моего бывшего любовника ощущалось на моем словно ожог. В конце концов, я ведь не обязана за этим наблюдать верно? Пусть делают что хотят, мне до этого не должно быть никакого дела, пока меня никто не трогает. Едва я собралась отвернуться, Грегордиан оттолкнул женщину.

— Я сказал ванна и еда, еланья, — раздраженно сказал он, и женщина испуганно отпрянула, а с ее лица на пару секунд слетела маска нарочитой похоти, выдавая истинные чувства. Она боялась Грегордиана. Очень-очень сильно.

— Ты долго стоять там будешь, голем? — повернулся ко мне деспот. — Ведь ясно сказал, что ты должна быть там же, где и я.

— Нет! — с опрометчивой горячностью выкрикнула та, что мяла плечи рыжему. — В нашей воде не будет чужих женщин!

Причем слово «вода» она произнесла с особой значимостью, как говорят о чем почти сакральном, а не о простой жидкости.

— Ты осмеливаешься мне говорить «нет»? — спросил Грегордиан очень тихо, мгновенно напрягаясь, и все вокруг моментально застыли, прерывая свои занятия. Повисла мертвая тишина.

— Не... нельзя, — испуганно заикаясь, ответила женщина, съеживаясь. — Богиня против этого!

— Богиня против или вы сами, ревнивые змейки? — насмешливо фыркнул Алево, немного снимая напряжение момента. — Успокойся, Богиня не станет гневаться за то, что вы следуете приказам своего архонта.

— Прости, архонт, моя дочь слишком юна и впервые с момента вступления в возраст видит прекрасных мужчин асраи, — склонив голову, затараторила та, что только что терлась об деспота. — Неудивительно, что она проявляет жадность, ведь вряд ли у нас скоро будут такие же гости.

Грегордиан дернул головой, закрывая тему, и все заметно расслабились.

— Тем более она даже не человек. Голем, — погладил возразившую деспоту по бедру, лежащему у его плеча, рыжий.

Пошел ты, рыжий похотливый мерзавец!

— Я принимала ванну, — замотала я головой, отвечая Грегордиану. Нет, ни за что я не хочу находиться там, рядом с ними всеми.

— Я разве спрашивал об этом? — от ледяного голоса Грегордиана вздрогнула. — Раздевайся и иди сюда! Помой меня!

«Я не буду! Нет!» едва не закричала я, но тут опять ощутила прожигающий взгляд Алево, который буквально вопил «Не смей!» И я не посмела.

— Разве я что-то сделала не так, архонт? — пробормотала тару-ушти перед ним.

— Я хочу, чтобы это сделала она! — ну, конечно, Грегордиан ни перед кем не отчитывается, а только ставит в известность о своих желаниях.

На лице еланьи мелькнуло... облегчение? Да, очень похоже на то. Пламенной страстью к архонту Грегордиану тут никто не пылает, это совершенно очевидно. Не могу сказать, что я их не понимаю.

Наверное, мне должно быть некомфортно обнажаться не только перед мужчинами, которые и так видели меня голой, но и перед этими женщинами, что теперь пялились на меня откровенно враждебно и критично. Вот только за эти несколько суток здесь я уже совершенно забыла, как это — ощущать душевный комфорт, так что без разницы. Степень внутреннего онемения достигла той кондиции, когда все стало безразлично. Быстро раздевшись, я опустила в почти горячую воду и сдавленно вздохнула от ее ласкающего прикосновения. Но зародившееся удовольствие тут же испарилось, когда Грегордиан напомнил о себе.

— Голем, я здесь и все еще жду!

Скотина! Взяв из рук еланьи пористую мочалку, без всякой жалости стала натирать Грегордиана, стараясь держать ее так, чтобы не касаться его обнаженной кожи и смотреть не на его тело, а за мощное плечо. Но полностью дистанцироваться не удавалось. Щекотный пульсирующий ком зародился в районе диафрагмы и стал медленно, но неумолимо расплзаться вверх и вниз, завладевая если и не сознанием, то плотью.

— Нежнее, голем! — прошипел деспот, наклонившись вперед, так что мои соски соприкоснулись с его грудью. Эффект был убийственный для меня. Вершинки мгновенно затвердели, а тело прошило как электричеством. Вскинув голову, я встретилась взглядом с деспотом. Он ухмыльнулся и, не отводя глаз, щелкнул пальцем по моему напрягшемуся соску, отчего я снова вздрогнула. Ублюдок! В ответ я резко провела мочалкой в районе его паха, и Грегордиан дернулся и зарычал. Но я тут же пожалела о сделанном. Потому что он был твердым. И на краткое мгновение сознание заполнили воспоминания, как это ощущалось, когда он двигался в убийственном темпе глубоко внутри. Как его пальцы терли мой клитор, пока я заходила в крике. Как его рука стискивала мою изнывающую от сладкой боли грудь, пока я корчилась в оргазмических спазмах... та самая рука, что потом сжимала мою ладонь вокруг рукояти клинка, вырезая чужое сердце. Живот снова свело, и к горлу подступила горечь и тошнота. Вернулось состояние полного опустошения. Грегордиан, словно мгновенно уловив изменение, потемнел лицом и развернулся ко мне спиной. Дальше я мыла огромное тело моего бывшего любовника монотонными механическими движениями, мечтая лишь о том, чтобы это закончилось быстрее. Стоны и крики удовольствия за спиной тоже как будто перестали существовать.

— Что-то еще? — равнодушно спросила я Грегордиана, когда закончила с его спиной.

— Нет! — глухо рявкнул он в явном раздражении и, поднявшись на руках, покинул горячую воду, сверкнув своей твердой, словно вырезанной из цельного камня задницей. — Нам подадут сегодня пищу, еланьи?

Недвусмысленная суэта сзади тут же затихла. Алево выбрался из воды вслед за деспотом.

— Архонт, я, пожалуй, откажусь от пищи в пользу секса, — заявил рыжий, ухмыляясь и оставаясь на месте.

— Дело твое, Сандалф. Главное, чтобы утром ты мог ходить, — хмыкнул Грегордиан. — Еланы могут быть весьма требовательными и изобретательными.

— Я точно смогу, а вот за остальных не ручаюсь, — хвастливо ответил рыжий, сдергивая в воду ту самую девицу, что имела глупость возразить деспоту.

Мужчинам и (нехотя) мне были предложены мягкие отрезки ткани, прекрасно впитывающие воду. Вытерев себя, Алево бросил ее на настил, а вот Грегордиан обернул вокруг бедер. Я последовала его примеру, закрепляя на груди материал и прикрываясь хоть немного. Приказа оставаться голой ведь не последовало. В этот момент, наконец, появился Хоуг в сопровождении целой компании местных девиц и с разбега плюхнулся в воду.

— А ты не торопился, — поддел его рыжий.

— Зато многое успел! — довольно оскалился тот, отплевываясь и тряся головой.

Нас сопроводили в один из древесных домов. Вход был низким, так что пришлось сгибаться даже мне. Мебель здесь была, похоже, не особо в чести. Посредине стоял стол, едва возвышающийся над поверхностью пола, покрытый уже знакомыми мне листьями салатного цвета особенно крупного размера. Они и служили тарелками для разнообразных угощений. Вокруг были разбросаны подушки. Не такие шелковые и роскошные, какие «наколдовывал» Алево для меня, но на вид достаточно удобные. При виде пищи мой желудок опять взбунтовался. А когда ноздрей коснулся ее запах, стало намного хуже. Казалось бы, вкусные ароматы вдруг слились для меня и трансформировались в один. Жуткую вонь из гнезда наkki. Запах смерти и страданий. От усилий скрыть свою реакцию выступили слезы. Алево и Грегордиан развалились за столом и стали молча с аппетитом есть.

— Почему здесь только женщины? — спросила я, просто чтобы хоть как-то отвлечься от дурноты, упорно стараясь смотреть в сторону.

— Потому что мужчин, а точнее, самцов тару-ушти ты имела удовольствие наблюдать, когда мы пересекали болото, — охотно ответил Алево и закинул в рот очередной кусочек чего-то, похожего на жареную рыбу. Я снова поспешно отвела глаза.

— Эти... те, кто пытался нас там сожрать, это они? — Тоже мне, нашел удовольствие! И вообще-то ни одного я так и не увидела и не сказать, что об этом сожалею.

— Тару-ушти не едят ничего, кроме рыбы. Просто убили бы, если бы осмелились, — почти легкомысленно пожал плечами блондин.

— Почему? — хотя к чему вопрос? В этом мире явно нет существ, не пытающихся убить других, не важно, в каких целях.

— Потому что они совершенно бесплодны. И для того, чтобы их род не прервался, их женщины должны получать семя любых других племен фейри, голем. Но то, что они вынуждены с этим смиряться, не добавляет им добросердечия и радушия к гостям мужчинам. Поэтому они с удовольствием растерзают того, кто окажется им по зубам.

— Очередные творения вашей Богини? — скривившись, уточнила я.

— Точно! — довольно отозвался Алево.

— Зачем она создает что-то или кого-то вроде плотоядных цветов, накки и вот этих бедолаг, вынужденных смиряться с необходимостью подкладывать своих женщин под чужаков ради потомства?

— Потому что может! — подал голос молчавший до сих пор Грегордиан. — Ты не ешь!

Само собой, это не вопрос.

— Я... не могу.

Я избегала смотреть на деспота, вместо этого наблюдая, как предупреждающе сузились ярко-голубые глаза блондина напротив. Вот только это бесполезно.

— Я приказываю тебе поесть! — повысил голос деспот. — Завтра нам идти целый день. Мне не нужно, чтобы ты плелась и ныла.

Говори, что хочешь!

— Ты можешь приказать хоть сто раз. Это ничего не изменит, — равнодушно ответила, игнорируя гневную гримасу Алево.

— Ты сомневаешься в моей способности заставить тебя сделать то, что я приказываю? — жуткие вкрадчивые нотки в голосе, от которых мурашки по телу. Вот только никакие мурашки не смогут забраться достаточно глубоко, чтобы пробудить прежний отклик.

— Нисколько! В принуждении ты, очевидно, профи!

— Подойди! — рыкнул Грегордиан и, когда я послушалась, рванул за руку, вынуждая упасть на колени на подушку. От резкого движения ткань развернулась и опала.

Схватив с листа кусочек, он поднес к моему рту.

— Ешь! — приказал деспот.

От болезненно сжавшегося узла в животе у меня даже зубы свело. Но я, преодолевая дикое сопротивление организма, разжала их и приняла пищу. словно питомец из рук владельца. И это было отвратительно. Нет, не столько сам факт подобного насильственного кормления, потому что пальцы Грегордиана скользнули по моим губам аккуратно и, можно сказать, почти нежно. При других обстоятельствах это выглядело бы, наверное, чувственной игрой. Но вот вкус... На моем языке будто оказался грязный песок, и чем дальше я жевала, тем хуже становилось. В итоге я все же не смогла выдержать и, вскочив, побежала к выходу, где и выплюнула эту мерзость.

Обернувшись, заметила, как Алево и деспот обменялись долгими многозначительными взглядами.

— Вернись на место, — хоть и приказ, но сильно смягченный.

— Какой на вкус показалась тебе пища? — почти вкрадчиво поинтересовался блондин.

— Отвратительной! Это вообще не еда, а мусор какой-то!

— Попробуй еще раз! — надавил деспот.

— Нет!

— Я сказал — ешь! — рывкнул он так, что, кажется, стены содрогнулись. Но вместо страха и желаний подчиниться его давлению привело к обратному эффекту. Все во мне оцетинилось, отвергая и пищу, и его приказы.

— Я не буду! Не. Буду! — наши взгляды столкнулись, и на меня словно тяжеленная плита свалилась, желая размазать по земле. Несколько секунд Грегордиан удерживал меня под этим давлением, но мое сознание обрело новую способность. Пропускать подобное сквозь себя, как вода расступается перед камнем и смыкается снова, не оставляя и следа. Очень медленно деспот повернул голову в сторону Алево, разрывая контакт наших глаз постепенно.

— Друг мой, я бы хотел остаться один! — сказал Грегордиан без всяких эмоций, и блондин поднялся и исчез без единого слова.

Ну да, остался он один. Я ведь вроде как и не в счет.

— Ешь! — кивнул деспот на еду снова, но я только покачала головой.

— Почему?

— Потому что просто не могу, после того что ты заставил сделать меня прошлой ночью!

— И что же это, по-твоему? — его показное спокойствие слетело моментально.

— Вынудил убить! — ничего не смогла поделать с тем, что не сказала, а почти выплюнула слова.

— Я спас твой разум и проклятую жизнь! — яростно ткнул мужчина в меня пальцем.

— Жизнь? — взорвалась я. — Это у тебя язык поворачивается назвать жизнью?! Быть просто твоей вещью? Я все равно что мертвая! А мертвым пища не нужна!

— Очевидно, нужно тебе продемонстрировать, насколько ты ошибаешься, объявляя себя мертвой! — угрожающе медленно произнес деспот, а в следующее мгновение рванул за руку и повалил на подушки лицом вниз, придавливая всем телом сверху. И от этого я окончательно взбесилась. Забилась под ним, неистово крича во все горло и колотя свободной рукой куда придется. Конечно, это было смехотворно, и Грегордиан без усилия не только удерживал меня, но и раздвинул мои ноги своими и сильно вжался эрекцией в ложбинку между моими ягодицами. И тут меня буквально оглушила и отняла воздух острая судорога удовольствия от всей этой его обездвиживающей тяжести и жесткости. От такого мучительно знакомого экзотичного запаха и когда-то до одури желанного обжигающего контакта кожа к коже. Та самая сокрушительная сила внутри меня, что безрассудно толкнула впервые в его объятия, снова пронзала все тело жесткими разрядами раз за разом, но я отказывалась ей сдаваться. Я боролась с ней, с собой, с Грегордианом изо всех сил, уже точно зная, что терплю поражение, и ненавидела отчаянно. Вот только не знала, кого больше в этот момент — мужчину, когда-то вождя как никто в мире, но теперь стремящегося подавить меня любой ценой, или себя за дикое, отнимающее контроль желание подчиниться ему. Все, что мне оставалось в этом набирающей скорость водовороте безумия — это бросаться в него словами, пытаюсь держаться хоть за иллюзию возможности сопротивления.

— Ну, и что ты сделаешь деспот? Изобьешь меня? Придушишь? Изнасилуешь? По-твоему, это заставит меня ощутить себя снова живой?

— Могу и так! — в противоположность своему давлению горячо шептал Грегордиан в мое ухо. — Это было бы проще, но тогда у твоего упрямства будет почва, чтобы оттолкнуться, а у сопротивления — топливо для горения. А я тебе не намерен их давать!

Одна моя рука оказалась зажата подо мной, и деспот протолкнул свою ладонь к ней, с усилием переплел наши пальцы и потянул вниз. Нажимая, вынудил накрыть промежность и стал ритмично надавливать в идеальном месте, отчего меня каждый раз сводила судорогой, которую никак было не скрыть. И это было невыносимо. Беспощадные картины нашей прежней близости смешивались и боролись с видениями той страшной ночи, когда вот так же бесцеремонно он управлял мною.

— Не смей! Нет! — рвалась я из-под его тела, но не могла сдвинуть даже на сантиметр. Как и была бессильна остановить собственное стремительное скатывание в лихорадочный чувственный раж. С каждым новым движением пальцев Грегордиана я проваливалась в него, словно в проклятую кроличью нору с гладкими скользкими стенками, не дающими ни единого шанса зацепиться и прекратить это безумие. Тонула, захлебывалась в собственном порочном темном омуте, без шанса снова увидеть солнечный свет прежним. Потому как, только достигнув дна, изменюсь насовсем.

— Нет! Не хочу тебя! Не хочу этого!

— В самом деле? — выдохнул мне в самое ухо мужчина, выдернул наши сплетенные руки и мазнул по моей щеке, оставляя обильную влагу. — Давай, лги мне снова, голем. Как будто я и раньше не понимал, что нельзя верить не единому твоему слову!

Отпустив мою кисть, он теперь пропихнул под меня обе ладони. Сжал груди так сильно, что я закричала от импульса, жестко выгнувшего мой позвоночник.

— Ври мне, что не хочешь ничего из этого! — рычал он у моей кожи, жестко целуя и обжигая краткими укусами плечи, шею, затылок и мочку уха. — Солги, что твое лоно не сжимается сейчас, похотливо умоляя о моем члене!

Руки Грегордиана спускались ниже, сжимая и терзая по пути в то время, как он отодвинул бедра, но только для того, чтобы позволить члену соскользнуть между моих раздвинутых ног и начать тереться жесткой пульсирующей длиной по моей влаге, упираясь каждый раз головкой в клитор. Его движения были резкими и посылали яркие вспышки боли, которые сменялись волнами острейшего кайфа едва отступал, ослабляя напор.

— Говори, что хочешь, кричи, сыпь ругательствами, делай, что угодно... — это могло быть рычанием, если бы не звучало уже настоящим звериным свирепым мурлыканьем. — Потому что мне плевать!

— Сволочь! Ты просто искал гребаный повод трахнуть меня снова! — огрызнулась я.

— Мне не нужен повод! Достаточно просто захотеть! — вдавив раскрытую ладонь в мой живот, Грегордиан подставил меня под свое первое сокрушительное вторжение. — Беру, что хочу и когда хочу!

И во мне тут что-то словно лопнуло, взрывая некую печать, что стягивала, удерживала мое сознание, сохраняя ту Анну, которой я была всегда. Обжигающие осколки брызнули по

кровотоку, меня меня безвозвратно. Я ничего больше не отдам, не получив чего-то взамен. Безжалостно впившись ногтями в бедра Грегордиана, я выгнулась и стала остервенело толкаться навстречу каждому его выпад.

— Вот та-а-ак! — захрипел он. — Я знал... знал.

— Пошел ты со своим знанием! — я ни за что не признала бы в этом животном рыке свой голос. — Дай мне, что я хочу, долбаный ты деспот!

Грегордиан замер, дрожа всем телом.

— Здесь я тот, кто отдает команды! — может, в другое время это прозвучало бы устрашающе, но слишком уж много в его голосе было откровенной жажды.

— Да наплевать! — Царапая его так, что ощутила под ногтями горячую влагу, резко насадилась до предела, свирепо требуя еще. И от этого мужчина словно обезумел. Он врезался в меня снова и снова, натягивал мои волосы, оставлял обжигающие росчерки зубов на плечах. И я не просто принимала все это. Хотела, жаждала, требовала больше, сильнее, жестче. Подчиняясь, да, но коварно желала выпить досуха. Оргазм не нарастал, как раньше, постепенно. Он был внезапным, каким может быть только настоящий взрыв. И неистовство Грегордиана, последовавшего за мной растянуло его, казалось, до размеров вечности.

Повалившись набок, он еще продолжал толкаться, все медленнее, будто не желая останавливаться окончательно.

— Я тебя ненавижу, — тихо, но четко произнесла я, как только дыхание чуть успокоилось.

— Поверь, это абсолютно взаимно, — ответил Грегордиан и, повернув к себе мое лицо, поцеловал властно и глубоко, и я ответила, нисколько не сдерживаясь. — Вот только это ничего между нами не меняет.

Глава 40

— А можно обойтись без этих проклятых туманных фраз? — усмехнулась я, глядя на сходящиеся в один огромный пучок стволы на потолке. — Можешь просто сказать, что будет со мной?

— То, что я посчитаю нужным. — Это что, призвание особое — быть до такой степени засранцем?

— То есть, пока ты не знаешь?

— Я размышляю над этим. — Ну и пошел ты, деспот. Ясно, что ответов не будет.

— Я могу как-то повлиять на то, в какую сторону склонятся твои размышления?

— Не можешь. Но если будешь продолжать пытаться так же, как только что, это будет нравиться нам обоим, — кривая циничная ухмылка и резкое движение бедер, не намекающее, а прямо говорящее, что он имеет в виду.

Бесстыжий, похотливый кобель! Как будто без этого я бы не догадалась! Думаешь, я стану выторговывать своим телом твою благосклонность, если уж жизнь так не купить?

— Ты говорил, что я не привлекаю тебя больше. — Зачем затрагиваю эту тему? Что надеюсь услышать?

— Меня нет, — после продолжительной паузы ответил Грегордиан. — Но моего зверя влечет сверж всякой меры. А я больше не хочу с ним бороться.

Ну, и кто теперь лжец? Может, я ни черта не понимаю во всех местных магических штуках, но точно знаю, кто занимался со мной сексом только что. И это точно был не зверь, ибо уверена, что он был бы нежен, в отличие от своей бессердечной, хоть и весьма человекоподобной ипостаси. Откуда знаю? Неважно. Просто знаю и все. Жалуюсь ли я на чрезмерную жесткость? Нет. С некоторых пор предпочитаю все в натуральном виде. В том числе и элементарную похоть. Это лишает иллюзий, но чудесным образом придает взгляду кристальную чистоту.

— Разве это нормально — желать кого-то, кого так ненавидишь? — Аня, да о чем и кому все это?

— Себя спрашиваешь или меня?

— Неважно.

— Люди, к которым ты себя упрямо причисляешь, смешивали секс с ненавистью с начала времен.

Вот откуда это неуместное ощущение, что он все старается для меня облегчить или хоть облечь в более привычные формы? Ведь разумом я понимаю, что наплевать ему на мое восприятие.

— Так неправильно. Это все уродует и извращает, — отмахиваюсь я хоть и не гневно, но однако непримиримо.

— Ты слишком мало знаешь, чтобы утверждать, что правильно, а что нет.

— Что со мной будет? — настойчивее спрашиваю я и опять поворачиваю голову, чтобы лишь на секунду успеть уловить всполох эмоции в серых ледяных омотах.

Будь ты проклята, чокнутая Богиня, сотворившая безумный мир и этого невыносимого мужчину! Да за одну эту краткую вспышку истинного, изначального я готова сдохнуть хоть сейчас! Почему-у-у?!!

— Ты будешь и дальше делить со мной постель, — ответил Грегордиан, отворачиваясь и порождая тысячу вопросов, но главный всего один. А реален ли отблеск чувства, что я заметила, или я вижу лишь то, что хочу увидеть, и подо льдом только еще один слой льда, такого же обжигающе холодного? — Я же постараюсь найти способ оставить тебе жизнь.

Оставить? Как это? Жизнь как нечто типа бонуса в подарок? Или как долбаный рождественский презент, но с условиями?

Как же хотелось завопить во все горло — да сука, подавись ты им!!

— Она такой и будет, эта жизнь? — Но вместо крика у меня лишь вкрадчивый шепот. — Я останусь твоей безвольной игрушкой, которую можешь убить, если не угодила, или швырнуть друзьям, как кость собакам?

— Я тебя уже не убил! — Грегордиан, говоря это, не смотрит на меня, и поэтому мне нет нужды прятать краткий оскал, пока разворачиваюсь и утыкаюсь лицом в его грудь. — И прежнего гнева уже не испытываю. Не зли меня снова, и я не причиню тебе излишней боли.

Вот значит как. Излишней. Если он меня и убьет, то сделает это гуманно. Как же меня это утешает! Хотя, может, в моем случае стоит говорить не «если», а «когда». А вот ответа, намерен ли он мною делиться, не последовало. Ну, так и что за существование ждет меня впереди? Разве вообще стоит жить? Засыпать, просыпаться, ходить, есть, дышать, зная, что в любой момент твоим временем, телом, душой, жизнью кто-то может распорядиться, как ему вздумается? Существовать в клетке, из которой просто не существует выхода, потому что по всему выходит, что именно эта самая чертова клетка и есть единственная зона безопасности в окружающем хищном безумии? Нет, мое сознание отталкивало, наотрез отказывалось принимать факт подобной действительности. Но в этот момент я вдруг вспомнила как мельком, когда-то в моей уже прошлой реальности видела передачу о девушках, которые попали в сексуальное рабство. Какие ужасы им пришлось пережить, оказавшись в чужих странах без прав, без поддержки и без малейшей надежды. Тогда мне стало такое тяжело смотреть, и я поспешила выключить, но запомнилось, что сказала одна из этих девушек с глазами древней старухи. «Я решила, что выживу. Несмотря ни на что. Потому что только там я поняла, что нет ничего важнее, чем знать, что новый день для тебя все же наступил».

И это говорила девчонка, которую похитили в шестнадцать, жесточайше избивали и безжалостно насиловали бесчисленное количество раз, держали Бог знает сколько в грязном подвале без единого луча солнца, морили голодом и уничтожали саму ее личность. Разве у меня все настолько плохо? Грегордиан напал на меня? Да. Но не убил. В гневе отдал своим дружкам, но все обошлось. Заставил убить? Ну, с этим ничего не поделать и придется просто принять этот факт. Взял силой? Нет, на самом деле неправда. Я хотела его. Несмотря на всю противоестественность самого наличия желания при подобных обстоятельствах оно было. Было!! Не отвертись, не сотрешь, не перепишешь заново! И мне его сейчас не анализировать надо, а использовать как щит для собственной души. Я ни в чем, ни в едином моменте не готова оправдывать действия Грегордиана, обращенные на меня, но смысл изводить себя, убиваясь? Изматывать, смакуя и перебирая каждую унижительную подробность? Единственное живое существо, кому от этого больно, — я. Да, ненавижу себя и даже презираю за низменную неодолимую тягу к этому мужчине, но не настолько, чтобы казнить долго и изощренно, пытаясь больше, чем может кто-либо извне. И уж точно не настолько, чтобы с легкостью отказаться от дара жизни! Какая разница, как я его получила, какой ценой он, возможно, кому-то обошелся, но теперь он мой! И я должна искать способ его сохранить, не дать отнять, а не добровольно смиряться и, погрузившись в уныние и бесчувствие, позволить ему просто утечь безвозвратно. Я собираюсь жить, а не медленно умирать в этом проклятом мире! Не может быть, чтобы не было здесь места, где все будет хотя бы сносно, где я не смогу хоть сколько-то снова управлять своей судьбой. Но я никогда не узнаю об этом, если сдамся сейчас.

Но даже если все так сложится, что осталось мне совсем немного, то тем более не желаю провести последние дни в роли вечно рыдающей жертвы, тянущей руки к палачам в нижней просьбе о смягчении приговора. Сам чертов приговор еще не прозвучал, хоть и витает в воздухе, но лучше уж я буду пить взахлеб, смакуя и с бесстыдным наслаждением катая на языке каждую оставшуюся минуту, чем стану стенать и вымаливать у своих или чужих богов милосердия.

Словно отвечая на мои мысли, желудок громко заурчал, и я без лишних раздумий села к столу и услышала, как самодовольно хмыкнул Грегордиан позади меня. Ну, да, наверняка его самомнение припишет мое волшебное возвращение аппетита чудодейственной силе его члена.

Кому нужны гастроэнтерологи, психологи и прочие маститые «-ологи», когда есть фантастический член деспота Грегордиана?

— Ну как? — спросил он, когда я стала пережевывать первый кусочек.

— Нормально. Рыба. — Голод, едва обозначившись, вдруг обрел зверскую силу, и я едва сдерживалась, чтобы не начать жадно давиться, стремясь его унять.

В самый разгар моего совершенно не эстетичного пиршества внутрь дома проскользнула та самая дамочка тару-ушти и, полоснув по мне мимолетным взглядом, опять нацепила свою искушающую улыбочку и, медленно покачивая бедрами, пошла к деспоту.

— Желаешь ли ты, архонт, продолжить эту ночь в моей компании или прислать кого-то из самых юных еланий? — замурлыкала она, и у меня кусок в горле застрял от мгновенно полыхнувшего чистейшего бешенства.

— Пошла вон отсюда! — не своим голосом рявкнула я, прежде чем смогла себя остановить.

Раскосые глаза этой змеи расширились от шока. Ага, теперь она почти в ужасе смотрела прямо на меня, а я, осознав содеянное, окаменела, ожидая, когда обрушится кара.

— Мне не потребуется общество никого из вас, еланья, — послышался спокойный голос Грегордиана.

Теперь женщина смотрела на него и выглядела будто готова заплакать. Если эти чертовы похотливые рыбы вообще могут плакать. А главное, о чем?

— Означает ли это, что теперь наша деревня лишена твоей защиты и покровительства, мой архонт? — едва не заикаясь, пролепетала женщина, и в этот момент мне стало стыдно до удушья. Я ведь заметила раньше и была почти уверена, что расстилаются они перед деспотом не от большой любви к нему.

— Нет, еланья. Вы делаете довольными моих асраи, и поэтому все останется по-прежнему. А сейчас тебе лучше уйти побыстрее, — нотка тонкой усмешки проскользнула в тоне мужчины, и он бесцеремонно, хоть и не больно потянул меня за волосы, опрокидывая спиной на свою грудь.

Подчинившись, я ощутила, что он снова готов.

Я судорожно соображала, должна ли извиниться за эту вспышку агрессии, а главное, откуда это вообще во мне взялось, но времени на раздумья деспот мне не оставил.

— Ты прогнала тару-ушти, — сказал он глубоким рокочущим голосом, без усилия разворачивая меня и усаживая сверху. — Так что тебе самой придется позаботиться обо всех моих нуждах.

Грегордиан не выглядел хоть сколько-то сердитым, скорее даже наоборот — довольным, пристально глядя вниз, туда, где соприкасались наши тела. Его дыхание снова ускорялось, рот чуть кривился в порочной ухмылке, и, кажется, единственное, что его волновало — это перспектива снова меня поиметь. И это сбивало с толку, вот только размышлять я сейчас не могла совершенно.

— Думаешь, я не справлюсь? — мужчина двинулся подо мной, располагая твердый, как камень,

член прямо между моими складками, и я едва не закричала. После прошлого раза я была влажной и дико чувствительной, и даже это мимолетное воздействие мгновенно отправило меня по новой грешной восходящей спирали. Каждая мощная пульсация в его стволе посылала волны нарастающей внутренней дрожи и сокращений внизу моего живота.

Как, во имя всех проклятых богов, может простой контакт тел ощущаться так бесконечно восхитительно и окончательно? Как нечто, к чему ни прибавить, ни убавить! Невыносимый апофеоз всего, что только может дать соприкосновение одной жаждущей плоти к другой, настолько интенсивный, что — еще немного — и стало бы убийственной чрезмерностью. Каждая клетка будто пела свою собственную песню удовольствия, теряясь в общем хоре, и по венам вместо крови щедрым потоком лилось наслаждение. А ведь мы еще даже ни разу не шевельнулись! И лишь там, в глубине души все болело и надрывалось в безнадежном плаче о том, чего никогда не будет. Но я своей боли не покажу этому жестокому мужчине, скрою ее за пеленой вождения в глазах, за развратной усмешкой. Как жаль, что от себя эту муку не спрятать, но можно заглушить, отказаться слышать. Пусть не на всегда, лишь на время. Здесь и сейчас существует лишь наша плоть и ее потребности.

— Я еще не наелась, — наклонившись, оставила укус на нижней губе деспота, и он ответил грубым стоном и резким толчком бедер, оторвавшим мои колени от опоры. Задохнувшись, я выгнулась, усиливая давление и чувствуя, как обжигающее тепло стремительно оплетает мое тело, словно живые шелковые ленты, устремляясь от лона к голове.

— Я тоже еще голоден, — проворчал деспот, сжимая мою грудь, заставляя всхлипывать от сладкой пытки. — И у нас достаточно времени для насыщения.

Насыщение, да, вот что это, подумала я, принимая Грегордиана в свое тело. Ни чувств, ни эмоций, ни возвышенности, ни надежды на что-то большее. Прimitивный акт, питающий нашу темную изначальную потребность и призванный дать выход взаимной агрессии. Пусть так!

— Быстрее! — теперь он требовал скорости, рыча и насаживая меня на себя и жестко толкаясь навстречу. — Сейчас! Сейчас же!

И я, как и прежде, подчиняюсь этому властному приказу, отпуская тело в полет за собственным оглушительным оргазмом. А потом получаю щедрую добавку кайфа, наблюдая из-под ресниц, как выгибает и трясет Грегордиана.

Мы не ласкали друг друга — терзали, кажется, бесконечное количество времени. Истощали и выжимали досуха снова и снова. Но проклятое насыщение никак не приходило. Казалось, чем больше мы за ним гнались, тем больший голод испытывали.

— Хватит! — прорычал наконец Грегордиан, содрогаясь надо мной в очередной раз. И по тому, как исказилось его лицо, я поняла, что приказывает он не мне — себе. Мрачное и даже почти злорадное торжество вспыхнула внутри.

— Сдаешься, деспот? — понимаю, чем рискую, дразня этого зверя, но разум уже совершенно им опьянен и безнадежно отравлен необузданным к нему вождением. Для страха или чувства самосохранения сейчас в нем нет места.

— Ты завтра ноги переставлять не сможешь! — огрызается Грегордиан и резко переворачивает меня на бок, прижимаясь сзади. Не обнимает — скорее уж обездвиживает, сковывая кольцом рук как тяжелыми кандалами. — Придем домой, и я покажу тебе, что быстрее ты подо мной умрешь, чем я сдамся! Каждую ночь будешь вопить, прося пощады! А теперь спи!

Как ни странно, мои глаза начинают слипаться почти мгновенно, будто повинуюсь его приказу.

— Чего ты хочешь? — я даже не сразу понимаю, что он обращается ко мне.

— Что?

— Ты щедро ублажила мое тело. Чего ты хочешь? — повторяет Грегордиан. — Подарок, одежду, украшение. Я дам тебе это дома.

Ублажила тело. Ну, а что это, по-твоему, было, Аня? Я вспомнила ожерелье, оставленное на моей подушке. Очевидно, здесь так принято. Хороший секс должен вознаграждаться. В принципе, не так уж и отличается от нашего мира, если подумать. Испытываю секундное искушение напомнить деспоту, что он спрашивает о желании у той, кого считает вещью, и не наплевать ли ему, собственно. Но вовремя прикусываю язык.

— Подари мне свободу, — хрипло бормочу, не открывая глаз.

— Нет. Никогда, — он не повышает голос, не злится даже. Просто озвучивает факт.

— Тогда имя. Я хочу свое имя.

— Нет, — другого я и не ожидала.

Напоминания о том, кто я для Грегордиана, ему не нужны. С памятью у него все прекрасно.

— Я дам тебе новое имя, если уж тебе оно так нужно, — говорит он тихо, так что я еле могу расслышать.

Должна ли я его поблагодарить? Мысли вдруг спутываются, и я отключаюсь почти мгновенно.

Глава 41

Деспот смотрел на гладкие, плавно изгибающиеся стволы потолка древесной хижины женщин тару-ушти. Сколько ночей он провел в прошлом здесь? Не счесть! Но ни одна из них не была такой как сегодня. Прежде он не ощущал себя столь противоречиво. Разрываемым столь противоположными эмоциями, часть из которых вообще ему была незнакома. С тару-ушти было все весьма просто. Он знал, что не желанен им как мужчина по весьма прозаической причине. Просто не мог дать им того, что нужно. Живое семя для зарождения новой жизни. Оно предназначено не для них и ни для кого, рожденного в мире Богини. К тому же он не обладал завораживающей красотой и возбуждающей сексуальной энергией, как асраи. Не был затейником в постели или слишком приятным собеседником. Но тару-ушти были приветливы и стремились угодить своему архонту во всем, ибо только он мог защитить в случае нашествий багги. Мерзкие твари вредоносны и по одиночке, хоть и не обладают большой силой, но периодически умудрялись размножиться настолько, что обращались в жуткое смертоносное скопище с единственной целью — сожрать все и всех на своем пути. словно саранча или огненные муравьи из мира Младших, только многократно опасней. Секс с тару-ушти был сделкой, выгодной всем. Он получал максимально возможное удовлетворение, так как местные женщины были чрезвычайно выносливы в постели и легко переносили все, если он забывался, становясь излишне требовательным. Принимали его даже грязным, израненным, не остывшим от сражений. И это немного снижало градус вечной ярости его зверя, хоть и не избавляло от нее полностью. Он же охотно защищал их, когда была необходимость, считая полезными для своих нужд.

Но этой ночью в тех же стенах, где он сотни раз раньше получал то, в чем нуждался, все было совершенно по-другому. Эта женщина... голем. Она хотела его. Именно его — мужчину, а не Грегордиана — архонта Закатного государства и деспота-защитника. И это обстоятельство, как и сила ее вождения, потрясала его, потому что была практически равноценна его собственному. И сколько бы он не внушал себе, что для нее это просто хитрый ход, умелое лицедейство, и изворотливый голем разжигает его похоть в надежде привязать и заставить видеть человека, а не искусную подделку, не замечать того, какой абсолютно дикой она была, отдаваясь, деспот не мог. В ее сексуальном безумии не было притворства. Но самое странное то, что его зверь был абсолютно умиротворен после первой же их близости, и выходило, что именно его разумная, а не ведомая инстинктами половина была той, что выплескивала раз за разом ярость в агрессивном сексе. И даже сейчас деспот одновременно пребывал в полнейшем покое и кипел от ненависти к этой женщине. За все те годы, что провел в поисках, вынужденный метаться между двумя мирами. За чувство унижения от бессилия вернуть контроль над ситуацией и искры осуждения и сомнения в его силе в глазах его воинов. За долгий страх того, что, несмотря на все усилия, его постигнет неудача. Но больше всего за то, что именно она — женщина, которую он сам возжелал, как никого прежде, оказалась обманым магическим творением, големом. Тем самым, что ему следовало растерзать на части, освобождая украденную часть души своей невесты. Единственно возможного существа, способного дать жизнь нужному потомству, а с ним, спустя время, и освобождение. А как же невыносимо он уже нуждался в свободе!

Мужчина разжал руки и, приподнявшись на локте, еще раз прошелся взглядом по телу обнаженной женщины, спящей рядом. Она заметно похудела с того момента, когда он видел ее покидающей ванну в его временном доме в мире Младших. И без того тонкие черты лица чуть заострились, щеки немного запали, вокруг глаз залегли тени, пусть и едва заметные. И это не нравилось и вызывало подспудное раздражение, и исходило оно не только от животной половины. Потому что эти признаки истощения опять же мешали думать ему о ней, как просто о вещи. Во сне голем хмурилась и вздрагивала, и знать, что он был основной причиной тому, что она остается напряженно-беспокойной даже во время отдыха, тоже странным образом приносило ему дискомфорт. Хотя с чего бы? Он знал, что к утру она полностью восстановится и никаких признаков усталости не останется. Как и следов его обладания ею. Исчезнут потертости от его грубой щетины на ее скулах, шее и груди и особенно на внутренней стороне бедер. Пропадут круглые темные пятна на коже там, где он, не щадя, впивался в ее плоть пальцами, требуя еще большей отдачи, еще более глубокого проникновения из возможных. Она не просила быть нежнее, не скулила, умоляя его о сдержанности. Принимала все бешеные атаки его ненависти и страсти, поглощала его дикость без остатка и бросала вызов дать больше каждым своим движением и взглядом. Никогда он не обладал контролем в моменты ярости и в сексуальном угаре, да и, собственно, зачем? Если кто-то вызвал его гнев, он должен понести кару. Иначе просто никак. Любой, не ушедший при этом с дороги достаточно быстро, сам и виноват. Женщин, решившихся разделить с ним постель, никто насильно не заставлял, они знали, на что шли. Последующее нытье и жалобы он считал просто попытками сделать его щедрее. Хотя он и так никогда не скупился и одаривал их более, чем они того заслуживали, учитывая, что большую часть времени ему приходилось обуздывать себя. Но никогда он не был намеренно груб с ними. А вот с големом... Он так хотел сделать секс наказанием, но все внутри противилось этому, и каждое свое движение, причиняющее боль, деспот тут же компенсировал лаской, ибо без этого буквально мучился сам. Она словно закольцевала на себе его злобу, жесточайшую похоть и иррациональное, непривычное желание заботиться одновременно. Являлась источником их возникновения, обильной пищей для разрастания и в то же время исходом, естественным завершением, бесконечной поглощающим сосудом для всех волн его таких разных, но при этом одинаково запредельных эмоций. Он, насильно гася в себе невесть откуда берущийся стыд, обрушивался на нее нещадно, а она забирала все без остатка и

дразнила, разжигала еще сильнее, будто он не мог дать ей достаточно. Он! Да он может лишить ее жизни одним небрежным движением и не сделал это только потому, что не знал, как выдрать из этого тела часть души Илвы. Именно так!

Но тогда зачем он начал раздавать тут обещания? Для чего давать голему имя, если, скорее всего, сохранить жизнь невозможно? Но в момент, когда она вот так лежала, скованная захватом его рук, и на их разгоряченной коже медленно высыхал пот после очередного свирепого слияния-сражения, деспоту необъяснимо хотелось продлить подобное еще на несколько ночей. Возможно даже, на очень много ночей. И чтобы в каждой из них она была вот такой же. Дико бесящей, нещадно дразнящей, ненасытной и одновременно податливой, в высшей степени принимающей всю степень его вожделения, до каких бы высот она не поднималась. Чтобы изнывала и задыхалась от желания к нему одному. Этого хотел и мужчина, и самец в нем. Но ведь это лишь малая часть его личности, причем не та, которой ему стоило гордиться и у чьих потребностей стоило идти на поводу!

Грегордиан ощутил новый мощный прилив злобы и возбуждения. Он один из архонтов Закатного государства, опора сиятельной четы, деспот, на ком лежит ответственность за тысячи чужих жизней, а еще он дини-ши, отчаянно желающий освободиться от всего этого. И на пути к его свободе эта... этот голем лишь препятствие! А их он привык сносить и уничтожать без всяких сожалений! Откатившись, он поднялся и пошел наружу из хижины тару-ушти. Оглянулся и разозлился еще больше. Не на ту, что спала, не ведая о его мыслях. На себя. Не желал он больше ее смерти. И это делало его слабым? Но разве не право сильного получать все желаемое любой ценой, несмотря ни на кого и ни на что? В его мире нет правил, которые нельзя нарушить, если обладаешь достаточной мощью и влиянием, лишь бы не бросал вызов самой Богине! А ей вряд ли есть дело до того, что он желает и голема сохранить такой, как сейчас, и решить проблему с рождением столь нужного наследника. Грегордиан усмехнулся еще раз, пройдясь по изгибам столь влекущего его тела взглядом. Значит, он получит, что хочет, хотя, может, и с отсрочкой. Но он ждал раньше, потерпит и еще. А если кто-то из бесполезных и заносчивых гоетов рискнет не оправдать его ожидания, то головы явно будут им тяжелы. В конце концов, их в Закатном государстве и за его пределами хватает, и в какой-то момент нужный найдется.

Когда Грегордиан выпрямился, практически протиснувшись через низкий и узкий входной проем, то запрокинул голову, глядя на звезды родного мира. Он не помнил, часто ли смотрел на них раньше — еще со времен детства и в свои частые краткие визиты, когда занимался наведением порядка в своих пределах, но сейчас ощущал, что скучал по ним. Зверь тревожно встрепенулся внутри, сбрасывая посторгазменную дрему, в которую был погружен уже некоторое время. Ему почему-то не нравилось отдаляться от голема. С того момента как они миновали Завесу, зверь был вечно недоволен, когда он уходил, поручая свою жертву чужим заботам. Но первое время Грегордиан испытывал нечто сродни жестокому удовольствию, нарочно держась на расстоянии и измываясь над своей второй половиной за столь сильную и безоговорочную тягу к этой раздражающей женщине. Сейчас же он предпочел успокоить ее, убеждая в том, что ничего голему не угрожает, пока они так близко. Хотя ответного импульса доверия так и не ощутил. Прекрасно! Ну, что же, еще один повод оставить ее себе. Ведь, как ни крути, обе его половины это он, деспот Грегордиан и есть. А себя он очень любит и не собирается ни в чем отказывать. И так-то у них со зверем нет особой гармонии, а сейчас выходит, что безопасность проклятой бабы для него приоритетнее приказов разума. Быстро прошагав к резервуару, питаемому лечебным горячим источником, он соскользнул в воду, смывая с себя запах секса, и глубоко вдохнул несколько раз, выгоняя его из легких.

— Могу я присоединиться? — раздался голос Алево, шаги которого деспот прекрасно слышал

издали.

— Конечно, друг мой! Ты уже насытился? — спросил, бросив краткий взгляд на своего самого доверенного асраи. — Так быстро?

— Я уже не так молод, как Сандалф и Хоуг, — на это деспот покачал головой и расслабленно засмеялся, притягивая пристальный взгляд блондина. — Ладно, просто ласки змеек давно утратили для меня новизну. Так что я скорее уж заскучал, нежели насытился. А что с тобой, мой архонт? Мне сказали, ты отказался от общества тару-ушти.

— Мне оно оказалось без надобности, — Грегордиан чуть нахмурился и откинул голову на край водоема, будто желая скрыть эмоции, написанные на его лице.

— Могу я сейчас говорить в полной мере как твой друг, а не как боящийся не угодить подданный, мой архонт? — Алево расположился напротив своего господина, нарочито глядя куда-то мимо него в темноту.

— У тебя всегда было и есть это право, друг мой, — дернул мощным плечом деспот. — Я лишь предупредил не вставать на пути в моменты гнева моего или зверя.

— Я знаю, что если мне случалось попасть под горячую руку, то в том только моя вина. Не об этом речь. Я хочу спросить тебя о големе, — Алево остановился, заметив, как напряглась челюсть деспота, и выжидая его реакции, но тот лишь сухо кивнул, давая позволение продолжить.

— Я заметил, что она оказывает на тебя некое воздействие. — Грегордиан мгновенно поднял голову и предостерегающе прищурился, однако асраи продолжил: — Она очень злит тебя, когда отвергает, и при этом делает как никогда спокойным, когда принимает.

— Кажется, ты немного запутался! Никто не отвергает меня, друг мой, — изогнув губы в циничной усмешке, процедил деспот. — И мне не нужно, чтобы она меня принимала. Я ее могу взять и беру, когда хочу.

— Несомненно, все именно так, мой архонт, — склонил голову Алево, четко осознавая, что эта часть темы закрыта. — Могу я тогда просто узнать твои планы на ее счет? Я знаю, что задавал тебе этот вопрос прежде, но с того момента все сильно изменилось, особенно статус самой женщины.

Грегордиан какое-то время пристально смотрел на своего собеседника, будто напоминая сам себе, что перед ним друг и ближайший помощник, а не ищущий его уязвимые места агрессор, но потом снова расслабился, разложил руки по сторонам и откинул голову.

— Возможно, все и не настолько уж изменилось, как кажется на первый взгляд, — сказал он негромко, глядя в небо, где стали проявляться первые признаки скорого рассвета. — Я хотел оставить эту женщину себе, забрав в наш мир. Так и произошло. Впредь так останется.

— Останется? Но как быть с тем... — начал блондин, но деспот сразу прервал его.

— Мы разыщем гоега, который сможет вернуть Илве лишь часть души, достаточную для того, чтобы она могла дать жизнь полноценному потомству. Но это никак не должно отразиться на големе, на ее личности и сознании. Желая оставить все, как есть сейчас.

— Но, мой архонт, что, если это невозможно? — Алево, казалось, прекрасно отдавал себе отчет,

что ступает на зыбкую почву, но останавливаться явно не собирался.

— Тебе ли не знать, друг мой, что абсолютно невозможного в нашем мире не бывает! — чрезмерно небрежно отмахнулся Грегордиан, поднимая волну в водоеме. — Илва мой сосуд для плода, разве ей нужны все эмоции, или что там у нее на самом деле отнято в полной мере? А голем... я просто так хочу и все. И должен найтись тот, кто сумеет сделать все как надо.

— Это так, но все же...

— Что тебя волнует на самом деле? Просто скажи! — последнее уже прямой приказ.

— Ты не видел своей невесты взрослой. Может, первый же взгляд на нее совершенно изменит твои желания? Богиня не просто так выбирает кого-то.

— Очень сильно сомневаюсь! Думаешь, моя будущая жена последует за мной, когда настанет время? А заставить я ее не смогу, в отличие от голема, чьего желания мне и спрашивать не нужно!

— Ладно, пусть так. Но что, если сохранение не только сознания голема, но и самой жизни, несмотря на все усилия, окажется невыполнимо? Что, если месяцы или даже годы спустя ты ее все равно утратишь? Не нанесет ли это твоему сердцу, мой архонт, гораздо больший ущерб, чем ты можешь предполагать? Да, я понимаю, она даже не человек, всего лишь вещь. Но и к вещам мы со временем привязываемся и страдаем, когда они исчезают.

— Считаешь меня сопливым юнцом, способным потерять себя от горя, лишившись одной из игрушек? — презрительно хохотнул Грегордиан.

— Нет, ни в коей мере! — тут же примирительно пробурчал блондин. — Просто как твой друг, мой архонт, я пытаюсь предусмотреть любой вариант развития событий.

— Вариантов всего два. Я получаю все именно так, как хочу, то есть все и сразу. Или я получаю только наследника, вслед за этим свободу, а голем умирает. Оба я уж как-нибудь переживу без слез и впадений в бесконтрольную ярость. Ты ведь об этом печешься?

В ярко-голубых глазах Алево мелькнула тень, говорящая о том, что его опасения гораздо глубже и имеют иную природу, но он предпочел просто кивнуть.

— Ни тебе и никому другому не нужно опасаться, друг мой. А вот направить усилия на поиски и призыв ко мне всех лучших гоегов как раз стоит.

— Займусь этим, едва окажемся дома, — с готовностью кивнул Алево. — Но еще одна мелочь, если позволишь.

Грегордиан поднял бровь выжидая.

— Точнее совет. Если в твои планы больше не входит скорое умерщвление голема, то стоит, возможно, быть помягче. Ей и без того наш мир категорически не нравится и кажется совершенно чуждым. А еще и обращение, к которому она явно не привыкла. Может повториться Отторжение, и в следующий раз оно уже будет захватывать ее быстрее и сильнее, чем впервые. И не мне тебе говорить, что если не заметить вовремя или пересечь определенную черту...

— Оно станет необратимым, — раздраженно закончил деспот. — Я знаю!

— Тогда пища нашего мира станет не просто омерзительна ей, но и ядовита, — не отступился Алево.

— Я. Знаю! — уже практически рявкнул Грегордиан и, развернувшись, резко покинул горячую воду. — Я это все учту.

— К тому же, сменив постоянный гнев и угрозы на милость и заботу, ты можешь заполучить со временем ее настоящую преданность и стать центром всего в чужеродном мире.

— Как будто я в этом нуждаюсь, — пробурчал деспот.

— Нет, конечно. Но это может быть весьма удобно. А временами даже необыкновенно приятно. Я, естественно, о сексе.

— Она на это не купится, — так же не оборачиваясь огрызнулся мужчина.

— Кто знает? Она совершенно одна, все кругом ненавистно и пугающе. И только некто один оберегает и защищает. Почему нет? Обиды и угрозы женщины мира Младших имеют свойства забывать, а вот элементарную заботу ценят весьма высоко.

— Она голем. Не женщина мира Младших, — нахмурился Грегордиан.

— Она там выросла и впитала все устои и правила поведения и упорно себя с ними отождествляет.

— Ладно. Подумаю, — уже без тени гнева ответил деспот. — Я и так уже расщедрился и согласился дать ей имя. Пусть оценит по достоинству сначала этот мой дар.

— Она не дура. Оценит, несомненно, — поддержал Алево.

— Сандалфу и Хоугу это точно не понравится, — хмыкнул Грегордиан.

— Ты не делаешь выбор между своими воинами и женщиной. Мальчишки поймут. Со временем. Твое священное право поступать, как вздумается. Брать себе кого хочешь, давать или отнимать имя, одаривать, баловать или наказывать. Их это никак не касается, не делает их менее приближенными к тебе. Просто жизнь в мире Младших немного расслабила их. Всех нас, на самом деле.

— Похоже, ты, как всегда, прав, друг мой. Я вот уже дожил до того, что стал задумываться о чужом мнении о моих действиях. Пора исправляться.

Грегордиан быстро зашагал к хижине, в которой оставил голема.

— Иди отдохни, — крикнул он из темноты Алево. — Завтра мы должны достигнуть, наконец, дома.

Глава 42

— Эдна, просыпайся! — голос Грегордиана и властное сжатие плеча вытащили меня из видений о шоппинге, где я оценивала качество кухонной утвари, внимательно перебирая ту в руках. Подумать только! Совсем недавно я видела во сне дикую завораживающую красоту незнакомого мира, но, едва очутившись здесь, стала грезить о банальном хождении по магазинам с самыми прозаическими целями. Загадочная штука наш мозг и мой в частности.

— Поднимайся, нам пора выходить, женщина! — деспот чуть надавил голосом, но обычного раздражения в нем не было. Я открыла глаза, одновременно сразу же поднимаясь.

Тут же вспомнилось вчерашнее явное злоупотребление возможностями собственного организма, и я замерла, ожидая ноющей боли, особенно в интимных местах. Но ничего подобного! Хотя мой разум едва ли проснулся, тело, напротив, было наполнено искрящейся энергией. Еще щурясь от ярких косых лучей, струящихся в щели между стволами хижины, бегло осмотрела себя и обстановку. На мне опять зажили все ссадины и небольшие царапины, заработанные во время пути, и с ними исчезли все следы вчерашних довольно грубых ласк Грегордиана. Хотя, наверное, ласками то, что мы тут творили друг с другом, сложно назвать. Скорее уж, это была некая форма изошренного противоборства, приносившая, как ни странно, удовольствие обоим, несмотря на жесткость всего происходившего.

Низкое подобие стола исчезло, и вместо него центральную часть хижины занимала уже знакомая парующая ванна, которую для меня обычно наколдовывал Алево. Но, оглянувшись, я не увидела блондина, только деспота, развалившегося на нескольких подушках неподалеку и что-то придирчиво выбирающего с большого блюда, установленного перед ним.

— Эдна, раскачивайся быстрее, иначе пойдешь голодной и немойтой, — недовольно сказал он, перехватив мой взгляд. Сейчас он больше всего напоминал себя прежнего — завораживающего меня мужчину с почти нечитаемым выражением лица. Загадочного, дико притягательного, необъяснимо пугающего, но при этом не откровенно агрессивного, как в последнее время. На краткую секунду я будто вернулась в тот момент моей жизни, когда он уже стал из недостижимой фантазии вполне осязаемым источником моего безумного удовольствия, но еще не обратился в монстра. В груди тоскливо заняло, опять напоминая мне о том, чему никогда не сбыться, но я снова нашла в себе силы отпихнуть эмоции поглубже. Настанет ли когда-то для них время? Надеюсь, что нет. Что они просто заглохнут однажды, не имея выхода, как живое существо без кислорода, и в один прекрасный день я смогу смотреть на этого мужчину абсолютно холодными, не замутненными сожалением и болью по несбывшемуся глазами.

— Почему ты так меня называешь? — голос ломался и хрипел со сна.

— Ты просила имя, — равнодушно ответил он так, словно это все объясняло.

— Но у меня уже есть имя, чем оно было плохо?

— Его тебе дал не я.

— И? — настаивала я, но деспот только прищурился недобро и дернул головой, указывая на ванну.

— А почему тут, а не в том источнике? — спросила, послушно забираясь в эту странную жидкость, что и водой-то не назовешь.

— Мне казалось, что тебе не нравилось прилюдно обнажаться, — ответил Грегордиан, и я даже на мгновение замерла в изумлении. — Но если я ошибся, можешь выбираться и топтать мыться туда.

Что ответить я просто не нашлась и поэтому просто быстро закончила омовение.

— Ты должна запомнить, что отныне и до тех пор, пока я не решу иначе, все, что у тебя будет, получаешь только от меня! — О, это, видно, неожиданное и своеобразное продолжение разговора об имени. — Это касается абсолютно всего. Если тебе что-то нужно — ты меня об

этом просишь, и я решаю, дать или нет.

Вот, сволочь! Может еще научиться лапками умильно махать, выклянчивая, как маленькая собачонка?

— То есть, если я захочу есть, пить, в туалет, пардон, но тебя не будет рядом, мне хоть умирай? — я взяла уже знакомую впитывающую ткань и обернулась ею.

— Не строй из себя дуру, тебе не идет, Эдна! — Идиотское имя! Никогда не привыкну к нему. Просто отказываюсь его признавать! — Естественно, когда меня не будет, я поручу заботиться о твоих нуждах кому-то. Главное, чтобы ты понимала, кто есть источник всего для тебя.

— Чего уж непонятного. Если мне что-то нужно, я должна попросить тебя или твое доверенное лицо в твое отсутствие. Но судя по ситуации с именем, совсем не факт, что получу именно то, что хочу.

Уголок рта Грегордиана раздраженно дернулся, и я подумала, что стоило бы не выступать.

— Мы всегда можем вернуться к голему, Эдна. Только попроси, — издевательски усмехнулся он, подтверждая мою мысль, и поднялся, подвинув блюдо с едой ближе ко мне. — Даже обладая гораздо большим могуществом и возможностями, чем ты в состоянии представить, мы не можем всегда получать именно то, что хотим. Так что ешь, одевайся и выходи!

Кажется, ко мне за ночь вернулся не только аппетит, но и прежние вкусовые ощущения. Пища была просто восхитительна, и я едва глаза не закатывала, пережевывая каждый кусочек. Сегодня в качестве одежды опять была кожа, на этот раз сливочно-белая, и мне, конечно, было интересно, с чем связан выбор, но спросить было некого.

Когда я выбралась наружу, то вся деревня выглядела словно вымершей. Может, эти тару-ушти нечто вроде вампирш сексуальных и просыпаются только с заходом? Да наплевать! Заметив мелькнувшую вдаль фигуру Алево, я пошла к нему. Там же нашлись и остальные. Сандалф смачно зевал, глядя на раскидывающуюся впереди болотистую местность — точную копию той, по которой мы шли вчера. Хоуг, похоже, вообще дремал, привалившись к стене крайнего дома. Ну да, поспать, засранцы, наверное, не удосужились! Алево же, как ни странно, выглядел бодрым и что-то негромко обсуждал с деспотом, стоящим спиной ко мне.

— Сандалф, Хоуг, выдвигаемся, — скомандовал Грегордиан, как только я подошла, как будто и на затылке у него имелись глаза.

Но тут я заметила чуть поодаль уже знакомое шевеление зыбкой почвы, и внутри все стянуло от страха и отвращения.

— Секундочку! — выкрикнула, не сводя глаз с вздымающегося бугра. — Если мы опять пойдем по этому чавкающему дерьму, под которым сидят твари, желающие нас прикончить, то я бы тоже хотела какое-то средство защиты!

Ответом была напряженная тишина. Грегордиан резко развернулся и угрожающе прищурился, пригвождая меня к месту или заставляя заткнуться, уж не знаю. Ах да, просить-то мне следовало адресно.

— Я бы хотела ножик вроде тех, что были у остальных! Могу я получить его, деспот? — спросила, глядя теперь непосредственно в глаза своему мучителю.

Позади презрительно кто-то фыркнул.

— Не волнуйся, женщин они не убивают. Совсем нет! — я засекла краем глаза гаденькую ухмылку рыжего.

— Считаешь, что защитишь себя лучше, чем трое опытных воинов асраи и могучий дини-ши? — удивленно поднял светлые брови Алево, но я продолжала смотреть только на деспота.

Выражение гнева быстро исчезло с его лица, и теперь он явно о чем-то размышлял, выглядя при этом странным образом довольным.

— Нет, конечно, — ответила я блондину, не прерывая, однако зрительного контакта с деспотом. — Но определенно буду так чувствовать себя лучше. Вы же зачем-то их доставали, когда мы шли сюда.

Грегордиан требовательно протянул руку Алево, и тот вложил клинок в его раскрытую ладонь, по обыкновению выудив его будто из воздуха. Шагнув ко мне, деспот аккуратно протянул его рукоятку вперед, удерживая за довольно острое на вид лезвие.

— Поранишь себя — будешь наказана! — строго сказал он и тут же развернулся, едва я взяла оружие.

— То есть не себя, значит, можно, — пробормотала себе под нос и мстительно покосилась на рыжего и Хоуга.

— Даже не мечтай, что тебе хоть задеть меня посчастливиться! — хвастливо фыркнул Сандалф, все же услышав, и я даже обмерла, ожидая, что Грегордиан сейчас обрушится на меня из-за своих драгоценных асраи.

— Чтобы убить высшего фейри вроде асраи или дини-ши, тебе понадобится настоящее железо, Эдна, — вместо этого спокойно прокомментировал деспот. — Но это не значит, что этим магическим кинжалом ты не можешь нанести им болезненных ран.

— У нее никаких шансов! Чтобы ранить кого-то, надо для начала хотя бы иметь достаточно решимости попытаться! — снова заносчиво огрызнулся рыжий, на что Грегордиан как-то странно не то что улыбнулся, а скорее уж оскалился.

— Выходим! — скомандовал он, и мы шагнули с сухого островка, на котором стояла деревня, на мерзко хлюпающую почву.

А я, глядя в широкую спину деспота, еще какое-то время недоумевала. Это что, снова необъяснимые скачки его настроения или тоже их какие-то дебильные обычаи, чей смысл до меня не доходит? Значит, еще совсем недавно слова грубого его чувствительным асраи не скажи и поймет им меня разрешил, а теперь довольно скалился при мысли, что я могу сунуть ножик под ребра одному из них? Это у них тут чувство юмора такое или какое-то дурацкое испытание? И самое главное — есть ли у меня та самая решимость, о которой говорил рыжий? Посмотрев еще раз на хищный блеск клинка, я внутренне содрогнулась. У той, прежней версии меня, точно не было. Но все дело в том, что я уже абсолютно не она!

Не знаю, причиной ли тому то, что при свете дня все выглядит не так пугающе, как в сумерках, или то, что я на этот раз была морально готова к происходящему вокруг, но настолько страшно, как вчера, уже не было. А может, я невольно заразилась невозмутимостью от впереди идущего

Грегордиана. Он шел, практически не озираясь по сторонам, как хозяин всего окружающего пространства, уверенно и с таким видом, что любым угрозам лучше самим убраться с его дороги, целее будут. Все же быть объектом его какой-никакой защиты гораздо приятнее чем агрессии. В какой-то момент я заметила невдалеке, как что-то влажно блеснуло в солнечных лучах, и оторопело уставилась на здоровенное змееподобное существо, что медленно вытаскивало свое тело на берег одного из многочисленных здешних водоемчиков. Из абсолютно черной воды появилась большая рогатая голова, а затем, извиваясь и сворачиваясь кольцами, и все остальное. Гладкая, отливающая металлическим блеском мелкая чешуя покрывала длинное мускулистое тело, лишенное конечностей. Радужный гребень, увенчанный даже на вид жутко острыми сверкающими, как клинок в моих руках, шипами, тянулся вдоль всей спины. Несмотря на мое вечное отвращение к любым ползающим тварям и недавний страх, я ничего не могла сделать с кратким приступом восхищения этим созданием. Великолепный окрас и плавные, исполненные скрытой мощи движения словно заворожили на секунду. Пусть его красота была абсолютно непривычной и скорее уж отталкивающей, чем привлекающей, но она была. Существо, словно почувствовав мой взгляд, уставилось прямо на меня глазами размером с блюдца, в которых вместо зрачков были красноватые, светящиеся даже при дневном свете точки, и я невольно вздрогнула от того, что увидела в них. Любопытство, неуверенность и однозначно разум, пытающий себя вопросами и способный на настоящие эмоции.

— Познакомься, это и есть самец тару-ушти, Эдна! — голос Алево прозвучал прямо над ухом, заставив отшатнуться от неожиданности. — Посмотрела? А теперь иди пока не разозлила деспота.

— Пусть смотрит и запоминает, — резко и довольно громко отозвался Грегордиан, останавливаясь. Услышав голос деспота, тару-ушти стремительно повернул голову к нему и оскалится, демонстрируя гигантские зубищи. Самец несколько метнулся взглядом от меня к деспоту и обратно, и я даже успела задаться вопросом, кто из нас и что должен запомнить. Затем он, вскинув голову, издал уже знакомые мне рокошующие и щелкающие звуки, и со всех сторон ему отозвались, и зеленый ковер пришел в движение. У меня внутри все сжалось, и восхищение испарилось без следа, оставляя только страх. Грегордиан же в ответ на устроенную какофонию презрительно фыркнул и повелительно указал на озерцо, из которого выбрался возмутитель спокойствия. Продолжая скалиться и издавать невнятные звуки, будто огрызаясь, тару-ушти соскользнул обратно под воду и исчез. Грегордиан же просто пошел вперед, будто его больше вообще не волновала суета вокруг, и мы восстановили порядок движения, повинувшись его молчаливому приказу.

— А они превращаются... ну, во что-то более человекообразное? — спросила я спустя несколько минут, особо не адресуя никому вопрос.

— Нет, — не оборачиваясь ответил деспот.

— А как же они... — к своему стыду я попыталась представить существо, которое видела только что, с женщиной из деревни. Господи, с ума сойдешь в этом мире чокнутым!

— Могу тебе описать со всеми красочными деталями! — тут же язвительно отозвался Сандалф.

— Спасибо, не надо! Я как-то смогу дальше жить без этой информации! — огрызнулась я.

— А жаль! Я временами могу быть весьма талантливым рассказчиком. — Придурок рыжий!

Болото закончилось так же неожиданно, как и началось. Мы попали в жутко колючие заросли,

и в этот момент я готова была искренне благодарить за то, что на мне штаны из плотной кожи. Несмотря на необычайную мягкость к телу изнутри, она оказалась абсолютно непроницаема для шипов, сквозь которые мы продирались. Мои джинсы здесь наверняка обратились бы в лохмотья, а ноги и задница стали бы сплошной раной. Глядя только вниз под ноги, я совершенно пропустила момент, когда местность вокруг совершенно изменилась. Мы вышли на широкую равнину, покрытую будто пестрым ковром островками цветов какого-то определенного цвета. Если над болотом все время висел туман, мешающий видеть перспективу, то тут воздух был кристально прозрачен. На другом конце этого открытого пространства я смогла разглядеть одинокую красноватую скалу, возвышающуюся над этим морем зелени и ярких красок. И, кажется, на плоской вершине этой каменной громадины были видны какие-то строения. От нее же начинались сероватые ленты дорог, расходящиеся в разных направлениях, на одну из которых мы и выходили прямо сейчас.

— Почти дома! — пробормотал Хоуг, и его голос дрогнул.

Здесь ощущался довольно свежий ветер. К тонким ароматам цветов и травы примешивался запах, отдаленно напоминающий морской. Грегордиан заметно ускорился, выйдя на гладкое полотно дороги, и я едва поспевала за ним. В таком темпе мы прошагали молча больше часа, и я начала понимать, что мои глаза немного обманули меня. Или не немного. То, что казалось большой скалой, похоже, было настоящим здоровенным плато, медленно надвигающимся на нас и заслоняющим весь горизонт. А одинокие увиденные мною строения, очевидно, были чуть ли не целым городом. На дороге впереди я различила какое-то движение, но усилия разобраться, что там, не увенчались успехом. Если честно, уже жутко хотелось есть и пить, и мышцы горели огнем, но жаловаться я не собиралась. Мужчины полностью сосредоточились на желанном конце пути, и бесить кого-то без веской причины мне не хотелось. Но спустя еще час пути мое тело уже откровенно бунтовало, и я попробовала прежнюю тактику. Постаралась отключиться от всего внешнего и собственных ощущений, полностью концентрируясь на необходимости передвигать ноги в заданном темпе. Поэтому когда мы наконец столкнулись с первыми путниками, у меня не было особых сил на них глазеть и удивляться разному цвету кожи, росту, наличию рогов, шерсти и количеству конечностей. А посмотреть было на что, потому как многие встреченные существа напоминали людей весьма отдаленно. Если бы я раньше еще не ощутила себя человеком, попавшим в безумный фэнтезийный мир, то сейчас для этого точно было подходящее время. Не взирая на внешность и размер, все встреченные шарахались, уступая нам дорогу. Ладно, не нам, конечно, а деспоту. При этом кланялись и бормотали приветствия и какие-то восхваления, хотя этот заносчивый засранец ни разу никому не ответил и даже не взглянул на желающих ему во всем удачи... ну, скажем, людей.

Я уже совершенно вымоталась, когда мы достигли подножья той самой скалы, и появилась возможность оценить ее размеры и форму в непосредственной близости. Отвесные, абсолютно гладкие стены уходили вверх как минимум на полкилометра. Если бы не исполинские размеры, я бы могла подумать, что этого эффекта практически зеркальной поверхности добились искусственно. Хотя... разве можно быть тут хоть в чем-то уверенной? На мой взгляд, даже у самого опытного альпиниста не было ни шанса взобраться на эту громадину. Охристый ярко-оранжевый цвет камня так близко почти причинял боль глазам. И опять меня посетило это ощущение совершенно потрясающей, но пугающе подавляющей красоты всего окружающего. Я продолжала вертеть головой и щуриться, пытаюсь понять, куда же мы пойдем дальше, потому что дорога просто обрывалась у подножия этой скалы, как вдруг в ее сплошной поверхности прямо перед нами появился проход. Камень только что был и вдруг истаял, открывая вид на продолжение нашего пути. И я снова была вынуждена заморгать в совершенном изумлении. В полем внутреннем пространстве скалы виднелся невероятных размеров каменный столб, вокруг которого и обвивалась дальнейшая часть дороги, уходящая

вверх. Это больше всего напоминало обычную винтовую лестницу, вот только ступеней не было, да и габариты были несопоставимы ни с чем, что мне приходилось видеть раньше. Грегордиан уже двинулся внутрь, как вдруг с неба ему прямо под ноги стремительно рухнуло нечто голубое и пернатое.

— Приветствую тебя дома, мой архонт! — звонко произнесло создание, расстилая ковром по земле свои синие крылья и поднимая к Грегордиану довольно милостивое вполне человеческое лицо с очень тонкими чертами. — Сделала ли Богиня легким твой путь, а дни вдали полными удачи?

И удивляя меня еще больше деспот тепло улыбнулся и, протянув руку, ласково погладил существо по темно-синим растрепанным волосам.

— Богиня всегда ко мне благосклонна, Ерин, — ответил Грегордиан, и я, наверное, впервые слышала, как его голос звучит почти ласково и доброжелательно. — Все ли у вас хорошо было в мое отсутствие?

— Ничего такого, за что ты мог бы гневаться на нас, не случилось, — охотно ответило создание, поднимаясь, оказываясь едва ли по грудь мужчине и нетерпеливо поглядывая в сторону Алево. И я абсолютно точно расслышала тонкий оттенок лукавства в его тоне.

— Что-то я в этом сомневаюсь, — покачал головой деспот, но опять же даже без тени раздражения, и кивнул на блондина. — Иди уже!

Стремительно обогнув Грегордиана, хрупкое создание буквально понеслось к Алево, раскрывшему навстречу свои объятия. Взмахнув крыльями, ослепившими всеми оттенками синевы, Ерин подпрыгнул и словно маленькая обезьянка повис на блондине, обвивая его руками и ногами и оборачивая крыльями. Алево же крепко прижал его к себе, прикрывая глаза и блаженно улыбаясь и раскачиваясь.

— Мабон мой, — прошептал мужчина, целуя это странное создание в макушку. — Как же я скучал.

Глава 43

Грегордиан явно не собирался ждать, пока Алево и синий парнишка закончат с обнимашками, и просто двинулся внутрь скалы, и, само собой разумеется, я последовала за ним без напоминаний. Я же чертова дрессированная собачка, пристегнутая к нему невидимым поводком! Навстречу нам по серпантинной дороге спускались какие-то существа, но едва они увидели деспота, тут же развернулись и быстро стали возвращаться. К тому моменту как мы достигли начала этого странного пути, он был абсолютно пуст, и только много выше виднелись стремительно удаляющиеся фигуры. Никаких источников света не наблюдалось, но и темно не было.

Создавалось впечатление, что солнечный свет проникал прямо сквозь толщу оранжевого камня, позволяя все видеть достаточно отчетливо, как через янтарную призму, но без особых деталей. Когда мы подошли непосредственно к лестнице, где-то в сумраке под ней зашевелилось и поднялось нечто бесформенное и огромное, испугав меня до икоты. словно сама темнота выбросила жуткое щупальце, пытаясь дотянуться именно до меня, и я совершенно ничего не могла поделать с оцепенением, охватившим тело и сознание в этот момент. Только отстраненно наблюдать за этим однозначно несущим гибель приближением. Но это концентрированное устрашающее нечто наткнулось на ауру, окружающую Грегордиана.

И тут же, словно обжегшись, втянулось назад. Послышалось какое-то невнятное шелестение, от которого по коже промчались ледяные мурашки, в нем смутно угадывались слова приветствия деспоту, услышанные мною сегодня уже неоднократно. Я только что на спину Грегордиану не запрыгнула, когда он двинулся вперед, настолько меня пугало это жуткое черте что, притаившееся во тьме.

— Что это такое? — едва страх чуть отхлынул, пробормотала я, продолжая оглядываться, силясь что-то разглядеть в том месте, откуда появилось чудище.

— Мой слуга. Страж пути, — как всегда невозмутимо отозвался Грегордиан.

— Еще один на другом конце! — как всегда влез Сандалф.

Рыжего ублюдка наверняка позабавил мой страх, и он не преминул добавить в него топлива. Еще бы — такое удовольствие для него понимать, что всю дорогу наверх я буду трястись, ожидая нового появления подобной твари.

— С архонтом тебе ничего не угрожает, — неожиданно подал голос Хоуг, бывший совершенно безмолвным почти на протяжении всего пути, и рыжий недовольно зыркнул на него, будто тот ему испортил все веселье.

— А как же все остальные, что тут передвигаются... мой архонт? — мне понадобилось усилие над собой, чтобы обратиться к Грегордиану именно так, как и остальные. Это озвучивание его титула, будто проводящее непересекаемую черту между нами, почему-то прямо царапало мне горло. Собственно, глупость несусветная, если учесть, какая между нами пропасть на самом-то деле.

— Они платят дань за проход, — коротко глянув на меня, ответил деспот. — Или имеют мое личное позволение. Другого способа попасть в Приграничные пределы для ходящих по земле нет.

— Должно быть, хлебное тут местечко, — пробормотала себе под нос. — Прямо таможня во всей красе в единоличном пользовании.

— Переживаешь за мое благосостояние? — хмыкнул деспот. — Не стоит, Эдна. Поверь, я могу себе позволить все, что пожелаю. В том числе удовлетворять и твои нужды, и даже любые прихоти. Но только до тех пор, пока ты удовлетворяешь мои!

Говоря это, деспот, естественно, даже не потрудился понизить голос, намекая хоть на какую-то интимность сказанного. Я сжала зубы, не решив, должен ли меня оскорбить такой ответ или это знак особого ко мне отношения, поэтому эту тему предпочла не развивать. Бог его знает, как все обстоит по местным устоям. Я выясню, как мне реагировать на все со временем, а от молчания никому еще не было во вред. По крайней мере язвительных комментариев от рыжего не последовало, и то приятно.

Я и так уже безумно устала, а начавшийся крутой подъем заставил мои бедные ноги отозваться болезненными спазмами. Жаловаться мне не позволяла гордость, но и совсем хранить безмолвие было невыносимо, иначе все мои мысли концентрировались на физическом истощении.

— Этот... Ерин, он что, дружок Алево? — спрашивать такое подобное бестактно, я это осознаю, но не похоже, чтобы эти двое особо зашифровались, а вопросы хоть немного отвлекали меня от невыносимой усталости и жажды.

Идущие позади Хоуг и Сандалф насмешливо зафыркали, как возбужденные жеребцы.

— Дружок?! Надо же, какое испорченное у тебя воображение, — естественно, не смолчал рыжий, и я гневно на него глянула, пока Грегордиан не видел, и сжала в руке рукоять ножа, который отобрать у меня не удосужились.

— Мабон значит сын, Эдна, — наконец снизошел до ответа деспот, и я почувствовала, как жар стыда прилил к щекам. Я действительно становлюсь подвинутой в этом мире. Раньше мне бы и в голову не пришло первым делом счесть людей любовниками, а не родней. Или пришло бы?

— Ну, они как бы совершенно не похожи, — даже не знаю, почему оправдываюсь вслух. — К тому же у мальчика крылья!

— Это верно. Ерин рожден от женщины фойете. А такие дети обычно наследуют больше материнских черт. — Странно, но, похоже, Грегордиан по-прежнему настроен дружелюбно и вполне охотно отвечает на мои вопросы, будто мы два самых нормальных человека, ведущих обычную беседу, чтобы скоротать путь. Если столь успокоительный эффект на вечно рычащего деспота оказал сын Алево, то я бы хотела, чтобы нам на пути постоянно попадались синие крылатые мальчики.

— Так значит, Алево женат?

— С чего такой вывод, Эдна? — в тон Грегордиана вернулась прежняя заносчивость, и меня посетило ощущение, что деспоту почему-то не понравился мой интерес к личной жизни Алево. — Разве в мире Младших мужчине, чтобы иметь ребенка, нужно связывать себя узами с матерью, которая его вынашивала?

Даже не знаю, откуда взялся мгновенный приступ злости, дернувший меня за язык. То ли от его пренебрежительного тона, то ли от напоминания о прежней жизни и о мире, о котором у меня теперь отнято даже право называть своим. Ну не от факта же осознания, что Грегордиан могут ждать семеро по лавкам со своими матерями в придачу, в самом деле! Черт его знает, но я ляпнула быстрее, чем смогла себя остановить.

— Нет, естественно! А тебя тоже ждет с десятков таких мабонов? — едва договорив, я поняла, что совершила ошибку. Грегордиан мгновенно остановился, буквально обращаясь в каменную статую — воплощение сдерживаемого гнева, и в окружающее пространство стали источаться совершенно осязаемые волны смертельно опасной ярости. Мужчина развернулся и наклонился ко мне так, чтобы наши лица оказались прямо напротив. Серые глаза — словно центр ледяного урагана, готового выморозить каждую каплю жизни из любого, кто попадет в зону его досягаемости. И именно я сейчас была той, кто стоял у него на пути.

— У меня пока нет детей, голем! — прежнее обращение имело эффект хлесткой пощечины, а дальнейшие медленно и раздельно проговариваемые слова были откровенным наказанием. — Но весьма скоро они будут, и, возможно, ради этого тебе придется умереть. И вокруг не найдется никого, кто будет о тебе сожалеть. А теперь замолчи и иди быстрее!

Всю оставшуюся дорогу наверх мы шли молча, и я реально задыхалась уже не от усталости и крутого подъема, а от жуткого коктейля обиды и отчаянья, влитого прямо в кровь его словами и при этом вины за то, что спровоцировала его непонятно чем. Хотя с какой бы стати мне еще и винить себя? Разве не я здесь та, у кого отняли все что только можно, в том числе и право находиться где и с кем хочу и говорить что думаю, не опасаясь чужого гнева? По сторонам я больше не смотрела и не оглядывалась, ибо видеть довольную ухмылку Сандалфа,

наверняка упивающегося моим унижением, и тем самым повышать градус собственных эмоций не было ни малейшего желания. Мне плевать, как все выглядит вокруг. Мне плевать, чем я могла так задеть этого жестокого засранца, шагающего как ни в чем ни бывало впереди. Мне плевать на его злорадствующих мерзавцев-прихлебателей. Я здесь не навсегда! Я обязательно найду выход, вот что твердила себе, делая шаг за шагом. Но испытания на сегодня еще не закончились.

Мы достигли наконец вершины извивающейся дороги, и в глаза совершенно неожиданно ударил яркий солнечный свет и порыв довольно сильного и отчетливо влажного ветра. Прищурившись, я оглядела место, где оказалась. Большая площадь, по периметру ограниченная массивными строениями из того же оранжевого камня, была буквально битком забита живыми существами.

Огромная разномастная толпа всевозможных созданий, чьи пестрота и необычный внешний вид просто не укладывались у меня в голове и совершенно сливались в сознании, шумно и на все голоса приветствовала Грегордиана. Я даже не уловила момента, когда из всей этой массы отделилась немногочисленная группка высоких созданий с кожей цвета молочного шоколада. На головах прически, напоминающие панковские, состоящие из сформированных из волос торчащих во все стороны жестких шипов, а большие коричневые глаза взирали на деспота буквально с благоговением. Одеты они были в разного покроя одежду, но цвет был у всех одинаковым — ярко-оранжевым, вроде того камня, из которого было все вокруг. Кланяясь не столько подобострастно, сколь откровенно радушно, они приблизились вплотную и завели уже поднадоевшую мне песню с приветствиями. Не слушая их, Грегордиан бесцеремонно толкнул растерявшуюся и дезориентированную меня в руки ближайшему из них.

— Устрой ее, Лугус, — и на этом все. Ни единого слова мне, ни взгляда в мою сторону.

— Все сделаю, мой архонт, — прошелестело это новое создание, обвивая мое запястье тонкими прохладными, но сильными, словно металлические прутья, пальцами. Дальше деспот просто двинулся вперед в толпе, что расступалась перед ним, словно воды Красного моря перед библейским Моисеем, оставляя меня на месте. И если я думала, что знаю, что такое страх, одиночество и отчаянье, то сейчас эти понятия обрели новые краски. Потому что я осталась в абсолютно незнакомом мире, среди целого скопища созданий, в существование которых еще недавно ни за что бы не поверила, и ни в едином взгляде самых разнообразных глаз вокруг я не увидела теплоты или сочувствия. Только холодное, почти расчленяющее любопытство или даже откровенную враждебность. Проклятый Грегордиан просто бросил меня в этом чужеродном море, как чертова нежеланного щенка. И все, что я могла сделать, это вскинуть голову, не позволить себе съезжиться и идти за теми, кому опять вручили мою судьбу, не спросив моего мнения, и твердить себе, что так не может быть всегда.

Некоторое время мы двигались в толпе по коридору, созданному шествующим впереди Грегордианом, но потом отклонились в сторону. Мне пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не пялиться вслед удаляющемуся деспоту, выглядя при этом отчаянно испуганной. По крайней мере я надеюсь, что мне это и правда удалось. Чем дальше мы удалялись от Грегордиана, тем отчетливей становился шепоток и вскрики в толпе и недружелюбнее взгляды. «Голем... голем... он нашел ее!» Вот что слышалось отовсюду и читалось в глазах. Я прижала к бедру клинок, сильно стискивая рукоять, хотя, конечно, понимала — случись что в таком скопище и он ничем мне не поможет. Не говоря уже о том, что я практически не имею представления, как им пользоваться для защиты, да и к тому же он может просто раствориться в воздухе, повинуясь чужой воле. Стена судя по всему ограды с высокой аркой входа, возникшая наконец впереди, заставила меня вздохнуть почти с облегчением, так как толпа как-то одноmomentно вдруг осталась позади. Мой шоколадный

проводник положил костлявую ладонь на массивное резное дверное полотно, некоторые рисунки вспыхнули ярко-желтым, и раздалось громкое лязганье. Открылся проход, и на меня пахнуло гораздо более теплым воздухом нежели снаружи, пропитанным каким-то тонким ароматом, почему-то вызывающим на краю сознания некие смутные чувственные образы. Оглядевшись, я поняла, что оказалась в уютном, пышно цветущем саду. Впереди виднелся самый настоящий фонтан со статуями из зеленого камня, очень похожего на нефрит. Вот только судя по нежно розовому цвету текла там не вода. Под раскидистыми кустами, сформированным в виде подобий пологов, создающих эффект обманчивого уединения, располагались не скамейки, как можно было ожидать, а целые широкие лежа. Их каркасы отблескивали в лучах солнца, пробирающегося сквозь густой цветочный занавес яркой инкрустацией из разноцветных и явно не поделочных камней, а подушки, которых тут присутствовало множество, были сшиты из даже на первый взгляд дорожных тканей. Дорожки были уложены все тем же вездесущим оранжевым камнем, только тут он был отполирован до идеального блеска, и сами плитки казались настолько тонкими и хрупкими, что и ступить по ним было страшно. К тому же каждая из них была оправлена в тонкую рамку из желтого металла, и мне не нужно было приглядываться, чтобы понять, что это было золото. Из него же были и изящные столики стоящие то тут, то там и вся посуда на них, которую было едва видно из-под гор великолепно оформленных яств. Все вокруг буквально кричало о практически чрезмерной роскоши, но при всем моем предельно сейчас враждебном настрое я не могла бы сказать, что это еще и не было абсолютно великолепным.

— Отдай мне оружие, — прошепел мой шоколадный сопровождающий негромко, но настойчиво, отвлекая меня от обозревания этого, можно сказать, райского сада.

Я тут же ощетибилась, сжимая рукоять еще сильнее, и подняла нож на уровень груди, оттопыривая лезвие в сторону мужчины.

— Ты мне его разве давал, чтобы забрать? — огрызнулась и дернула запястье из хватки его пальцев, глядя прямо в странное лицо. — Если твоему архонту он нужен, то пусть придет и заберет!

Сильно выступающие скулы, тонкие губы, сильно впалые щеки, брови с изломом посередине, острые кончики ушей и странные огромные глаза без белков, в которых однако сейчас я разглядела черный зрачок. Он то сильно расширялся, то сужался до размеров точки и будто тщательно сканировал не только мою внешность, но и мысли. Несмотря на, казалось бы, очень даже человекоподобную внешность этого персонажа лицо не оставляло сомнений в его ином происхождении. Я приготовилась спорить или даже к тому, что он щелкнет пальцами, и клинок исчезнет, но этого не случилось. Мужчина отпустил мою руку и кивнул.

— Справедливо. А теперь пойдем, я покажу тебе, где ты будешь жить, пока мой архонт не определит твою дальнейшую судьбу.

В этот момент до меня донесся чувственный женский смех и откровенный мужской стон. Пошарив глазами, я заметила движение на одном из этих роскошных садовых лежбищ поодаль. Сквозь цветочную завесу мало что можно было рассмотреть, но то, что это пара, занимающаяся сексом, и по звукам было понятно. В этот момент с той стороны выскользнула совершенно обнаженная женщина, которая выглядела вполне себе по-человечески, за исключением отливающей металлом серебристой кожи, с большой чашей в руках. Возня же в постели продолжилась. Ну, значит, насчет пары я ошиблась, хотя стоит ли этому тут удивляться? Серебристая женщина, смеясь и соблазнительно покачивая бедрами, подошла к фонтану и зачерпнула розовую жидкость, и тут я рассмотрела ее длинный хвост. Повернувшись назад, она наконец увидела всех нас, а точнее будет сказать меня, и искристые голубые глаза

настороженно прищурились.

— Разве у нас есть необходимость в новых кадани, Лугус? — вздернув белесую верхнюю губу и продемонстрировав приличные клыки, она окатила меня презрительным взглядом, а хвост нервно захлестал по ее обнаженным бедрам. — Тем более в таких.

— Разве ты решаешь, кому пребывать в Фир Болге, Фхина? — без всяких эмоций произнес мой провожатый. — Мне казалось это право лишь нашего архонта!

Словно опомнившись при упоминании Грегордиана, женщина чуть склонила голову, продолжая, однако, сверлить меня глазами.

— Естественно, это так, Лугус, — ответила она уже не резко, а вкрадчиво и, бросив на нас последний недобрый взгляд, скрылась за растительным пологом.

— Где мы? — едва она исчезла, спросила я.

— Это Фир Болг. Место пребывания женщин, находящихся здесь для утех, — Лугус пошел впереди меня.

И снова это невесть откуда взявшийся ком едкой злости и обиды, подперший легкие и мешающий вдохнуть.

— То есть это гарем архонта? — процедила сквозь зубы.

— В Закатном государстве нет гаремов. Женщин никто не удерживает насильно! — нахмурился мужчина, как будто оскорбляясь за деспота, а я едва сдержалась, чтобы не фыркнуть в ответ, «Алле, дядя, на меня взгляни! Я здесь разве добровольно?!»

— Любая женщина любой расы, ищущая удовольствий, достатка и защиты может прийти к нашему архонту и испросить позволения жить в Фир Болге. Если он или его приближенные сочтут ее привлекательной и достаточно искусной, то разрешение она получит. Уходят они отсюда, когда сами сочтут нужным. Скажем, решив, что ей уже достаточно подарков или мужского внимания. Некоторые ищут достойного отца для своего потомства среди достойнейших воинов служащих архонту.

— То есть не гарем, скорее уж, своеобразная версия публичного дома, — пробормотала я себе под нос, не чувствуя ни капли облегчения. Наоборот, горечи стало еще больше. Да настолько, что аж в глазах предательски защипало. И даже не знаю от чего больше. От того, что у каждой местной шлю... искусной дамочки есть право уйти, когда вздумается, а у меня нет, или же потому, что перед глазами отчетливо встала картинка, как все они проходят отбор сюда. Подняв голову, стараясь скрыть душасшие эмоции, я увидела тонкую и красиво переплетенную золотую сетку, как куполом накрывающую все это пристанище любителей утех. Как ни крути, золотая клетка во всей красе. Может, не для других, но для меня. Стоны развлекающихся стали громче и обрели устойчивый ритм, говорящий о скором финале, и я прибавила шаг. Боже, как же ненавижу все это!

Глава 44

Я оглядела комнату, хотя точнее будет сказать, личную тюремную камеру. Весьма и весьма роскошную камеру, должна признать. Светлое пространство размером со всю мою квартиру. Внешняя стена — одно сплошное окно, пред которым на трех толстых золотых цепях,

крепящихся к крюку на потолке, подвешено круглое ложе, застеленное белоснежным пушистым мехом. Еще одна постель прямо-таки исполинских размеров располагалась в дальнем углу и была окружена гигантскими, чуть наклоненными зеркалами в сверкающих рамах, и, наверняка, находясь там, можно было видеть бесконечное число собственных отражений. Несколько устойчивых стульев с широкими и мягкими сидениями. Изящные прикроватные столики. Стены задрапированы дорогими тканями, и вездесущие подушки разных размеров и форм повсюду. Все в лучших традициях дома удовольствий, так сказать.

— Одежда, — Лугус открыл инкрустированную дверцу шкафа. — Все ткани настоящие, а не созданы магически.

Он произнес это с таким выражением, будто это очень важно и должно меня, по меньшей мере, осчастливить. Но я не стала спрашивать почему. Наплевать мне, собственно. Безразлично скользнув взглядом по струящимся полупрозрачным облачениям и каким-то блестящим шнурам и полоскам, отвернулась.

— Игрушки! — уже настойчивее привлек мое внимание мужчина, открывая шкаф, не уступающий размерами платяному.

Ну да, кто бы еще сомневался, подумала, оглядывая содержимое, заставившее бы умереть от зависти какого-нибудь владельца секс-шопа. Особенно учитывая, из каких материалов все сделано.

— Уходя из Фир Болга, женщина может забрать с собой все, что только пожелает, из того, что принадлежало ей тут, — гордо сообщил мне проводник.

— Ну да, наверное, это такое счастье — унести на память целую, мать его, коллекцию золотых анальных пробок, — фыркнула я. — Потом можно перебирать их долгими томными вечерами и вспоминать веселые деньки тут?

Судя по взгляду Лугуса, моего сарказма он не оценил.

— Обо всех твоих нуждах позаботятся. Ты должна только их мне озвучить, — сказал он, нахмурив свои остrokонечные брови, и, пройдя пару шагов по толстому нежно-голубому с золотистыми росчерками ковру, застилающему пол, толкнул двери, демонстрируя местную версию санузла. — Выходить я тебе не советую.

— Боятесь, что уйду? — хмыкнула я.

— Нет. Не сможешь. Дверь в Фир Болг с любой стороны может открыть только тот, у кого есть нужный знак, даруемый архонтом или его ближайшими асраи, — мужчина продемонстрировал мне ладонь, на которой и впрямь было нечто вроде сложного белесого вензеля. — Но даже если бы и могла — куда пойдешь?

Я не стала отвечать. А смысл сотрясать воздух? Ведь пока и правда понятия не имею, куда могла бы пойти в этом долбанутом мире. Пока... пока-а-а, повторила, перекатывая слово в уме и ища в нем необходимую опору.

— Не выходить я тебя прошу потому, что кадани не слишком любят новеньких в своих рядах, ибо вечно борются за внимание самых прекрасных и щедрых асраи и гостей дома архонта. А ты не похожа на ту, кто сможет что-то противопоставить кому-то из них.

О, спасибо за очередное напоминание, насколько я беспомощна и не подготовлена к жизни в

этом чокнутом мире. Но, по крайней мере, я уже знаю, что нельзя доверять ничему внешне прекрасному. Есть все шансы, что именно нечто выглядящее максимально невинно и хрупко окажется способным тебя прикончить.

— Нормальная рабочая конкуренция между дамами, — усмехнулась я. — Только я вроде как им не соперница. Мне асрай все вместе взятые с их щедротами и даром не нужны. Можешь так и передать.

— Не важно. Слухи расходятся быстро. Как только они узнают, что ты не новая кадани, а голем, станет только хуже, — Лугус вздохнул по-настоящему озабоченно.

— Почему? Станут соревноваться, кто пнет меня побольнее, стремясь заработать местечко в постели архонта? — зубы невольно свело после этих слов, словно я надкусила лимон. Зараза! Это должно прекратиться!

Лугус поджал тонкие темные губы, игнорируя мое упоминание Грегордиана.

— Ты своего рода диковинка. Взрослый голем. А значит, оттянешь на себя интерес мужчин, и не важно, насколько доступной решит сделать твою постель мой архонт. А женщины всегда ревнивы, к какой бы расе они не принадлежали.

Вот уж правда. Посмотрите на меня. Нет смысла отрицать, что я ревную Грегордиана. Мужчину, которого ненавижу, того, кто обращается со мной хуже, чем с собакой, кто вполне возможно станет делиться моим телом как чем-то совершенно неважным, не имеющим хоть какого-то значения. Того, кто, возможно, однажды вырежет мое сердце так же, как у накки.

— А разве ты не сказал, что все женщины в этом вашем Фир Болге занимаются сексом добровольно? — я посмотрела в коричневые глаза только для того, чтобы прочесть там ответ. Ко мне это правило не относилось.

— Добровольно. Но и для них есть правила. Если они отказывают трижды мужчине, претендующему на их внимание в течение одного лунного цикла, то лишаются своего места здесь.

Вот, значит, как. Добровольность понятие тут достаточно относительное. Просветив меня побыстрому, мужчина явно заторопился свернуть разговор и уйти.

— Пищу тебе принесут позже. Если что-то нужно еще, скажешь мне завтра. Сегодня будет празднество в честь возвращения нашего архонта, всем будет не до тебя, — произнес он уже у двери. — И хорошо бы тебе быть действительно усталой и спать сегодня крепко. После винского мужчины становятся весьма любвеобильны. Так что в Фир Болге сегодня будет шумная ночь.

— А когда я увижу... архонта? — Вот и зачем это спрашиваю?

Конечно же затем, чтобы иметь больше определенности в отношении собственного будущего. Хотя вряд ли я бы хотела знать точную дату своей смерти.

— Когда он этого пожелает, — высокомерно ответил Лугус. — Возможно, никогда.

Очевидно, быть заносчивым козлом — это заразно и передается воздушно-капельным путем. Или все мужики в этом мире сразу рождаются с геном редкого засранца.

— А разве он... не придет сюда с остальными? — А вот сейчас я над собой измываюсь. Разве нет?

— Захочет — придет. Передо мной он не отчитывается. Впрочем, как и перед кем-либо еще!

И он закрыл за собой дверь, на которой изнутри не было ни замка, ни щеколды, ни даже хлипенького крючка! Ну да, вспомни, Аня, секс и обнаженка здесь дело не интимное в принципе, а уж в этом аналоге дома терпимости тем более.

Оказавшись в одиночестве, я наконец была избавлена от необходимости изображать невозмутимость и держать спину прямо. Мышцы, особенно на ногах, дико болели, желудок сводило от голода, во рту пересохло. На плечи, казалось, давила неподъемная тяжесть самой реальности, а в грудь будто загнали огромное сверло и непрерывно-монотонно проворачивали, посылая в каждую клетку импульсы тоски и безысходности. Больше всего хотелось опуститься прямо на чертов мягкий ковер, потому что на эти роскошные лежа смотреть было тошно, и прореветься, давая выход тому отчаянью, что пропитало душу насквозь, подобно отраве. Но никакие слезы не принесут мне облегчения, рыдай я хоть сутки напролет, и, когда они высохнут, ничего в моей судьбе не изменится. Поэтому черта с два я позволю себе развалиться и выть тут, оплакивая несправедливую долю. Подойдя к одному из золотых столиков, я рассмотрела лежащие горой угощения, весьма напоминающие конфеты ручной работы. Вряд ли меня стали бы травить, ведь столько сил было потрачено, чтобы притащить сюда. Взяла с блюда это круглое и приятно пахнущее нечто и откусила кусочек. Вкус был замечательный, отдаленно напоминающий шоколад, ваниль и кокос, только намного более утонченный и многогранный. Обволакивал язык сладостью и легкой горчинкой, которых было идеально в самый раз. Ни убавить, ни прибавить. Ну что же, раз другой еды, кроме сладостей, мне пока не предложено, сойдет и это. Сунув кинжал под мышку, прихватила блюдо, добавив к нему высокий, покрытый чеканными рисунками кувшин с какой-то жидкостью и золотой кубок, я направилась принимать местную ванну. Хотя, конечно, скорее это напоминало неглубокий бассейн, облицованный серо-розовым камнем с красивыми серебристыми прожилками. Устроив свою ношу на бортике и положив в прямой доступности свое единственное оружие, опустила на колени и пощупала воду. Сначала она мне показалась прохладной, но едва я об этом подумала, как температура изменилась, становясь именно такой, какую я обычно любила. Раздеваясь, встала босыми ногами на камень пола и ощутила приятное тепло.

— Ну, прямо все по высшему разряду в вашем гребаном вертепе, — пробормотала под нос. — И я, между прочим, собираюсь этим без зазрения совести пользоваться! Помирать так с музыкой и всеми остальными удобствами!

Соскользнув в воду, которая на этот раз именно нормальной водой и ощущалась, не стала сдерживать долгий удовлетворенный стон. В конце концов, я впервые за последние дни оказалась наедине с собой, и уже это само по себе воспринималось несказанным удовольствием. Так что я себе просто позволю понаслаждаться, отдохну нормально, а потом начну загружать невеселыми думами об истинном положении вещей. Если бы еще и мозгу можно было повелительно приказать «Не думать!», то вообще было бы здорово. Закинув в рот еще одну круглую вкусняшку целиком, налила в кубок розовой жидкости из графина. Пахло чем-то цветочно-фруктовым, без алкогольного духа, и я отхлебнула немного и покатала на языке. Очень вкусно. Чутьочка сладости, глубокий аромат роз и легкая цитрусовая кислинка. Пить можно! Откинувшись на бортик, следующие полчаса занималась тем, что медленно поглощала угощения и запивала этим неким подобием компота, кайфуя от ощущения, как постепенно уходит боль и усталость из мышц. Но вот, похоже, с отсутствием алкоголя в напитке я погорячилась. Легкий звон и опустошение в голове, странная невесомость в конечностях и теплота в желудке непозрочно намекнули на наличие в нем градусуса и даже

немало. Ну и наплевать! Сегодня же у них тут праздник по поводу возвращения сволочной сиятельной особы в родные пенаты! Вот и я отпраздную начало новой растреклятой жизни! Плеснув в свой кубок еще до полного, звонко чокнулась с наполовину опустевшим кувшином.

— Твое здоровье, Аня! — пожелала сама себе. — Похоже, оно и еще терпение тебе реально пригодятся в ближайшее время!

— Можно, я вымою и расчешу твои волосы? — раздался звонкий высокий голос со спины, едва сделала первый глоток, и я шарахнулась, разворачиваясь и поднимая волну, и уронила кубок, который с громким бульканьем пошел ко дну.

И только секунду спустя, глядя в блестящие темно-шоколадные глаза напротив, я вспомнила о кинжале и схватила его. А потом почти поддалась желанию тут же его опустить. Существо, стоявшее передо мной, было едва ли больше полуметра ростом. Еще один странный местный ребенок — подумалось сначала, до того, пока не рассмотрела вполне себе сформированные щедрые женские изгибы, хоть и выполненные в миниатюре. Кожа моей посетительницы была на пару тонов темнее, чем у Лугуса, и черты лица гораздо мягче, но однако же сомнений, что они одной породы или расы, не возникало. Только вместо шипов из волос, как у рослой мужской версии, у этой крошечной дамы на голове был задорный ирокез, по бокам и особенно по гребню щедро усыпанный разноцветными мелкими драгоценными камнями, непонятно как там державшимся.

— Ну как, можно мне потрогать твои волосы? — немного по-птичьи склонила головку набок прищелица, и от этого по ее прическе будто промчалась искристая волна.

— Ты кто? — опускать нож я передумала. Черта с два я куплюсь на маленький размер и невинный вид! Мне как-то и гилли-ду хватило.

— Эбха! — моргнув, она склонила голову на другое плечо, опять продемонстрировав мне сверкающее шоу на своей голове.

— И кто ты, Эбха, и какого черта делаешь в... — «моей ванной» язык не повернулся сказать, ничего моего тут нет, — здесь и сейчас.

— Я слышала, в мире Младших мой народ зовут брауни или ниссе. Но на самом деле мы мамыры, — она прищурилась, а потом снова как-то восторженно-ожидаяще распахнула глаза так, словно эти названия мне должны были все объяснить, и нетерпеливо потеряла ладони, как будто они зудели. — И я пришла взглянуть, о ком все шепчутся, а потом увидела, что твои волосы в таком беспорядке, и теперь очень сильно хочу о них позаботиться.

Если честно, на голове у меня на самом деле, мягко выражаясь, воронье гнездо. Мало того что расческа не входила в набор милостей от деспота, так еще после ночных кувырканий и купания в странном водоеме тару-ушти это вообще был сплошной колтун. Но это абсолютно не значит, что я повернусь спиной неизвестно к кому, предоставляя прекрасную возможность мне навредить. И совершенно наплевать на яркую ауру дружелюбности, которой буквально лучилось это существо.

— И по какой такой причине я должна тебе это позволять? — чтобы сохранить настороженное выражение лица я прямо-таки делала над собой усилие.

— Мне нравится заботиться о других, — беззащитно захлопала глазищами Эбха.

— Недостаточная причина, — произнося это, я чувствовала себя жестокосердной тварью,

пинающей щенка. Да что же это такое, в конце концов? Это вино мне так мозги своротило, или я реально устала от окружающей плотной атмосферы враждебности и безразличия, и первое же создание, проявившее хоть намек на участие и внимание ко мне, умудрилось пробить брешь в моей едва зародившейся броне. Тогда я, наверное, и правда безнадежна, и мои шансы на выживание равны нулю.

— Я для тебя неопасна, — с надеждой прижала крошечные ручки к груди брауни.

— Ха! Доказательства есть? — Нет, я ведь правильно себя веду, но почему чувствую себя смешной и неуместной, не доверяя шоколадной малышке?

— Нет! Но в моем мире никому не придет в голову спрашивать мамору о таком, — досадливо тряхнула головой Эбха, устраивая очередное шоу сверкающих всполохов.

— Видишь ли, как ты уже заметила, я не из этого мира, — возразила уже совершенно без прежнего энтузиазма и положила кинжал. Ну не резать же я ее собралась, в самом-то деле!

— А вот и из этого! — капризно поджала губы моя оппонентка и уперла руки в бока, явно приободряясь от этого жеста доброй воли с моей стороны. — И тебе следует это признать! А еще стоит перестать есть разжигающие кровь салдум и пить вино скоге. Иначе очень скоро ты вынуждена будешь отправиться на поиски мужчины, а я просто уверена, что нашему архонту это не понравится.

— Вашему драгоценному архонту совершенно плевать на меня, — я выловила свой кубок, не собираясь следовать ее совету. Ничего кроме опьянения я не ощущала, а оно сейчас приносило желанное облегчение.

— Вообще-то нет. Но ты об этом не знаешь, вот и злишься! — это не прозвучало насмешливо или обидно, скорее немного грустно.

— Я злюсь? Да чем меньше его внимания мне достанется, тем целее я буду! — Почему я вообще говорю на эту тему с какой-то мелкой незнакомкой?

— Не правда! Ты злишься-злишься-злишься-а-а и поэтому не даешь мне заняться своими волосами! — Боже, ну снова здорово! Она нормальная вообще? Хотя, о чем это я? Я говорю с существом ростом едва выше моего колена, выглядящим, как живая остроухая кукла, так с чего же ожидаю адекватности. Сама-то еще помню, что это такое в полной мере?

— Господи, да занимайся на здоровье, пиявка! — Ну, не удавит же она меня и в самом деле?

Развернувшись, я снова прижалась спиной к бортику и тут же ощутила у себя в волосах настойчивые, но очень аккуратные пальцы. Довольно долго Эбха почти нежно распутывала пряди и выбирала застрявшие после прохождения последних колючих зарослей веточки и листья. При этом она болтала просто без умолку. Но не могу сказать, что слушала ее внимательно. Беззаботная легкость и опустошение в разуме никуда не делись, но и не усилились.

— Знаешь, все ведь только и говорят о тебе, о том, что архонт Грегордиан, наконец, нашел тебя, и как все может из-за этого измениться в Тахейн Глиффе. — Ну надо же, Аня, тебя угораздило стать сенсацией местного масштаба. — Все поголовно гадают, почему он привел тебя живой, ведь ходили слухи, что архонту нужно умертвить тебя, чтобы освободить часть души его невесты. — Что сказать, тактичность явно не входит в число добродетелей местных

жителей. — Самые приближенные асраи деспота хранят молчание, разжигая еще больший интерес. А еще архонт почти полностью свернул шею одному болтливому хийсу, который ляпнул, что теперь к нам потянутся толпы желающих взглянуть на взрослого голема. Жаль, что не совсем прикончил, он все равно всех раздражал. — Да уж, и сам деспот просто душа и подданные у него под стать. — Архонт запретил болтать о тебе, да только слухов не остановишь, и этот противный хийс прав. Придется нам вскоре принимать гостей, хотя по мне, ну на что глазеть-то? Внешность у тебя вполне заурядная, хоть и привлекательная, конечно. Но никаких отличий от других людей, что я встречала раньше, не вижу, — и она даже слегка потянула меня за волосы и несколько секунд разглядывала мое лицо.

Эбха все болтала и болтала, а я продолжила цедить розовое пойло, пока она мылила и массировала мою голову, и это оказалось бесконечно приятно. Закрыв на минутку глаза, прямо могла представить себя в своей прежней нормальной жизни, сидящей где-то в хорошем салоне красоты, и, если не слушать смысл трескотни и не вникать в слова, то выходило сосредоточиться просто на чистом удовольствии от момента. Прямо сейчас не имело значения, что по ее словам получалось, что ждет меня в ближайшем будущем участь питомца в зверинце, и это в самом лучшем случае. Но с другой стороны... это ведь лучше смерти?

— И зачем вашему архонту понадобилась невеста из нашего мира! — пробормотала я, прерывая поток ее сознания и делая очередной глоток. — Не похоже, что у вас тут с женщинами напряженка!

— Ты не понимаешь! — фыркнула надо мной Эбха так, словно большей глупости и не слышала. — Ему нужен наследник, которому он передаст свое служение!

— Ну, так кто ему мешает плодить этих наследников? Вроде не мальчик, а мужик взрослый, состоятельный и статусный! Неужто мало желающих родить для него?

— Кто настолько сумасшедший, чтобы родить чудовище и познать весь гнев Богини? — ручки Эбхи замерли в моих волосах и даже, кажется, задрожали. — Нет, уж, таких нет! Да и сам архонт никогда бы такого не допустил!

Я, совершенно шокированная, попыталась развернуться, чтобы взглянуть на нее, но тут на голову обрушился целый невесть откуда взявшийся водопад, лишая слуха, зрения и ориентации в пространстве одновременно. Какое-то время я кашляла и отплевывалась, отлепляя от лица мокрые волосы и протирая глаза.

— Какого черта! По-твоему, это весело? — выкрикнула, ища эту коварную мелкую заразу взглядом, но никого за моей спиной не было, и только в дверном проеме стоял Грегордиан и смотрел на меня с непонятным выражением.

— Что-то ты не особо похожа на пленницу, оплакивающую свою судьбу, — усмехнувшись, сказал он, бесстыдно задерживаясь взглядом на моей груди. И именно этот момент выбрало местное вино и сладости, чтобы врезать мне в живот тем самым мощным приливом возбуждения, о котором и предупреждала Эбха. Эффект был по меньшей мере странный, чисто плотский, не похожий на мое обычное влечение идущее от головы к телу, а как раз полностью противоположный. Но от этого он не был слабее или менее действенным. Кровь гудящим, абсолютно безжалостным потоком рванула по телу, снося мгновенно остатки моей способности ему противостать.

— С ванной закончу и начну об стену биться рыдаючи! — процедила я сквозь зубы, безуспешно борясь с реакцией тела. — Или прямо сейчас приступать?

— Я не в настроении позволять тебе это, — ответил он, шагнув ближе, и стал стягивать тонкую белоснежную рубашку через голову. — Разве что только ты станешь рыдать мое имя, кончая подо мной.

Глава 45

— Кончать, говоришь? — пробормотала, даже не попытавшись отвести глаза от постепенно раздевающегося мужчины передо мной. — А пару часов назад ты, кажется, меня жутко ненавидел и чуть с этой своей винтовой дороги не сбросил.

Как может чужое тело вызывать настолько всепоглощающее чувство эйфории от одного только его созерцания? Даже еще без малейшего прикосновения, от контакта лишь моих глаз с его обнаженной кожей, от их неторопливого путешествия по жестким линиям и сплетениям кажется одних сухих мускулов и рисунку белесых шрамов на торсе. Ради Бога, это ведь лишь кости, плоть и кожа, их скрывающая, если подумать-то! То же самое, что и у меня, и у миллиардов существ вокруг. Так почему тело именно этого мужчины оказывает на меня подобный эффект? И соврать, сославшись на действие местных афродизиаков, не выйдет. Потому что это моя постоянная на него реакция, хотя, может, сейчас ими и немного подстегнутая.

— По поводу отсутствия прямой связи между сексом и ненавистью мы уже говорили, — Грегордиан присел на краю ванны, взял мой кувшин и покачал, оценивая количество содержимого, а потом протянул руку, требуя мой кубок. Я отдала его без возражений. Деспот налил остатки розовой жидкости и понюхал, с явным удовольствием прикрывая глаза. И, черт возьми, что же поделать с тем, что мне не оторваться от трепета его крупных ноздрей? От этого выражения откровенного неприкрытого кайфа, меняющего извечно жесткую линию губ. От медленного, тяжелого движения кадыка на его горле.

— Разве что-то подобное могли создать в мире Младших? — прошептал он и, открыв глаза, усмехнулся, поймав меня на жадном поглощении эмоций, меняющих его лицо. — Уходя от тебя той ночью, когда ты так быстро отключилась, решил, что заберу тебя в свой мир, когда придет время возвращаться. Думал о множестве таких обжигающих ночей, но уже в моей постели. А когда твои силы стали бы истощаться, я бы поил из своих рук лучшими винами скоге, поднося кубок к твоим дрожащим, пересохшим, распухшим губам. И энергия бы возвращалась, и ты снова и снова могла кормить мою похоть. Но ты решила начать без меня.

Сделав небольшой глоток, за чьим путешествием по горлу я опять же не смогла не последовать голодными глазами, Грегордиан наклонился, перенося весь вес на один локоть, и коснулся еще чуть теплым от контакта с собственной плотью желтым металлом моих губ. Подчинившись, я тоже пригубила, на этот раз в полной мере ощущая, как вместе с жидкостью вниз неторопливо катится всепоглощающая волна жара.

— Фантазии из прошлого? — не смогла сдержать горечи. — Из другого мира, о других, по сути, людях.

— Никто из нас не человек, — поправил меня Грегордиан, но без обычного раздражения.

— Не в том дело. Ты не сказал, что мне следует ждать тебя. Приходил, когда хотел, и уходил, когда сам считал нужным. Не говорил со мной ни тогда, ни сейчас. Просто в очередной раз швырнул в чужие руки... — как вещь или ненужную раздражающую помеху, так и рвалось из меня, но все же прикусила язык. В конце концов, я хочу сексом с ним заняться, а не спровоцировать очередной виток гнева или проводить сеанс самоуничтожения, учитывая, каким

правдиво нелицеприятным может быть его ответ.

— А тебя это злит, Эдна? — Меня до глубины души бесит это имя, но в остальном... он об этом и правда спросил? Да неужели?

— Могу поспорить, ты этим не просто так интересуешься. — Может, могла бы сохранить толику невозмутимости и сарказма в голосе, но только не тогда, когда этот мужчина поднялся и стал неторопливо стягивать штаны. При виде его жесткой длины, упруго выскочившей из одежного плена, мозг просто опустел, лишаясь всего — хоть мизерной почвы для адекватности, цивилизованного торжества разума над инстинктами, элементарного восприятия такого понятия, как гордость и рамки дозволенности.

— Конечно, нет. Злая женщина вряд ли сможет быть по-настоящему ласковой в постели, — деспот не торопился опускаться в воду, продолжая себя демонстрировать во весь рост во всех смыслах. Похоже, ему мое лишнее всякого стыда рассмотрение приносило не меньшее удовольствие, чем мне самой. Как все же хорошо, что он понятия не имеет, насколько чертовски совершенен для меня в физическом плане. Настолько, что смотреть на него и не касаться по-настоящему больно.

— И что? Пойдешь, найдешь кого-то в лучшем настроении? Выбор-то есть! — предательский голос, выдающий с потрохами весь коктейль беспорядочных эмоций, от которых я почти в лихорадке.

— Неужели я слышу ревность, сочащуюся из каждого слова, Эдна? — и, слава небесам, этот истязатель, наконец, соскользнул в воду и расслабленно расположился напротив. Да только голодный блеск глаз, как у хищника за мгновение до атаки, выдавал его так же, как меня мой голос.

— Сначала предполагаешь, что я зла, потом — что ревнива. — Я, как и деспот, раскинула руки на бортике, но при этом грудь полностью показалась из воды и дразняще приподнялась. В серых глазах напротив стало на миллион градусов больше жара. Да, долбаный ты архонт, у меня нет сил противостоять тебе пока ни на одном из уровней, но это не значит, что полностью признаю поражение.

— А это не так? — прозвучало намного грубее, чем раньше.

— Естественно, так. Но ведь как удачно, что тебе от меня не требуется ласка и нежности, а только грязный жесткий трах, — развернувшись, я выбралась из воды и уселась на бортик. Поставив на теплый камень пятки, откинулась назад, бесстыдно подставляя себя взгляду Грегордиана. Прекрасно понимая, что запросто могу вызвать новый приступ ярости, навязывая его доминантной натуре собственное начало этого примитивного танца. — И еще просто замечательно, что мне от тебя необходимо тоже самое.

Ложь, огромная и выворачивающая душу. Но правда — это смертоносная слабость, а значит, абсолютно недоступная для меня роскошь. Только сейчас или уже навсегда? Кто знает.

Грегордиан медлит, вообще не двигается, только смотрит, и его лицо искажается гневной гримасой. Все внутри меня начинает мелко трястись в ожидании очередного взрыва его ярости. Но тут он перемещается так стремительно, что я вскрикиваю от неожиданности, когда жесткие пальцы впиваются до боли в мои бедра, раскрывая их еще шире.

— В самом деле. Редкое везение! — резкий выдох у моего центра, мгновенно трансформирующий дрожь от нарастающего страха в полноценные тягучие судороги

предвкушения.

Все, между нами происходящее, чрезвычайно странно и реально ненормально. И так было с самого начала, еще до того, как я стала пленницей, вынужденной смиряться с обществом Грегордиана. Уже в те, кажется, бесконечно далекие дни, когда я стояла у окна в ожидании возможности увидеть его хотя бы мельком, эта потребность не ощущалась адекватной. Это было болезненное удовольствие, извращенное наслаждение на грани самоистязания, постоянно вступающее в противоречие с моей способностью здраво все анализировать. Я села в его машину, когда мой инстинкт самосохранения кричал бежать. Я сама позвала его на чай, а по сути предложила себя, хотя разум вопил как можно быстрее создать между нами расстояние. И даже уже после того как он едва не убил меня, стоило нам оказаться наедине, страх мгновенно уступал место вожделению. В этом не было и намека на логику или правильность. Я на тысячу процентов отдавала себе в этом отчет. Вот только каждый следующий раз, когда я видела этого мужчину голым, ощущала прикосновение его рук и этого о-о-ох какого убивающего мой разум рта логика оказывалась вещью эфемерной, неосязаемой. Совсем не тем, за что можно ухватиться, как за спасательный круг. Как только мы попадали в какой-то толстостенный стеклянный шар нашей чувственности, любые рассуждения и с годами впитанные представления о том, как должно быть и что есть верно, а что практически является прямой дорогой к саморазрушению, оказывались не просто чуждыми. Они были нечитаемыми письменами на неизвестном языке за глухой непробиваемой стеной на другой планете. Может и полными очень важных откровений, но забытыми, ненужными, никого уже не способными спасти. И я говорю «мы», потому что абсолютно точно чувствовала — и с Грегордианом происходит нечто подобное. На какое-то время он становился другим. Пусть и на краткие мгновенья нашего испепеляющего полного контакта и он, и я прекращали существовать как существа с прежним опытом, с грузом реальности. У гудящего пламени, которым мы становились, не было памяти о прошлом или представлений о будущем, оно лишь чистая энергия здесь и сейчас.

Первое прикосновение его рта — ни в коей мере не ласка. Агрессивный, глубочайший поцелуй, подавляющий, с зубами. Акт наказания за дерзость, дарующий, однако же, такую степень обнаженного наслаждения, которая едва не сбрасывает меня за край почти мгновенно. И такое же стремительное отступление. Я думала, что эта шокирующая атака — экзекуция? Как же я ошибалась! Именно остановка, это намеренное зависание в нигде за пару вдохов до того, как ты узнал, чем же будет срыв — взлетом или падением, вот где истинная пытка. Едва позвоночник перестал быть дугой под высочайшим напряжением, Грегордиан закинул мои ноги себе на плечи, почти лишая опоры, и начал все заново. Теперь движения его языка и губ стали мягкими, обволакивающими, с идеально выверенным нажимом, снова подводящим меня к самой границе, но нарочито недостаточные для последнего рывка. Понятия не имею, сколько раз я произнесла «пожалуйста», «умоляю» и «будь ты проклят». Или нечто близкое по смыслу. Шепча и выпрашивая, хрипя и глотая слова целиком, выкрикивая как требование и осыпая бранью. Ничего из этого не стало волшебным заклинанием, способным заставить этого мужчину подарить мне наконец освобождение. Чертова ирония и долбаный символ всего, чем стала теперь моя жизнь. Моя свобода, мое наслаждение, сама моя жизнь теперь зависели от его желаний. С трудом открыла зажмуренные от невероятных попыток достигнуть вершины глаза, столкнувшись с океанами его серого пламени. Взгляд Грегордиана тяжелый, неотрывный, поглощающий. В этот момент я будто снова увидела себя со стороны: бедра мелко дрожат от предельного напряжения, по телу катятся раз за разом судорожные волны, руки скребут и колотят пол в безуспешных поисках опоры, лицо, шея, грудь залиты румянцем, рот хватает катастрофически недостающий воздух, а ресницы слиплись, залитые слезами отчаяния от невозможности получить тот единственный импульс, способный отправить в блаженство. Я не только увидела, но и услышала, и ощутила. Умопомрачительный коктейль из опьяняющего

аромата и вкуса потоков собственной влажности. Прерывистую предвкушающую дрожь внутренних мышц. Вскрики, стоны, мольбы, ругательства, которые как музыка, лучшая из возможных. Мои пятки — то молотящие, то понукающе вдавливающиеся в широкую спину. Болезненные всполохи в коже головы, когда по ней стремительно проходят ногти в стремлении впиться в волосы, которых там нет. Откуда все это — понятия не имею. Если принято говорить, что люди способны делить удовольствие между собой на пике близости, то у меня все совсем обратное. Каждый мой нюанс наслаждения и боли теперь был будто помножен надвое. Вот только можно ли происходящее между нами назвать близостью?

— Гад... мучитель... — сквозь всхлипы выдавила я, обвиняя его в невыносимой жестокости. — Тебе же это нравится! Вот так... истязать... терзать меня.

Грегордиан вскинул голову, щурясь так, словно его бесит то, что я смею отвлекать его разговором в такой момент.

— Нравится? — это даже не обычная его усмешка — оскал хищника, гневный и торжествующий одновременно. Прямо над самой моей уязвимой и так в нем нуждающейся плотью. — Глупое, бессмысленное слово, Эдна! Думаешь, это ты та, кого терзают? Ты понятия не имеешь, каково мне! Я живьем горю, упиваясь допьяна той, кого должен ненавидеть. Смакую и дурею от той, в ком не должен видеть ничего, кроме врага или даже вещи, если только хочу сохранить свой проклятый разум, когда...

Он запрокинул голову, и я не столько услышала, сколько ощутила, как завибрировало все его огромное тело от рождающегося где-то глубоко внутри яростного рыка. Но в это мгновение Грегордиан не пугает меня. Абсолютно. Грудь пронзило острейшей болью совсем другого рода. За искаженным, кажется, чистым бешенством лицом мне почудилась уязвимость. Вот только это мгновение было так кратко, что я ни за что не смогла бы сказать, не было это лишь миражом, который навязало мне так нуждающееся хоть в какой-то душевной связи воображение. А потом Грегордиан резко опустил голову и буквально вырвал из меня жесточайший и совершенно опустошительный оргазм.

— Не буду это делать здесь или все кости тебе переломаяю, — пробрался его голос сквозь сплошные дебри моего экстаза.

Я не ощутила прохлады от перемещения, потому что мои нервные окончания еще не оправались от полного безумия. Мне показалось, я совершенно была вымотана, истощена и никогда не смогла бы говорить и видеть, и мое горло было как облитое кипятком, а радужки сгорели от вспышки изнутри. Но едва сверху оказался вдавливающий в мягкость постели вес Грегордиана, а его член рывками начал прокладывать себе путь вглубь моего тела, и это сработало как укол адреналина прямо в сердце. Распахнула глаза, чтобы видеть плотный клубок наших тел в сотнях отражений, создаваемых зеркалами. Вскинула еще секунду назад почти бесполезные руки и ноги. Обвилась вокруг него, уже нещадно вбивающегося в меня так плотно, насколько только хватает сил. Вогнала ногти в его мощную спину, сцепила в жестком захвате ноги вокруг талии, впиалась в плечо зубами, поощряемая его нарастающими гортанными стонами и все более диким ритмом толчков. И смотрела, бесконечно смотрела в эти бесстыдно лгущие серебристые стекла, на которых он мой прямо сейчас. Мною захвачен, окольцован, пленен. Не просто трахающий меня самец, удовлетворяющий потребность своего тела. А мой мужчина, вколачивающий себя в меня так неистово, потому что хотел навеки оставить под собой. Не позволила себе отвести взгляд, когда мы снова почти синхронно кончали. Не упустила ни единого содрогания, когда его тело медленно отпустило этот шторм. Наблюдала, как постепенно расслаблялся один напряженно вздутый мускул за другим.

Грегордиан глубоко и протяжно выдохнул и сместился в сторону, властно при этом обхватив мой затылок и вынуждая повернуться на бок, лицом к нему. И только тогда впервые за сегодняшний день коснулся моих губ своими. В этом поцелуе не было обычного его ультимативного требования принять его сейчас же. Это поцелуй — послевкусие, а может, некий откуп или его версия извинения за чрезмерную грубость и примитивность каждого нашего интимного контакта. Или я опять себе солгала? Разве он из тех, кто стал бы извиняться за что бы то ни было, так или иначе, добровольно или интуитивно. Я, едва дотрагиваясь, скользнула пальцами по его потной горячей коже, считывая рисунок шрамов, который знаю уже до мелочей.

— Разве на тебе все не заживает почти мгновенно и без следов? — пробормотала, когда поцелуи сошли на нет, превращаясь лишь в касания, потирания его губ об мои. — Откуда эти шрамы?

— Когда нас ранят настоящим, не магическим железом, восстанавливаемся мы с такой же скоростью, что и люди. Может, хуже. Каждый из шрамов — это напоминание о моих ошибках, слабостях или легкомысленной доверчивости, — при последних словах травмированная часть лица деспота дернулась, как от острого болевого импульса.

Я подняла руку, позволив ей замереть в миллиметре от его поврежденной щеки, и взгляд Грегордиана стал предупреждающим, почти угрожающим. Но я не остановилась, давая сама себе позволение не только на прикосновение, но и на большее. Провела по его лицу, на этот раз на самом деле лаская, а не просто требуя физического контакта. Но, похоже, деспот не мог или не хотел от меня это принять. Молниеносно опрокинув на спину, он сковал оба моих запястья железным захватом одной своей ладони, а другой сильно сжал грудь. Вызывающе, даже нагло глядя в глаза, вклинил свои бедра между моими и вжался стремительно твердеющим членом, заставляя захлебнуться вдохом. Но я не разорвала зрительного контакта и не смолчала, уже решившись.

— Разве все между нами должно быть именно таким? Всегда? — горло не слушалось, и вышло нечто вроде хрипа, но я знала, что он все слышал и понял.

— Между нами даже этого быть не должно, — рыкнув это, он вторгся внутрь, и тут же яростный взгляд подернулся пеленой другой эмоции, и Грегордиан резко опустил голову, скрывая ее от меня. — Тебе следует быть благодарной за то, что ты сейчас здесь, а не гниешь в подземелье в цепях или не мертва!

Вот, значит, как! Только так и никак по-другому, деспот Грегордиан? Лишь намек на движение навстречу и тут же жесткий, безжалостный откат?

— Как же ты щедр, мой архонт! — я снова обхватила его ногами и толкнулась навстречу, вкладывая в голос весь цинизм, что смогла в себе собрать. — Это и будет моим вознаграждением за сегодняшнюю ночь и все последующие?

— Кто тебе сказал, что я приду еще? — буркнул деспот, врезаясь еще мощнее.

— Не приходи! Я не буду ждать! — прохрипела, ощущая спазмы приближающегося оргазма.

И прямо сейчас это правда. Провались, исчезни, никогда больше не появляйся, не позволяй увидеть, прикоснуться. Не хочу терять саму себя в тебе, не хочу еще больше боли, потому что никому не удавалось меня ранить больнее.

— Будешь... будешь... буде-е-ешь.

Ложе замолотило в стену и застонало, будто при смерти, вторя низкому мужскому финальному крику.

И как мне не было ненавистно признавать, но он прав. Буду.

Глава 46

— Проснись! Просни-и-ись! — вытащил из черноты без сновидений высокий звонкий голосок, и я поморщилась от того, как он буквально высверлил мой бедный мозг. — Тебе поесть нужно, а то будет совсем туго!

Что рядом нет Грегордиана, причем уже давно, знала и без прозрачного намека в виде ходящего ходуном матраса и требовательных воплей Эбхи. Хоть постель подо мной еще пахла нашим сексом и его кожей, лишаящей меня воли энергетике, этого мужчины не было поблизости. И я это ощущала даже спросонья. И даже не могла сказать, принесло ли это облегчение или родило новую спираль тоски. Перевернулась, но, когда попыталась открыть глаза, вскрикнула, потому что казалось, что по ним наотмашь полоснули лезвием. Ну надо же, теперь я узнала, что такое похмелье! Как-то за почти тридцать лет прежней жизни обрести этот бесценный опыт не случилось. А тут что ни день, то новое чертово откровение.

— Ну вставай же! — продолжала донимать меня Эбха и теперь слегка тянула за волосы, а я слепо отмахивалась от нее. Не хотела я вставать и есть не хотела. И глаза открывать. Вообще даже дышать смысла не видела. Зачем, если все становилось только хуже?

— Поднимайся же! Тебе необходимы еда и питье, — и не думала отставать шоколадная пивка.

— Ничего мне не нужно! — просипела я. — Мне паршиво. Оставь меня в покое.

Вот именно этого я сейчас и желала. Тишины. Покоя. Одиночества.

— А я тебя предупреждала не есть столько сандулф, — Эбха совсем не злорадствовала, но мне-то не было легче от этого. — После такого количества тебе еще пару дней с непривычки жизнь будет казаться препогоной!

— Маленькая поправка! Моя жизнь и есть хуже некуда! — при этом я все же удосужилась мысленно просканировать собственное состояние и была вынуждена признать, что физически я была действительно в порядке. Ничего не болело, нигде не саднило. Вот только было ощущение, что в центре груди зияла огромная сквозная дыра, через которую из тела утекали последние остатки внутреннего тепла, никакого отношения к телесному здоровью отношения не имеющие. Но от этого оно для меня было не менее реально, чем могла бы быть кровоточащая рана.

— Да ладно! А вот все остальные тут так не считают! — легкомысленно пожала плечами Эбха и дернула головой со своим сверкающим гребнем. — Вы с архонтом прошлой ночью в Фир Болге были самыми шумными. Прямо у-у-ух, аж завидки берут! После твоих криков удовольствия даже те кадани, что не решались претендовать на постель архонта, вручили Лугусу свои предлагающие ленты.

Вчерашний водопад на прощанье показался мне мелочью в это мгновенье. Я резко села и прищурила слезящиеся глаза.

— И что это, черт возьми, значит? — даже сама вздрогнула от откровенно агрессивных ноток в

голосе. Аня, ну-ка, вдох-выдох!

— Я знала, что это сработает! — практически промурлыкала мелкая засранка и подсунула к самому моему рту кубок с каким-то теплым питьем, да так резко, что чуть не разбила губу.

— Что ты сказала только что? — я пыталась говорить спокойно, но ничего не смогла поделаться с угрожающе-требовательной интонацией, что так и перла из меня. Похоже, агрессия и правда вещь заразная!

— Что тебе нужно поесть и попить! — бессовестно прикинулась тупицей брауни.

— Ты знаешь, что я не об этом, — щурясь, оттолкнула питье, но Эбха упрямо сунула его снова, проливая немного на грудь и напоминая, что я совершенно голая. — Разве все эти кадани, чтобы попасть сюда, не должны быть лично... хм... протестированы вашим архонтом?

При картинках этого самого кастинга, рождающихся в мозгу, остро захотелось все же взять проклятый навязчиво тыкаемый мне кубок и разбить пару голов.

— Знаешь, вообще-то наш деспот далеко не всеяден, в отличие от его асраи и большинства гостей, — теперь она делала вид, что обижена, и поджимала губы. Господи, да ей бы с этими гримасами в цирке выступать, потому как для театра одного актера немного переигрывала.

— И что это, по-твоему, значит?

— Он спал лишь с теми, кто предлагал себя сам. А это делают далеко не все просящие пристанища в Фир Болге.

— Почему?

— Думаешь, я стану обсуждать с тобой глупое поведение кадани, касающееся моего архонта?

Ладно, может, я и не фейри, но вот этот взгляд в сторону и приподнятые брови слишком уж красноречивы.

Я отстранилась, натягивая на грудь покрывало, и сложила руки, всем видом демонстрируя неуступчивость.

— Возможно, я ни черта не понимаю в ваших устоях и обычаях. Очень может быть, что все вы, и ты в том числе, считаете меня слегка слабоумной. Но одно я знаю сейчас точно. Ты явилась сюда и зачем-то затеяла этот разговор. А если начала, то и заканчивай его как-то!

Эбха сверкнула на меня глазами, посопела недовольно, но потом сжала маленькие кулачки и сказала:

— Эти уриски безмозглые... большинство из них считают его слишком необузданным, примитивным и требовательным в постели. Говорят, после ночи с ним вынуждены пару дней отказывать прекрасным асраи, потому что слишком вымотаны.

Ну, по поводу необузданности и требовательности я полностью согласна, но что-то не была готова отнести данные качества к недостаткам, учитывая, что и отдача у Грегордиана запредельная. Или мои запросы были слишком простоваты и непритязательны для местных искушенных дамочек? Не суть. Выходит, эти кадани сами приходили в дом мужика, жили под его крышей в сытости и безопасности, занимались, по сути, проституцией или решали прочие

свои проблемы, как ни поверни, и при этом быть полюбезнее с хозяином не считали нужным? С кем угодно, но не с ним? Да, деспот, ты и правда был весьма популярен у своих подданных. Даже у шлюх. И почему только у меня от этого столь двойственное чувство?

— Не верится мне, что деспот спокойно переносит подобное пренебрежение к своей особе, — усомнилась, тут же вспомнив в сколь ультимативной форме меня он поставил в известность о том, что буду его любовницей, и это еще до того, как я стала для него големом. Не похоже, что этот мужчина вообще знал, что такое отказы.

— Какое еще пренебрежение? — возмущенно фыркнула Эбха. — Думаешь, он достаивает посещением постели всех тех, кто ему себя предлагает? Как бы не так!

Зародившееся во мне легчайшее сочувствие к нелегкой мужской доле Грегордиана мгновенно рассеялось. Вздохнув, все же взяла кубок из рук Эбхи и понюхала. Вообще никакого запаха. Медленно выпила все. Вкуса тоже никакого, только густая консистенция вроде киселя, но при этом как-то моментально полегчало. Огляделась и заметила блюдо с едой. Завернувшись в покрывало, взяла его на колени и кивнула, намекая на угощение нервно кусающей губу Эбхе. Она замотала головой и продолжила молча наблюдать, как я ем. Неуютно было поглощать пищу под столь пристальным наблюдением, но, видно, я к подобному начала уже привыкать, и к тому же пусть созревает.

— Сразу семь кадани желают испытать себя с ним прямо сейчас, — наконец, не выдержав, произнесла она драматическим тоном. — Позже их может стать больше.

Сучки бесстыжие! Кусок встал мне поперек горла, но я жевала и усиленно глотала, не позволяя прорваться наружу закипающему раздражению. Ведь именно его и добивалась моя собеседница. Вот знать бы зачем.

— Ну что же, выходит, у архонта нет недостатка в женской ласке, — прокомментировала и посмотрела в окно.

— Ты ничего не собираешься с этим сделать? — возмутилась брауни.

— Я тебя, Эбха, не знаю совершенно. Но и ты понятия не имеешь, какая я. И ничего у тебя не выйдет. Во-первых, мне наплевать на то, кто там, что и как твоему архонту предлагает. Во-вторых, даже если бы это было не так, что толку-то?

— Ты должна отдать Лугусу и свою ленту и велеть передать деспоту! — вскочив, притопнула ножкой Эбха.

— Слушай, а тебе не кажется, что прежде чем посоветовать кому-то стать шлюхой, подносящей себя тому, кто об тебя ноги вытирает, можно было бы хоть ради приличия светскую беседу по душам на пару часов устроить? — резко поднявшись и почти швырнув блюдо на столик, подошла к окну, остро нуждаясь в том, чтобы хоть немного удержать кипящие эмоции внутри.

— Ты меня разочаровываешь! Считаешь себя слишком особенной, чтобы предложить себя мужчине, как и остальные? — с досадой выкрикнула Эбха.

— Кому-то из этих ваших кадани светит быть убитыми в угоду каким-то непонятным целям вашего архонта? Нет? Ну, тогда я и есть особенная!

Развернувшись, я, однако, увидела, что говорю с пустотой. Эбха исчезла так же неожиданно, как и в прошлый раз.

— Ты просто чудо, а не собеседница! — крикнула я воздуху, и именно этот момент выбрал Лугус для своего появления. Естественно, без стука.

Мужчина обвел все отведенное мне помещение быстрым цепким взглядом и даже, чуть пройдя, глянул в открытые двери ванной.

— Ты всем довольна? — спросил он, не утруждаясь приветствием, и я плотнее стиснула покрывало на своей груди.

Даже интересно, если бы уточнила, относится его вопрос к моей жизни в принципе или к бытовой устроенности в частности, выражение его лица хоть немного поменялось?

Почему мне казалось, что я ему чрезвычайно не нравлюсь? Не то чтобы с момента попадания за Завесу это было чем-то новым для меня. Вроде и лицо его — просто эталон маски бесстрастности и равнодушия, что по сути являлось точкой нулевого отсчета. Вот только мне казалось, что его ноль однозначно склонялся к минусу, а не к плюсу относительно меня. И так же, как с Сандалфом, подмывало спросить «на какую чертову мозоль я тебе наступила?». Но, учитывая всеобщее местное стремление к честности и откровениям, я бы не ожидала нормального ответа. До сих пор хоть и примитивные, но сколько-то внятные реакции мне удалось уловить только у Грегордиана. Только все дело в том, что прочесть и узнать эмоцию в его случае абсолютно не означало понять ее корни или спусковые крючки, способные ее спровоцировать или свести на нет. Очень могло быть, что причина моего непонимания состояла в недостатке знаний об истинном положении вещей. Но вполне возможно, что проблема заключалась в том, что привычная мне логика была абсолютно чужда этому миру и стоило либо отказаться от заблуждения, что я вообще смогу когда-нибудь это понять. С другой стороны, разве раньше в мире, что считала своим, мне не случалось констатировать факт чьей-то полной неадекватности? И даже пусть не всегда лично, пусть это упоминалось в новостях, в болтовне сослуживцев, к которой не прислушивалась обычно, но однако же! Разве не бывало, что вполне себе нормальные люди иногда совершали иррациональные поступки? Что же говорить о мире, где отсутствие рационального зерна заложено изначально?

— Голем, я спросил, все ли тебя удовлетворяет! — опять этот безэмоциональный тон, за которым мне почудилось раздражение.

— Вообще-то твой архонт имя мне дал. Так что озадачься нормальным обращением! — Стерва во мне включилась как-то произвольно.

Конечно, долбаная «Эдна» бесила меня вот только на чу-у-точку меньше, чем проклятый «голем». Но, с другой стороны, что хуже — что тебя зовут чужим именем или называют некой вещью? В этом ракурсе «Эдна» виделась не самым паршивым вариантом.

— Эдна, все ли желаемое у тебя есть? — Лугус произнес это, будто у него был запор.

— У меня нет одежды! — решила не скромничать я.

Мужчина метнул взгляд в сторону полного шкафа.

— Мне это не подходит, — пояснила, открывая дверцу, и дернула за полупрозрачное и почти несуществующее нечто. — В моем понимании одежда — это то, что призвано прятать хоть что-то от чужих взглядов. То есть скрывает, а не позволяет почувствовать себя еще более обнаженной, чем без тряпок вообще.

— Я понял. Что бы тебя устроило больше? — спросил он, хоть и кривясь так, будто я говорила ему откровенные гадости.

— Нечто вроде той одежды, в которой я сюда прибыла. — Тонкая темная губа брезгливо вздернулась еще выше. — Или сойдет и платье, способное закрыть меня, скажем, от плеч до колен.

Я даже руками обозначила желательные границы на случай межрасового непонимания.

— Что-то еще? — опять же спросил равнодушно, но с явным оттенком неприязни Лугус.

— Я хочу знать все по поводу предлагающих лент, или как там они зовутся!

— Кто сказал тебе о них? — А вот это уже не наигранная вспышка злости и замешательства. Очень краткая, но очевидная.

— А это разве важно? Просто скажи мне!

Лугус отказался встречаться со мной взглядом и пошел к «игрушечному» шкафу. Вчера он, демонстрируя мне содержимое, открывал лишь одну его половину. Сейчас же распахнул обе, и я увидела на второй множество разноцветных лент, которыми была увешана почти вся площадь двери.

— Это, — ткнул он длинным пальцем в на вид совершенно прозаичные шелковые тряпочки, — предлагающие ленты.

Я многозначительно подняла брови, намекая, что неплохо бы продолжить, но Лугус проигнорировал это.

— Как это работает? — была вынуждена спросить я.

— Когда кадани хочет посещения какого-то определенного мужчины, она вручает мне ленту, соответствующую его расе, и просит доставить ему.

Я посмотрела на галерею всех цветов и оттенков на двери шкафа. Прямо скажем, выходило, что рас фейри более чем достаточно.

— Если у кадани нет цели заполучить определенного мужчину, она просто вешает на свою дверь ленты тех рас, которые ей желанны, — продолжил он, хоть и неохотно.

— А как мужчина, которому, скажем, предназначена лента, узнает, от кого она?

— Узнает, — высокомерно поджал губы Лугус, всем видом подчеркивая, какая я непроходимая тупица по его мнению.

— Ладно. А если эту вашу кадани захочет посетить мужчина той... хм... породы, чьих лент нет на ее двери? Что тогда?

— Зависит от причин, по которым кадани находится в Фир Болге, и иногда от щедрости мужчины. Чаще всего они договариваются.

Ну да, ну да. Как-то так я себе это и представляла.

— То есть если сейчас я вручу тебе ленту, означающую расу вашего архонта, — знать бы еще

какого она цвета, — ты отнесешь ее ему, и он узнает, что она моя, и...

— Я не думаю, что тебе позволено посылать ему ленту! — бесцеремонно прервал меня на полуслове Лугус и этим моментально вывел меня из себя. — Ты не кадани. Твой статус вообще не определен.

Не то чтобы я и правда до этого хотела послать эту чертову тряпку, выпрашивая возможности еще раз повидаться с выматывающим мне всю душу Грегордианом. Я вообще этого не хотела! Но вот это уже откровенное пренебрежение в глазах его по сути холуя, гребаного сводника, готового услужить любой местной шлюхе, но ни в коем разе не мне, взбесило по-настоящему.

— Лугус, а какова, собственно, твоя должность у вашего архонта?

— Я главный проксенет его Фир Болга! — прямо сейчас мужика могло порвать от заносчивости.

— А что входит в твои обязанности?

— Следить за тем, чтобы все, посетившие Фир Болг, ушли довольными, обеспечивать кадани всем необходимым, — монотонно стал перечислять мужчина, — а так же еще выполнять те их особые пожелания, на которые они имеют право по статусу, дарованному посетившими или желающими их мужчинами. Следить за тем, чтобы предлагающие ленты оказывались у тех, кому они предназначались точно в срок...

— Вот, значит, как, — я так же не стала дослушивать его до конца. Какой привет, такой и ответ. — Тогда почему бы тебе не исполнить свои обязанности и не отнести мою ленту нашему общему архонту?

— Ты не кадани! Я не обязан служить тебе! — А вот это уже открытое проявление личной неприязни.

— Похоже, ты стал слаб глазами, дружище Лугус! — раздался голос Алево от двери. — Судя по знаку, который оставил на ее двери архонт, услуживать ей ты должен, и еще как! Но если тебе твои обязанности стали в тягость, я, так и быть, могу сам отнести ему ее ленту.

В какой-то мере я даже обрадовалась, увидев Алево. Он выглядел... ну, собственно, так, как полагалось в подобном месте. Обнаженный по пояс, в тонких свободных белоснежных штанах, босой, со слегка растрепанными волосами в стиле «только из постели» и яркими, чуть распухшими губами, вид которых заставлял задуматься, где они совсем недавно побывали.

— Пусть сначала выберет нужную! — перешел уже на откровенное шипение Лугус, испепеляя прямо-таки меня взглядом.

Нет, в самом деле, что я сделала этому шоколадному придурку?

— Эдна, так как, ты готова? — теперь и блондин пялился на меня выжидающе.

А я не была готова. Нет, совершенно. Но скрытое ожидание того, что я спасовала и буду унижена в шоколадных глазах местного сводника, вызвали непреодолимое желание увидеть, как он утрется этим своим высокомерием сполна. И поэтому я уставилась в шкаф с единственным вопросом в голове. Как, черт возьми, я узнаю, какая лента принадлежит Грегордиану? Но, присмотревшись, поняла, что никакой это не вопрос. Лента глубочайшего черного цвета, точно в тон великолепной гладкой шкуре его зверя, висела подальше, будто

нарочно прикрытая другими — яркими и блестящими. Едва я взяла тонкую полоску, она будто взбесилась, ожив и стремительно обвив мою кисть и даже часть запястья. Сжалась, словно тугой резиновый жгут, принося ощущения весьма далекие от приятных. По только что чисто черной ее поверхности побежала какая-то серебристая вязь, но буквально спустя пару секунд все исчезло, и лента обвисла, становясь тем, чем и являлась — кусочком ткани.

— Ну так что, дружище Лугус, мне отнести ленту Эдны или ты сам? — в голосе Алево я расслышала тонкую насмешку.

— Я сам! — ледяным голосом ответил тот и почти вырвал полоску у меня из рук. — Я прекрасно справляюсь со своими обязанностями.

И он, задрвав острый подбородок, прошагал прочь из комнаты, оставляя меня наедине с Алево и с мыслью, на кой черт я в это ввязалась и каким боком это мне еще выйдет.

Глава 47

— Итак, почему мне кажется, что ты очень нуждаешься в том, чтобы с кем-нибудь поговорить? — прикрыв дверь, Алево, однако же, так и остался у входа.

Вообще-то, вот прямо в эту минуту в компании я не нуждалась. Абсолютно. А все потому, что мне нужна была минутка на полный анализ собственного поведения. Только что я сделала нечто идущее вразрез с моими желаниями и даже принципами. Или нет? Я в самом деле не хотела видеть Грегордиана?

— Разве тебе не нужно пойти продолжить то... ну, чем ты тут занимался? — пробормотала я, занятая своими самокопаниями.

Если рассматривать чертова деспота как мужчину, постоянно причиняющего мне практически весь спектр боли, то надо быть мазохисткой и полной дурой, чтобы хотеть увидеть его снова. А я, хочется надеяться, ни той, ни другой не являюсь. Но проблема в том, что инстинкт самосохранения, диктующий избегать боли, в этих обстоятельствах не прав. Если взять мою ситуацию отвлеченно от эмоций, от истерик типа «ах, он меня чуть не убил, уволок насильно, мучает-издевается-держит в клетке» и начать оценивать все с позиции расстановки сил, уже имеющих место быть и от меня не зависящих, то выходила иная картина.

— Небольшой перерыв на болтовню только разжигает аппетит! — снова встрял голос Алево в мои мысли, и я поморщилась. Разве трудно просто было уйти и дать мне разобраться? Но, похоже, это в планы асраи не входило. Он двинулся к платяному шкафу, если его можно было окрестить столь громким названием, и распахнул его.

— Давай, одевайся, Эдна! Я покажу тебе все тут и расскажу обо всех обычаях и возможных сюрпризах. Причем сделаю это совершенно безвозмездно! — Да что же ему нейдет-то!

— Если думаешь, что я стану прогуливаться здесь в той пародии на одежду, что там висит, то ты ошибаешься! — отмахнулась я, рискуя, конечно, нарваться.

— Весьма странное заявление после того, сколько раз я тебя видел голой, — усмехнулся блондин.

— Голой и то лучше.

— Ну так иди голой! Или в этой тряпке, — ткнул он в покрывало, в которое я была завернута. — Ради Богини, это же Фир Болг, кого ты намерена этим шокировать? Подумай сама, я предлагаю тебе помощь, и, поверь, других желающих сделать это не найдется здесь.

А ведь он, скорее всего, был прав.

— И ты даже ответишь на все мои вопросы? — решила я слегка обнаглеть.

— В разумных пределах, — чуть скривился блондин.

— А как быть с тем, что ты сам мне совсем недавно говорил, что верить тут никому нельзя и тебе в том числе?

— Ну, иногда-то можно, — Алево сделал вид, что погрузился в рассматривание одежды.

— Это тогда, когда ты преследуешь какие-то личные интересы, изображая бескорыстие и душевную доброту? — я подошла и знаком попросила его отвалить. Если уж придется выбирать из того, что есть, то предпочитаю сделать это самостоятельно.

— Точно! — просиял циничной ухмылкой блондин.

— Ну, тогда моим первым вопросом будет, что же это за интересы?

— Мхм... — Я бы сказала, что Алево посетило мгновение замешательства, если бы верила, что он может испытывать нечто подобное. — Спроси меня как-нибудь позже, когда я буду знать это сам.

— Смотри осторожнее, а то я еще решу, что ты испытываешь ко мне нечто вроде симпатии! — Я выбрала, наконец, нечто шелковое, серебристо-зеленое, почти совсем непрозрачное, хоть и состоящее, кажется, из одних полосок, из-за количества разрезов во всех возможных местах.

— Я бы не совершал такой ошибки на твоём месте. — А я и не совершаю.

— Ладно. Вопрос номер два. Я могу... ну, не знаю... отозвать эту самую ленту?

Поза Алево мгновенно изменилась, мышцы на обнаженном торсе напряглись, а голубые глаза угрожающе прищурились.

— А ты всерьез намерена это сделать? — голосом, близким к абсолютному нулю, спросил он.

— Значит, могу, — сделала я вывод.

— К сожалению, да. Но если поступишь так, то я окажусь слишком занят для того, чтобы тратить свое драгоценнейшее время на ту, что его недостойна, — блондин развернулся, чтобы уйти.

И-и-и возвращаясь к моим размышлениям! Если обиды и собственную уязвимость отодвинуть прочь, то мне нужно было выбирать не между тем, хочу ли я еще видеть Грегордиана или нет. Потому что понятно — избежать взаимодействия не удастся. Вопрос стоит совершенно по-другому. Мне нужно было наладить хоть какой-то диалог с мужчиной, от которого зависит сама моя жизнь. А для этого мне необходимо было не только его видеть, но и заставить себя изменить угол зрения на всю ситуацию в целом. Ничего со мной не случилось от осознания, что, послав эту чертову ленту, поставила себя в ряд множества остальных таких же ожидающих, что деспот осчастливит нас своим вниманием. Мои исходные причины бесконечно отличались

от их. Так что винить себя отказывалась. На войне все средства хороши. И все союзники, даже если они такие, как Алево и Эбха, и себе на уме до такой степени, что мне пока не постигнуть.

— Я не буду отзывать ленту! — Блондин остановился, и я заметила, как по его лицу расплзлась ухмылка в стиле «я знал, что получу желаемое». Да и наплевать, пусть так думает. — А теперь я оденусь, и ты мне и расскажешь, и покажешь тут все. Пока тут живу, хотелось бы не попадать в неловкие или, зная ваш мир, опасные ситуации.

— Пока живешь, Эдна? — фыркнул насмешливо Алево, однако его взгляд оставался внимательным и совершенно серьезным. — Надеешься вскоре куда-то перебраться?

— Кто знает! Думаешь, не смогу?

— Смотря какое направление ты выберешь. Если верное, то, возможно, найдутся те, кто подскажет, где найти ключи.

— Лугус сказал, что выходить для меня чревато неприятностями, — сказала, едва оказавшись в уже знакомом коридоре.

— После того как наш архонт оставил это на твоей двери, ты и вправду не самая популярная личность у местных кадани, — Алево кивнул на отпечаток ладони и сложный вензель под ним, отливающие металлическим блеском в мягком местном освещении.

— Что это значит?

— Что тебе доступно все здесь. Лучшая еда, какая вздумается одежда, украшения, другие глупости, какие заблагорассудится, наилучший уход за твоим телом. В общем, любая кадани, заполучившая подобный знак от архонта, уже загоняла бы Лугуса и постаралась бы превратить в сказку свою жизнь здесь и нахалась бы на будущее.

— Что-то не похоже, что он благодарен мне за проявленную скромность, — ворчливо ответила, рассматривая знаки на других дверях.

Ладно, не просто рассматривала, а искала такой же знак, что и на моей. Но подобного не было. Золотые, серебряные, сверкающие, всех цветов радуги, но не тот самый.

— Да ладно, прости его! Он напрягся, потому как не знает, как с тобой себя вести, — Алево поймал меня за выискиванием сходства и нахально усмехнулся, но не прокомментировал, и на том спасибо.

— Потому что мое будущее весьма туманно, и, услужив мне сейчас, можно прогадать?

— И это, и то, что ты не знаешь здешних негласных отношений. И можешь вольно или невольно что-то нарушить.

— Ты о тех отношениях, о которых ваш драгоценный архонт не в курсе? — естественно, глупо было полагать, что в подобном месте все именно так, каким кажется на первый взгляд.

— Считаешь, у него недостаточно дел, чтобы вникать еще и в местные хитросплетения?

— Думаю, если бы и узнал, то ему вряд ли было бы до этого дело.

— Кто знает, — повторил мои слова Алево, и мы вышли в огромный светлый пиршественный зал, начиная непосредственно экскурсию.

Первым делом мне пришлось узнать, что никакого равенства в общей массе здешних дам не было и в помине. Так как я работала в коллективе, жесткая конкуренция ради иерархии откровением мне не показалась. Тут уж было не столь важно, похоже, какой мир, да и гендерная принадлежность основной массы работающих особого значения не имело. Новым было то, что почти кастовое различие между разными слоями демонстрировалось открыто, без малейших попыток как-то сгладить. И начиналось это с самого зала общих пиршеств. Столы для кадани, щедро осыпаемых так называемыми знаками вознаграждения, стояли на подобию подиума у самых огромных окон и поражали роскошью, обилием великолепно оформленных, изысканных блюд. Само их расположение и сервировка будто орало — «захлебнитесь завистью». Дальше все шло в прямом смысле по нисходящей, и последним доставались темный угол и практически объедки.

— А у вас тут, я посмотрю, прямо-таки процветает равенство и справедливость, — пробормотала, напрягаясь под целым шквалом недружелюбных взглядов.

Если и были тут между кадани различия, то, похоже, в неприязни ко мне у них было поразительное единство. Я вдруг пожалела, что сдуру оставила кинжал под матрасом. Уж меня не стеснялись не просто пронзать, а прямо потрошить и расчленять взглядами.

— Не понимаю, о чем ты, — пренебрежительно отмахнулся Алево. — Разве то, что каждый получает именно то, что сам заслужил, это не справедливость? Равные права придумали в мире Младших для оправдания лени, бездарности и слабости. Лучшее должны иметь те, кто хочет и может этого добиться. А тебе, кстати, повезло получить все и сразу просто потому, что наш архонт умеет быть благодарным за доставленное удовольствие.

Ну, я бы поспорила насчет везения, но не здесь и не сейчас.

— То есть те, кто там, — кивнула я на верхний стол, — это самые трудолюбивые, одаренные и сильные?

Не знаю, как насчет этого, но то, что эти женщины были ошеломляюще красивыми, несмотря на непривычную внешность, я была вынуждена признать.

— А еще старательные, изобретательные и способные не дрогнувшей рукой отравить конкурентку без малейших моральных терзаний. Это тебе на будущее.

Ну и ладно. В конце концов, становиться знаменем борьбы за равные возможности среди работниц секс-индустрии я не собиралась. Как и заводить тут подруг.

Так как есть тут я точно не собиралась, то Алево повел меня дальше, пообещав, однако, сидящим за верхним столом трем кадани навестить их позже. Ответом ему были весьма натуральные обожающие взгляды и соблазнительные позы, демонстрирующие дам еще более выигрышно. Как будто они и без этого не были неотразимы.

— Ты говоришь, что они могут меня запросто отравить, так как же мне теперь есть? — я прибавила шагу, стараясь движением погасить раздражающую горечь. Если кто-то из этих послал свою ленту Грегордиану, то каковы шансы, что я его снова увижу и смогу хоть как-то повлиять на отношение ко мне? Правильно, никаких. Чего бы ему заморачиваться и делать хоть малейшие усилия, выстраивая отношения со мной, когда в любой момент есть возможность выбрать другую дверь и женщину, играющую по привычным ему правилам? Мужчины в этом смысле прямолинейны, как чертовы палки, и всегда выбирают тех, с кем проще и комфортнее. В который раз я ощутила себя униженной, но тут же дала пинка своим

эмоциям. Я не позволю себе отчаяться! Возможность пойти к одной из этих проклятых раскрасавиц была у него и этой ночью, но он провел ее в моей постели. Почему? Да кто же его знает, но это факт, и его мне не отрицать надо, умаляя его значение, а использовать как опору на желаемом пути.

— Не говори ерунды, Эдна, — Алево уловил смену моего настроения и снова смотрел пристально и оценивающе. — Такое возможно, только если ты окажешься невнимательна прямо здесь. Но знак, которым тебя одарил архонт, позволяет требовать приносить пищу в твою комнату. Доставляют ее такие же брауни, как и Лугус. Ты можешь ему сто раз не нравиться, но он не пойдет на такое ни за что. Никто из них.

— Ладно, но все равно. На дверях нет замков, и ничто не помешает кому-то пробраться ко мне и придушить во сне! — уперлась я.

— Никто из мужчин делать этого не станет. А ни одна другая женщина не может переступить порог твоей комнаты.

— Да неужели? — спросила, вспомнив Эбху. — А попасть каким-либо другим способом?

— Что ты имеешь в виду?

— Да откуда я знаю. Прохождение сквозь стены, телепортация, да тупо в окно влезть! — как будто я знала все о способах перемещения в их мире.

— Исключено! Личная комната — пространство, абсолютно недоступное для других женщин, самок, да как хочешь назови. Вся обслуга в Фир Болге — мужчины. Они же повара, парикмахеры, массажисты и местный аналог косметологов. Если гость Фир Болга хочет разделить удовольствие с несколькими женщинами, то они занимаются этим в любом месте общего пользования.

— Любом?

— Абсолютно любом! — похабно ухмыльнулся Алево. — Так что держи глаза широко открытыми и может увидишь нечто интересное!

Ладно, меня это не касается, а если и правда увижу, то переживу. Большая девочка! Даже не знаю почему, но рассказывать о свободном посещении этого самого расхваливаемого асраи личного пространства одной мелкой шоколадной неадекваткой я не стала. А для себя сделала вывод, что даже те, кто считают себя всезнайками, слегка слепы на полглаза. А может и на весь.

Но дальнейшее путешествие по Фир Болгу почти полностью стерло все сколько-то негативные впечатления, что родились раньше. Есть понятие дом удовольствий, и при нем рисуется нечто порочно-изысканное, средоточие декаденства и потакания греховным желаниям. Так вот Фир Болг однозначно был всем этим, вот только возведенным в более высокую степень. Не дом, а целый чертов дворец удовольствий. Не наблюдай я вокруг существ не совсем человекоподобной наружности, вполне могла себя вообразить в дорогом отеле с десятью звездами из возможных пяти. Прозрачные, как хрусталь, галереи с бассейнами и естественными соляриями, многоярусные сады, помещения с бесконечными рядами любых нарядов, громадные развалы, усыпанные драгоценностями любого стиля, словно ничего не стоящим барахлом. Снующие повсюду брауни, предлагающие все триста три удовольствия — от массажа ступней до масок для волос драгоценными маслами каких-то неизвестных мне растений. И повсюду бесконечная роскошь, по сравнению с которой тот милый садик, через

который меня привел в Фир Болг Лугус, был скромной дворницкой. Очень скоро поняла, что столько всего — это перебор для одного дня, и все попытки Алево привлечь внимание к очередной благодати, доступной для меня благодаря офигенной щедрости Грегордиана, перестали срабатывать. У меня рябило в глазах, и голова разболелась от усталости. А может от того, что я по-прежнему натыкалась взглядом на великолепных женщин разных рас и гадала, не смотрит ли каждая на меня столь враждебно, потому что ее лента тоже сейчас красуется где-то у архонта. Несмотря на все усилия я гнала от себя эти мысли, они были как игрушка на резинке. Чем сильнее отталкиваешь, тем резче и болезненней врезаются в тебя опять. Возможно, стоило потратить время, задавая больше вопросов Алево, но сосредоточиться не выходило. И он, естественно, это заметил и предложил вернуться в комнату, а я, не скрывая облегчения, согласилась. На обратном пути заметила, что движений вокруг стало гораздо больше, и примитивные возвратно-поступательные среди них преобладали. Алево несколько раз позвали присоединиться, и, судя по похотливому блеску в его голубых глазах, я поняла, что так он и сделает, едва избавится от меня.

Оказавшись в одиночестве, поначалу ощутила себя едва ли не счастливой. Но спустя время невеселые мысли и с ними злость вернулись. Долгая ванна не помогла, еда не лезла в горло, хождения по кругу тоже не приносили облегчения. Чем ближе была ночь, тем больше я нервничала, мучаясь вопросами. Что я скажу, как должна построить разговор, когда Грегордиан придет? Если придет. Чего хочу добиться, о чем просить или этого делать вообще не нужно и главное постараться установить между нами связь на новом, не примитивно-сексуальном уровне.

Но я зря кипятила себе мозги. Потому что ночь пришла, а Грегордиан так и не появился. Я провела долгие часы, покачиваясь на ложе на цепях у окна, наблюдая, как темнота становится все гуще, а потом в небе появляются предвестники рассвета. Терзали ли меня видения того, как он сейчас кувыркается в постели одной из тех, кто жег меня глазами во время экскурсии с Алево? Еще как! Когда уже совсем рассвело, нервы не выдержали. Рыдания сжали горло и никак не хотели останавливаться. Уснула я совершенно вымотанная этой своей истерикой. Просто закрыла глаза и открыла их спустя несколько часов, ощущая себя разбитой, буквально размазанной силой притяжения. На Лугуса, появлявшегося и исчезающего то с едой, то с одеждой, внимания не обращала. День прошел незаметно в бесконечном перебирании всех обид и самосожалении. Но когда с наступлением ночи проклятый архонт так и не соизволил появиться, я перестала себя жалеть. Теперь я злилась. Даже больше. Была в ярости. Вот, значит, как? Да и провались ты! Так даже лучше! На черта мне выстраивать какие-то отношения с этим заносчивым ублюдком, когда нужно искать способ вырваться и создать между нами расстояние в миллион миров, если они существуют.

— Эбха! — заорала я в тишину и темноту. — Эбха, вылезай, откуда бы ты там не появлялась!

Глава 48

Никто ко мне так и не пришел. Ни Эбха, чье имя я выкрикивала с перерывами раз пятьсот за следующие сутки. Ни Алево, решивший, видимо, что у него больше нет свободного времени возиться со мной. Не особо-то я его и ждала. Спрашивать у Лугуса, явившегося в очередной раз с моей едой, отнес ли он ту чертову ленту и как долго буду пребывать без каких-либо новостей о собственной судьбе, смысла не видела. Опять нарваться на эту его заносчивую язвительность? Учитывая, насколько я себя умудрилась накрутить, были все шансы, что сорвусь и все же решу испытать крепость его черепа каким-нибудь предметом мебели. Насколько неприемлемым и недопустимым считала прежняя версия меня даже мысли о такой реакции — это уже совсем другой вопрос. С каждым новым днем за Завесой личность той самой Анны Коломиной будто затиралась в моем сознании, терялась в новых чертах, что я в

себе открывала. Какая-то дикость, которой, кажется, заразилась во время нашей дороги сюда, все больше разрасталась, захватывала пространство внутри, уверенно подвигая обычную адекватность и привычку все анализировать, взвешивать, что всегда была второй натурой. Хотя, скорее всего, это странное инфицирование необузданностью произошло гораздо раньше. Еще тогда, когда я вдохнула один с Грегордианом воздух, оказавшись в салоне его авто. Гребаная фейри-инфлюэнца, разрушающая саму основу рациональности! Поэтому ни о чем я не стала спрашивать Лугуса, но потребовала для себя несколько кожаных комплектов одежды, мотивируя тем, что платья нужного мне фасона у них шить не умеют. Конечно, я вообще никакого представления не имела, что и как собираюсь делать, собственно, любовь к экстриму никогда не была составляющей моего характера. Но как бы там ни было, в практичности данного вида одежды мне пришлось убедиться на собственном опыте, а значит иметь ее под рукой не помешает. Тем более мне же можно требовать для себя все, вот я и запасусь тем, что может быть полезно.

И дальше сидеть взаперти я не собиралась, изводясь саморазрушающими мыслями и заживо сжигая себя ревностью и злостью. Отсидев зад и рыдая, выхода не найти. Поев и одевшись в нечто бесформенное и серое, но именно той длины, которую указывала Лугусу, пошла на самые верхние галереи, что мельком осмотрела с Алево. По дороге напомнила себе на обратном пути навестить те самые палаты с драгоценностями, куда у меня был свободный доступ. Спасибо тебе, щедрый сукин сын деспот. Понятия не имею, ценилось ли здесь так же высоко золото и серебро, как в мире Младших, но если верить словам Алево, кадани страстно желали стяжать как можно больше этих побрякушек, а значит все же да. А так как никто не горел желанием провести для меня обучающий семинар по местным ценностям и товарно-денежным отношениям, то я решила, что нагребу украшений столько, сколько смогу унести. Еще понятия не имею, как выйду отсюда и куда пойду, но быть готовой и в этом плане не помешает. А дражайший архонт Грегордиан небось не обеднеет, если унесу десяток цацок. Если поймает, пусть в суд подаст за воровство! Почему-то мне кажется, что если я облажаюсь с побегом, то кража драгоценностей будет меньшей из моих проблем. Решительно шагая по коридорам, старалась всячески игнорировать кровожадные взгляды встреченных кадани, похотливо-любопытные от гостей Фиг Болга, шепоток и почти змеиное шипение за спиной... и только плотнее прижимала к бедру свой кинжал. Никаких ножен у меня не было, так что приходилось маскировать блестящее лезвие в складках уродливого платья. Теперь я не смотрела, разинув рот, на здешнюю роскошь и не зависала и не искала, куда деть глаза, заметив очередную трахающуюся парочку или компанию. Да попадись по пути хоть сам долбаный деспот в очередном клубке тел... мне наплевать! Цель номер один — изучить внутреннее устройство Фиг Болга, все коридоры и отыскать возможные входы и выходы отсюда. У чего-то столь масштабного, как этот дворец удовольствий, не может быть лишь одной двери, это не изба на курьих ножках. Архонт, асраи и прочие местные посетители с высокомерными рожами просто в принципе не могли попадать сюда тем же путем, как и обслуга, я в этом просто была уверена. Поднявшись на самый верх, на открытую приличных размеров прозрачную площадку, невольно содрогнулась. Не то чтобы я страдала страхом перед высотой, но оказаться на этом куске стекла, кажется, просто парящем в воздухе было реально некомфортно. Собравшись, стала осматривать все вокруг, ежась от сильного ветра, треплющего одежду, и от понимания, насколько далеко отсюда лететь до земли в случае чего. Здесь, как и повсюду, наблюдалось несколько роскошных лежанок, стоящих почти по самым краям, и мне даже на секунду стало интересно, кого же может угораздить заниматься сексом в подобном месте. Не имея крыльев, я бы на такое не отважилась бы. Но, к слову, крылья у некоторых местных дамочек и их посетителей как раз были.

С такой высоты хорошо были видны все строения, расположенные на этом плато, одна из

сторон которого отвесно обрывалась прямо в море. На водной глади я отчетливо рассмотрела несколько десятков кораблей,двигающихся и сюда, и уплывающих прочь. И их наличие стоит добавить к способам покинуть этот кусок камня, потому что от одной мысли пройти мимо той жутчайшей твари, зовущейся Стражем, меня оторопь брала. Из раскинувшегося подо мной Фир Болга, очевидно, было три входа-выхода. По крайней мере столько я смогла рассмотреть. Один вел с той самой площади через сад сразу внутрь самого здания. Длинная прозрачная галерея соединяла его со здоровенным замком, где, видимо, и проживало его сволочейшество архонт Грегордиан. По сравнению с Фир Болгом он выглядел гораздо более тяжеловесным, без всяких архитектурных излишеств и украшений и будто всем своим видом подчеркивал серьезность своего предназначения, в отличие от сверкающего хрусталем и позолотой вертепа рядом.

Еще один крытый проход, но уже не прозрачный и роскошный, а вполне прозаичный, вел к одноэтажным постройкам, которые весьма напоминали подсобные. Скорее всего, ими они и являлись. Был ли и там запирающий знак? Если это и правда проход для obsługi, то, наверное, жутко неудобно носить еду и все необходимое и каждый раз отпирать его прикосновением ладони. Ну, мне так кажется. Составив в голове примерный план, как добраться до нужного места, я развернулась и в шоке охнула и покачнулась на самом краю. Прямо за моей спиной безмолвно стояла одна из кадани, замеченных за верхним столом во время прогулки с Алево. Среди них трех она выделялась потрясающей красотой, хотя не сказать, что и две остальные не были просто ослепительны. Сейчас же она стояла в полный рост, возвышаясь надо мной почти на целую голову, и пронзала насквозь обжигающим презрением, что переполняло ее взгляд. Само воплощение изящества, совершенная каждой линией тела, с кожей цвета мокко, серебристыми волосами, окутывающими ее почти до колен, и глазами нереального для человека насыщенно-фиолетового цвета в пол-лица. Вся ее царственная осанка и высокомерно вздернутый подбородок так и кричали «посмотри, как ты ничтожна по сравнению со мной!», тыча меня в собственное несовершенство, как шкодливого щенка в его же лужу. Но краткий приступ чувства собственной неполноценности был абсолютной мелочью по сравнению с пониманием того, что между мной и пропастью прямо за спиной не было ничего, вообще никакого препятствия. От мгновенного осознания уязвимости моего положения в живот будто саданули кулаком, а ладони вспотели, да так, что рукоять кинжала выскользнула из руки, когда я пыталась перехватить ее удобнее. С громким звоном магический металл упал нам под ноги. Фиолетовые глаза метнулись к нему, а потом моментально опять столкнулись с моими, уже прищуренные от злости.

— В Фир Болге запрещено оружие, кроме зала Кровавых наслаждений! — голос женщины явно был тщательно поставлен и очень мелодичен, но все равно прошелся по моим нервам, как колючая проволока.

Даже не знаю почему, но стоило ей заговорить, и мой страх трансформировался снова в копившуюся все это время ярость. Бояться я отказывалась. По мне так только в дерьмовых детективах убийцы ведут сначала душевные беседы с жертвой. Хотела бы прикончить — молча бы толкнула в спину. Я бы точно так сделала. И, черт возьми, сейчас меня даже не ужасает подобная мысль.

— Ну так походи и нажалуйся на меня! — огрызнувшись, нахально шагнула вплотную к ней, и красавица вдруг шарахнулась от меня, как от бешеного животного.

Получив нужное пространство, я быстро подняла кинжал и пошла к лестнице не оборачиваясь, хотя за шиворот будто щедро сыпанули снега и спина покрылась холодными мурашками.

— Я была одной из любимейших кадани архонта раньше, и я снова буду ею, когда он

перережет твою глотку, освобождая душу своей невесты! — вот сейчас тщательно отрепетированной мелодики меньше, а откровенного чувства больше. Bravo, эти чуть визгливые нотки так натуральны и буквально ласкают мой слух!

— Но я пока жива! Так что на твоём месте на многое бы не рассчитывала, — я, так же, как она раньше, прошла насмешливым взглядом по её телу сверху донизу, и мои брови невольно рванули вверх. Из-под подола струящегося платья были видны копыта. Копыта! Очень милые такие, даже позолоченные и украшенные сверкающими камнями, но... черт возьми!

— Тебе не удержать его внимания! Посмотри на себя! — ещё больше истеричности появилось в каждом слове, когда она перехватила мой изумленный взгляд.

— Я в себе всем довольна. А ты? И, кстати, дорогуша, слова «любимейшая» и «одна из» рядом... Не побоюсь сказать — чистый оксюморон! — бросила и даже не оглядываясь пошла вниз так быстро, как только было возможно, не создавая впечатление, что просто спасаюсь бегством.

Спустившись вниз, я позволила себе чуть постоять, унимая колотящееся сердце, и только потом отправилась в сокровищницу. Первым импульсом было набрать всего много и сразу, но потом я решила, что мне и тащить-то такое количество не в чем, разве что наложить в подол платья, а значит занять обе руки, а все-таки хотелось иметь одну свободную для оружия. Может, я и не имею никаких навыков ножевого боя, но присутствие этой рукоятки в моей ладони дарило мне ощущение хоть какого-то контроля над ситуацией вокруг. Поэтому я, конечно, обвешалась всем, что можно одновременно нацепить на себя, но не до такой степени, чтобы к земле согнуло. Звеня и бряцая по пути и провожаемая алчными взглядами, вернулась в свою комнату и, осмотревшись, сгрузила все вниз платяного шкафа, туда, где обычно обувь хранят. И только после этого отправилась блуждать по коридорам со скучающим видом в поисках дороги к тому самому служебному выходу. Времени на его поиски из-за запутанной местной архитектуры ушло прилично. Все эти десятки и десятки дверей бесили даже сами своим видом. К тому же я отвлекалась, разглядывая знаки на них, а так же цвета лент, повязанных на дверь. Не знаю уж почему, но черных среди них не попадалось, и это хоть немного улучшало настроение, хотя с чего бы. Разве не решила, что плевать хотела? Но я ведь реалистка, хоть и занесенная чужой волей в мир магии, и отдаю себе отчет в том, что пожелать управлять своими чувствами вовсе не значит получить над ними контроль. В конце концов я нашла нужный коридор, но торчать столбом, ожидая, когда дверь откроется, как-то тупо, а попытаться открыть самой и попасться на этом — еще глупее. В этом коридоре не было дверей в личные комнаты, гостей и самих кадани тоже не наблюдалось, и я понятия не имела, что должна сказать, спроси меня кто, что тут делаю. Вот и мельтешила туда-сюда вдоль входа в это ответвление и чуть вывих шеи себе не заработала, плясь на нужную толстенную дверь издалека. Но, наконец, она открылась, и при этом настроение мое рухнуло, а плечи опустились. За секунду до открытия по периметру рамы вспыхнули уже знакомые знаки, и только потом раздался щелчок замка. Че-е-ерт, а я так надеялась!

В расстройстве вернулась к себе и какое-то время швыряла вещи, доставленные Лугусом в мое отсутствие, и пинала ненавистные вездесущие подушки. Выдохнувшись, потная и уставшая, стянула платье и забралась в ванну.

— Знаешь, Аня, это ведь только один путь. Самый первый из пришедших тебе в голову, — пробормотала сама себе, уговаривая. — Почему ты решила, что должно получиться сразу? Ничего стоящее не дается легко, а удачные решения не бывают простыми. Ты придумашь что-то еще. Обязательно придумашь! Нужно только потерпеть и еще подумать!

Ну да, в этом я себя убедить смогу, если повторю чертову уйму раз. Но вот перестать думать о том, что выбраться из Фиг Болга это, скорее всего, меньшая из моих проблем, вряд ли получится. Выйдя наружу, я окажусь в абсолютно чужом мире, полном жутких существ, живущем по совершенно мне неизвестным законам и правилам. И я буду там одна, беспомощная, ищущая себе место под местным солнцем вслепую. Страшно ли мне? Да просто до икоты, но какой у меня выбор? Каждый, кому не лень, тычет мне, что очень скоро меня лишат жизни. Может да, может нет, но я что, готова сидеть тут в сытости и покое, просто ожидая, пока другие решат жить мне или умереть?

Выбравшись из ванной, посмотрела на подвесное ложе и подумала, что спать там сегодня не буду. Иначе опять буду пялиться в окно и грызть себя заживо мыслями о том, где и с кем проводит эту ночь Грегориан. А нужно избавляться даже от малейших иллюзий, что наши жизни и дальше как-то могут быть связаны.

Почти отсутствие сна в последние двое суток и бесконечное количество кругов, пройденных по коридорам Фир Болга, все же оказали свое действие на мой организм. Немного повертевшись, я уснула.

Разбудило меня прикосновение в полной темноте, и оно было сродни легкому разряду электричества. Широкая грубая ладонь скользила по моей спине, посылая по телу все новые и новые ледяные, пронзающие до костей импульсы, заставляющие подняться дыбом все волоски на теле и скрутиться узлом внутренности. Первой мгновенной мыслью было, что это наконец явился Грегориан, но потом я уловила мощный аромат какого-то парфюма. Абсолютно чужого, вызвавшего приступ тошноты и сковавшего все мышцы ужасом. Но еще раньше все мое тело, каждым сантиметром кожи осознало, что это не он. Как бы я к нему не относилась, насколько бы не ненавидела, но все мое существо притягивалось к нему, как металл к магниту. Когда он приближался, мое сердце заходилось и замирало от вожделения, а не от отвращения и страха. Сейчас же я ощущала такое отторжение, что и вдохнуть не могла воздух, пропитанный чужим запахом. Рука продолжила медленный путь и достигла моей поясницы, к плечу прижались чьи-то губы, а я все пребывала в неодолимом ступоре. Но тут мой загадочный пришелец заговорил, а около кровати мелькнула еще одна тень, и это все поменяло для меня.

— Поверить не могу, что мы первые, — похотливо зашептал некто, обдавая кожу мерзким дыханием и обхватывая мою ягодицу. — Я так надеялся, что архонт сделает твою постель доступной. Но подумать не мог, что так скоро и для всех.

Едва слышные слова, перемежаемые тяжелым дыханием, врезались в меня, как брошенные наотмашь камни. Били, словно острейший нож прямо в центр груди, разрушая душу и плоть, лишая воздуха, сжимая ледяными пальцами горло. Значит, вот как ты поступил? Я переступила через себя и отправила проклятую ленту, а ты решил плюнуть в меня, не только не явившись сам, но отдав, как дешевую подстилку, любому желающему? И ты думаешь, я с этим смирюсь, архонт Грегориан? Да лучше сдохну!

— Ты же сможешь принять нас обоих? — послышался новый, наполненный нетерпеливой похотью голос, и еще одно отвратительное касание обожгло кожу моих ног.

Я сунула трясущуюся руку под матрас, порезала, шаря там, пальцы, но нащупала рукоятку спрятанного кинжала. И это было последнее, что сделала осмысленно. Все последующее будто заволочло сплошной красной пеленой. Я орала, как безумная, и наносила удары вслепую, куда угодно, выпуская на волю всю скопившуюся ярость, обиду и чувство обреченности. Горячая жидкость брызгала на руки и в лицо, кто-то еще кричал от боли и пытался схватить меня. Но я вырывалась со всей дикой силой и свирепостью, которую способно дать абсолютное отчаянье,

пинаясь, кусаясь, царапаясь свободной рукой, срывая ногти. Все тело было мокрым и скользким от крови, и удержать меня не удавалось. Голосов в темноте стало больше, или это те, что были, резонировали и искажались в моем сознании. Понятия не имею, длилось это сумасшествие секунду или вечность. Но в какой-то момент вдруг стало светло, и я, шурясь, увидела прямо перед собой Грегордиана. Острие моего клинка упиралось в центр его груди, а еще он был весь грязным, в бурых кровавых потеках, и три длинные рваные полосы ран начинались в районе его горла и шли через весь торс. А еще вокруг запястья его руки, которую он протягивал в мою сторону, была обвязана черная лента. И даже сейчас, пребывая почти в полной невменяемости, я откуда-то знала, что она именно моя.

Глава 49

Несколько мгновений мы так и стояли друг напротив друга, как противники, застывшие у последней черты. Я — захлебывающаяся дыханием и трясущаяся от того, что самый оглушающий пик гнева был пройден и на меня наваливался откат со всей силой, присущей волне цунами, обрушивающейся после землетрясения. Грегордиан и не подумал отстраниться, и кинжал, судорожно стиснутый в моей дрожащей руке, оставлял хаотичный рисунок порезов на его коже, но мужчина даже не замечал этого. Деспот не сводил с меня жадного поглощающего взгляда и снова совершал эту странную первобытную вещь — втягивал воздух резко и глубоко, и ноздри его трепетали, притягивая все мое внимание: было в этом откровенно животном обнюхивании, хоть и на расстоянии, что-то необузданно-первобытное, то, что играло на моих обнаженных сейчас нервах, как на тончайших струнах, мелодию только ему доступного беспредельного обладания. Длилось это всего пару секунд, а потом лицо деспота исказилось уже совершенно по-звериному, позволяя его иной личности свободно прорваться сквозь тонкую маскировку человеческих черт. Тело задрожало, и, откинув голову, Грегордиан взревел так, что моя кровь, кажется, тут же превратилась в ледяную кашу, так и застрявшую в сосудах в ожидании оттепели. А потом я стала свидетельницей его мгновенного обращения, хотя никогда даже под пытками не смогла бы описать сам процесс. Вот только что передо мной стоял разгневанный мужчина, все тело которого бугрилось от неконтролируемого спазма мышц, а в следующую секунду на том же месте уже огромный черный, тускло поблескивающий, как уголь, зверь терзает и рвет кого-то в глубине моей комнаты. Мешанина судорожных, почти неуловимых для моего человеческого зрения движений, истошные предсмертные крики и хрипы, треск костей и мебели, застывший напряженный взгляд Алево в углу у двери, а потом какая-то по-особенному оглушительная тишина, разбавляемая только звуком нескольких дыханий. Я часто моргаю и только сейчас начинаю видеть по-настоящему. Моя личная комната сейчас реально съемочная площадка для «Техасской резни бензопилой». Кровь повсюду: на постели, на стенах, на полу, на моих руках и на всем теле стремительно вернувшегося в человеческий облик Грегордиана. Деспот дышал тяжело, под стать мне, но я была уверена, что это черта с два от усталости. Буквально кожей ощущала его еще не до конца удовлетворенную ярость. Ей нужно было больше, нужно было еще рваться наружу и крушить, обращать в пыль и ничто все вокруг. Двое растерзанных — ни черта не достаточный откуп для утоления ее жуткого аппетита. Но Грегордиан с этим боролся, сдерживал ее, хотя его голодный взгляд и сообщил мне в ультимативной форме, что именно я буду той жертвой, которая требуется для окончательного обуздания этой стихии. Опускаю глаза к полу и сгибаюсь от судороги в желудке. Че-е-ерт, если я думала, что кровать и стены это кошмар, то сильно поторопилась с выводом. Оторванные головы и выпотрошенные тела двух совершенно неузнаваемых теперь существ валялись на толстом ковре, продолжая и после смерти заливать его кровью.

— Во имя Богини, разве заслужили эти желанные гости смерти из-за той, что сама их пригласила? Мой возлюбленный архонт, взгляни на ее дверь! — Этот проклятый голос я узнаю

даже дрожащим от страха и прерывистым.

Фигура красавицы с фиолетовыми глазами маячила в проеме двери, но не смела появиться даже на пороге. Рядом с ней стоял прямой как палка и неподвижный Лугус, глядя огромными от паники глазами на побоище в моей комнате. Сука, хотя нет, скорее уж коза, обвиняюще тыкала на что-то снаружи пальцем, и Грегордиан переместился туда настолько стремительно и неуловимо, что она взвизгнула и шарахнулась, ударившись спиной в противоположную стену. А я ощутила краткий отвлекающий импульс злорадного удовлетворения от ее безуспешных усилий спрятать ужас перед Грегордианом за маской фальшивого обожания. Развернулся деспот, уже держа целую связку разноцветных лент, встряхнул ею, будто поверить не мог в сам факт их существования, и посмотрел мне прямо в глаза, словно в ожидании каких-то оправданий, не видя и не замечая больше никого. Это только между нами. Воздух в комнате стал взрывоопасной смесью, готовой сдетонировать в любой момент. Но я отказывалась признавать даже сам факт возможности какой-то вины и ответила деспоту вызывающим взглядом, еще больше повысившим вероятность взрыва. Грегордиан сделал несколько шагов в мою сторону, и я чисто машинальным движением снова вскинула руку с кинжалом. Понимала где-то в глубине сознания, насколько смехотворной выглядела моя попытка защититься так от него, но его глухое, заставляющее вибрировать мои внутренности рычание вызывало совершенно произвольное желание сопротивляться давлению.

— Что это? — рявкнул деспот, еще раз встряхнув пучком лент.

— Откуда мне это знать! — я тоже не постеснялась повысить голос, ошетиливаясь в ответ. Это не моя долбанная проблема, и я не собиралась помогать ему в ее решении!

— Мой архонт... — мягко произнес Алево и сделал шаг в нашу сторону, но Грегордиан лишь повернул голову, бросив единственный «Заткнись!» взгляд, и блондин замер на месте.

Грегордиан тут же вернул мне весь поток своего почти удушающего внимания и взглянул так, будто надеялся прочесть ответ у меня на лице. Это сканирование длилось добрую минуту, а потом он так же порывисто, как и перемещался до этого, шагнул к моему шкафу с «игрушками». Ухватился за ручку и с оглушительным противным скрежетом просто оторвал дверцу. Та беззвучно упала ему под ноги на толстенный залитый кровью голубой ковер, и десятки лент рассыпались вокруг, словно стая неожиданно издохших ярких бабочек. Мгновение Грегордиан смотрел на них, будто считая или сверяя цвета, но затем снова развернулся ко мне. Вся его осанка как-то неуловимо изменилась, хотя выражение лица оставалось все таким же свирепым. И поэтому острие широкого ножа хоть и выплясывало в моей нетвердой руке, но по-прежнему указывало в район его сердца. Хотя кто сказал, что у этого жестокого ублюдка оно вообще есть! Слово и не замечая направленного на него оружия деспот приблизился вплотную. Еще считанные минуты назад я желала орать на него и бросить в лицо обвинение в том, до какой же степени мерзавцем и жестоким моральным уродом он является. В это мгновение я осознала, что, скорее всего, никакого разрешения на свободное использование меня в качестве секс-игрушки он не давал. Но это совсем не умаляло все остальные его грехи и мои обиды в целом. Прямо сейчас я жаждала причинить ему боль, хоть краткую и чисто физическую и быстро проходящую, чтобы отплатить за все мои страдания.

— Эдна, тебе лучше убрать это! — услышала я негромкий и как всегда лишенный эмоций голос Алево. — Поверь, нашему архонту не нравится, когда ему портят кожу.

— Я что, нуждаюсь в твоём заступничестве?! — рявкнул на него Грегордиан, удостоив опять лишь кратким гневным взглядом, и блондин, что-то едва слышно бормоча, отступил.

Плавным и при этом неуловимо стремительным движением деспот слегка отклонил мой клинок и тут же обхватил запястье, а, опустив вниз, просто развернул и потянул за собой. Не вынуждая бросить оружие, не выбивая его из рук... Просто взял меня и направился куда ему нужно, то есть прочь из моей разгромленной и окровавленной комнаты. И я, сама не знаю почему, последовала за ним, даже не пытаюсь протестовать или спросить, куда он меня ведет. Может, я уже перешла все границы его терпения, и меня ждет наказание или та самая темница с цепями? Как бы там ни было, остаться в этом приюте рехнувшегося мясника, в который он превратил мою комнату, я точно не хотела. Когда мы вышли в коридор, подлой феи с копытами уже и след простыл. Один Лугус стоял вытянувшийся в струнку и с посереженным лицом, явно ожидая чего-то ужасного.

— Разберись с этим! — негромко, но откровенно угрожающе произнес Грегордиан и швырнул ему в грудь тот самый пресловутый пучок лент. — Сделай быстро, или это сделаю я.

И по резко расширившимся зрачкам судорожно закивавшего брауни я поняла, что способ деспота однозначно не будет цивилизованным. Больше не оборачиваясь, Грегордиан повел меня дальше по коридору, и все любопытствующие, привлеченные шумом, и просто случайные прохожие принялись в панике убираться с нашей дороги. Ну, еще бы! Голый после обращения его злобнейшее архонт, с ног до головы покрытый кровью, тащит такую же полностью уделанную обнаженную меня неизвестно куда. Тут кто хочешь начал бы заикаться и постарался унести ноги, пока цел.

Только когда мы оказались перед дверью, ведущей из Фир Болга, и Грегордиан требовательно хлопнул по ней рукой, словно требуя, чтобы и неодушевленный предмет пошевеливался быстрее, я решила заговорить с ним.

— Куда ты ведешь меня? — но получила в ответ только быстрый взгляд, который, мягко выражаясь, намекал на то, что к беседе он не расположен. Как будто обычно бывало иначе!

Но сейчас я была настроена выяснить хоть что-то. Достало меня уже продираться в местных дебрях почти наощупь!

— Я буду наказана? — Снова нет ответа.

Дверь распахнулась, и мы пошли по той самой прозрачной галерее к замку, что я рассмотрела с высоты. Внутреннее пространство мягко подсвечивалось, хотя я и не могла рассмотреть источника света. Темнота снаружи создавала эффект полной оторванности от внешнего мира. Только этот мерцающий тоннель и мы, стремительно шагавшие к его противоположному выходу. Снаружи, наверняка, то еще зрелище!

— Ты давал позволение другим...

— Нет! — ответ хлесткий и не оставляющий разночтений. — И не собирался. Больше никогда.

Ну, ладно. Никогда это же хорошо? Нервная горячка быстро покидала тело, и я стала особенно остро ощущать все: прохладное стекло под босыми ногами, боль в порезанных пальцах и ладонях, дрожащих от недавнего предельного напряжения мышцах и то, как противно стягивала кожу подсыхающая кровь. Дверь в другом конце прохода открылась, когда нам оставалось до нее несколько метров, но некто с той стороны, видимо, решил мгновенно ретироваться, увидев нас с деспотом, и я даже не успела разглядеть, кто это был.

Дальнейший путь проходил в почти полной темноте, и сколько я не шурилась, рассмотреть окружающее не могла. Снизить скорость Грегордиан и не подумал. Или он прекрасно знал тут

каждый сантиметр, или его глаза в освещении не нуждались. О том, что мы ступили на лестницу, я узнала, когда смачно ударила пальцами ноги об первую же ступеньку. Слезы брызнули из глаз, и, зашипев разъяренной змеей, я выронила кинжал и выдернула руку из захвата Грегордина, отчего изрезанная ладонь запылала. Как будто мне и до этого было недостаточно больно!

— Черт возьми! — не зная, за какое первое место схватиться, сдавленно крикнула я. — Мог бы и предупредить, что здесь проклятая лестница! Я же не вижу тут ни зги!

— Я забыл, — это было единственное оправдание, которым меня удостоил деспот, а потом молча обхватил и бесцеремонно плюхнул животом на свое жесткое плечо и понесся вверх с такой скоростью, что кожа у меня покрылась мурашками от сквозняка. И хотела, может, высказаться, но вести диалог с задницей деспота, которую, кстати, даже не могла рассмотреть в темноте, сочла глупым. Невесть откуда взялась мысль, что я как в каком-то чокнутом водевиле сегодня. Сначала был ужасик с расчлененкой, теперь как романтическую героиню таскают, даром что грязную и голую, а апофеозом, судя по всему, будет зазорное порно. Я реально схожу тут с ума!

Буквально спустя пару минут стало светлее и теплее, и я смогла, извернувшись, разглядеть обычный прямой коридор. Единственным украшением и предметом интерьера тут являлась толстенная ковровая дорожка, гасившая звук шагов деспота, цвета которой я не могла разобрать. Были еще окна через равные промежутки в стенах и все. Еще одна довольно крутая, но короткая лестница, по которой Грегордиан практически взлетел, ничуть не сбив дыхания. Едва слышный звук открываемых дверей, и я оказываюсь снова на нетвердых ногах, уткнувшись носом в его грудь.

— Все вон! — отрывистая команда, и я успела заметить, как мимо нас скользнули темнокожие брауни в местной оранжевой униформе, а потом тихо закрылись двери.

Думать о том, какой вид им предстал на мою собственную задницу я сразу же перестала, когда ощутила полностью готовый к действию член Грегордиана, упершийся мне в живот. Попыталась оглядеться, но деспот снова обхватил мое запястье и вынудил идти за ним в соседнее помещение, оказавшееся подобием моей ванной в Фиг Болге, но гораздо больше, роскошнее и выполненной в глубоком черном цвете.

— Где мы? — спросила, глядя на кристально прозрачную воду в здоровенном бассейне-ванне.

— В моих личных покоях, — ответил Грегордиан и повел мимо, к дальней стене, по которой лился живописный поток, немного задерживаясь и вихрясь водоворотом в большой круглой каменной чаше на полу. Такой же непроглядно черной, как и все тут. Ну, каков хозяин, таковы и апартаменты. Едва я, подталкиваемая Грегордианом, встала в центр чаши, поток, лившийся по стене, изогнулся, будто живое создание, и хлынул мне на голову. Теплая вода начала свой путь по моей коже, и я снова зашипела от ощущения жжения то там, то тут и даже инстинктивно попыталась отклониться от потока. Но деспот властно положил ладони мне на плечи и придержал, пока первые острые ощущения не прошли, оставляя только нарастающее удовольствие от очищающейся кожи. Оказалось, мои повреждения только порезанными ладонями не были ограничены. Ссадины на локтях, правом бедре и, похоже, на лопатке, пара длинных глубоких царапин на запястьях. В общем приятного мало. Хотя могло быть ведь еще и хуже.

— Почему ты... — убил? Прикончил? Разодрал на части? — Лишил жизни этих... — Кем они

были? Будто теперь это важно, когда они стали не более, чем кучей мертвой плоти.

— Хийсы, — равнодушно подсказал Грегордиан и чуть потянул меня за волосы, а потом налил что-то с приятным, чуть резковатым травянистым ароматом на них и начал растирать, взбивая пену. — В комнате пахло твоей кровью.

Погодите-ка, архонт Грегордиан собственной персоной моет мне голову, я же все правильно понимаю?

— Я сама, — пробормотала в легком шоке еле слышно.

— Что сама? — вернул мою голову под поток воды, промывая.

В его обращении не было особой щепетильности и уж тем более намека на нежность. Но сам факт подобного проявления заботы привел меня в крайнее замешательство. Уж скорее бы я ожидала, что он сунет мне в руку мыло и потребует вымыть себя, чем это.

— Я порезалась сама, когда напала на них, — сильные пальцы резкими движениями массировали кожу головы, промывая волосы. Я, не скрывая, застонала от кайфа, и Грегордиан замер. Черт, наверное, мне стоило держать язык за зубами. Эти хийсы уже мертвее не бывает, а я еще могу нажать проблем на свою голову из-за глупого правдолюбия.

— У меня неприятности? — прошептала, опасаясь повернуться, но тут руки мужчины спустились к плечам, и он стал намыливать мое тело.

— Ты не приглашала их в свою постель, — не вопрос.

— Нет. Как ты узнал? Посчитал ленты в шкафу? — ладони обхватили мою грудь, быстро намыливая, и я прикусила губу, стараясь просто не откинуться на Грегордиана спиной в поисках большего контакта.

С каждой минутой прикосновения Грегордиана становились все торопливее. При этом ничего похожего на ласку или стремление разжечь меня. Скупые потирания и скольжения, рассчитанные только на то, чтобы тщательно смыть всю кровь. Могло показаться, что он вообще остался равнодушен, если бы его не выдавало все более рваное дыхание, а гладкая горячая головка его эрекции то и дело не тыкалась в мою поясницу. Но мне не нужно было даже этого подтверждения или дополнительной стимуляции. Просто ощущения его близости и сдержанных скольжений пальцев вкупе с оставшимся в крови адреналином было и так более чем достаточно для того, чтобы начало потряхивать от разрядов чистого возбуждения.

— Нет. Там я лишь увидел подтверждение. — Руки на моей спине, ниже, стремительно сжимали и потирали ягодицы. Пальцы одной чуть проскользнули между ними, и я вся сотряслась от необходимости прогнуться, вынуждая их оказаться немного дальше. Там, где мне нужно сейчас.

Но Грегордиан словно нарочно быстро переместил ладони на мой живот, порождая во мне приступ крайней досады. Да какого черта! Как будто я не знаю, к чему все это идет! И мне было плевать на моральную сторону, на то, что мне вроде как нужно было испытывать некую степень вины из-за двух смертей, случившихся только что, или будущие сожаления о демонстрации собственной перед ним уязвимости. Пусть просто даст нам обоим желаемое, а потерзаюсь я потом наедине с собой!

— А если бы тот, кто это сделал, догадался забрать мои ленты, у меня были бы

неприятности? — я тру лоб, стараясь сосредоточиться.

— Нет. На тех, что были на двери, не было твоего следа. Ты к ним не прикасалась, а значит, никак не могла повесить туда. Неприятности у тебя были бы, если бы я застал тебя наслаждающейся обществом этих хийсов.

Тогда все же хорошо, что я ими не наслаждалась. Чего не сказать о твоём, деспот. Хотя это нисколько не отменяет того, как я тебя ненавижу за все-все-все. И за это промедление в частности.

— Но кто это сделал и зачем, если тебе достаточно было коснуться этих проклятых тряпок, чтобы разобраться?

— Кто — к утру выяснит Лугус, иначе он за все в ответе. А зачем... Обычно я не слишком склонен разбираться, Эдна. Тебе это тоже, кстати, стоит учесть! — А то я уже и так этого не поняла.

— Значит, наказывать меня ты не будешь? — я нахально толкнулась задом к нему и потерлась, откровенно провоцируя. Ну почему именно он должен так правильно и восхитительно ощущаться всем моим существом даже при таком незначительном контакте?!

— Почему же, буду! — хмыкнул Грегордиан и, развернув, толкает спиной к стене, — Ты будешь наказана тем, что теперь постоянно будешь жить со мной и делать все, что я пожелаю, и не только ночью!

Он присел на корточки и провел мыльными руками по моим ногам и между ними, смывая остатки подсохшей крови, а я откинула голову на стену, не в силах смотреть на его голову так близко от места, где все уже пульсировало, нуждаясь в нем.

— Могло быть и хуже, — пробормотала я черному потолку, стоически борясь с агрессивным желанием грубо обхватить его затылок и уткнуть... и тут же захлебываюсь стоном, когда деспот не церемонясь закинул мою ногу себе на плечо и без всяких поддразниваний и предупреждений буквально впился ртом в мои складки.

Я моментально потерялась в пространстве и попыталась схватиться за его голову, но мои ладони отозвались болью, когда ранки наткнулись на жесткий ежик его волос. Вскрикнула, и Грегордиан резко отстранился, глядя на меня с выражением, очень похожим на гнев.

— Ладони на стену. Сейчас же! — рыкнул он и тут же вернулся к начатому.

Ох, и я более чем готова подчиниться, лишь бы он продолжил как можно быстрее. В этот раз никаких растягиваний и садистских остановок. Рот Грегордиана и его пальцы откровенно работали на максимально скорый результат. А этот мужчина добивается чего хочет. Меня накрыла ослепительно белая оргазменная слепота, я заорала и заколотила по стене, не щадя больных ладоней, переживая мощный финал. Не давая мне хоть немного отойти, Грегордиан поднялся, прижимая меня к перегородке, чтобы просто не рухнула к его ногам.

— Обхвати меня за шею! — отрывисто приказал он, вскидывая по своему телу. — Ладони береги!

Совершенно бездумно последовала указаниям. Сил не было даже на то, чтобы обвить его бедра ногами. Просто позволила ему делать всю работу, обреченно всхлипывая, благодарно, но пассивно принимая новую дозу кайфа, когда его член рвался все глубже в меня.

— Два дня, Эдна, — хрипло пробормотал Грегордиан у самого моего уха, тут же начав двигаться. — Это будет очень быстро.

Может и быстро, но все же достаточно для того, чтобы я опять зашла в экстазе, сжимая его внутри и кусая плечо, гася в нем крики.

Почувствовала себя бессильной и отупевшей, когда Грегордиан снова быстро ополоснул нас и повел к постели. Где-то в районе дверей ванной я уловила краем сознания, что тело и волосы стали сухим. Как же, черт возьми, удобно-то, учитывая, что я в тот момент, пожалуй, не была способна ни на одно лишнее движение.

В спальне было темно, и деспот обхватил мою талию и повел куда нужно. Едва я наткнулась на постель, то просто повалилась, как придется, и тут же заснула.

Глава 50

Лишь на долю секунды деспот напрягся, вынырнув из сна, окутанный чужим теплом и запахом. И тут же расслабился. Не чужим. Принадлежащим ему. Его Анны-Эдны. Мужчине нравилось это понимание собственного полного обладания ею. Он владел не только ее телом и ее желанием. Он был волен распоряжаться всем: каждым ее вдохом, шагом и даже самой жизнью. И это неожиданным образом делало ее ценной. Естественно, что у него не было проблем с тем, чтобы отдавать приказы всем вокруг, наказывать, казнить, миловать, добиваясь не просто подчинения, но и благоговения. Но источником отношения к нему большинства окружающих были страх и алчность во всех ее проявлениях, иногда восхищение силой, что была ему дарована от рождения и им самим многократно увеличена нещадными тренировками и сражениями. Единицы были теми, кому он мог бы доверять почти в любой ситуации. Мог бы, но на самом деле не делал этого по-настоящему. Напоминание почему навечно отпечатано на его лице.

Но все вокруг были рождены и взращены в одном с ним мире. Они знали и принимали как должное его законы и устройство, в том числе и его власть архонта, и сущность дини-ши. Конечно, только до тех пор, пока он обладает достаточной мощью, чтобы никому и в голову не пришло оспаривать его права, и пока он способен платить своей кровью, сражаясь и защищая их. А вот Анна... Эдна... Он сам мысленно спотыкался через это насильно данное ей имя. Но считал, что оно, словно пограничная метка, должно стать для этой упрямой женщины однозначным указателем на то, что прежняя жизнь ушла безвозвратно, и единственно возможное для нее новое существование — это рядом с ним, принадлежа ему полностью. Вот только деспот не мог не видеть, что она не принимает ни имени, ни самого мира Богини. Везде, где ему и любому фейри виделся естественный порядок вещей, она усматривала чрезмерную жестокость. И еще постоянно боролась с Поглощением, может и не открыто, но непримиримо. Но разве эволюция в мире Младших шла и идет по каким-то другим законам? Выживает только самый сильный или изворотливый. И это правильно для него, но, очевидно, не для нее. Слабый должен подстроиться, найти удобную нишу или смиренно просить защиты у сильного. При этом это не отменяет того факта, что, если этот самый слабый изыщет источник силы, то всегда может оспорить сложившийся порядок вещей. Но разве ее отчаянная вчерашняя атака похожа на поведение готового подстроиться под обстоятельства слабого? Одна, с жалким кинжалом против двух здоровых воинов хийсов, которым, как она посчитала, он дал позволение обладать ее телом. Это хоть чем-то похоже на признание права сильного слабым? И близко не так! Конечно, деспот убил бы обнаглевших хийсов, в каком бы положении не застал в ее личной комнате. Почему? Потому что так хотел, и все. Если чутье не подсказало этим идиотам не соваться куда не надо, то туда им и дорога. Но вид Эдны, обнаженной, окровавленной, нечеловечески оскалившейся и совершенно невменяемой в собственном

стремлении защититься или умереть, сотворил с ним нечто необъяснимое. То, что вскипело и вырвалось наружу, не было его обычной яростью и потребностью наказать нарушителей установленных им границ. И анализировать, что это было, деспот точно не собирался. Как и пытаться понять логику поведения этой женщины.

На самом деле, может, в этом будоражащем контрасте между абсолютным принятием и бешеной, откровенной нуждой в нем чувственной части ее натуры и полнейшим отторжением остальной ее личности и была для него притягательность Эдны? Готовность вбирать его в себя, впитывать, разжигая так, что он почти сгорал в собственном зверском голоде обладать ею любым возможным образом, и при этом постоянное несгибаемое сопротивление этому обладанию. Так, словно, сколько бы он не давил, но все равно не мог захватить весь контроль. Будто Эдна сама решала, до какой степени ей прогнуться под ним. Это ли не вызов его натуре дини-ши? Проблема состояла в том, что его зверь на этот вызов отвечать отказывался. Он не хотел сражения с этой женщиной. Бесился, когда ощущал ее боль душевную и, не приведи Богиня, как вчера физическую. Грегордиану вообще в определенные моменты казалось, что его вторая половина тронулась умом. Иначе откуда эти странные вибрации, эмоциональные всполохи, шепчущие о желании принадлежать, а не обладать самому?

Эдна пошевелилась, собираясь проснуться, и тут же ожило его вождение. Деспот мрачновато ухмыльнулся, прижимая женщину ягодицами к своему стремительно твердеющему члену и проскальзывая настойчивыми пальцами между ее бедер. От тепла и влажной тесноты там волна острого наслаждения рванула от его паха к голове. А хоть и сонный, но явно полный удовольствия стон Эдны убедил — он получит то, что хочет. Всегда получал. А копать в себе, выискивая истинные причины ее притягательности, он больше не собирался. Нет у него для этой чуши ни времени, ни желания. Она была той, кого он хотел трахать и держать при себе. Препятствия? Пока никаких.

— Это такое доброе утро? — хрипло пробормотала Эдна, протягивая руку назад и обхватывая его затылок, чтобы притянуть к своей шее.

Деспот промолчал и, решив, что она достаточно влажная и готова его принять, закинул ее ногу себе на бедро.

— Момент миновал, и больше ты со мной не говоришь? — чуть обернулась женщина и тут же всхлипнула и протяжно застонала, когда он проскользнул внутрь. Деспот поймал и жадно проглотил этот стон и потребовал добавки своим ртом, пальцами, членом.

— Позже, — рыкнул он, грубо целуя изгиб ее шеи, царапая зубами тонкую выступающую ключицу и сразу начиная жестко двигаться.

— Обнадеживает, — это были последние слова, кроме требований двигаться быстрее и дать ей немедленно кончить, которые он слышал еще какое-то время.

Сейчас он не был измотан недавним сражением, как вчера. И хоть отголоски боли и физического недавнего истощения еще вспыхивали искрами в мышцах, деспот не собирался торопиться и давать Эдне поблажки. Меняя темп и давление, он подводил ее к краю, алчно наблюдая за ее постепенным погружением в полное сексуальное безумие, но не давал освобождения. Упивался ее сумасшествием и сексуальным отчаяньем, в котором она, совершенно потеряв себя, осыпала его то мольбами, то проклятьями и угрозами убить за эти сладкие мучения. Скалился голодным зверем, ненасытно втягивая дурманящий запах их общей похоти, и все медлил, скручивал себя узлами, продолжая обоюдную пытку. Никогда раньше он не стремился так оттягивать собственный финал. Удовлетворить сексуальный голод свой и

партнерши можно быстрее и не столь выматывающим образом. Вот только каждый оргазм с Эдной был настолько ошеломляюще убийственным, что он в какой-то мере даже боялся его наступления. Ни за что бы сам себе не признался в этом страхе. Жаждал его каждой свернутой тугой пружинкой предвкушения клеткой тела, но оттягивал, страшась этого кратного мгновения потери контроля над чем бы то ни было. Но вечно это самоистязание продлиться не могло. Перевернув Эдну на живот, он, наконец, отпустил себя и буквально вколачивал в постель ее содрогающееся тело, ловя каждый задыхающийся крик, пробивающийся сквозь ослепительно-белое ничто, в которое провалился сам.

Эдна уснула снова, кажется, еще до того, как он восстановил дыхание.

— А кто-то хотел поговорить, — самодовольно хмыкнул деспот себе под нос, направляясь в купальню.

— Ну и как пережил первую ночь под моей гостеприимной крышей наш недобровольный гость? — спросил он у ожидающего уже там Алево, опустив еще мокрое и разгоряченное тело в прохладную воду.

— На удивление хорошо, — ухмыльнулся блондин, глянув в сторону спальни. — Я ожидал от него капризов и претензий ко всему, но драконье высочество ведет себя почти как стоик. Ни единой жалобы или просьбы.

— Ну что же, значит, наследник не в папашу. У того амбиций и претензий более чем достаточно, — чуть раздраженно пробормотал Грегордиан, перехватив этот многозначительный взгляд.

— Было, мой архонт. Теперь он поутихнет, — Алево по обыкновению стал прохаживаться вокруг его купального бассейна, ожидая, пока деспот закончит.

— Друг мой, не нужно обольщаться. Такие, как этот крылатый змей, не успокаиваются пока живы. Войне с драконами быть, так или иначе. Весь вопрос, когда и насколько полномасштабной она будет. — Грегордиан, смыв пот и запах секса, вышел из воды и позволил магии высушить кожу.

— Тоже верно. Выходит, захватив наследника, мы получили лишь отсрочку, — задумчиво произнес его советник и друг и снова посмотрел в сторону спальни.

— Не пялься. Просто спроси, — Грегордиан уже не стал скрывать раздражение.

— Эдна. Ты ее так и оставишь жить у себя?

— Да. Думаю, решение поселить ее в Фир Болге было изначально ошибкой. По крайней мере так сразу и не обозначив статус. Есть причина, по которой ты этим интересуешься?

— Илва. Когда она поселится здесь, в соседних покоях, присутствие Эдны может стать проблемой.

— Для меня? — насмешливо оглянулся через плечо Грегордиан.

— Не напрямую. Но невеста и постоянная любовница практически через стенку — это может стать источником неприятностей.

— Я так не думаю, — небрежно отмахнулся деспот. — К тому же Илвы тут пока нет, так чего бы мне волноваться?

— Когда ты собираешься за ней послать?

— Не раньше, чем ты найдешь мне нужного гоета, друг мой! — многозначительно посмотрел на помощника архонт.

— Я разослал гонцов повсюду, — не оправдываясь, а просто сообщая факты, ответил тот. — Очень скоро я буду знать хотя бы имя того, кто нам нужен. И если понадобится, поеду и привезу его сам, — Алево последовал за Грегордианом из ванной и стоял у окна, пока тот одевался.

— Я знаю, что могу положиться на тебя. И помни, я не тороплю тебя. Мне важен результат, — сказав это, деспот тряхнул головой. Да неужели его и правда перестало снедать прежнее нетерпение?

— Хорошо, я понял тебя, мой архонт! — Алево обернулся, тоже, видимо, слегка удивленный. — Могу я предложить кое-что? Это касается Эдны.

— Мхм? — поднял бровь деспот, натягивая сапоги и снова ощущая импульс зарождающегося гнева.

— Может, тебе приставить к ней учителя?

— Что, прости? — тут же окончательно напрягся Грегордиан.

— Кого-то, кто будет рассказывать ей о нашем мире, обычаях, посвятит во все тонкости, подготовит...

— Нет! — совершенно озлившись, рявкнул Грегордиан. — Никаких учителей и просвещений! Я тебе больше скажу, а ты будь добр донести до всех! Если эта женщина захочет что-то знать, то она должна спросить у меня! Никто больше не отвечает на ее вопросы и ничему ее не учит! Это ясно?

— Абсолютно, мой архонт! — Алево кивнул почтительно, но отнюдь не испугано. — Только, возможно, ты захочешь узнать кое-что.

— Ну что еще?!

— Вчера, после того как ты увел Эдну, я осмотрел ее личную комнату. Ты знаешь, что она ходила в сокровищницу Фир Болга и принесла оттуда приличное количество украшений, пользуясь твоим позволением?

— Все женщины падки на побрякушки, и она не исключение, — безразлично пожал плечами архонт. — Зачем ты говоришь мне об этом? Разве она сумела опустошить все запасы Фир Болга?

— Совсем нет. Просто я нашел все эти украшения сваленными в дальнем углу ее шкафа беспорядочной кучей. Разве все женщины так поступают? Так, словно они ей нужны были совсем не для того, чтобы носить и наслаждаться блеском драгоценного металла и камней на своем теле, а для какой-то совсем иной цели.

— И для какой же? — деспот надел на шею тяжелый широкий торк с изображением своего зверя и поморщился, уже предвкушая сегодняшнее нытье просителей, коих собралось огромное количество с его последнего визита домой.

— Она не моя женщина, и не мне делать выводы, — Алево отвечал безразлично. Деспоту показалось, что чуть более безразлично, чем обычно. — Только еще один факт. Она попросила у Лугуса точно такую же походную кожаную одежду, что я создавал для нее по дороге сюда.

Грегордиан резко обернулся и, прищурившись, посмотрел на ближайшего помощника.

— Наш мир пугает ее до безумия, и она прекрасно видела, что могла умереть не один раз, оказавшись без защиты! Эдна упрямая, но не сумасшедшая! Она не могла бы задумать побег! — Грегордиан и сам не знал, почему повысил голос, разве это требуется, когда полностью уверен в том, что говоришь?

— Ты прав, мой архонт, она не сумасшедшая, — неожиданно покладисто согласился Алево. — Но возможно... быть здесь кажется ей более опасным, чем даже сбежать в ужасающее полной неизвестностью никуда?

Грегордиан сжал кулаки так, что мышцы рук и плеч вздулись, натягивая белоснежную ткань свободной рубашки, а на шее отчетливо проступили вены. Проклятый торк врезался в кожу, душа его. Он прошелся по гостиной, стараясь успокоить себя, а потом, повернувшись к Алево, оскалился угрожающе и насмешливо одновременно.

— Выходит, я кажусь ей более пугающим, чем все монстры, которых случилось встретить? — ухмыльнулся он, скрывая не только злость, но и горечь. — Ну, тогда чутье ее не обманывает, не так ли, друг мой?

— Или все это может оказаться просто цепью никак не связанных фактов, на основе которых мы сделали неверные выводы, и эта женщина и в самом деле просто любит кожаную одежду и имеет слабость к золоту.

Грегордиан в раздумье уставился на своего друга и правую руку и неожиданно задался вопросом, почему же тот так часто заговаривает об Эдне. Слишком часто говорит, подмечает упущенные им мелочи, дает советы... Что за этим кроется? Ход его мыслей был прерван тихим стуком в дверь.

— Могу я войти, мой архонт? — раздался неуверенный голос брауни.

— А вот и Лугус, ранняя птаха, к тебе с докладом, — усмехнулся Алево.

— Входи! — Грегордиан замер посреди огромной гостиной своих покоев, оформленной в серо-черных тонах, уставился на своего вошедшего слугу тяжелым, приковывающим к месту взглядом: — Ну?

— Я готов к любому наказанию, которое должен понести по твоему решению, мой архонт, — темнокожий мужчина поклонился и, немного выпрямившись, так и остался стоять с полусогнутой спиной и опущенной головой.

— Мне это следует понимать как то, что ты лично ответственен за вчерашний инцидент? — немного недоуменно нахмурился деспот.

— Выходит, так, если не в состоянии найти настоящего виновника, — брауни еще больше

съежился, будто стремясь исчезнуть.

— Объяснись! — рявкнул Грегордиан.

— Никто из кадани не касался тех лент, у всех полные комплекты, не считая тех, что уже отосланы с предложениями. Всю ночь я допрашивал с пристрастием каждого слугу, но ни один не вешал ленты на дверь Эдны ни сам, ни по чьей-либо просьбе.

— И я должен в это поверить? — презрительно скривился Грегордиан. — Как же тогда Апэйн оказалась там? Совершенно случайно?

— Нет. Она призналась, что ходила под дверь Эдны каждую ночь в надежде перехватить тебя.

— И она утверждает, что не видела, кто повесил на дверь ленты? Чушь! — деспот все больше выходил из себя. — Да стань ты прямо, ради Богини, Лугус. Достало говорить с твоей спиной и затылком.

— Апэйн говорит, что, когда пришла вчера, они уже были, — брауни выпрямился, повинуюсь приказу, но голову держал по-прежнему виновато опущенной, не смея посмотреть в лицо деспоту. — На самом деле у нее были сомнения, но, увидев входящих хийсов, она решила, что это ей только на руку. Подумала, что ты обычно брезглив и не пользуешься теми кадани, что уже принимали в этот день кого-то. А значит, ты не захочешь Эдну, и она зазовет тебя к себе.

— То есть наша милейшая самовила решила закрыть свои глазки на сомнительный душок ситуации и использовать в своих целях? — фыркнул Алево. — Могу поверить, это очень на нее похоже. Только, думаю, она не дожидалась того, чтобы эти хийсы подвернулись сами собой, а привела их лично, когда увидела ленты. Вот это полностью в ее духе.

— Так и было? — негромко, но угрожающе спросил Грегордиан.

Брауни не ответил и только опять попытался склониться еще ниже, чем раньше.

— Не смей! — рявкнул Грегордиан.

— Эх, бедняга Лугус, ты всегда был просто безупречен на своем месте, но слабость к этой великолепной шлюхе — недостаток, нуждающийся в излечении. Тебе ли не знать, что все вы брауни для них не больше, чем предметы интерьера? — сквозь насмешку в голосе Алево все же пробивалась тончайшая нотка сочувствия.

— Да, я это знаю, асраи, — сдержанно кивнул мужчина.

— Итак, подведем итог, — нетерпеливо прервал их Грегордиан. — Ты не уследил, Апэйн видела, но никому не сказала. Что делать с тобой и кем тебя заметить я решу позже, сейчас мне не до того. А пока ты вернешься в Фир Болг и сообщишь этой самовиле, что она лишается каждого знака вознаграждения, что у нее есть. И если она хочет остаться под моей крышей, то я приказываю ей спуститься в темницу и добровольно неделю ублажать каждого стража и узника, кто только пожелает сунуть в нее член. Либо пусть собирается и уходит прочь сейчас же.

— Но ведь после такого... — впервые вскинул голову брауни.

— Да, после такого она полностью утратит свой статус и вернется в Фир Болг на правах самой

низкосортной и непопулярной кадани, — на лице деспота появилось выражение брезгливости. — А заодно это, может, немного прочистит мозги тебе, потому что, поверь, она выберет обслужить кого угодно в любой форме, но не уйти отсюда. Свободен!

Лугус попятился к двери и бесшумно исчез.

— Этой самовиле не составит особого труда вскоре вернуть свои позиции в Фир Болге, — проводив его глазами, сказал Алево.

— Мне на это плевать! — Грегордиан резко повернул голову, услышав какие-то звуки со стороны спальни. — Вообще больше ничего не желаю знать об этой истории. Разберись сам и реши, что делать с Лугусом.

— Как скажешь.

— А сейчас иди и скажи, чтобы подали сюда завтрак. После я начну выслушивать жалобы всех этих барыг, склочников и контрабандистов, — более кислого выражения лица у деспота сложно было и представить.

— Тяжела жизнь бедного архонта, — хмыкнул Алево, направляясь на выход.

— Да я лучше бы раздалбывал по орде багги ежедневно, чем занимался этим! Почему я не могу скинуть все на тебя? — впервые слабо улыбнулся Грегордиан.

— Потому что архонт здесь ты.

Переступив порог своей спальни, Грегордиан увидел Эдну у окна. Но она не смотрела наружу. Обнаженная и растрепанная женщина стояла, глубоко задумавшись и обхватив руками свои плечи, и взгляд ее был обращен внутрь себя. И на какую-то секунду она показалась настолько безумно далекой и абсолютно недостижимой, что зверь взвыл и заметался в панике, а он сам стал жадно вдыхать пропитанный ее теплым живым запахом воздух, чтобы развеять глупое видение. Что за чушь! Еще совсем недавно она сходила с ума, кончая, пока он вгонял себя в нее глубже некуда. И прямо сейчас ему ничего не стоит подойти и наклонить ее прямо у этого окна и снова заставить умирать от наслаждения.

— Ты хотела поговорить со мной? — спросил он, и Эдна вздрогнула, оборачиваясь, и ее недоверчиво-удивленный взгляд снова резанул по какой-то вроде надежно спрятанной струне.

Глава 51

Приоткрыв глаза, прищурилась от яркого дневного света. Что-то я совсем становлюсь тут дамой полусвета, просыпаюсь ближе к обеду. Села и осмотрелась вокруг. Как-то... мда-а-а. Похоже, черный и серый — любимые цвета Грегордиана или его дизайнера, если таковые здесь существуют. Стены, обитые тканью цвета грозových туч, шторы и ковер на пару тонов темнее, черная мебель, двери, оконная рама и высокий потолок. Явно очень дорого, изысканно и добротнo, но никакого тебе злата-серебра, как в Фир Болге. Не зря мне и снаружи хозяйский замок показался мрачным и почти чрезмерно строгим.

— Ну, здравствуй, логово Дракулы, — пробормотала, спускаясь с широченной постели и подходя к окну. — Какими сюрпризами ты меня озадачишь?

Тело, если бы могло, завопило бы протестующе, коварно припоминая каждый умопомрачительный, но при этом выматывающий и мучительный момент утреннего секса. Но

ему ли жаловаться. Душа — вот кто получил за последние сутки по полной. И эту инъекцию глубоко охлажденного дегтя прямиком в сердце не исправить даже целым бескрайним морем самых сладких оргазмов.

Но буду искать пока только плюсы и собирать информацию и факты. Из Фир Болга я выбралась. Хорошо это или плохо еще предстояло узнать. Правда, все предусмотрительно припасенное там и осталось, но и черт с ним. По углам сторожевые псы не сидели, впрочем, с таким-то хозяином они и ни к чему. Решеток на окнах нет, но до земли метров надцать, хотя не по простыням же я собираюсь в случае чего отсюда спускаться, в самом то деле! Да и не в том «как», а «куда» — главный вопрос. И в получении ответа на него я, сменив одно спальное место на другое, ничуть не продвинулась. Ну и где мне взять недостающие кусочки паззла? Где мне взять весь проклятый паззл к тому кусочку, что у меня есть? Есть ли шанс вернуть мою прежнюю жизнь? Потому как не представляю я своей роли и места в этой, новой. А может, еще недостаточно прижало, раз стою тут и рассуждаю о своей неспособности подладиться под обстоятельства? Если прикрутило бы по-настоящему, скакала бы тут покладистой зайкой и повторяла «спасибо, что жива»!

— Ты хотела поговорить со мной? — Господи, ну зачем же так подкрадываться!

Резко развернувшись, увидела Грегордиана, уже полностью одетого и стоявшего в дверях спальни. Белоснежная рубашка, на фоне которой его бросившийся мне в самый первый раз в глаза загар казался еще темнее. Свободные темные брюки и сапоги почти до колен обрисовывавшие мышцы его ног как некое совершенство. Вокруг мускулистой шеи массивное украшение в виде широкого золотого полумесяца, на котором прикреплено изображение оскаленного, атакующего зверя, вырезанное из густо-черного поблескивающего камня. Сердце грохнулось изнутри о ребра, остановилось и только несколько вдохов спустя заработало как надо. Как же я его ненавижу за эту волнами исходящую неоспоримую мощь, за будоражащую все во мне неприкрытую сексуальную лютость во взгляде, за то, что я могу сколько угодно знать, какой же он неисправимый властный козел, но это не умаляет его влияния на меня. Я сейчас так же, как в самый первый раз, не знаю, где найти воздух для нового вдоха, столкнувшись с ним глазами.

Деспот вопросительно приподнял бровь, и я отмерла, шумно и совсем не изящно втягивая столь нужный кислород. Что-то очевидно изменилось. Вчера Грегордиан вымыл меня, проявив заботу, никак напрямую не связанную с моим необходимым ему выживанием. Сегодня он добровольно пришел поговорить, тогда как до этого мне приходилось чуть ли не стоять с протянутой рукой, упрасывая ответить на мои вопросы.

— Хотела, но было бы неплохо сначала позаботиться о некоторых насущных нуждах и одеться. — О, замечательно, Аня. Он снизошел до почти полноценной беседы, а ты мямлишь нечто невнятное.

— Дорогу в купальню вспомнишь? — Я кивнула. — Остальные удобства там, за соседней дверью. Иди, я пока позабочусь об одежде.

Грегордиан развернулся и снова исчез. Все как-то обыденно, словно мы самые обычные любовники, и небольшая неловкость связана лишь с тем, что я впервые осталась у него переночевать. Ну что же, хотя бы на пару вопросов ответ есть. Передвигаться тут мне вроде как позволено свободно, так что ходить голой и босой круглые сутки не придется. Уже неплохо.

Когда встала под тот самый странный живой душ, подняла руку и попыталась несколько раз ткнуть в место изгиба, но каждый раз поток приподнимался, не давая дотянуться. Хитрая

интерактивная зараза!

— Развлекаешься? — Деспот появился снова, и через его плечо было перекинуто нечто весьма напоминающее платье, такого же льдисто-белого цвета, как и свободная рубаха, прикрывающая от меня его совершенный торс. Ох, ла-а-а-дно, он просто был одет, но, будучи сама голой, я позволяла мыслям умчаться не туда, куда надо.

— Познаю мир методом научного и не очень тыка, раз других вариантов нет, — ответила, злясь на себя и выходя из-под потока, который тут же опять стал просто культурным водопадом на стене.

— Насколько я тебя пугаю? — без всяких предисловий спросил Грегордиан, беспардонно пройдясь по моему мокрому телу взглядом. Да ладно, пусть смотрит, нового ничего не увидит.

— Я думала, твое предложение поговорить включает мои вопросы и твои ответы, — как и раньше, кожа и волосы стали сухими почти мгновенно.

— Тогда это будет... как это называется... — интервью, а я предлагаю диалог. — Да неужели, диалог? Он точно в курсе о значении данного слова? — Итак, я спросил первым.

— Ты меня пугаешь... сильно, — я могла бы пуститься в пояснения и психологические дебри, что на самом деле меня до ужаса доводит не он сам, а бесконтрольность моих чувств к нему, степень его воздействия и власти над моими эмоциями, волей и особенно либидо. Именно это разрушало и изгрызало изнутри и было бесконечно страшнее любого его рычания, грубости, скотского обращения после перехода сквозь Завесу и даже того жуткого момента, когда он откровенно напал, пытаясь шею мне свернуть. Могла бы. Но не стану. Лишняя, по-моему, информация.

— Это потому, что ты меня считаешь монстром? Из-за зверя? — его брови гневно сошлись, а крупные ноздри задержались, как у жеребца после изнурительной скачки.

А вот давайте не будем приплетать вполне милого зверюгу к оправданию собственного сволочизма некоторых тут присутствующих!

— Твоего зверя я не боюсь. Но тебя и в самом деле считаю монстром, — деспот чуть склонил голову набок, будто не совсем расслышал или не понял сказанное. — Когда будет моя очередь спрашивать?

— Сейчас, — ответил он после некоторого промедления и вроде бы расслабившись. Как можно существовать вообще с таким психованным взрывоопасным характером? Не мужик, а ходячая бомба с вечно тлеющим фитилем.

— Ты вчера сказал, что я здесь буду жить постоянно. — Деспот коротко кивнул. — В качестве кого?

— Женщины, с которой я делю постель, что следует за мной повсюду и никогда не говорит мне «нет». Ни в чем! — какое витиеватое определение моего нового весьма прозаичного статуса.

— То есть твоей любовницы? — Снова сдержанный кивок. — А какие права и обязанности обычно есть у твоих любовниц? Есть правила какие-то?

— Правила просты. Ты не кадани и принадлежишь только мне. Разделишь постель по своей

воле с кем-то еще — заставлю жалеть об этом долго и мучительно, — Грегодиан говорил отрывисто, почти грубо, но при этом так хмурил лоб, что у меня создалось впечатление, будто эти самые правила он выдумывал прямо на ходу, ибо раньше они не просто никому не были озвучены, но в принципе не существовали. — Если хочешь что-то узнать — спрашиваешь меня. В чем-то нуждаешься — говоришь мне. Я говорю — ты делаешь. Задаю вопрос — отвечаешь. Никогда не споришь... по крайней мере пока мы не наедине.

— Ты еще скажи как в кино — если прикажу прыгать — ты спрашиваешь только насколько высоко, — усмехнулась я, как ни странно почему-то не ощущая себя задетой этим его перечнем почти рабских условий. — И знаешь, я ведь не шлюха по натуре. Прыгать от мужика к мужику как-то склонности не имею, так что твои угрозы излишни.

— Угрозы никогда не бывают излишними, — кривовато улыбнулся деспот.

— Ну, а какие привилегии и милые радости доступны твоей любовнице помимо крышесного секса с тобой? Или мне положено сидеть тут безвылазно, ожидая момента, когда у тебя встанет и ты решишь мною воспользоваться?

Деспот снял с плеча платье и подошел ко мне.

— Подними руки! — я подчинилась, и он быстро натянул на меня мягкую, ласкающую кожу ткань, которая окутала меня от горла и почти до пяток. Едва моя голова вынырнула из горловины, Грегордиан обхватил мою шею сзади и дернул к себе. Поцеловал коротко, но как всегда требовательно и сжал второй рукой ягодицу, вдавливаясь твердеющим членом мне в живот.

— У меня на тебя стоит почти все время, — отстранившись и ухмыльнувшись откровенно похотливо, пробормотал Грегордиан. — Так что ты не будешь сидеть здесь, потому что пользоваться тобой я буду не только здесь и по ночам. Но тебе понравится. А теперь идем есть, а потом изучать плюсы и минусы твоего положения.

— Босая, непричесанная, в платье на голое тело? — чуть вызывающе задрала я бровь.

Грегордиан поднял глаза к потолку и в явной досаде потер лоб.

— Эдна! — недовольно рыкнул он, но потом обреченно вздохнул. — Ладно, я все это решу!

Ему вообще когда-то приходилось по-настоящему жить вместе с женщиной?

Громадная гостиная покоев Грегордиана не отличалась цветовой гаммой от ванной и спальни. Только в столовой, в которой на большом черном столе был уже накрыт весьма обильный завтрак, преобладали более светлые серебристо-серые оттенки. Усадил меня деспот не напротив, а прямо рядом с собой. Отдельных тарелок тоже не наблюдалось, вся еда нарезана и эффектно выложена на плоских серебряных блюдах с красивой чеканкой. Приборов тоже не было. Грегордиан просто брал кусочки, соединял их по своему вкусу и предлагал мне. Так же, как тогда в пути. И снова я не могла понять, стоит ли мне оскорбиться на то, что он меня кормит, словно домашнего ручного зверька, или проникнуться чувственностью момента, которая, как ни крути, имела место быть. И волны наслаждения вкусом местной пищи весьма способствовали повышению ее градуса.

— А я могу покормить тебя? — спросила, прожевав и открыв зажмуренные от удовольствия глаза.

— Нет! — жестко ответил он, но потом вроде как смягчился. — Пока нет.

— Почему?

— Потому что я не уверен, что ты желаешь позаботиться обо мне искренне и от всего сердца. Вот если бы ты знала, что в пище яд, то тогда, конечно, в отсутствии искреннего рвения тебя не смог бы упрекнуть никто. — Новый кусочек, протянутый мне, сопровождался циничной ухмылкой.

— А ты, стало быть, заботаешься обо мне абсолютно искренне? — остановила я его руку и сама взяла первое попавшееся с ближайшей тарелки и сунула в рот.

— Естественно! Ты мне нужна здоровой, сытой и довольной бытом, а значит, готовой для меня всегда.

— Тебе просто необходимо постоянно тыкать меня в то, что мое присутствие рядом с тобой имеет сугубо сексуально-прикладное назначение?

— Я не тыкаю. А вношу ясность в истинное положение вещей, — Грегодриан перехватил мой очередной бросок за едой и, отобрав все, опять собственноручно поднес к моему лицу несколько сочных кусочков. — Все необходимое ты получаешь от меня. Правила, помнишь?

— Те самые, что ты озвучил, но я не сказала, что их принимаю. — Деспот предупреждающе прищурился, давя на меня своей энергетикой. — Но, я думаю, мне они подходят.

Пока. Пока иного выхода у меня существует.

— Само собой, подходят, Эдна.

Мне отчаянно хотелось послать его прямо сейчас, отказаться от этой чертовой еды, что по сути являлась очередной демонстрацией его власти надо мной. Но ведь конфронтация не входила в мои планы. Если я упрусь и откажусь играть по навязываемым Грегордианом правилам, то вполне опять могу оказаться взаперти черт его знает где. И поэтому я показала себя послушной зверушкой и приняла пищу.

К моменту когда это ритуальное кормление было окончено, появился брауни со всеми побрякушками, что остались в Фир Болге, одеждой и обувью, теми самими, что я просила у Лугуса. А потом с легкомысленным видом вошел Алево, покручивая на пальце комплект черного кружевного белья.

— Надеюсь, я все верно подгадал с размерами, Эдна, — ухмыляясь, сказал он и протянул его. Не мне, естественно, а деспоту. — Сотворил по памяти, но если будут неудобства — скажи, и в следующий раз я их учту.

— Оно черное, — сказала я, когда Грегордиан вручил мне трусики и лифчик, предварительно осмотрев их весьма придирчиво.

— И? — уставился на меня деспот.

— Платье — белое, белье — черное! — указала я на очевидное. — Ничего не смущает?

— О, Богиня, — снова раздраженно выдохнул Грегордиан. Может, я уже перегибаю?

— Исправь это, — однако отдал он приказ Алево.

Причесывать меня явился еще один брауни, причем снова мужчина. Говорить, что я и сама не без рук и в состоянии позаботиться о своих волосах, не стала. Дожидаясь, пока закончат с моей головой, Алево и Грегордиан вышли в соседнюю гостиную и о чем-то там тихо говорили.

Когда брауни наконец закончил, то поднес большое зеркало и позволил мне поглядеть на себя.

— Ты довольна... — заминка в конце явно указывала, что он не совсем понимает, как ко мне стоит обращаться.

Я посмотрела на отражение и удивилась. Моя всегда бледноватая кожа стала на вид гораздо здоровее и приобрела легчайший золотистый оттенок и даже нечто вроде какого-то идущего изнутри сияния, а белоснежное платье это особенно подчеркивало. И, видимо, поэтому и цвет моих глаз, всегда казавшихся мне вполне прозаичными бледно-голубыми, сейчас выглядел гораздо более насыщенным, почти васильковым. Моргнула потрясенно, даже невольно залюбовавшись своими немного обострившимися скулами и тем, как удачно подчеркнута высокой прической линия шеи. Из зеркала на меня смотрела какая-то не совсем я. Почему я раньше не носила волосы именно так? Хотя, может, это просто какой-то приукрашивающий магический фокус, призванный льстить каждому смотрящему на себя в это серебристое стекло. Я бы даже не удивилась этому.

— Я довольна. Очень. И можешь звать меня Эдной, — постаралась улыбнуться максимально дружелюбно, в конце концов нужно постараться расположить к себе местный персонал.

Но вместо ответной хотя бы формальной улыбки лицо темнокожего мужчины стало испуганным, и, покосившись в сторону открытых дверей гостиной, он стал быстро собирать свои инструменты.

— Не мог бы ты оставить мне расческу? — аккуратно дотронулась я до его руки.

— Эдна! — я подпрыгнула на стуле от этого гневного вопля Грегордиана, а бедный брауни исчез со скоростью звука, едва не снеся собой массивные двери. — Все, что тебе нужно, ты просишь у меня!

— Черт, прости! — судя по выплясывающим ноздрям деспота и удушливым волнам гнева, наполнившим комнату, безопасней было извиниться. Но только подумать, я же попросила расческу, а не чертов план дворца с возможными подземными ходами! Ну не перебор ли это?!

— Это же всего лишь расческа, стоит ли мне озадачивать тебя такими мелочами? — сделала робкую попытку оправдаться.

— Все именно и означает все! — уже гораздо тише сказал Грегордиан. Может, мне удалось достоверно изобразить раскаяние?

Из-за плеча деспота Алево соорудил мне укоризненную рожу, но я его проигнорировала. Хватит мне и одного мужика, изводящего меня упреками на пустом месте.

— Идем, — деспот протянул мне руку и повел прочь из покоев.

Оказавшись в уже знакомом коридоре, я при свете дня разглядела, что ковровая дорожка меняла цвет от одного конца к другому. У покоев Грегордиана она была черной, но ближе к лестнице постепенно становилась насыщенно бордовой. Крутая и очень узкая лестница вела

вниз, и по ней пришлось спускаться друг за другом.

— Разве ты не главная вип-персона тут? — пробормотала я в спину Грегордиану. — Почему нельзя было построить все нормальной ширины?

— Все именно так, как нужно, — не то чтобы охотно, но без обычного рыка ответил деспот. — Здесь в одиночку можно сдерживать хоть целую армию.

Ну, в принципе, да, логично.

Еще один коридор, гораздо более длинный, широкий и главное — многолюдный. То и дело разнообразные существа попадались нам навстречу, кланяясь Грегордиану и Алево и с любопытством пялясь на меня.

Следующие высокие резные двери привели нас в приличных размеров зал, несколько напоминающий тронный, только не слишком пафосный. На полуметровой высоты подиуме стояло массивное кресло, на спинке которого над головой сидящего был вырезан уже хорошо знакомый мне зверь. Выглядело это посадочное место жестким и крайне неудобным, но что самое неприятное — никаких стульев рядом не наблюдалось. Я уже ожидала, что мне придется стоять у деспота за спиной или вообще будет указано сидеть у ног, словно собачке, но тут брауни принес невысокую, но мягкую широкую табуретку, и Грегордиан указал ему на место по левую руку от себя.

— Садись, Эдна, — велел он, усаживаясь в кресло.

Ну что же, если и собачка, то о ее удобстве заботятся. Деспот же выглядел почему-то крайне недовольным, и я бы могла сказать подавленным, если было хоть что-то, способное подавлять этого мужчину.

— Начинай! — небрежно махнул он рукой Алево, и тот пошел в другой конец этого зала, где были еще одни двери.

А дальше все происходящее больше всего стало напоминать какой-то прием просителей у высокопоставленного чиновника. Входили всякие существа: рогатые, крылатые, вполне человекообразные, но с голубой или охристо-желтой кожей. Одни подобострастно кланялись, другие стояли словно палку проглотили и сверкали заносчивыми взглядами, но все о чем-то просили и просили. О возможности провезти туда или обратно какие-то, очевидно, не слишком разрешенные товары, о праве поохотиться на зверей со странными названиями в Приграничных землях, об отмене прежних решений деспота в связи со вновь открывшимися обстоятельствами, о возможности поселиться в Тахейн Глиффе и открыть свое дело. Алево впускал их по одному или сразу небольшими группами. И с каждым новым просителем Грегордиан становился все мрачнее и мрачнее. Желваки на его челюстях вздувались отчетливее, и ответы все чаще были простыми «нет» или «отказано». Я же просто обратилась в слух и тщательно вылавливала из всего сказанного названия мест и рас и любую информацию о том, каким путем кто сюда прибыл или куда хотел бы отправиться. Естественно, пока для меня все это было совершеннейшей пестрой кашей, потому что, скажем, понятия не имела «бирема» это корабль или некий ездовой зверь. Но ведь всему свое время. Но тут деспот решил усложнить мне задачу. Положив ладонь на основание моей шеи, он стал гладить кожу, выводя одному ему знакомые символы. И это чертовски отвлекало от моих попыток отфильтровать нечто нужное. К тому же взгляды, которые все бросали на руку Грегордиана, ласкающую меня, ничуть не скрываясь, чрезвычайно смущали меня, как и необходимость подавлять собственную неизбежную реакцию на это чувственное поглаживание. Но непохоже, что чужое внимание

или моя неловкость хоть сколько-то волновали архонта. Ну еще бы, к чему переживать о таких мелочах!

Глава 52

Шел третий, а может, уже четвертый час приема нескончаемого потока просителей, когда Алево впустил очередную группку существ. Гибкие, удивительно хрупкие создания с просто неестественно огромными глазами и зеленой кожей, разных, но отнюдь не отталкивающих оттенков и тонкими филигранными чертами едва ли доставали бы мне до груди. А рядом с высоким Алево и вовсе казались крохами. На первый взгляд казалось, что в их волосах обильно запутались листья, но, присмотревшись, я поняла, что эта растительность имеет там абсолютно естественное происхождение.

Существа завели уже изрядно поднадоевшую песню с приветствиями Грегордиану и пожеланиями ему удачи и вечного благословения Богини, но уже весьма настойчиво к тому времени поглаживающая меня рука деспота вдруг исчезла, оставляя после себя иррациональное ощущение потери.

— Из какого вы поселения и что у вас случилось, анханы? — властно прервал поток церемониальной вежливости Грегордиан, чуть подаваясь вперед в своем кресле и цепко рассматривая визитеров.

Теперь и я устала на пришельцев внимательней и поняла, что обеспокоило Грегордиана. Крошечные зеленые создания выглядели измученными, потрепанными и даже более того. Некоторые явно были ранены. А еще все они сильно подслеповато щурились, как будто даже не слишком яркий свет в этом зале приемов был для них мучителен.

— Хайнхель, мой архонт, — ответил миниатюрный мужчина, стоявший впереди. Его рука была перемотана зеленоватой мягкой тканью, указывая на наличие травмы.

— Это у самой северной границы моих пределов, — нахмурился деспот. — И что же вас заставило идти так далеко, да еще при дневном свете?

— На нас напали, мой архонт! — дрогнувшим голосом ответил его собеседник и совершенно неожиданно разрыдался, вовлекая в это и остальных спутников. — Хайнхеля больше просто не существует!

От пронзительного и безутешного горя, исходящего от них, у меня мучительно защемило в груди и в глазах защипало. Ощущение глубины и невосполнимости их потери заполнило все внутреннее пространство зала, просачиваясь буквально до моих костей.

Грегордиан вскочил и переместился к ним так же стремительно, как и всегда в моменты раздражения, и я снова увидела, как сквозь полные гнева человеческие черты отчетливо проглянул облик зверя.

— Кто? Когда? Откуда пришли? — порычал он, окончательно пугая этих зеленых крох.

— Никто из нас не смог опознать, к какой расе принадлежат напавшие, — испуганным голосом ответил анхан. — Первый раз они пришли два лунных цикла назад. Мы думали, им нужен наш шелковин, и готовы были отдать все. Но они многих убили и просто сожгли запасы.

— Почему я узнаю об этом только сейчас?! — рявкнул Грегордиан и глянул в том числе и на

сильно нахмурившегося Алево.

Отвечавший до этого мужчина промолчал и съежился, и неожиданно вперед выступила девушка, почти полупрозрачно-тоненькая, но с решительным взглядом.

— Мы посылали к тебе гонца, мой архонт. Он не вернулся, и ты не пришел. Мы решили, что, возможно, за какие-то прегрешения лишились твоей защиты, или у тебя есть более срочные дела, — девчушка явно держалась на одной отваге, и голосок ее звенел так, что почти причинял боль. — Нападавшие вернулись пять дней назад, и теперь ты видишь перед собой все, что осталось от племени анхан, живших в Хайнхеле.

Я быстро сосчитала. Четырнадцать измученных и раненых существ, лишившихся дома. Не знаю, сколько их было до этого, но очевидно же, что гораздо больше. И они погибли в то время, когда Грегордиан рыскал по миру Младших в поисках столь необходимого ему голема. То есть меня. Да, я не просила о такой судьбе, не я его заставила делать это, но теперь передо мной укором стояли те, в гибели чьих близких я была повинна, хоть и косвенно. Но это не меняло того факта, что павших не вернуть. Как и женщину, которую я считала матерью и что отдала свою жизнь ради борьбы с древним порядком вещей. Она отказалась мириться с потерей и тем самым запустила цепь событий, а теперь совершенно неизвестно, чем все еще завершится. Но как ни крути, все это было закручено вокруг меня, и никакие доводы логики и рациональные оправдания не изменят окончательности чьей-то смерти.

— Ты обвиняешь меня в том, что я не исполнил свой долг вашего архонта? — загрохотал Грегордиан и навис над малышкой, являя собой в этот момент буквально олицетворение угрозы во плоти. А во мне вспыхнул абсолютно неподконтрольный протест против этой его всеразрушающей неуправляемой агрессии.

— Разве я посмела бы? — сжавшись, девушка и остальные попятилась, тогда как деспот наступал. — Мы лишь решили прийти к тебе за защитой и помощью, мой архонт. Но если мы больше не можем на них претендовать, то отправимся искать новое место в других пределах.

Не знаю уж, сказано это было нарочно или так вышло от отчаянья и ужаса, до которого сам же он ее и довел, прессируя своей неприкрытой агрессией, но деспота затрясло так, что, наверное, лучше бы она ему в лицо плюнула. Алево шагнул ближе, пытаясь вмешаться, но тут же словно тряпичная кукла отлетел в сторону и врезался в стену. Повезло же ему с начальством! В следующих своих действиях я почти не отдавала отчета, только и осознала, что обхватила прущего, словно взбешенный бык, Грегордиана вокруг талии, нещадно вгоняя ногти в его кожу и впиваясь зубами, как отчаявшееся животное, чуть ниже лопатки сквозь тонкую рубаху и упираясь в каменный пол ногами. Зажмурилась, ожидая повторения судьбы Алево и отчетливо понимая смехотворность своих усилий. Я реально ненормальная, но в эту секунду просто не перенесу, если на моих глазах кто-то пострадает совершенно незаслуженно!

Локоть Грегордиана рванулся назад, встречаясь точно с моим животом, но тормозя за долю мгновения до того как. Просто контакт мог стать полноценным сокрушительным ударом, что наверняка пополам меня переломил бы. Огромное тело Грегордиана замерло в моей истеричной хватке, оставаясь при этом твердим, как камень, и настолько горячим, что было почти больно его удерживать. Сообразив, что делаю, я отпустила его, в испуге бормоча: «Прости, прости, прости!»

И это слово шелестящим эхом подхватили анханы, многие всхлипывая и задыхаясь от страха. Неугомонный же и неубиваемый, как оказалось, Алево, растопырив руки, теснил их как паникующих животных к дверям.

— Я не лишал вас своей защиты! — загрохотал Грегордиан, однако больше не двигаясь с места. — Никто из моих подданных не пойдет за помощью ни к кому, кроме меня! Я найду тех, кто повинен в нападении на вас и смерти ваших близких, и заставлю вас смотреть, как они будут умирать, долго и мучительно! Дабы никто и никогда больше не смел даже думать посягнуть и бросить тень на мою власть и способность защитить тех, кому мое покровительство было обещано.

Деспот был в ярости, это совершенно однозначно, но сейчас она уже приобрела направление, а не просто выхлестывала из него наружу убийственным и никого не щадящим потоком. Но то, как он тяжело и откровенно-хищно уставился на меня, пока Алево окончательно выталкивал анхан из зала, не обещало ничего хорошего. Сглотнув, я попятилась, стремясь создать между нами дистанцию, хотя зверская ухмылка, искривившая рот Грегордиана, ясно показала, что не существует сейчас расстояния, способного спасти от возмездия за импульсивное вмешательство.

Мозг судорожно искал пути спасения, очевидно, слегка утратив контроль над языком.

— По крайней мере я с тобой не спорила прилюдно, как ты и приказывал, — еле слышно пробормотала я, и Грегордиан замер. Потом запрокинул голову и расхохотался так громоподобно, что напугал меня этим окончательно. Но, отсмеявшись, снова продолжил загонять меня в угол, явно целенаправленно приближаясь медленно, доводя до края.

— Мой архонт, — снова попытался подступить Алево.

— Убирайся, — не сводя с меня глаз, как хищник на охоте, устрашающе тихо огрызнулся на него Грегордиан. — Займись пока своими делами. Собери воинов, устрой анхан и найди среди них того, кто будет в силах выйти с нами к их поселению.

— Когда мы выходим?

— Как только я тут закончу, — ухмыльнулся деспот, наклоняясь уже к моему лицу.

— Прости, мой архонт, но я настаиваю на предварительном обсуждении...

— Просто. Уйди, — один краткий взгляд, и Алево, кивнув, исчез, плотно прикрывая за собой двери.

Опустив голову еще ниже, Грегордиан потянул меня за собранные в высокую прическу волосы и, преодолев мизерное сопротивление, вынудил подставить ему горло. Ожидая от этого непредсказуемого психа чего угодно, я зажмурила глаза и подчинилась.

— Ты пахнешь страхом, Эдна, — на удивление мягко проурчал Грегордиан, ласково потершись носом о место на шее, где истерически колошматил мой пульс, и, растопырив пальцы, накрыл мою грудь прямо над грохочущим сердцем. — Ты звучишь как страх. Мне это не нравится!

О, да неужели? Тогда, может, стоит перестать меня пугать по поводу и без? Нет, конечно, я не сказала этого вслух. Очевидно, в том, даже для меня самой непредсказуемом броске оказался израсходован весь запас отваги и внезапной безрассудности в моем организме.

Чуть отстранившись, Грегордиан стянул свою рубаху через голову и медленно провел пальцами по хоть и небольшим, но отчетливым следам моих ногтей на своем торсе. Судорожно вдохнув, я тяжело сглотнула, начиная ощущать еще нечто весьма знакомое и такое неизбежное помимо страха при виде его обнаженной кожи, испещренной таким до мелочей знакомым

рисунком белесых шрамов. Почему мои злость и страх перед ним стремительно теряют концентрацию, когда я вижу эту карту его прежней боли? Догадывается ли деспот об этом? Использует ли против меня?

— Итак, ты боишься, но тогда что же это было только что? — Его ладонь на моей груди поднялась выше и оглаживала мое горло, прозрачно намекая на полную беззащитность перед ним. Та же, которой он прикасался к себе, соскользнула ниже, и я не могла не последовать за ней взглядом, а значит, и не заметить очевидного наличия у него эрекции.

Ну что же, если он и намерен меня придушить за дерзость, то не раньше, чем оттрахает до беспамятства.

— Эдна! Я задал тебе вопрос! — рыкнул деспот, сжал себя через ткань и, наклонившись, ощутимо прикусил за ключицу. — Ты что, пыталась продемонстрировать, что имеешь власть надо мной?

Его зубы причинили легкую боль, заставляя охнуть и дернуться, но тут же пришедший на смену зубам язык породил искристую волну сродни опьянению, что ударила в голову и рванула по телу. И, как всегда до этого, похоть, которую он порождал во мне, с непостижимой легкостью победила инстинкт самосохранения.

— Чушь! — справляясь с дыханием, ответила я. — Разве есть вообще кто-то, кто ее имеет!

— Тогда, во имя Богини, что ты сотворила?! — вдруг заорал он мне прямо в лицо и, забыв о своем стояке, сильно ткнул пальцем прямо в середину моего лба. — Что творилось в твоей проклятой голове, Эдна?! Да я убил бы тебя в тот момент, лишь слегка отмахнувшись.

— Но не убил же, — я дернула головой, повторяя его же слова и одновременно отталкивая его руку. Единожды отступив, страх больше не хотел возвращаться. Не в этот раз уж точно!

— О, значит, ты все-таки что-то этим пытаешься показать или доказать, упрямая женщина. Кому? Мне? Себе? Моим подданным? Думаешь, если заслужишь уважение в их глазах, это как-то повлияет на меня, если мне придется делать выбор?

— Да прекрати ты на меня орать! — защищаясь, я тоже повысила голос и, схватившись, попыталась убрать его хватку с моей шеи, и, как ни странно, Грегордиан с легкостью меня отпустил. — Ни о чем таком я не думала! Это вышло импульсивно. Неправильно нападать на тех, кто и так лишился всех и всего только что!

— Эта анхен повела себя неуважительно! — однако продолжал нависать и давить он.

— Да она была просто напугана! Ты напугал ее. Их всех!

— И это верно! Меня должны бояться! — Боже, как же хочется в определенные моменты иметь силы стукнуть по самоуверенной роже деспота так, чтобы ему мозги встряхнуло и повернуло как надо! Хотя колотить его хочется большую часть времени в сутках! Ведь ни грамма же сомнения в собственной правоте на лице, ни тени неуверенности в глазах!

— Правителя должны уважать и восхищаться его мудростью! — даже сама не вспомнила, из какой утопичной сказки было это утверждение, но, произнося, я в это искренне верила.

— А ты, как я посмотрю, эксперт в этом вопросе? — издевательски скривился Грегордиан и

снова подступил ко мне ближе некуда, вжимая в стену.

— Нет, я не эксперт, но... — почти придушено пискнула я, ошарашенная, как всегда, чрезмерностью его близости.

— Тогда не лезь туда, в чем ничего не понимаешь, Эдна. Здесь тебе не мир Младших, тут все держится на силе и страхе! — он натуральным образом боднул меня в лоб, откидывая голову, тогда как обе его ладони сгребли и стиснули мои ягодицы. Я вскрикнула от острого удовольствия, и тогда Грегордиан коварно атаковал мой рот. Он агрессивно толкнул свой язык к моему, с нажимом оглаживая им небо, ритмично вторгаясь вглубь, одновременно сильно притискивая, предельно плотно, прямо-таки растирая по себе, двигая, как легкую куклу, вверх-вниз по своему выпирающему сквозь ткань члену. Но те звуки, что деспот издавал, и нечто совершенно порочное, что он вытворял ртом, оказалось в сотни раз интимнее и сексуальнее, чем даже эти бесстыжие манипуляции моим телом. Кажется, всего за считанные секунды я оказалась на грани оргазма, трясущаяся, цепляющаяся за него со всем возможным отчаяньем бесконечной жажды освобождения. Но Грегордиан отстранил меня, практически отдирая, и отошел на пару шагов, тогда как я могла стоять, только привалившись к стене.

— Рискнув собой, ты совершила проступок, Эдна, — хрипло произнес деспот, а я заморгала, еще не в силах сообразить, о чем это он. — У тебя нет права умереть по своему желанию, помнишь? За то, что ты сделала, я заставлю тебя часами выпрашивать у меня право кончить. А сейчас на это у нас нет времени. Идем!

— Что, прости?

— Ты же не думаешь, что за твою выходку я поощрю тебя сексом, от которого ты, без сомнения, получаешь удовольствие? — поднял он вопросительно бровь. — Нет, как раз именно лишение «сладкого» на ближайшее время научит тебя разумнее поступать в будущем.

Я просто глазам своим не поверила. Только что его колбасило от возбуждения так же, как и меня, могу в этом поклясться, а сейчас ничего кроме непроницаемой деловитости в нем не увидела.

— Куда мы идем? — пробормотала я, пока он тащил меня по коридору, а я приводила в чувство собственное либидо.

— Собираться! Ты всегда идешь туда же, куда и я! Посмотришь своими глазами на то, каким должен быть местный правитель в действии, — обернувшись через плечо, он многозначительно глянул в район моей промежности и цинично усмехнулся. — А я прослежу за тем, чтобы ты не облегчала себе процесс наказания.

Вот ведь скотина же как есть! Значит, все же считаешь меня собачонкой, поддающейся дрессировке? Ну, это мы еще посмотрим!

Представив, что наверняка должно твориться в поселении анхен, я резко затормозила.

— Погоди. Я не хочу видеть того, что там сейчас. Я же никогда не смогу забыть такого!

— Вот поэтому единственный, на кого ты будешь смотреть, это я! — Грегордиан развернулся ко мне посреди оживленного коридора, который тут же стал стремительно пустеть. — Ты должна видеть только меня. Беспокоиться только обо мне! Угодать только мне! Волноваться только о том, как я к тебе отношусь! Все остальное, в том числе и мои подданные, не твоя проклятая забота! Что бы ни происходило вокруг, я должен оставаться центром твоего внимания!

Ты и так уже он и есть, упертый ты деспот. Вот только бы еще поменять полярность и методы достижения этого внимания, и я, может, тоже захочу бежать не от тебя, а к тебе. Но как же достучаться, пробиться сквозь километровую броню?

— Так не бывает! — не стала отступать я, хоть и возражала тихо, не желая новых вспышек гнева. — Просто не бывает, понимаешь? Раз уж я, хоть и помимо своей воли, присутствую в твоей жизни, все, что так или иначе касается и происходит с тобой, будет затрагивать и меня. В отношениях, какими бы вывернутыми наизнанку они не были, все именно так и работает. Все, что случается с одним, рано или поздно прилетает и в другого. Это ты понимаешь?

Боже, я понимаю — самомнение, эгоизм, властные заморочки, но не понимать столь очевидного он ведь не может? И в свой прямой взгляд этот вопрос я и вложила. И получила ответ. Сполна получила.

— Отношения, Эдна, серьезно? — от степени насмешки и цинизма в выражении лица и голосе к горлу тут же подкатил тошнотворный комок. — Ты, дорогая Эдна, в первую и единственную очередь присутствуешь в моей постели. И это то главное, что тебе следует держать в своей голове и исходя из чего вести себя.

Это была даже не пощечина, нет. Откровенный щелчок по носу. Унизительный и беспощадный. Да, Грегориан и раньше не скрываясь указывал мне на то, какой видит мою роль. Так отчего же именно сейчас так горько и обидно? Откуда это бескрайнее чувство разочарования и бессилия? Нет, не до кого тут докричаться. Не к кому обращаться. Не стоит и пытаться! Даже на долю секунды и позволять себе думать не стоило, что какие-то слова или поступки способны хоть на йоту изменить взгляд этого мужчины на мир и положение тех, кто рядом.

Разорвав контакт наших глаз, я посмотрела в пол, ощущая, как собственные плечи гнет под прессом однозначного поражения.

— Как прикажет мой архонт. — Надеюсь, голос мой не дрогнул, выдавая так близко подступившие слезы. — Могу я узнать, что со мной будет, когда ты наиграешься, мой архонт?

— Ничего с тобой не будет, Эдна! — Ну и чего теперь-то злиться? — Или ты со мной, или тебя нет!

Что же, ответ в духе Грегориана. Прямой и убийственный, никаких компромиссов.

С места не сдвинулась и позу не поменяла, пока Грегориан сам не взял меня опять за руку и не повел. Он же главный, куда правит, туда и движемся.

Глава 53

Возле дверей личных покоев Грегориана стоял Алево и очень мрачно смотрел на деспота, явно на чем-то безмолвно настаивая. Несколько секунд длился этот разговор-поединок мужских взглядов, но затем Грегориан втолкнул меня внутрь и, направив в сторону спальни, велел одеваться в поход, а блондину сделал знак следовать за собой. Натягивая мягкую сероватую кожу, я старалась прислушаться к их разговору, но разобрать ничего не могла. Очевидно, над распространением звука здесь потрудились, или это нечто магическое, но все, что удавалось уловить, это негромкое равномерное бубнение Алево и резкие, отрывистые реплики Грегориана. Потом что-то то ли упало, то ли врезалось в стену, и оба мужчины оказались в гостиной.

— Ну, так значит, ты в этот раз останешься в Тахейн Глиффе и проследишь, чтобы ничего из этого в мое отсутствие не случилось! — практически проорал деспот, на что Алево покорно склонил голову.

— Как прикажешь, мой архонт! — пробормотал он в ответ, хоть я и видела, что у него буквально челюсти сводит от желания возразить.

— Да вы все издеваетесь сегодня надо мной! — рявкнул Грегордиан, и в этот момент Алево заметил меня и на долю секунды задержался взглядом на моем наряде, чуть прищурившись, за что тут же и поплатился. — Кончай уже на нее пялиться! Иди займись чем должен!

Блондин без возражений исчез за дверями, а Грегордиан, зыркнув на меня через плечо, буркнул:

— Готова?

— Да, мой архонт, — его рот дернулся, но... за что боролся, на то и напоролся. — Только кинжал, который давал мне Алево, я потеряла, а отправляться куда-то совсем без оружия, моему, глупо.

— Кинжал. Дал. Тебе. Я. Я!!! — деспот, явно весь кипит от гнева, прошагал к одной из стен гостиной, где висело разнообразное оружие. — Усвой это уже наконец и прекрати меня бесить, Эдна!

Сняв со стены красивый, филигранно выполненный золотой пояс с длинными, богато инкрустированными ножнами, он подошел ко мне. Прикинул его к моей талии, и, естественно, тот оказался гораздо больше, чем нужно. Немного повозившись, он без сожаления отделил и выбросил часть звеньев, выполненных в виде каких-то зверей, и, снова ловко соединив, опоясал меня, располагая оружие на боку как надо.

— Выглядит больше как украшение, — ухмыльнувшись, он вытащил до половины клинок, демонстрируя тускловатый блеск лезвия, и резким лязгом вставил его обратно. — Но в это раз у тебя настоящее железо. Так что можешь попытаться воткнуть его мне в сердце во сне. Все, выходим!

«Не равняй всех по себе», — подумала я, глядя ему в спину и поправляя на бедрах изрядно весящее смертоносное украшение.

В этот раз мы повернули за лестницей в другую сторону и пошли по длинному коридору, который постепенно пошел под уклон. Неожиданный сквозняк принес новый насыщенный запах, отдаленно напоминающий амбрэ конюшни, и отзвуки множества голосов. Свернув за угол, мы оказались в помещении с высоченным потолком и равного размера секциями, весьма похожими на стойла по обе стороны от центрального прохода шириной в трехполосное шоссе. Большинство было пустыми, и только из трех крайних выглядывали большие рогатые головы каких-то существ. Уже гораздо более отчетливый хор мужских голосов и странное фырканье и посвистывание доносилось снаружи, сквозь распахнутые ворота. Навстречу Грегордиану выбежал очередной брауни и, пробормотав приветствие, вывел в проход оседланную громадину с бочкообразным лоснящимся телом и ногами потолще столбов с раздвоенными копытами. При каждом шаге этого монстра земля содрогалась, но при этом большие влажные глаза были на удивление кроткими. Но черта с два меня можно обмануть добрым взглядом в этом ненормальном мире. Поэтому, когда Грегордиан подошел к существу и протянул мне руку, явно намереваясь взгромоздить на спину этого слонопотама, я осталась на месте. Ради бога, с его спины падать метра три!

— Разве ты не говорил, что я везде должна идти своими ногами? — вызвать очередной приступ злобствования не хотелось, но и взбираться вверх особого желания не было, особенно учитывая, что зверюга все время беспокойно переминалась с ноги на ногу и будто только и ждала возможности рвануть с места. Умереть я всегда успею.

— Поглощение почти закончено, Эдна. Так что способ передвижения для тебя больше не имеет значения. Шевелись!

— Как скажешь, мой...

— Лучше помолчи! — угрожающе буркнул он и бесцеремонно дернул за руку, а в следующую секунду подбросил в воздух. Мне только и осталось вцепиться в луку плоского седла и втянуть себя вверх окончательно.

Как ни странно, Грегордиан не сел тоже верхом, а взял животину под уздцы и повел вперед.

— Ты смотришь только на меня, помнишь? — тихо, но с нажимом произнес он, когда мы выходили из здания.

Он наверняка издевается, потому как пока я могла только сосредоточенно пялиться на свои руки, вцепившиеся в оплетенную кожей рукоятку и пытаюсь подладиться под ритм движения. Кратко глянув на идущего рядом деспота, поймала краем глаза и целую толпу воинов, которые в этот момент радостно приветствовали его. Из знакомых заметила только Сандалфа и Хоуга. Еще пятеро имели сходную с ними внешность. Обвешанные оружием накачанные и идеально сложенные модели мужских модных журналов, будто рожденные для того, чтобы окружающие ощущали свое несовершенство рядом с ними. Остальная же компания в пару десятков особей была громилами с графитово-серой кожей и круто завернутыми вокруг острых ушей массивными рогами. Плоские носы, чуть вывернутые ноздри, сплошь утыканные пирсингом, клыки, немного выступающие из-под пухлых губ их на удивление чувственно очерченных ртов. По земле, поднимая рыжеватую пыль, возбужденно мели пушистые кончики хвостов. Что же, если бы я верила в демонов, очевидно, эти «красавчики» стали бы наглядным пособием, как они выглядят. А потом я вспомнила, где видела рога, подобные этим. На залитом кровью полу в Фир Болге, в месиве из плоти, которое оставил после себя зверь Грегордиана. Ну что ж, вот оказывается какие хийсы... целиком. На плече у Сандалфа, гарцующего на таком же «коне», что топтался подо мной, сидела крошечная закутанная фигурка, и только видневшаяся из рукава зеленоватая ручка подсказала мне, что это кто-то из анхен. Потом раздался тихий, но угрожающий рык Грегордиана, уличившего меня в том, что смотрю куда-то, кроме его персоны, и я прекратила изучать спутников.

Подчиняясь его зычному голосу, все двинулись по мощеной оранжевым камнем мостовой в сторону столь пугающего прохода к винтовой дороге. Идти там пешком было реально страшно, но ехать верхом, имея еще лучший обзор на то, как далеко лететь, оступись слоноподобная зверюга, если ее напугает, скажем, тот же жуткий страж, в сто раз ужасней. Но все обошлось, и вскоре Грегордиан вывел моего верхового зверя на уже знакомую равнину и сразу без остановки перешел на бег. Остальные подхватили его темп, выстраиваясь вокруг нас в определенном порядке. Все мое внимание и усилия уходило на то, чтобы держаться и не слететь с тяжело рысащего монстроконя, поэтому раздумывать и удивляться тому, что деспот с легкостью бежит на своих двоих на той же скорости, что остальные едут верхом, мне было некогда. Спустя где-то полтора часа пути с нами поравнялся Хоуг.

— Эдна, ты слишком напрягаешься, расслабься! — сказал он, взглянув на мои побелевшие костяшки.

— Не говори с ней! — рывкнул деспот и в следующую секунду оказался у меня за спиной в седле, взлетев туда как на крыльях.

Властно обхватив меня вокруг талии, он насильно отцепил онемевшие пальцы.

— Просто сиди, как в проклятом кресле! — раздраженно прошептал он у моего уха, и я послушалась как никогда охотно.

Так мы дальше и ехали. Мои сведенные до судорог мышцы вскоре отошли, но спустя время ноги совершенно онемели. Однако привалов никто не делал до самых сумерек. Не могу сказать, что отчетливо помню устройство на ночлег. Был костер, была еда, которую Грегордиан практически насильно впихивал в засыпающую прямо сидя меня. Проснувшись я от того, что кто-то заворочался рядом. Никакого шатра, просто одеяло, на котором я и спала под боком у деспота. Рассвет только наметился, а все вокруг уже пришли в движение. Грегордиан поднялся и взглядом показал мне на ближайший кустарник, что сегодня, видимо, был в качестве удобств. Шагая, я прислушивалась к остаточной боли в мышцах и слегка злорадствовала. Если архонт задумал этот поход как наказание с помощью неудовлетворенного либидо, то абсолютно просчитался. Уж о сексе я в таких условиях могла бы вспомнить в последнюю очередь.

Разрушенного поселения анхен мы достигли только к вечеру второго дня, двигаясь все в том же напряженном темпе. Думаю, у анхен на эту дорогу ушло дней пять. За это время я узнала, что ездовых животных зовут юды, и они чрезвычайно умные создания, несмотря на немного топорную, не слишком привлекательную внешность. После того как Грегордиан одернул Хоуга, никто больше не рисковал заговорить со мной, хотя я частенько перехватывала недоуменные взгляды воинов, особенно хийсов, когда Грегордиан кормил меня прямо на ходу или пересаживал периодически себе за спину, чтобы сменить положение и дать отдых моим немеющим мышцам. Было очень похоже, что мужчины не понимают, зачем Грегордиан тащит с собой такой балласт. А вот со мной против воли что-то происходило. Непрерывный наш прямой контакт в течение двух дней, никак не связанный с сексом, равномерное, без вспышек гнева, обращение деспота, его забота о моих нуждах и даже, я бы сказала, их предугадывание медленно, но неуклонно распускал тугий узел обиды, скрутившийся где-то под сердцем, позволяя тому биться ровнее. Болезненные искры отторжения не вспыхивали на коже сразу же, стоило деспоту коснуться ее. Краткие чисто бытовые диалоги давались все легче, и желания выискивать оскорбление в каждом слове или жесте не возникало. И хотя сейчас физически расстояния между нами не было вынужденно, но постепенно оно сокращалось и психологически. Грегордиан в Тахейн Глиффе и Грегордиан в походе — это практически две разные личности, и это сбивало с толку.

О приближении к месту я поняла по тому, как начала всхлипывать анхен. Ее сейчас вез Хоуг, и как только она задрожала, асраи ссадил ее с плеча и устроил на седле перед собой, аккуратно придерживая. Это была та самая девчужка, которой достался сполна выброс психа архонта. Равнина недавно сменилась постепенно густеющим лесом. Точнее тем, чем он был недавно. Покореженные, обгорелые деревья окружали дорогу, а землю устилал слой белесого пепла, и вместе они составляли пугающую картинку.

— Наш шелкови-и-ин, — прорыдала анхен. — Новый и за тысячу лун не вырастить!

Грегордиан скрипнул зубами и стиснул меня поперек тела так, что дышать стало трудно. А потом появился запах. Его я точно никогда не забуду. Горелая разлагающаяся плоть. И когда мы достигли самого поселения, я была рада приказу деспота смотреть на него. Одного

мимолетного взгляда на место массового побоища мне хватит для кошмаров до конца жизни. Теперь это навсегда запечатлено в том же мрачном углу моего сознания, где и вырезание сердца накла.

— Их просто умертвляли методично и поголовно, — пробормотал Сандалф, подойдя к нам, после того как ходил осматривать поселение с остальными. — Это не нападение и не грабеж. Тотальное уничтожение. Бойня.

Я, прикрыв рукой рот и нос, старалась дышать как можно реже, смотреть только в мощную шею юды передо мной и не позволять себе представлять творившееся здесь еще недавно зверство. Но надрывный бесконечный плач анхен на одной пронзительной ноте резал мои обнаженные нервы, мешая хоть как-то отстраниться от ужаса вокруг. А от тяжелых, удушливых волн гнева мужчины за моей спиной все нутро леденело.

— Уже темнеет. Следов сегодня не найдем, — отрывисто сказал Грегордиан. — А в таком запахе моему зверю ничего и не учуять. Отойдем на достаточное расстояние для ночевки. Вернемся завтра и начнем поиск.

В этот раз не было мужского галдежа и смешков у костра. Только тягостная непроницаемая тишина. Я боялась спрашивать, но, очевидно, даже для этих жестоких и привыкших к убийствам воинов случившееся в поселении беззащитных и безобидных анхен не было чем-то обычным.

Еду приготовили, но никто к ней не прикоснулся. И даже меня Грегордиан не стал прессовать, вынуждая поесть. Деспот просто раскатал одеяло и молча кивнул мне на него. Улеглась, сворачиваясь клубком. Сон никак не шел, но я лежала тихо и неподвижно. И едва смогла не дернуться, ощутив прикосновение к голове. Осторожно скосив глаза, увидела в сумраке, что Грегордиан сидел надо мной на корточках и снова проводил рукой по волосам, а потом так же почти невесомо коснулся щеки. И было что-то в этом простом движении такое, от чего горло сжалось, а глаза запекло. Так захотелось податься ближе к нему в поисках тепла и надежности его огромного тела, прижаться, не обращая внимания на всех вокруг и не думая, кто мы друг для друга. Лишь только ощущать, что живы в эту самую минуту.

— Ты должна спать, Эдна, — очень тихо прошептал Грегордиан.

— Я не могу, — так же шепотом призналась я. — Не могу.

— Взять тебя сюда было неверным решением, — это прозвучало настолько тихо, что я бы не могла с точностью утверждать, было ли вообще сказано и не почудилась ли мне вся эта горечь и сожаление в голосе, что мог только насмеяться и отдавать приказы.

Удивленно подняв голову, я не увидела рядом Грегордиана. Только смутная тень, черней самой окружающей темноты, скользнула прочь от лагеря, а Сандалф и Хоуг подошли и безмолвно уселись неподалеку от меня. Еще спустя минуту неподалеку появилась крошечная фигурка анхен. Она нерешительно потопталась в нескольких метрах от меня. Зеленоватая кожа мягко светилась, делая ее похожей на какого-то лесного духа.

— Монна Эдна, можно мне побыть с тобой? — робко спросила она.

— Можно, конечно! — тут же с радостью отозвалась я. Никогда, наверное, и представить не смогу, каково это — оказаться сейчас на ее месте!

Анхен глянула просительно на явно стерегущих меня асраи, и тут вечно злобный рыжий

Сандалф удивил.

— Иди, Сояла, но только до тех пор, пока архонт не вернется! — буркнул он. — Как только я скажу тебе — сразу уходи.

Девушка быстро засемила и уселась на одеяло рядом со мной.

— Твое имя Сояла?

— Да, монна Эдна, — кивнула она, как-то тревожно сверкнув глазами. Сейчас ночью они были широко раскрыты и просто поражали своей величиной, занимая всю верхнюю половину лица.

— Тебя пугает темнота? — я не знала, о чем можно говорить даже с человеком, потерявшим все в одночасье, а передо мной существо из совершенно чуждого мира.

— Нет. Темнота и ночь родная стихия анхен. В ней мы живем, работаем, ею восхищаемся. В ней для нас столько же красок, сколько для дневных детей Богини при свете солнца, — при этом она продолжала озираться, всматриваясь в беспросветную для меня мглу вокруг.

— Но что тогда? — сильно понизив голос, спросила я, заражаясь ее состоянием.

— Они не послушают меня, монна Эдна, — указав взглядом на воинов и наклонившись ко мне, зашелестела у самого моего лица анхен. — Но что-то приближается. Что-то очень плохое. Ты должна сказать им!

От ее слов у меня буквально волосы зашевелились, и, не раздумывая, я вскочила и заорала что было сил:

— Всем быть готовыми! На нас собираются напасть!

В и без того тихом лагере воцарилась вообще полное безмолвие. Мужчины поднялись и уставились отовсюду на меня как на чокнутую, а анхен, тихо заскулив, сжалась в комок у моих ног.

— Эдна, ты в своем уме? — раздался наконец насмешливый голос Сандалфа, но едва он это произнес, вокруг наступил реальный ад.

Сначала совсем рядом раздался свирепый рев, пробирающий до мозга костей, и я откуда-то знала, что это Грегордиан. За ним последовал ужасающий звук бешено сшибающихся огромных тел и ответный животный вопль.

— Ноггл! — закричал кто-то, и воины повыхватывали оружие, подбегая ближе и беря нас с анхен в кольцо.

Но потом я из-за их спин различила движение и услышала треск. Причем отовсюду сразу. Такое чувство, что сама темнота хищно подбиралась к нам, готовясь атаковать со всех сторон.

— Стая! — Хоуг произнес это казалось бы спокойно, но меня от полного отсутствия эмоций реально заколотило так, что зубы залязгали. — Ложитесь на землю, Эдна, Сояла. Что бы ни происходило, не двигайтесь. Мертвыми ногглы брезгают.

Господи, он же не серьезно? Вокруг до зубов вооруженные здоровенные воины, разве есть шанс добраться до нас? Совсем близко раздался влажный мерзкий хруст и тот самый предсмертный вой, что мне уже случилось услышать однажды. Но в этот раз все было гораздо

страшнее. Потому что на этот отчаянный крик умирающего ответили десятки полных ярости и жажды мести голосов.

— Помоги нам Богиня! — пробормотал один из хийсов, выхватывая второй меч и принимая оборонительную стойку. — Нам не выстоять против стольких!

— Заткнись и дерись! — рявкнул Сандалф, и на место ночевки ураганом ворвался черный зверь Грегордиана. И тут же ногглы атаковали. Все и сразу.

Огромные, покрытые разноцветным мехом тела выпрыгивали из тьмы, врезаясь в воинов, и вскоре все вокруг было заполнено сражающимися. И тот хийс был прав. Тварей было слишком много. Все, что могла в этом безумстве делать я — это уворачиваться, перекатываться, прижимая к себе кричащую от страха анхен одной рукой и кинжал другой, и стараться не помешать своим же, просто попав под ноги. Невозможно было понять в диком месиве, лязге, истошных воплях и рычании, где Грегордиан, где Сандалф с Хоугом. Казалось, туши атакующих ногглов заполнили все вокруг. Прямо передо мной рухнул хийс и забился в конвульсиях. Его шея была практически полностью перекушена, а громадный серебристый монстр ударил в его грудь мощными передними лапами, добивая. Едва хийс затих, ноггл заметил и меня, замершую с затаенным дыханием. Он потянул воздух и, кажется, заколебался, стоит ли со мной возиться, резко дергая головой и следя боковым зрением за другими сражающимися. Я никогда в жизни не молилась. А в этот момент внутренне кричала, взывая любое существующее или придуманное божество отвести угрозу. Ноггл повел уродливой башкой и, похоже, уже решил выбрать более достойную цель. Длилось это всего несколько мгновений, а потом прижавшаяся ко мне анхен обернулась и увидела его. И закричала отчаянно и пронзительно. Ноггл прыгнул. В отчаянии я выставила перед собой руку с кинжалом, но тот лишь черкнул по оскаленной морде и оказался выбит силой прыжка чудовища. Взвывая в бешенстве, ноггл обрушился с еще большим остервенением. Первый укус пришелся на руку, которой я заслонила, повинуюсь инстинкту. Ослепительная неопишуемая боль пронзила запястье, и оно переломилось, как сухая ветка. Я заорала истошно, схватившись за него и свернувшись в клубок. А ноггл ударил лапой по моей спине, вспарывая одежду и кожу разом, и снова укусил. В этот раз он метился в живот, стремясь уже покончить со мной, вырвав кишки, но я так сжалась, что жуткие зубищи сомкнулись на бедре. Кричать больше не могла — не осталось ни воздуха, ни голоса. И только тогда ко мне пришла помощь. Едва уловимым росчерком черное сплетение мускулов и силы влетело сбоку в тушу ноггла, опрокидывая, сцепляясь, подминая его и оставляя бездыханным. Если и раньше зверь Грегордиана был в ярости, то теперь для описания его неистовства на поле боя у меня не было слова. Он буквально выкашивал противников, не замечая, что иногда достается и своим. Я же теперь только и могла, что, лежа на земле, отстраненно наблюдать за ним, зажимая рану на бедре, из которой кровь буквально хлестала, и захлебываться слезами, оплакивая себя и все то, что уже не случилось со мной в этой жизни. Но несколько минут спустя слабость и с ней облегчение захватили меня. Стало как-то абсолютно безразлично. Ни страха, ни сожаления, ни боли. Не имело значения, что анхен кричала пронзительно, призывая хоть кого-то помочь. Я не великий знаток анатомии, но понять, что монстр порвал мне бедренную артерию, могла. Я не выживу. И чем дальше, тем меньше эта мысль занимала мой стремительно уплывающий в дурманящее состояние мозг. Последним, что я видела, было окровавленное лицо склонившегося надо мной Грегордиана

— У тебя нет права умереть! Я не позволяю! — донесся его голос откуда-то с другого конца вселенной. Ага, мы это уже как-то проходили, подумала я и, закрыв глаза, показала ему средний палец.

Конец первой книги

Глоссарий

Внимание!

В данном глоссарии даются разъяснения по значению некоторых слов, названий видов и рас героев в тексте. Любое несоответствие моей трактовки или описания с существующим в других источниках совершенно несущественно и тыкать мне в них не стоит. Я могу взять за основу что угодно и делать из этого что мне вздумается. Мои книги — мои миры, а значит все по моим правилам. А желающим подискутировать на тему какими способностями должны-не должны обладать те или иные существа, хочу напомнить — это ФЭНТАЗИ! А значит, выдумка от начала и до конца, и настаивать на том, что придуманные создания ДОЛЖНЫ следовать неким стереотипам поведения, в то время когда их в принципе не существует в природе СМЕШНО! В процессе написания книги будет расти и глоссарий. Ладно, поехали.

Фейри — У меня в «Подмене» это абсолютно все существа и порождения мира Старших. Можно ведь сказать «земляне» и подразумевать под этим нас людей, а можно любое существо от бактерии до слона, и это тоже будет верно. Так что тут, «фейри» это любое создание, рожденное за Завесой, не важно, человекообразные это виды, любых размеров и цветов, бестелесные, типа, бродячих огоньков и древесных духов или животные, которые так же могут обладать разумом и сверхъестественными способностями.

Старшие — фейри, по их собственным утверждениям, являются существами гораздо более древними и могущественными, чем люди, которых они именуют в тексте Младшими, вкладывая в это понятие обобщенное, и в большой степени уничижительное значение, нежели просто разный возраст цивилизаций.

Завеса — мистическая преграда, барьер между двумя мирами, который, в первую очередь, рассчитан на то, чтобы люди не могли случайно или намерено попадать в мир Старших без их ведома. Для самих фейри Завеса легко проницаема.

Асраи — высшие фейри. Имеют постоянную человекообразную форму, исключительно красивую внешность и часто от рождения обладают силами эмпатов, телепатией и управления природными процессами.

Дини-ши — очень воинственный вид высших фейри. Фейри — воины и защитники. Имеют как человеческую форму, так и животную, в которой обладают просто чудовищной силой и способны в одиночку побеждать целые армии и орды.

Гоег — волшебник, чародей. Может принадлежать к любому виду высших фейри.

Оряк — низший демон, духовный паразит, питающийся низменными человеческими страстями.

Мяцкай — такой же паразитирующий демон, но более сильный и агрессивный, который толкает своего носителя на отвратительные поступки и очень быстро разрушает полностью и его душу, и физическое тело.

Голем — искусственно, то бишь магически созданное живое существо, лишённое души. Обычно големы очень недолговечны и умирают естественным образом очень быстро, не имея ни энергетической, ни духовной связи с окружающим миром.

Гианы — человекообразный вид фейри, имеющий, однако, весьма примитивный разум и потребности. Выглядят как высокие, необыкновенно прекрасные женщины, умеющие хорошо прясть и замечательно петь. Так как мужчины их вида в свое время вымерли, то они периодически делают набеги на поселения других видов фейри. Они соблазняют мужчин, а потом выпивают кровь и пожирают плоть. Четыре дня спустя рождаются их дочери, которые полностью наследуют кровь своих матерей и также становятся гианами.

Ноггл — не имеющие человеческого облика фейри, фейри-звери. Огромные плотоядные чудовища. Самцы ведут кочевой образ жизни, а вот самки оседают на определенной территории, куда и могут приманивать самцов и формировать небольшие семейные группы, стаи, способные буквально опустошить от всего живого окрестности.

Хийсы — демоноподобные, серокожие фейри условно относящиеся к высшим. Основное занятие мужчин-хийсов наниматься в личные воинства владельцев разных земель. Женские особи никогда не покидают родных поселений и образ их жизни скрыт от посторонних.

Фоеты — голубокожие, крылатые фейри. Фейри-частично птицы. Обладают легкомысленным, непоседливым характером и склонностью устраивать не всегда добрые шутки над окружающими. Родные места — горная местность.

Юда — огромное, полуразумное животное-фейри. Является весьма распространенным ездовым животным на сугубо добровольной основе.

Анхен — крошечные зеленокожие лесные фейри. Живут обособленными поселениями и занимаются сбором цветочных нитей особого растения — шелковина, из которого ткут великолепные ткани. Полные вегетарианцы, кроткие и не способные защитить себя.

Самовилы — вид фейри полукровок. Являются плодами любви асраи и некоторых других высших фейри. Считается, что девочки от таких связей бывают просто неотразимыми внешне, но всегда имеют какой-то скрытый порок.

Брауни, они же мамуры — сугубо домашние фейри средней формации. Никогда не строят своих поселений, и вся их жизнь проходит в услужении более сильным и могущественным расам. Идеальные слуги, управляющие, подсобные работники.